

Annotation

Все мы знаем, что Галлия была покорена стараниями военного и административного гения Цезаря, став главным форпостом Рима на Западе. Впрочем, что если я скажу вам, что история ТЕРПИТ сослагательное наклонение?

Глава 1. В память о...

Кельты — группа народов, распластавшаяся на территории от Иберии до Западной Украины. Возможно, многие представляют себе кельтов как некую абстрактную единую сущность, типичных варваров, однако в действительности они были весьма развитой цивилизацией — в частности, именно у них греки заимствовали длинные овальные щиты, так называемые туреосы.

Именно у кельтов, а если быть точнее, то у кельтиберов, римляне заимствовали сначала фалькату, а затем и приобретший статус исконно «римского» меча гладиус. Более того, именно у кельтов римляне заимствовали лорику хамагу, а если быть точнее, то технологию изготовления кольчужного доспеха.

Разумеется, в этом нет ничего плохого. Более того, это, вообще-то, отличное умение — быстро и качественно, с чисто рационализаторским подходом, усваивать преимущества твоего врага. Тут важно другое — кельты не обычные варвары в современном понимании этого слова. Да, это всё ещё лишь совокупность племён, выросшая на волне мощного греческого влияния, будто эхом доносящегося от греческих колоний на побережье Галлии.

Тем печальнее осознавать, что и эту весьма самобытную, в определённом смысле, нацию перемололи римляне... или всё же нет? Что бы произошло, если бы история повернула по немного другому пути?

**Альтернативная Российская Федерация, наши дни*:*

— Извините, но я больше в Россию ни ногой! — мужчина, одетый в красную куртку, под которой была футболка от только что закрывшегося Юникло, что-то кричал в телефон.

— Ну и что ты там будешь делать, а? Ты думаешь, что кому-то нужен там, на Западе? Да кто же тебя там примет?! Да ты там на положении остарбайтера батрачить будешь за гроши, вот увидишь! — отвечал ему женский голос. Очевидно, его источником была женщина старшего возраста. И да, это понятно не только по содержанию её речи, намекавшей на явные проблемы с головой и, возможно, даже маразм, но и по тону, с которым произносились эти слова — как не трудно понять, это явно был тон, с которым разговаривают раздражённые и расстроенные матери...

— *Щелчок*, — раздражённый постоянными звонками от матери, мужчина досрочно завершил очередной сеанс бокса по телефону, после чего аккуратно взглянул на свой загранпаспорт и два билета на рейс «Москва-Ош». К сожалению, сейчас это был самый дешёвый билет из всех, что были среди доступных вариантов, но мужчина, как ни странно, не унывал — в его глазах читалось лишь облегчение, а подкосившиеся ноги лишь подтверждали это.

— Что, Артём, доконала тебя твоя мать? — разумеется, от дружественных подшучиваний супруги его никто не освобождал. Впрочем, чья бы корова мычала — у этой дамочки телефон обоих родителей заблокирован ещё со вчерашнего дня.

— Ты даже не представляешь! Я понимаю, что так она проявляет свою заботу обо мне, но она действительно дура, если думает, что я, после покупки-то двух билетов на рейс в экономе классе, который ещё и нельзя вернуть, откажусь от своей затеи, — к сожалению, на эдакий подкол «Артём» никак не отреагировал. Впрочем, ничего необычного — у этого индивида давно уже развилась толерантность к подобным средствам.

— Отступать уже поздно — через 10 минут посадка на самолёт, и я бы уж точно не

отказалась от поездки на двоих в Киргизию на твоём месте. Тем более, что она нам обошлась в 45 тысяч за одни только билеты, да и наши, наверное, уже давно заждались нас в гостинице — не можем же мы бросить этих балбесов одних на чужбине, верно? — крепко взяв своего мужа за руки, женщина улыбнулась ему, хотя по щекам лились слёзы — это были слёзы горя и отчаяния. Впрочем, пути назад уже не было — за свою жизнь они столько всего гадкого написали о царе царей, да и в стольких митингах участвовали, что уже на следующий день со дня вступления нового закона в силу их вместе повяжут. Разумеется, сразу же после этого их заочно приговорят к пожизненному, и отправят гостить по разным концлагерям нашей необъятной, и так до конца их дней, и плевать, что закон обратной силы не имеет.

— Разумеется! Если мы их двоих там оставим, то они уже через полчаса заблудятся на первом же повороте из гостиницы и угодят к местным полицаям, — естественно, у мужчины психоэмоциональное состояние было не лучше. Он покидал свою родину и отчизну, признаваясь перед всем миром и, прежде всего, перед самим собой, в собственной беспомощности и полном бессилии. Более того — он покидает свой дом, оставляя в стране полного беззакония собственную семью, прекрасно осознавая то, что её всё устраивает. Его щёки горели красным, как помидоры, разбухшие от слёз, а руки едва не срывались на неконтрольную дрожь от злости, гнева и всех прочих эмоций, захлестнувших его разум в последние недели. Тем не менее, он всё ещё как-то находил в себе силы улыбнуться той, кого любил и всегда будет любить, прямо до самого гроба, пока смерть не разлучит их, прямо как он ей и обещал на свадебном алтаре.

— Как думаешь, надолго это? — внезапно женщина задала своему супругу вопрос, ответ на который она уже знала.

— Не знаю, Танюша, не знаю. Я надеюсь на лучшее, но, скорее всего, даже наши внуки не видят конца этому... — будто заглываясь в собственных эмоциях, Артём едва выговорил эти слова, давшие ему столь тяжело, и больше не говорил — между Таней и Артёмом будто бы возник барьер, и они чувствовали, что не могут говорить друг с другом. Камень на их душе был слишком велик, и они, будто Сизиф, не могли превозмочь его — да и, по сути, не старались, так что каждый из них просто погрузился в свои думы.

Так, собственно, и прошло всё оставшееся до посадки время — в гробовой тишине, пускай сам аэропорт и полнился самыми разными людьми, и в нём было так шумно, будто бы они попали на детскую вечеринку в торгово-развлекательном центре.

Разумеется, когда пришло время, их тихо и мирно посадили. Как обычно, в салоне нашёлся один маленький упырь, начавший визжать. Естественно, места у них были в конце ряда, из-за чего приходилось постоянно продираться сквозь тучи сонных ног каждый раз, как кому-нибудь нужно было в туалет.

К счастью, путь был не столь далёкий — всего 5 часов, чтобы долететь из Москвы в Ош. Ну и, конечно же, не обошлось без просмотра какого-нибудь отвратительного или попросту скучного фильма, который им пришлось смотреть, ведь они, несмотря на уже имеющийся опыт путешествий по воздуху, забыли свои беруши и маску для сна, ведь собирались в спешке — боялись, что опоздают на рейс. Да-да, они были из числа тех, кто купил билеты на вылет в тот же день. То есть, у них просто не было времени для подготовки...

Впрочем, какое это имеет значение, если произошло непоправимое? Знаете, есть один интересный факт — говорят, что количество обычных авиарейсов, приходящихся на всего одну авиакатастрофу, составляет порядка 23 миллионов рейсов в случае с западными

странами и 11 миллионов в среднем по миру. То есть, человеку понадобится порядка 25 тысяч лет, чтобы умереть на авиарейсе, если всё, что он будет делать — это постоянно летать самыми разными рейсами, ну, или порядка 50 тысяч лет в случае самых развитых стран. Мне, пожалуй, нечего добавить по этому поводу, но, полагаю, Артём и Таня оспорили бы это утверждение, воспользовавшись своим личным опытом... если бы могли, конечно.

– *Шипение огня* — оклемавшись от аварии, приключившейся с устаревшим боингом, Артём попытался встать, однако лишь обнаружил, что у него в боку торчит кусок металла.

— Т-т-таня..? — естественно, он уже порядком истёк кровью, да и черепно-мозговая травма давала о себе знать, так что он не сразу этого понял, но ему оторвало ногу... буквальн. Он продолжал истекать кровью, находясь на границе между жизнью и смертью, в то время как наступала ночь — и, уж будьте уверены, в пустынных землях Казахстана очень холодно по ночам. В общем-то, скорее всего Артём не выживет, даже если ему прямо сейчас окажутся всю необходимую медицинскую помощь. Впрочем, никто ему и не помог — в конце концов, он ведь оказался посреди огромного пустыря, кто бы ему здесь помог? Так что последним, что увидел Артём перед последним, окончательным сном — это как его супруга, Таня, пыталась с перебитым позвоночником добраться до своего мужа, чтобы спасти его, ну или хотя бы попроситься напоследок, однако всё, что она смогла — беспомощно закатив глаза заплакать, будучи не в силах даже дёрнуться.

Собственно, так и закончился земной путь этих двух балбесов, желавших себе и своим будущим детям лучшей жизни. К сожалению, на этом их страдания не закончились, ведь им предстояла судьба, которой никому нельзя пожелать — им предстояло переродиться в жестоком, глухом к мольбам, мире — Античной эпохе. Причём не в семье какого-нибудь римского патриция, разбогатевшего на незаконном присвоении общинных земель и ростовщичества или чего-нибудь подобного, хотя и не в семье какого-нибудь раба — нет, им была уготована судьба кельтских предводителей в самую суровую для кельтов эпоху — эпоху римского вторжения в Галлию...

Глава 2. Приложил так приложил!

Но, к счастью или нет, всё было не так уж плохо для наших героев...

— Ух, где я? — только что проснувшийся, Артём не понимал, что происходит. Он помнил, как промёрз до инея холодной казахстанской ночью, как его сознание постепенно утекало, прямо вместе с кровью, предательски быстро покидавшей его пределы, а потом — ничего... лишь пустота, и ничего больше.

— Ох, мой господин! — девушка, ещё недавно радостно напевавшая себе что-то под нос, внезапно закричала. Вероятнее всего, из-за увиденного — молодой господин, пребывавший в бессознательном состоянии на протяжении некоторого количества времени из-за лихорадки, словленной во время безрассудных зимних купаний в речке, внезапно очнулся, и заразу с него будто рукой сняло. Естественно, у девушки, пришедшей оказать определённый уход за своим больным господином, едва сердце не перехватило от этого, и она неосознанно выронила ведро воды с тряпкой, которой, видимо, собиралась протереть тело своего господина.

— Извините, вы кто? — впрочем, об этом всё не знал наш герой, едва ли успевший в этот короткий срок оклематься от недавно произошедшей с ним и его пассией трагедии.

— Ох, извините меня, мой господин! Меня зовут Эпона («Лошадь») — я одна из ваших рабынь, но вы можете называть меня, как обычно — «Мокк» («Свинья»), — девушка ярко улыбнулась перед тем, как пасть ниц перед своим господином. Затем, как это обычно у неё и бывало, она начала вылизывать до блеска потные, грязные и вонючие ноги своего господина, которого искренне, как воспитанная с детства рабыня, не знавшая ни чести, ни достоинства, ни гордости, любила, пускай и в весьма своеобразной форме. Пожалуй, исходя из этого, а также всё ещё видных, даже спустя целый месяц спокойствия, синяков, проступавших на её лице, можно было сделать уверенный вывод о том, что её хозяином был настоящий, ядрёный говнюк.

— Что ты делаешь?! Фу, отвали! — к счастью её или нет, здесь я вам не могу дать точный ответ, но её господин, как я полагаю, навсегда пропал, а на его место пришёл человек из современной эпохи, знакомый с понятием «рабство» разве что по шуточкам о том, что «рабочий» от слова «раб». Естественно, он, абсолютно незнакомый с местными традициями, верованиями и культурой в принципе, мог судить о происходящем только через призму своего современного мировосприятия, которое, разумеется, резко и жёстко отвергало любые извращения вроде подобного своеобразного фут фетишизма. К слову, практикуемого этой девушкой с таким изяществом, таким умением, будто бы она с самого детства отлизывала до блеска ноги своего господина. Впрочем, как бы странно это ни было, это вполне себе возможно. Тем не менее это никак её не оправдывало в глазах Артёма, внезапно очутившегося в незнакомом месте и в весьма нестандартной ситуации.

— Ах, Мокк больше не удовлетворяет господина? Простите меня! — тихонько, всхлипывая, пробубнила под себя девушка, опасаясь навлечь гнев господина своими дерзновенными речами.

— Нет-нет! Так! Остановись! Вот, вот-так! — орал на неё шокированный Артём наблюдая за тем, как девушка била своей головой о деревянный пол его, по всей видимости, жилища.

— Неужели недостаточно? Может, вы меня тогда принесёте в жертву? Пожалуй, я

только так могу заслужить ваше прощение! — впрочем, девушка, видимо, абсолютно отбившая себе все мозги за время своей жизни в качестве раба, то есть, за всю свою жизнь, совершенно не понимала просьб своего господина, которые он всё никак не мог сформулировать. В основном потому, естественно, что его знание кельтского было, условно говоря, врождённым — это тело другого языка не знало и, соответственно, привыкло именно к нему, однако сам Артём древнего кельтского, конечно же, не знал и знать не мог. Так что приходилось ему довольствоваться составлением предложения буквально на ходу, основываясь на постоянно всплывавших в его голове словах, значение которых он, впрочем, не понимал от слова совсем. Выглядело это, как не трудно догадаться, как абсолютная фантасмагория.

— Пожалуйста, хватит! — и, тем не менее, постепенно он сумел достучаться до глупенькой девушки, после чего она прекратила расшибать свою голову о пол в ожидании новых указаний. Примерно в то же самое время, впрочем, произошёл один из первых приступов — именно так, испытывая какие-то стрессовые ситуации, преодолевая боль и дискомфорт, Артём «возвращал» себе воспоминания прошлого тела, и это был первый раз, когда он заполучил доступ к воспоминаниям «своей» предыдущей личности. Разумеется, это было абсолютно безопасно, если не считать сильной головной боли и дискомфорта, сопровождавшегося ощущением, будто бы он «не в своей тарелке», скажем так. Новое тело ощущалось инородно, хотя и управлял он им так, будто бы оно принадлежало ему всю жизнь. Собственно, Артём просто отрубился, благо, что он всё ещё был в кровати, и у него, таким образом, было мягкое место, куда можно было бы «приземлиться». К слову, в этот раз он «вспомнил» своё имя — Мандубракий. Кроме того — и своё социальное положение, хотя определённые намёки клоунада с рабыней уже дала — сын вождя одного из галльских племён.

— ... — ну и, к слову, девушка, наконец-то, замолчала, причём непонятно — то ли от шока при виде того, как хозяина всего скорёжило в неестественную позу, то ли от его крика, предвещавшего избиение. Вдруг живая девушка, совсем недавно искрившаяся жизнеутверждающим оптимизмом, превратилась в скульптуру — она стянулась чуть ли не в калачик и вела себя исключительно тихо, и моментально побледнела, будто уже неживая.

— *Тяжёлое прерывистое дыхание*... пожалуйста... — так и не сумев вымолвить хотя бы двух слов, «господин» совершенно внезапно отрубился. Вероятно, это так реагировало его новое тело на новую душонку, хотя и утверждать наверняка нельзя.

— *Резкий, пронзительный крик* — юная девушка, увидев подобную картину, естественно, сразу же закричала, глаза заслезились, и всё же она взяла себя в руки — внезапно прервав свой ритуал нытья, она вскочила и побежала в сторону знахаря, оставшегося в доме по соседству на время лечения Мандубракия...

К слову, к тому моменту, когда она выбежала из комнаты, их громкий разговор уже привлёк чьё-то внимание, так что прямо на входе её словил охранник, выдав девке смачную оплеуху по замазлившейся роже. Ну, хоть копьём не полоснул, уже хорошо.

— Что ты тут делаешь?! — закричал девушке охранник, поваливший её своим мощным ударом кулаком. Разумеется, не без причины — он слышал ругань, звуки глухих ударов, а потом крик. Явное дело, что что-то недоброе задумала деваха! Ну и, разумеется, так как сразу же подросла и вся остальная охрана, окончательно повязавшая девушку, то ему открылась возможность осмотреть комнату получше. Видели бы вы его лицо, когда он увидал отрубившегося в неестественной позе Артёма, у которого ещё и пенкой шла слюна

изо рта — оно в секунду налилось кровью. Разумеется, охранник, разъярённый увиденным, с такой силой начал выбивать дурь из Мокк, что у неё харя моментально превратилась в кровавое месиво — губы лопнули, нос искосился, были видны множественные гематомы. Впрочем, его вовремя остановили сослуживцы, ка бы он не убил хозяйскую собственность, тем паче, что им ещё надо её допросить о том, что же она сделала с юным сыном вождя, и по чьему наущению.

... Спустя несколько дней, когда Артём снова очухался ...

— Чёрт возьми... ощущение такое, будто бы меня вдесятером избивали... — естественно, после нескольких дней отключки тело Мандубракия, то есть, Артёма, сильно затекло, так что ощущения были соответствующие, а тут ещё и резкая активизация мышечной деятельности... в общем-то, Артём уже весьма неплохо описал это ощущение. Впрочем, вряд ли бы он сказал что-то подобное, если бы знал, как сильно издевались над Мокк в это время — в один момент её буквально пинали вдесятером мужчины, пытаясь выбить нужные показания.

— Ох, кто у нас тут проснулся! Да это же мой племяш! Ну что как самочувствие? — с издёвкой обратился к Мандубракию, по всей видимости, один из его дядей. Эх, если бы Артём только мог вспомнить, как его зовут, но, увы, он только что узнал своё имя, что уж там говорить про родственников третьей очереди... ну и, наконец, вряд ли он хотел повторить свой недавний опыт «принятия» опыта и воспоминаний предыдущего владельца этого тельца.

— Здравствуйте, дорогой дядя. Что привело вас сюда? Неужели беспокойство за моё здоровье? Если так, то примите мою благодарность за беспокойство, — естественно, Артём, ничего не понимавший в текущей ситуации, попытался ответить в условно доброжелательной форме, считая, что это будет наиболее оптимальным решением.

— Ох, неужели? — Впрочем, по-видимому, это не особенно сильно помогло, потому что «дядя» в ответ на это лишь нахмурился.

— Извините? — чего, естественно, Артём совершенно не ожидал, так как рассчитывал на успех применённого им приёма.

— Да так... вижу, ты и вправду изменился, племяш. Раньше бы ты, наверное, выдал что-нибудь из разряда «вали отсюда, мерзкий старик», но, по всей видимости, твой длительный «сон» весьма положительно сказался на твоих манерах — небось, сам Эзус тебе помог освоить сие ремесло, пока ты находился в его распоряжении... — собственно, теперь Артёму стала понятна и сама причина подобного поведения. По всей видимости, предыдущий владелец тела и вправду был тем ещё куском дерьма, и людей явно настораживало то, как Артём себя вёл в их присутствии. Вероятно, они ожидали чего-то вроде «Эй ты, кусок дерьма», а не «Примите мою благодарность за беспокойство», но, увы, им придётся привыкнуть к новому внутреннему обличью Мандубракия...

Глава 3. Банные процедуры

— Извините, если я вас разочаровал, дорогой дядя, — ухмыляясь, Артём высказал весьма забавную вещь. Вряд ли бы его кто-то осудил за подобное «изменение» в характере, тем более после такой тяжёлой лихорадки (тут необходимо пояснить, что подобные болезни действительно могут оставить свой «след» на человеке, в том числе и на его личности). Впрочем, шутка вышла отменная — его «дорогой дядя» вдоволь отсмеялся!

— Вижу, у тебя и чувство юмора появилось! Отлично-отлично! Кстати, это... я ж сюда не просто так пришёл — видишь ли, твой отец недавно ушёл в поход, а меня тут оставил, чтобы я приглядел за тобой. Как-никак, тебя ведь недавно пытались убить! — внезапно, сам того не ведая, «дядя» Артёма раскрыл важную весть — оказывается, пока он спал в отключке, на него кто-то совершил покушение!

— Пытались убить? Меня кто-то пытался убить, пока я был в отключке? — разумеется, Артём был в полном недоумении, его внезапно охватили дрожь и страх — как-никак, пытались убить ведь...

— Да, было дело — одна сумасшедшая рабыня по какой-то причине пыталась грохнуть тебя. Когда охранники подоспели на крики из твоей комнаты, то обнаружили её и тебя, в странной позе, да брызжущего слюной, стекавшей пенкой к полу, — естественно, «дядя» Артёма понял его любопытство, и потому без особых проблем удовлетворил его. Тем более, что он сам и занимался расследованием этого престранного дела... которое, впрочем, пока что особо не продвигалось, потому что лицо, на жизнь которого и произошло покушение, находится в отключке, а главный обвиняемый и вовсе нуждается в срочной медицинской помощи после одного из сеансов допроса... хотя, не будем о плохом.

— Речь, случаем, идёт не о рабыне по имени Мокк? Она как раз была со мной, когда я отключился, — внезапно, свою лепту в расследование, причём внушительную, внёс сам Артём, то самое лицо, жизнь которого подвергли смертельной опасности (по крайней мере, по основной версии «следствия»).

— Уж не знаю, как звали ту рабыню; я имена рабов не запоминаю, но если ты так говоришь, то это серьёзно меняет дело... — ошеломлённый новыми фактами, «дядя» внезапно призадумался, и после нескольких минут тихих раздумий ушёл из комнаты. Вероятно, он построил у себя в голове всю картину произошедшего, и теперь ему необходимо было разобраться со сложившейся ситуацией.

— Мда... а он весьма «вежлив» — взял и оставил меня одного в комнате... — разумеется, подобное поведение не слишком сильно понравилось Артёму, ведь он почувствовал себя в этот момент использованным презервативом, который кинули прочь без сомнений после того, как он стал не нужен. Естественно, это было бредом сивой кобылы — наверняка этот статный мужчина с рыжей бородой, на которой едва проступала седина, отправился делать важные дела, и Артём будет в этом случае неправ. И, всё же, осадочек остался, ведь самозванный «дядя» даже не удосужился попрощаться с ним должным образом. Ну и, естественно, пока Артём бугуртел в своей голове, вошли двое слуг...

— Господин? — увидев нахмуренного Артёма, они уж было испугались, что уже сделали что-то не так, и сейчас им прилетит таких же тумачков, какие уже прилетели Мокк. К слову, о том, как работают слухи — так как ни рабам, ни кому-либо ещё не сообщалось о том, почему и за что так отметили Мокк (держите в уме, что из её лица сделали смачную

такую отбивную), то среди них распространился слух, что это её так отдубасил недавно проснувшийся господин. Тем более, что это было в его характере — проявлять необузданную жестокость по отношению к тем, кто не даст сдачи. В общем, типичнейший биомусор. От него, собственно, только такое поведение и можно было ожидать.

— ? — однако, как ни странно, Артём был, несмотря на хмурость и бугурт, лишь набиравший обороты в его голове, вполне спокоен, и уж точно не собирался устраивать им Ад и Израиль наяву.

— Извините, что побеспокоили вас, юный господин! Нас прислал к вам ваш уважаемый дядя, господин Эпоредорикс! Он пожелал, чтобы мы помогли вам с приготовлениями, но если вы против этого, то мы, конечно же, незамедлительно покинем вас и впредь не будем докучать, — Артём же, как дурак, стоял и пялился на двух рабов, раболепно преклонивших свою голову. Всё, что его в данный момент волновало — это просто невыносимое чувство стыда за то, что он уже тысячу раз, наверное, казнил в своей голове дядюшку, в то время как он действительно позаботился о нём, направив к своему племяннику рабов в помощь.

— Ах, да... мне бы помыться. Можете приготовить мне ванну? — Впрочем, недолго он казнил себя — всего лишь взял на заметку, что не стоит делать поспешные выводы о других людях.

— Как вам будет угодно, господин! — вздохнув с облегчением, рабы моментально убрались из комнаты, и Артём снова остался один...

— Да уж... голова всё ещё раскаляется после того случая... — Артём, сетуя на скуку, попытался встать, однако быстро потерял равновесие и снова упал. На этот раз, к счастью — на пятую точку. Больно, да, но это явно не худшее из того, что могло случиться. С другой стороны — теперь Артём вспомнил, что это новое для него тело и ему придётся ещё очень долго его примерять на себе, прежде чем он наконец-то к нему привыкнет. Как-никак, некоторые люди и за десятилетия своей жизни не овладевают своим телом в совершенстве, а он и вовсе буквально недавно очутился в нём...

— Ёпрст... надеюсь, я не отбил себе копчик... — да и, кроме того, это не просто тело случайного человека, а истощённое длительной комой тело случайного человека — критическое невезение. Очевидно, так просто встать после почти целого месяца почти непрерывного лежания на кровати весьма проблематично — «его» мышцы успели частично атрофироваться, и было не так-то просто управлять этим телом, даже несмотря на его особые обстоятельства, так как оно было банально не готово к возобновлению активной физической деятельности опорно-двигательного аппарата...

— Кожа до кости... — худощавость же его нового тельца (как показывает практика, люди во время комы, даже если проводить специальные массажи, очень быстро «сохнут» из-за гипертрофии мышц), замеченная им во время короткого осмотра тела, лишь подтвердила бывшие у него опасения — он явно провёл в кровати не один день. Тогда же он, собственно, вспомнил о Мокк — скорее всего, ей приходилось в одиночку ухаживать за ним, и если бы не её усилия, то Мандубракий бы просто не дожил до этого момента. Он ей, по сути, обязан своей жизнью, если так вообще можно выразиться в данном случае, а из-за него ей наверняка сильно перепало. Таким вот нехитрым образом, совершенно неожиданно, он ощутил свою неизгладимую вину перед девушкой. И, если он хочет вернуть себе своё душевное спокойствие, ему стоило бы озаботиться обеспечением достойной награды за труд и компенсации за причинённый ущерб...

... Спустя некоторое время ...

— Ванна готова, юный господин! — впрочем, внезапные переживания Артёма были прерваны столь же внезапным вторжением слуг, наконец-то закончивших приготовление ванны. Они потратили на это действительно много времени, и, судя по их улыбке, они были довольны своей работой, а раз уж речь шла про ванную для главного ублюдка всея оппидума, то их широкая улыбка могла означать только одно — они действительно потрудились на славу.

— Интересно... — ну и, соответственно, они без доли сомнения проводили его в банное помещение, где уже были приготовлены все необходимые банные принадлежности — скребок, гребень, мыло и многие другие. Посреди крупного помещения стояла крупная дубовая бочка, обитая тремя или четырьмя металлическими полосами. Вода в ней, как ни странно — была тёплая, но скорее ближе к горячей...

— Ну же, ну же, господин! Стынет ведь! — впрочем, не дали нашему Артёму полюбоваться дубовой ванной — как-никак, вода быстро стынет, и нужно успеть помыться, а иначе придётся повторять длительную процедуру подготовки горячей воды. Как не трудно догадаться, весьма проблематично, когда нет центральной отопительной системы или чего-то вроде этого, чтобы можно было просто повернуть краник и наслаждаться наполнением ванны.

— Ладно-ладно... — так что, особенно не сопротивляясь указаниям слуг, Артём аккуратно вошёл по небольшой передвижной лесенке в ванну, и тут же нырнул в воду — видать, парень совсем соскучился по горячим ваннам. Ну и, разумеется, прежде чем у его слуг появился бы повод для беспокойства, он вынырнул обратно из-под воды, и, наконец-то, приступил к банным процедурам.

... Спустя примерно час...

— Чувствуя себя так, будто заново родился... — разумеется, ему понравилось обслуживание по высшему классу — ему даже ничего не пришлось делать. Рабы тщательно, но особенно осторожно и нежно (видимо, опасаясь недовольства господина в случае какой-то ошибки), отмыли его при помощи мыла (жёсткого мыла из золы приморских растений, то есть, содосодержащего мыла, впоследствии Гален назовёт его галльским) и скребка — да-да, ему буквально скребли кожу, чтобы очистить её от грязи. Вначале в его тело, естественно, активно втирали само мыло, и уже после этого важного шага слуги скребком удаляли мыльную массу с поверхности тела. Конечно же, это не так эффективно и удобно, как современный гель для душа и крутецкая мочалка из люфы, но всё же неплохой и достаточно действенный способ заботиться о гигиене тела, если опустить тот факт, что это крайне неприятная процедура.

— Большое спасибо за ваши слова, господин! Ну, а теперь давайте оденем вас — чего Артём не понял, так это того, что ему будут помогать с надеванием одежды. Вообще, не то чтобы в кельтской культуре была широко распространена практика подобной помощи с одеванием, пускай и со стороны слуг — как правило, все одевались самостоятельно, ведь в этом не было ничего сложного, но в этом конкретном случае им необходимо было ему помочь. Причина — сомнение в его силах. Слуги явно не хотели, чтобы он навредил себе при попытке просто одеться. Поэтому, недолго думая, они принялись помогать ему и с этим делом. И этого Артём, продукт современной эпохи, совершенно точно не ожидал...

Глава 4. Несколько слов о кельтской одежде

— Подождите-подождите! Вы чего творите?! — на мгновение, вспомнив свой горький опыт, рабы даже остановились, однако вскоре они почувствовали, что бояться нет причины — у самого господина и так тряслись поджилки от одной только мысли о совершаемом им «преступлении», и, будто хищники, они тут же воспользовались этой слабостью господина...

— Извините, но ваш уважаемый дядя, господин Эпоредорикс, также наказал нас одеть вас, да привести вашу внешность в какой-никакой порядок. Да и вы, юный господин, наверняка устали после ванны, так что наша помощь вам может пригодиться, — впрочем, они всё же подстраховались на всякий случай.

— ... — и это, как ни странно, помогло. Артём молча стерпел подобное унижение, потому что очень скоро понял, что самостоятельно он не сможет надеть это, потому что банально не знает как. Так что, быстро поняв отсутствие самой концепции типичных современных трусов у кельтов этой эпохи, он, пускай и не без сожаления, всё же надел шерстяные штаны на голую задницу...

— Вот, проденьте здесь! — у кельтов, кстати, они были более длинными и широкими, чем у германцев, несмотря на более тёплые условия, а кроме того составными — то есть, состояли из нескольких частей, сделанных из шерсти саржевого плетения. Фиксировались эти штаны, в основном, поясом, который также являлся и символом статуса, поэтому не удивляйтесь тому, что у Артёма был красивый кожаный пояс, которым он подпоясывал штаны.

— А второй то зачем? — к слову, большинство кельтов носило рубахи... также шерстяные. По той простой причине, что лён был у них не особо распространён (вообще, основное предположение состоит в том, что лён происходит из Восточного Средиземноморья, и вполне возможно, что он у них не особенно распространён по этой причине), а в связи с импортным его характером был и вовсе доступен лишь богатым. К счастью или нет, наш парнишка был именно таким — он был представителем одного из богатейших родов арвернов. И именно поэтому он, соответствуя культурным соображениям своей эпохи, вынужден был надеть льняную рубаху — чтобы показать свой статус. Да-да, верите или нет, но для кельтов эксплуатация большей части населения, и не важно, было ли оно им родным (на некоторых территориях, вроде Богемии или Галатии, кельты составляли лишь господствующий слой). Для них содержание общественных масс в буквально нищете было нормальным, если речь шла о роскоши для себя (кого-то мне это напоминает, если честно)...

— Ну, один, чтобы бражки держать, другой — чтобы на него ножны прикрепить, да и вещь статусная, как-никак. Неужели вы и это забыли, юный господин? — кстати, да, знатные кельты, и особенно знатные воины, носили сразу два пояса — один для штанов (кстати, название брюк происходит от кельтского названия для штанов — «бражки», они же braccae), а другой — для ножен. Первый, как уже упоминалось ранее, продевали через специальные отверстия для пояса, и он держал штаны, в то время как второй, значительно более богато отделанный и металлический (в данном случае — бронзовый), одевали поверх рубахи, после чего на него крепили ножны для меча.

— Зачем мне пояс для ножен, если меча с собой нет? — к слову, как правило, меч у

кельтов в этот период был длиною не менее 80 сантиметров (некоторые из образцов достигали даже 90 сантиметров) и весил около 1,05 килограмм. Кончик его лезвия, как правило, был скруглённым, а само лезвие являлось обоюдоострым (то есть, меч предназначался для преимущественно рубящих ударов). Впрочем, меча, как сам же Артём и сказал, в данный момент у него не было — ему его ещё попросту не вернули, да и толку ему от него, если в данный момент он не лучше задохлика?

— Мой господин, простите за дерзость, но вам ведь теперь нужно заново привыкать ко всему, потому что вы слишком долго пребывали в царстве снов, — в общем-то, это была чистая правда — но, к счастью, перед ними находился здоровый парень в самом расцвете сил. Не покалеченный, не инвалид, а полностью здоровый, несмотря на недавнюю лихорадку, и готовый к любым испытаниям, парень, внутри которого сидел взрослый мужчина, обладающий немалым опытом и знаниями, накопленными за столь долгую жизнь...

— Я знаю, и именно поэтому я уже сегодня начну упражняться — чтобы не терять впустую время, — и поэтому, собственно говоря, у него были все шансы вернуть его утраченное красивое, крепкое и мускулистое мужское тело, готовое сворачивать горы.

— Извините меня за мою дерзость, господин, но не лучше ли будет сначала добить хворь, и уже потом приступать к военным тренировкам? — как был прав и раб, предлагавший Артёму сначала полностью восстановиться, и уже после этого приступать к чему-то настолько сложному, комплексному и затратному. Однако Артём уже настроился и отступить не мог — это был его принцип в отношении любых тренировок, благодаря которому он добился всех своих успехов. И от него он, разумеется, не собирался отказываться, даже если здравый смысл подсказывал обратное, потому что негативные последствия от отказа, особенно касающиеся его воли к тренировкам, будут страшнее любой хвори.

— Как пожелаете, мой господин, — ну, а раб так и не решился хотя бы попытаться обсудить эту тему со своим хозяином получше, увидев ярую решимость в его глазах.

— Так-то лучше, — чему он был безмерно рад. К слову, к тому моменту рабы уже практически закончили своё дело — Артёму оставалось только выбрать подходящий ему плащ, а также фибулу для его закрепления.

— Какой цвет вам больше нравится? Вам хочется что-нибудь потеплее или что-то обычное? — собственно, этот момент как раз и наступил. Как ни странно, Артём выбрал плащ потеплее, потому что зима, хотя и отступала под натиском весны, всё ещё была сильна.

— У вас прекрасный вкус, молодой господин! Синий будет отлично смотреться на вас! — так что, выбрав просторный синий шерстяной плащ в виде прямоугольника 168*236 см из шерстяной ткани, края которой выплетали на дощечках, используя вместо уточной нити основы плаща (затем полотно ткали на станке), он надел его без какого-либо сомнения. Естественно, не без помощи рабов, объяснивших ему, что при надевании подобного плаща от края короткой стороны отступают некоторое место (40–50 см), после чего ткань необходимо согнуть и концы линии сгиба сколоть фибулой, причём на правом плече. Получившийся же отворот, если верить слугам, можно было бы использовать в качестве капюшона.

— И как этот плащ одеть-то? — естественно, не без помощи рабов, объяснивших ему, что при надевании подобного плаща от края короткой стороны отступают некоторое место (40–50 см), после чего ткань необходимо согнуть и концы линии сгиба сколоть фибулой,

причём на правом плече. Получившийся же отворот, если верить слугам, можно было бы использовать в качестве капюшона.

— Ну и, наконец-то, обувь! — как ни странно, обувь тоже нужно было найти максимально подходящую себе.

— Мне вот «эти» пожалуйста, — ну и, чего уж тут гадать, Артём сразу же захотел себе кожаную обувь с подошвой, и его можно понять — это выглядит хотя бы не настолько убого, как отвратительные поршни (если что, речь идёт про закрытые кожаные башмаки). Жаль, что получил он не совсем то, чего ожидал, хотя и этот вариант ему был милее, чем остальные. Ну, собственно, из названия всё, итак, вполне понятно — это закрытая кожаная обувь наподобие римских калцей, у которой была довольно прочная подошва, прибитая несколькими сапожными гвоздями. Естественно, их носили, как правило, с носком, ибо в Галлии не то чтобы особенно тепло.

— Господин, извините за дерзость, но вам точно будет удобно носить подобную обувь? — ещё раз спросили его рабы.

— Да, — но всё бестолку — ну, раз уж парень так хочет их, то пусть получит. Чем бы дитя ни тешилось, как говорится.

— Ну, вот и всё! Чего-нибудь ещё желаете, юный господин? — наконец, перед самым прощением, они спросили у Артёма, нужно ли ему что-нибудь ещё.

— Знаете, я был бы очень даже рад прогуляться на свежем воздухе — полагаю, я имею на это право? — и, разумеется, Артём тут же этим воспользовался, заодно найдя способ и причину протестировать новую одежду на предмет удобства и надёжности.

— Отлично! Куда пожелаете, юный господин? — в то время как рабам оставалось лишь смириться с тем фактом, что он отнимет у них ещё один час на свои прихоти. Ну что же — в жизни всякое случается, как говорят.

— Хм... да было бы неплохо просто прогуляться по округе, посмотреть местные достопримечательности... ну, или что-то вроде этого — тихо пробурчал себе под нос «великий и могучий» Артём, не желая быть засмеянным ещё и за то, что он «не помнит» даже места, где родился.

— Ну, раз это то, чего вы желаете, то мы с радостью покажем вам местность, — впрочем, ничего подобного не произошло, потому что от него никто и не ожидал того, что он вспомнит местные достопримечательности, раз уж он с взглядом шокированного ребёнка смотрит даже на такие простецкие вещи, как плащ или скребок.

— Прекрасно! Ну, тогда не будем терять время и сразу же пойдём на прогулку! — чему он, безусловно, был безмерно рад...

Глава 5. Спектакль по-галльски

— Итак, это ваш дом, юный господин, — произнёс раб, не указывая при этом на какое-то определённое место. Он лишь развёл руками в обе стороны, будто пытаясь охватить как можно больше пространства в ширину — так он ясно дал понять Артёму, что его дом не какое-то отдельное и небольшое строение, а вся вилла целиком...

— И всё же, сплю то я в этом доме, если я не ошибаюсь, — да-да, всё гораздо круче — домом Артёму выступала большая аристократическая вилла, центром которой было значительное прямоугольное жилище, построенное на сухой каменной кладке (то есть, без раствора). Оно было действительно крупным, и, в отличие от обычных кельтских поселений, где, как правило, было лишь одно помещение, здесь было несколько комнат, отведённых под разные цели.

— Да, всё верно! — к слову, немного о внутреннем устройстве жилища. Во-первых, была главная комната — здесь располагалась ниша для очага, отапливавшего весь дом. Кроме того, именно здесь готовили пищу, а также употребляли её. Здесь же располагалась дружина царя (хотя в данный момент она отсутствовала), здесь же занимали своё законное место барды и прочие артисты, прославлявшие подвиги вождя. В общем-то, это было что-то вроде царского чертога — и не обманывайтесь тем, что он не столь впечатлителен, как римские Колизей, Пантеон или Большой Цирк, ведь это действительно место, внушающее всем силу и богатство царя арвернов. Даже несмотря на то, что у кельтов жилища, в отличие от тех же римлян, не были главным показателем богатства и мощи.

— Ну, а есть что-нибудь ещё, кроме жилища в центре? — задал Артём свой невинный вопрос, явно не ожидая услышать следующее:

— Здесь есть мастерская кузнеца, отвечающего за снаряжение дружины и инструменты. Также на территории поместья есть мастерская гончара, отвечающего за изготовление глиняных сосудов на продажу. Кроме того, на территории виллы есть также мастерская плотника, отвечающего за изготовление бочок. Здесь также есть мастерская стеклодува, а также жилища тех, кто обрабатывает землю. Также, здесь есть хлев для скота и конюшня. В общем-то, всё, что нужно для хорошей жизни, господин, — и вправду, аристократические виллы, даже расположенные в черте оппидума, вовсе не были стеснены в размерах. Даже несмотря на то, что одна из главных функций оппидума во время войны — вместить как можно больше населения с округи и предоставить ему защиту, что само по себе подразумевает то, что целой куче народа придётся тесниться в пускай и крупном, но не резиновом оппидуме. Впрочем, это не касается племенной аристократии, что вполне логично, учитывая фактическое всемогущество этой социальной группы.

— Если честно, то я не ожидал подобных размахов, — эх, очередная жертва стереотипов о кельтах. Жаль, что он не знает о том, что Галлия была одним из самых богатых регионов своего времени. Жаль, что он не знает о том, что галльские ремесленники — одни из самых прославленных металлургов античного мира, известные ювелиры, стеклодувы и мастера по обработке металла. Впрочем — ему же хуже.

— Не стоит прибедняться, мой господин! В Галлии нет никого богаче вас! — полуправда и лукавство. Действительно, род Мандубракия, то есть, Артёма — один из самых богатых в Галлии. Арверны — одно из самых многочисленных, могущественных и богатых галльских племён. Впрочем, как говорится — на каждую крупную рыбку найдётся рыбка

покрупнее. В случае арвернов это были эдуи — племенная конфедерация эдуев включала в себя мандуиев, авлерков, битуригов-кубов, сенонов, паризиев и белловаков. Кроме того, в подчинённом положении у них находились сегусиавы и амбарри. По сути, эдуи незадолго до вторжения римлян были буквально сильнейшим и богатейшим племенем в Галлии, и соперничать с ними могли только арверны и секваны.

— В любом случае — может, всё-таки выйдем за пределывиллы? Ну, посмотреть город там... — неуверенный в своём решении, Артём жался, но напрасно:

— Да, конечно, мой господин! — никто не смел ему перечить. Для этих рабов он царь и бог, и нет среди них таких дураков, что стали бы препираться с ним из-за простой прогулки. Так что, естественно, они без сомнения согласились.

— Отлично! — впрочем, Артём всё же рано начал радоваться — никто не говорил, что другой, более могущественный царь и бог, не будет против этого...

— Ох, так вот ты где, мой дорогой племянник! Куда же ты собрался, Мандубракий? — конечно же, припёрся «дядя» Артёма, господин Эпоредорикс. К слову, хотя ранее и было упомянуто, что Эпоредорикса оставил на правах управляющего отец Мандубракия, вождь племени — это не совсем так. Эпоредорикс — один из членов совета старейшин арвернов, обладающий внушительной клиентелой. То есть, он аккумулировал в своих руках все те небольшие доли власти, которые принадлежали каждому из своих клиентов, а так как их тысячи, и рассеяны они по всей Галлии, то обладает он, по сути, просто немислимой властью. К счастью для Мандубракия, эту власть он употребляет на благо семьи, а не для удовлетворения собственных амбиций. По крайней мере, пока что...

— Приветствую вас, дорогой дядя! Простите, если я утруднил вас поисками моей особы. Итак, чем я могу быть вам полезен? — как всегда, Артёму не отказаться в приличии и манерах.

— Надеюсь, ты готов свидетельствовать по делу о покушении на тебя? — наконец-то, Артёму задали главный вопрос, давно напрашивавшийся и ожидаемый...

— В смысле? Было покушение на мою жизнь? — но, разумеется, Артём в тот момент ещё не понимал, к чему и для чего всё это. Он был глуп и наивен...

— Да, — впрочем, возвращаясь к теме, стоит отметить, что Эпоредорикс заявил о покушении на Мандубракия, то есть, Артёма, так, как будто бы лично участвовал при этом.

— Эм... ну, хорошо..? — естественно, его уверенность так поразила Артёма, что тот уже подумал, что это речь идёт о суде над тем, кто «убил» первоначального Мандубракия.

— Вот и отлично — жду тебя через час в резиденции верховного судьи! — заявил Артёму с невинной улыбкой Эпоредорикс, уже расставивший свои ловушки.

... Резиденция верховного судьи племени. Спустя час ...

— Добро пожаловать на суд, дорогой Мандубракий! — спустя час, как и было оговорено, Эпоредорикс встретился со своим племянником, Мандубракием, прямо перед разбирательством по поводу недавнего покушения на фигуру Мандубракия, чтобы обсудить некоторые вопросы.

— Неужели это и есть резиденция верховного судьи? Как по мне, это не такое уж и величественное здание, — удивлённый внутренним убранством резиденции верховного судьи, Артём совершенно не заметил, что к нему обратился дядя, чем явно расстроил его, хотя тот и не подал виду.

— Племянник? — к счастью, Артём всё же отреагировал на второй призыв.

— Ах, да? И вам снова привет, дорогой дядя, — и снова Артёму нельзя было отказать в

манерах.

— Я бы хотел обсудить с тобой кое-что. Ты не против? Только учти, что это должно остаться между нами... — вдруг, Эпоредорикс начал говорить весьма таинственным голосом.

— Да, конечно! — без тени сомнения ответил ему Артём, не ожидая подвоха.

— Слушай меня внимательно, Мандубракий — этот суд очень важен для нашей семьи, и мы ожидаем, что ты не подведёшь нас. Пожалуйста, не подведи нас, — начал темнить Эпоредорикс.

— Ну, хорошо..? Конечно, почему бы и нет! К слову, а к чему вы это, дорогой дядя? — естественно, Артём без задней мысли согласился с его просьбой.

— Итак, Мандубракий, на суде тебе нужно будет подтвердить то, что рабыня по имени Мокк действительно пыталась тебя убить. В свою очередь, она подтвердит, что действовала по указанию одного из членов соперничающего с нами рода. Далее мои сторонники, а также я сам, приведём ряд различных доказательств в пользу этого утверждения. Далее я надавлю на судью при помощи своих клиентов, чтобы он вынес тот приговор, который будет нам нужен. Таким образом, от тебя много не требуется — лишь убедительное обвинение в сторону твоей рабыни... — естественно, Эпоредорикс, уверенный в благоразумии своего племянника, без единого сомнения поведал своему племяннику свой хитроумный план.

— В смысле? Мне нужно лжесвидетельствовать на суде? — внезапно, Артём нахмурился, и, очевидно, ему вообще не нравился план, предложенный его дядей. Неужели он сбегал из тоталитарного полицейского государства лишь для того, чтобы стать частью очередной несправедливой системы?

— Ну что же ты так, племянничек — лгать на суде категорически запрещено. Боги никогда не простят тебе прямой лжи во время суда. Именно поэтому я не прошу тебя лгать суду. Всё, что тебе нужно сделать — выдвинуть обвинение в покушении на тебя против рабыни по имени Мокк, а раз уж она сама признается в этом, то твои слова не будут ложью — они будут правдой чистейшей воды! Следовательно, тебе нечего бояться! — естественно, чтобы не говорил Эпоредорикс, это всё ещё ложь. По крайней мере, это было ложью в глазах Артёма, человека, являющего носителем истины. Он знает, равно как знает это и Мокк, что никакого покушения на его жизнь бедная рабыня не устраивала, хотя её сильные и грубые руки и могли бы без особого труда загасить тот тухлый огонёк жизни, что тлел в груди только что оклемавшегося Мандубракия. И это было для него крайне важно — после недавних событий у него особенно обострилось чувство справедливости, и он крайне отрицательно относился к любым подобным преступным схемам.

— Мы оба прекрасно знаем, что это даже не полуправда. Что меня интересует больше — неужели Мокк согласилась на нечто подобное? Она же должна отлично понимать, что её не пощадят в том случае, если она сознается в чём-то подобном. Неужели вы её заставили? — воистину, как мы это уже отметили, Артём не был дураком. Впрочем, всё же он ошибся, предположив, что Мокк кто-то принудил к подобному решению...

— За кого ты меня принимаешь, дорогой мой? Естественно, она согласилась на это сама. Я лично обещал ей, что обе её младших сестры не только получают свободу в обмен на её «помощь» в этом деле, но и получают значительную денежную компенсацию, а также будут обладать моей протекцией. Если же ты мне не веришь, то можешь сам поговорить об этом с несчастной... — да-да, не под пытками и не ради своего личного благополучия, но ради счастья своих сестёр и прекрасного будущего их детей, совершенно не ведая о грядущей

галльской катастрофе, Мокк согласилась на подобный отчаянный, самоубийственный шаг...

Глава 6. Несокрушимая воля

... Спустя несколько минут, уже возле деревянной клетки, где содержалась Мокк ...

— Почему ты так поступила, Мокк? — юная девчушка, вся в ссадинах и порезах, едва начавших заживать на её бедном лице, молча стояла в своей клетке, уткнувшись своим искосившимся от мощного тумака носом чуть ли не в самый пол. Очевидно, она знала, что её ждёт, и, тем не менее, на её лице не было видно ни слёз, ни разбухших от них щёчек.

— Я сделала так, потому что считала это правильным, — коротко, будто отсекая любые дальнейшие вопросы, ответила рабыня.

— Ты считаешь правильным, что тебя казнят за то, чего ты не делала, потому, что это нужно другим? Неужели ты настолько не ценишь свою жизнь? — впрочем, Артём не испугался подобного ответа. Наоборот — он лишь присел на небольшую скамеечку, что была напротив её камеры, и продолжил задавать неудобные вопросы.

— Я считаю правильным не то, почему и за что меня казнят, а то, каковы у этого будут последствия, — впрочем, рабыня всё также сухо и скупое отвечала Артёму, уткнувшись носом в пол.

— И что же здесь правильного? Тобой воспользовались, а теперь тебя ждёт только одна участь — утилизация. Неужели это ты считаешь правильным? — тем не менее, Артём лишь продолжил напирать на неё, видимо, ожидая того, что один из его вопросов тронет сердце рабыни до самой глубины души, после чего она разговорится.

— В первый и последний раз своей жизни, я почувствовала себя полезной — я родилась в неволе, и как бы я ни трудилась, я никогда не видела счастья, хотя бы улыбки на лицах тех, кто был мне дорог. Мой отец скончался в муках после перелома спины, полученного при сборе урожая. Мне тогда было всего ничего, и я, всего лишь кроха, очевидно, ничего не могла поделать. Тогда я впервые ощутила это — чувство полной беспомощности, когда ты видишь, как все, кто дорог тебе, уходят, оставляя тебя одну страдать в этом жестоком мире. И всё, что ты можешь сделать — это стиснуть зубы до крови, сжать кулаки до хруста, и улыбнуться, да так, что есть мочи, притворяясь, будто бы всё хорошо... — и, по всей видимости, у него это получилось. Жаль, что Артём был достаточно наивен, чтобы не ожидать подобной истории.

— ... — Артём едва сдерживал себя от того, чтобы заплакать. Очевидно, ему не только не хотелось прерывать девушку, но и просто не было сил, чтобы сказать хотя бы слово. У него просто не было сил проглотить тот ком, что застрял у него в горле...

— Мать вскоре последовала за отцом, не в силах выдержать содержание троих детей и постоянный, изматывающий труд на поле. Она сломалась так же, как и отец — в один день она просто слегла с жуткими болями, и с того момента лишь кричала, денно и ночью, постепенно сгорая без остатка в агонии... так я и осталась одна одинёхонька, вынужденная заботиться о своих младших сёстрах самостоятельно. Я снова ничего не смогла поделать, кроме как стиснуть зубы и сказать своим сёстрам, что всё хорошо, и теперь наши родители в лучшем мире, где у них будет много вкусной еды, и не нужно будет работать с восхода до заката на полях. Очевидно, я солгала им в тот момент — наши дела были просто отвратительны. Ради увеличенного пайка мне пришлось согласиться стать вашей личной слугой, потому что иначе нам бы только и оставалось, что жить впроголодь. С тех самых пор я приходила домой, в нашу старую, добрую лачужку, очень редко, и, как правило, вся в

синяках, ушибах и прочих травмах, любезно оставленных на мне юным господином. Тем не менее, мне ничего не оставалось, кроме как через силу улыбаться своим сёстрам, которым приходилось с самых ранних лет работать в поле. Я снова была бессильна что-либо поделаться — или так, или голодная смерть... — а девушка всё продолжала и продолжала изливать свою душу тому, кто сделал её жизнь на протяжении всех последних лет невыносимой...

— ... — разумеется, ком в горле Артёма только нарастал. С каждым услышанным словом его сердце начинало щемить всё сильнее и сильнее, и каждая секунда рассказа стала для него пыткой — настолько сложно было ему сдерживать наворачивающиеся на глазах слёзы.

— Потом... потом... потом, когда я похорошела, вы взяли меня силой, чтобы «обучиться искусству любви». Чтобы я ничего не рассказала вашему отцу, вы избили меня, после чего отпустили домой с небольшим мешочком муки. Мне ничего не оставалось, кроме как стиснуть зубы и хотя бы попытаться пройти этот этап. Впрочем, естественно, остальные быстро прознали обо всём, потому что вы и дальше продолжили бить меня силой каждую ночь, но знаете — тогда я боялась не того, что меня выпорют до полусмерти, в то время как вам ничегошеньки не будет. И пускай меня действительно выпороли так, что до сих пор шрамы болят, для меня это было не так страшно. Чего я боялась, так это того, что все остальные рабы прознают о произошедшем. Конечно же, они прознали — и с тех пор каждый смотрел на меня косо, будто бы я человека убила. Я снова оказалась бесполезной — только навредила, и снова я ничего не могла сделать, кроме как стиснуть зубы, будто бы не обращая внимания на то, с каким укором на меня смотрят все остальные. И всё же... я улыбалась. Да, мне было больно, душевно и физически, но ради своих сестёр я была готова на всё, на любые мучения, на любые страдания — лишь бы с ними, теми, кто был мне дороже всего на свете, ничего не случилось. Я была и остаюсь готова на всё, чтобы они были счастливы... впрочем, жизнь была бы слишком легка, если бы можно было просто стиснуть зубы и притвориться, будто бы всё в порядке. Разумеется, моих младшеньких стала притеснять местная детвора, так как их старшая сестра была «безродной шлюхой». Я снова оказалась бессильной — как бы я не разгоняла детвору, как бы не пугала её, их жизнь систематически и безжалостно отравляли... не за их проступок, а мой. Они ведь даже не понимали, почему это всё происходит именно с ними, а не с кем-то другим. Они чувствовали, что что-то не так, потому что все друзья отвернулись от них, но не могли понять почему — они даже не знали, что значит «шлюха»... — а девушка всё продолжала и продолжала...

— ... — в то время как Артём, наконец-то, не выдержал и заплакал. Вернее, не заплакал, а разревелся — он был попросту не в силах больше держать слёзы. Хотя и не он совершал все эти злодеяния, ему внезапно стало тошно — его страшно тошнило, дышать становилось всё тяжелее и тяжелее, но он всё равно продолжал слушать. Он просто не мог позволить себе сдать сейчас. Он бы просто не простил себя, если бы сдался сейчас...

— А потом старшая заболела... и я ничего не могла сделать. Я даже пыталась соблазнить вас, чтобы получить лекарство, но, видимо, к тому моменту я уже наскучила вам, так что вы даже слушать не стали меня. Возможно, я была вам отвратительна, но, так или иначе, я ничего не смогла сделать. Я не смогла добыть даже самое дешёвое лекарство, и уж тем более не смогла нанять знахаря, чтобы он помог ей. К счастью, она справилась с болезнью, хотя с тех самых пор ей любой физический труд тяжелее, чем кому бы то ни было ещё. Но я снова уяснила для себя, что от меня нет никакой пользы... и так я жила, будто в

кошмарном сне наяву, все оставшиеся два года. Порой мне хотелось сдаться, опустить улыбку — но я не смогла. Как бы ни было тяжело, я всегда одевала её — я пыталась помочь своим сёстрам хотя бы этим... — рассказ юной девушки, впрочем, не собирался становиться легче для восприятия...

— ... — Артём буквально чувствовал всю ту боль, обиду, злобу, гнев, отчаяние и печаль, что девушка таила все эти годы. Он открыл ящик Пандоры, и теперь, будто болезни, обрушившиеся на Землю после того судьбоносного момента, на него обрушились все те чувства, что она скрывала и копила все эти долгие годы, и ему оставалось только молиться, чтобы на дне ящика оказалась надежда...

— И вот, теперь я здесь, сижу в клетке, будто какой-то отпетый преступник, но я улыбаюсь — на этот раз искренне. Наконец-то, за все те страдания, что я перенесла, мне был дан шанс — наконец-то я смогла избрать свой собственный путь, а не следовать по чужой воле среди терновых кустов... я избрала смерть, это правда. Мне страшно, очень страшно, и всё же я рада — наконец-то я смогла на что-то повлиять в своей жизни. Наконец-то, от моего выбора что-то зависит. И я безмерно рада и счастлива, что я смогла добиться счастливого будущего для своих малышей, пускай даже я никогда не смогу лично его лицезреть. Так что да — я считаю свой поступок правильным, и мне не о чем жалеть. Я простила вас и всех своих остальных обидчиков, поэтому... простите и вы меня, мой господин, что я была такой бесполезной всё это время, за то, что решилась действовать только сейчас... — наконец, девушка закончила свою предсмертную речь. Подняв голову, она широко улыбнулась — ей было физически больно это делать после того, что с ней сотворили, и это было отчётливо видно по подёргиваниям её лицевых мышц. По её щеке полились, то ли от боли, то ли от счастья, что она сумела выговориться перед смертью, слёзы. Её улыбка была искренней, жизнеутверждающей, оптимистичной — девушка буквально искрилась неподдельным счастьем, хотя на пальцах её рук уже были видны характерные потемнения...

— Господин, простите, но вам пора идти — внезапно, их прервал охранник девушки, известивший Артёма о том, что ему было пора прощаться с ней — им пора было занять свои роли на суде, и, очевидно, больше он её, настоящую и живую, больше никогда не увидит. И всё же, по всей видимости, частичка её оптимизма как-то передалась Артёму, потому что он, собравшись с силами, всё же решился сделать то, что раньше считал невозможным для себя — но не ради семьи, а ради Мокк...

Глава 7. Весь мир театр...

— Надеюсь, ты сделал правильный выбор, племянничек, — ни капли не нервничая, Эпоредорикс, не показывая слабости, лишь морально давил на Артёма, пытаясь добиться от него нужного поведения.

— Мокк убедила меня в том, что происходящая здесь вопиющая несправедливость к лучшему, и хоть я в корне не согласен с ней, моя совесть не позволит мне растоптать все её мечты и надежды в прах, — Артём, умывшись, обернулся к своему дяде и произнёс пред ним весьма проникновенную речь. Возможно, она бы даже затронула струны души Эпоредорикса, но, увы, нельзя тронуть то, чего нет.

— Прекрасно! — хотя Эпоредорикс, безусловно, был рад такому повороту событий.

— В любом случае, нам пора, дорогой дядя, так что давайте не будем более растрчивать наше время попусту. Тем более что мне крайне неприятно находиться в данном месте, и я бы хотел как можно быстрее закончить со всеми нашими делами здесь, чтобы покинуть это злчное место, — в то время как Артём, естественно, показывал всеми фибрами своей души, что ему хочется как можно быстрее покинуть это место.

— Вот это энтузиазм! Ну что же, прекрасно! — впрочем, этого не замечал или попросту игнорировал Эпоредорикс, потому что его улыбка была даже шире, чем прежде.

— Хватит, пошли уже! — что, очевидно, бесило Артёма, так как оный не без права считал, что во всей этой ситуации виноват, в первую очередь, Эпоредорикс, серый кардинал, дёргавший за все ниточки в семье.

— Ладно, ладно! — тем страннее для него выглядело совершенно безобидное поведение последнего. Впрочем, так или иначе, они всё же сдвинулись, наконец, с места, и отправились прямо в зал суда...

... Спустя несколько минут, уже в зале суда ...

— Итак, достопочтенный Эпоредорикс, не изволите ли вы объяснить всем присутствующим, по какому поводу вы нас всех здесь собрали? — к слову, действительно, стоит уточнить, что Эпоредорикс, желая застать своего врага врасплох, обратился не напрямую к судье, одному из самых уважаемых друидов (обычная практика у галлов). Нет, он сделал иначе — он созвал племенное собрание, так называемый совет старейшин, чтобы обсудить некое «важное дело», и уже на него пригласил всех жрецов, включая и верховного жреца, ответственного за разрешение всех споров в племени.

— Прошу прощения, что не известил всех присутствующих о действительной причине вашего здесь пребывания, однако будьте уверены — я сделал это исключительно для того, чтобы виновный не избежал наказания. Итак... — будто дразня публику, Эпоредорикс затаил на несколько секунд дыхание, прежде чем продолжил, — мы все собрались здесь сегодня для того, чтобы осудить тиранические устремления господина Кельтилла, — наконец, занавеса спектакля сгинула, и все присутствующие смогли самолично пронаблюдать начало сей драмы...

— Достопочтенный старейшина, полагаю, вы должны понимать, что сказанное вами — серьёзное обвинение? Вы же понимаете, что вам не избежать наказания в том случае, если вы не сможете подкрепить свои слова доказательствами? — кричал на Эпоредорикса

смущённый судья, пытаясь, по всей видимости, остепенить его и принудить отступить, однако тот был неприступен.

— Разумеется, достопочтенный судья! Поначалу я не хотел верить злым языкам, обвинявшим Кельтилла в измене и предательстве, потому что я всегда считал его своим товарищем в великом деле по сохранению традиций наших предков, по сохранению нашего племени, однако совсем недавно на моего племянника было совершено покушение. Разумеется, я начал своё разбирательство, чтобы выявить виновника — для этого я допросил рабыню по имени Мокк. Она созналась в том, что её подговорил к покушению весьма доверенный человек из окружения достопочтенного Кельтилла... — естественно, Эпоредорикс продолжил выставлять себя жертвой, прекрасно понимая, что если он преуспеет в этом, то ему будет гораздо проще победить своего врага.

— Неужели вы доверились словам жалкой рабыни? — с ехидной ухмылкой, будто бы повергнув своего врага, вмешался в рассказ Эпоредорикса непосредственно Кельтилл.

— Разумеется, нет. Ни один уважающий себя свободный человек не доверится словам того, кто обречён на жизнь в цепях. Именно поэтому я решил продолжить своё расследование. К сожалению, я обнаружил ряд доказательств, свидетельствующих о том, что достопочтенный старейшина Кельтилл действительно был замешан, так или иначе, в покушении против моего племянника. Во-первых, оружие, обнаруженное при нападающей, явно было произведено на одной из кузнечных мастерских господина Кельтилла, в чём вы можете сами убедиться, — внезапно, в зал вошли слуги Эпоредорикса, внёсшие ряд вещественных доказательств. В первую очередь, они внесли кинжал, на котором виднелась подпись одного из мастеров Кельтилла, подтверждавшая то, что этот клинок был изготовлен этим мастером. Собственно, именно на эту деталь обратил внимание сам Эпоредорикс...

— Мои кузнецы изготавливают самое разное оружие под заказы самых разных людей, в том числе и для торговли с самыми разными народами. Откуда же у вас тогда такая уверенность, что именно по этой причине я являюсь непосредственным заказчиком покушения на вашего племянника? — и вновь, с ехидной ухмылкой, Кельтилл поставил под сомнение слова Эпоредорикса, однако для того это не стало сюрпризом, так что он без единой нотки сомнения в голосе продолжил...

— Это правда — ваши кузнецы, достопочтенный старейшина Кельтилл, весьма известны во всей Галлии и даже за её пределами. Именно потому этот меч столь уникален — в отличие от массового товара, которым довольствуются обычные люди, этот клинок — именной. На нём выгравировано имя вашего брата — Гобаннитиона, что также подтверждает моё предположение о том, что вы замешаны в покушении на моего племянника, — безжалостно наступать на оборонительные позиции Кельтилла. Естественно, кинжал был искусной подделкой, истинность которой было невозможно установить, особенно сейчас, когда Гобаннитион, находящийся вдали от племени на время похода, «нечаянно умер» во время одной из стычек дружины царя с вражиной...

— Не может быть, чтобы это был его кинжал! Ложь! Клевета! — естественно, Кельтиллу не оставалось ничего, кроме как отрицать очевидное.

— Извините, достопочтенный старейшина Кельтилл, однако нам необходимо взять вас под стражу на время разбирательства, как обвиняемого, — ну и, разумеется, Эпоредорикс тут же воспользовался моментом, так как Кельтилл сам себя поставил в крайне неудобное положение, чтобы лишить его возможности как-либо повлиять на ход дальнейших событий. К счастью, так как речь шла об обвинении в тирании, то никаких проблем с задержанием

быть попросту не могло, ведь любая помощь «тирану» в освобождении от «справедливого суда» — пособничество тирании, что, как и само стремление к установлению своей единоличной царской власти, карается высшей мерой наказания. Да-да, у кельтов, в отличие от многих других преступлений и проступков, где деликт разрешается, чаще всего, простым возмещением ущерба, это преступление касается смертной казнью.

— Вы не посмеете! Я старейшина! — к счастью для Эпоредорикса, его оппонент, известный своей импульсивностью и глупостью, лишь продолжил ухудшать и далее своё положение.

— Надеюсь, вы сумеете успокоить себя... — едва лишь Эпоредорикс начал своё злорадство, как тут же его оборвали, буквально на полуслове.

— Господин Эпоредорикс... полагаю, нам необходимо для начала более детально выслушать вашего племянника, — естественно, никто иной, кроме как сам вергобрет Валетиак, не посмел бы прервать одного из влиятельнейших людей племени, когда он только-только вошёл во вкус и наконец-то начал получать своё извращённое удовольствие от сего процесса. Собственно говоря, это он и был.

— Эм... да, конечно! Я отвечу на любой ваш вопрос, достопочтимый судья! — наконец-то, он сделал свой ход!

— Итак, господин Мандубракий, извольте я задам вам один вопрос — как вы сумели выжить? Конечно, не хочу обидеть ваше достоинство, но у меня есть большие сомнения по поводу вашей текущей физической подготовки. Буду честным — в данный момент вас бы и червяк прикончил. Так как же тогда, будьте добры говорить правду и только правду, вы выжили, если вас хотела убить столь выносливая рабыня? Не буду лукавить — я крайне сомневаюсь в том, что вы бы сумели выжить в прямом противостоянии со столь сильной женщиной, — и, разумеется, каждое его слово разило так, будто стрела, пущенная мастером стрельбы из лука. Каждое его слово рождало всё новые сомнения в системе аргументации Эпоредорикса, каждое его слово было будто гвоздём в крышку гроба.

— Так и есть, достопочтенный судья. Будь это прямое столкновение, моё слабое тело, истощённое во время моего пребывания в царстве снов, вряд ли бы смогло выстоять перед натиском этой рабыни. Однако, к моему счастью, я не был обречён на прямое столкновение. Дело обстояло так — я проснулся в своей кровати, встал, немного размялся, но почувствовал лёгкую слабость и решил снова лечь в кровать. Вдруг я услышал, как из коридора доносились едва слышимые звуки шагов рабыни. В тот момент меня это очень удивило, так как мне было совершенно непонятна цель, которую преследовал человек, пытающийся скрыть свои шаги. Тогда я даже не подозревал о том, что меня хотят убить, поэтому я без особой опаски решил пронаблюдать за тем, куда же этот человек направится. Недолго думая, я накинул на себя шерстяной плед и притворился спящим, а после принялся смотреть на дверной проём через крохотную щель. Через некоторое время шаги стали громче и я понял, что вот-вот увижу этого странного человека, однако он не прошёл по коридору дальше, как я ожидал, а зашёл в мою комнату. Тогда-то я и увидел эту рабыню, держащую в своих руках клинок. Я очень испугался, увидев, как она замахивается им над моим телом, но смог взять себя в руки. Действуя не по велению разума, а по велению своих инстинктов, я кинул в неё пледом и закричал, что есть мочи. Некоторое время она боролась с пледом, пытаясь выпутаться из него, так что у меня было время для того, чтобы выбежать из комнаты. Выбравшись из неё, я захлопнул дверь за собой, после чего побежал со всех ног в сторону выхода. Мне противно это говорить, но я... спасся бегством... — однако, к удивлению самого вергобрета (то есть,

верховного судьи племени), Мандубракий, вопреки слухам о его глупости, бездарности и импульсивности, оказался каким-никаким актёром. История, придуманная им, казалась более-менее целостной и непротиворечивой...

Глава 8. И мы в нём лишь актёры!

— Полагаю, мой племянник более чем удовлетворил ваше любопытство, досточтимый судья? — естественно, Эпоредорикс был, разумеется, более чем доволен тем, что его дорогой племянш Мандубракий таки не растерялся, и ответил на вопрос вергобрета без единой запинки. Ну и, конечно же, он не мог не воспользоваться этим, чтобы сместить тему обсуждения в плоскость, где он был наиболее подготовлен.

— Полагаю, что так... — однако не этого ответа ожидал вергобрет Валетиак, задавая его. Однако Артём всё же более чем успешно ответил на поставленный ему вопрос, поэтому с его стороны было бы большой ошибкой продолжить задавать ему подобные «неудобные» вопросы, так как это могло бы породить сомнения в его беспристрастности, что, в свою очередь, могло привести к различным неприятностям. Собственно, это понимал и сам вергобрет, так что нет ничего удивительного в том, что он решил тактично уступить инициативу Эпоредориксу.

— Благодарю! Итак, теперь я бы хотел показать вам кое-что ещё более устрашающее... — взволновав публику интригой, Эпоредорикс, не медля ни секунды, призвал своих помощников, дабы они предоставили на обозрение публике ряд документов. В основном, это были записки из бухгалтерии Кельтилла (напоминаю, он также являлся далеко не бедным человеком и у него, естественно, была собственная бухгалтерия). Что было действительно интересным, так это то, что часть представленных документов были подлинными — их Эпоредориксу предоставил подкупленный им массалийский грек, прежде бывший у Кельтилла на службе в качестве эдакого главбуха. Вероятно, причиной измены грека также послужил тот факт, что Кельтилл совсем недавно уволил его (ну, если быть точнее, то грек сбежал, узнав о том, что его работодатель прознал о его тёмных делишках, осознавая наиболее вероятные последствия) в связи с махинациями, которые были обнаружены при более детальной проверке сторонним «специалистом»...

— *Яростный галдёж толпы*, — впрочем, это было уже не важно — внимание зрителей было приковано к «теневой бухгалтерии» Кельтилла, естественно, сфабрикованной — тут и различные сомнительные финансовые сношения с эдуюми и другими врагами арвернов, и различные подкупы, и свидетельства самых разных финансовых махинаций, и многое другое. Разумеется, этим занимались абсолютно все из присутствующих, это как пить дать, но в данный момент они делали то, что всегда делает общество, когда один из его членов лажает — клюёт его ещё свежий трупик, не оставляя бедолаге и шанса...

— Итак, досточтимые старейшины, что вы думаете о делах, совершённых господином Кельтиллом? — тем более, что выпал столь удачный случай — вся его «familia» знамо не знает, что их «pater familias» сейчас шинкуют на мелкие кусочки. В обычном случае столь влиятельный представитель родовой знати, скорее всего, просто бы призвал своих клиентов со всей Галлии и устроил бы шоу из разряда «Ты что-то хочешь сказать моим ребятам? Сколько у тебя людей? 600? Ну, а у меня 10 тысяч! Итак, ты всё ещё хочешь мне что-то сказать?», которое бы просто закончилось хорошеньким таким испражнением содержимого желудка всех членов совета старейшин прямо в штаны. Ну, а тут, ничего не зная, жертва сама попала в силки, и осталось только в кратчайшие сроки уничтожить её, и, таким образом, избавиться от конкурента. Ну, разве кто-то откажется от подобного шанса?

— Нет прощения этому предателю! Казнить ублюдка! Изъять имущество в пользу

племени! — хором кричали жадные ублюдки, уже делившие наследие Кельтилла в своих умах. Какая же классика — наблюдать за тем, как люди большее внимание обращают на удобный повод поделить чьё-то имущество, чем на повод наказать преступника, уличённого в покушении. Какая же классика — наблюдать за тем, как унылые лица старейшин, вынужденных слушать детали покушения, превращаются в заинтересованные, живые лица, как только речь заходит о деньгах.

— Итак, досточтимый судья, как вы могли заметить своим внимательным взором, совет старейшин предлагает суровое наказание. Впрочем, решение всё же за вами, досточтимый судья... — действительно, всё же последнее слово де-юре было за вергобретом, как судьёй. Де-факто же последнее слово было за сенатом, которому вергобрет был подотчётен, как избираемая должность сроком на один год. В связи с этим, как не трудно догадаться, Валетиак предпочёл не вставать на сторону тонущего:

— Преступления Кельтилла не могут быть прощены! Мы должны немедленно его казнить, чтобы избежать гнева богов! — конечно же, ему только это и оставалось сделать. Нет, конечно, он мог бы перенести дату вынесения окончательного приговора на более поздний срок, а Кельтилла отпустить домой, и тогда бы последний как-нибудь бы да попытался воспротивиться подобном беспределу, собрав всех своих клиентов для решительного боя стервятникам. Да, если бы он победил, то, скорее всего, он бы Валетиака щедро вознаградил, но это ж риск — а вдруг он проиграет? А вдруг он вообще не сможет собрать людей? А вдруг он долго не продержится, даже если захватит власть? Если хотя бы что-нибудь из этого случится, то всё, политическая карьера Валетиака пойдёт прахом, прямиком на морское дно, прямо вместе с Кельтиллом, и это в лучшем случае — в худшем же его попросту казнят. Как не трудно понять — этот вариант не ахти, особенно если учесть тот факт, что у него есть вариант просто пойти на поводу у остальной аристократии, позволив ей сделать задуманное, ведь в данном случае он улучшит свои отношения с ней, а возможно ему даже что-то перепадёт. К чему тогда риск? Примерно так, полагаю, и думал Валетиак, вынося своё судьбоносное решение...

— Совет старейшин благодарит вас за благоразумное, справедливое решение, — и, пожалуй, единственное, что осталось бы неизменным вне зависимости от того, чтобы он сделал — это ехидная ухмылка Эпоридорикса, которой он как будто бы утверждает своё превосходство над собеседником...

— У совета есть ещё какие-либо дела, требующие моего участия? — разумеется, из-за неё итак дерьмовое настроение Валетиака лишь ухудшилось, и всё же ему пришлось сохранить какие-никакие рамки приличия...

— Пожалуй, нет. Мы вас не задерживаем, так что не стесняйтесь мысли покинуть нас, если вы действительно устали — мы вас прекрасно поймём, — промолвил Эпоредорикс, одарив при этом Валетиака то ли жалостливым, то ли осуждающим взглядом...

— Тогда я, пожалуй, откланяюсь, — но, разумеется, у Валетиака уже просто не было сил как-либо реагировать на это, так что он просто встал и ушёл вместе со своей охраной к себе, домой.

Разумеется, совет старейшин не упустил возможности обсудить ещё парочку мелочей, после чего тоже стал потихоньку закругляться. Как-никак, дома их ждала целая куча дел, требующих их личного вмешательства, так что задерживаться здесь попусту им было просто-напросто не интересно.

Тем временем, всё это время Мандубракий, то есть, Артём, стоял и ничего не делал,

помирая со скуки. Чтобы отвлечься от неё, он даже начал проводить в своём уме математические расчёты, а если быть точнее, то он на глазок прикинул угол крыши и через него нашёл длину балок, которые были бы необходимы для подобной крыши — всего лишь при помощи дискриминанта и теоремы Виета. Короче, развлекался по-своему! Впрочем, «счастье» рано или поздно должно было закончиться, и не было удивительным, что в определённый момент к глубоко задумавшемуся Мандубракию подошёл Эпоредорикс, весь на радостях.

— О чём же ты так глубоко задумался, племянш? — после чего с искренним любопытством спросил у того, чем же таким он занимается в своих думах далёких.

— Да так... — на что, естественно, получил уклончивый ответ. Ну, не рассказывать же Артёму ему, что он при помощи теоремы Виета вычислял всякую фигню? Как он объяснит ему теорему, которую должны будут придумать только через полторы тысячи лет? Верно — никак. Печально, конечно, но, увы, правда есть правда, и от неё не сбежать.

— Ну ладно! В любом случае, сегодня ты отлично себя показал! Всегда знал, что в тебе есть задатки оратора! Ну, а теперь — собирайся! Сегодня в нашей семье великий пир! Сегодня умрёт один из главных врагов нашей семьи! — ну, для кого праздник, а для кого горькая пилюля, возвращающая в жестокую реальность...

— Буду откровенен — мне плевать на Кельтиллу. Мне ни холодно, ни жарко от его смерти. Что меня действительно волнует, так это то, сдержишь ли ты своё слово, данное тобой перед Мокк! — ну и, как не трудно догадаться, возвращённый в жестокую реальность из пространства своих далёких дум, Артём был далеко не в лучшем настроении. Да, было глупостью говорить нечто подобное, но что уж поделать — слово не воробей. Вылетит — не поймашь!

— Ах, ты про ту рабыню? Удивлён, что тебе это действительно важно... хотя, раз уж ты задал подобный вопрос — да, действительно, я освободил их от рабского положения и озаботился их материальным благополучием. Как-никак, каждая услуга должна быть оплачена, а уж действительно важная услуга нашей семье — особенно щедро вознаграждена. Хотя, если тебя так уж сильно интересует их дальнейшая судьба, то ты можешь узнать больше подробностей у моего распорядителя по делам вольноотпущенников. Можешь сделать это хоть завтра, если так уж хочется, — что удивительно, Эпоредорикс действительно собирался сдержать своё обещание. Хотя, стоит отметить, что в данном вопросе он скорее руководствовался тем, что подобный поступок поможет ему поддержать его добрую репутацию, ведь она — важный ресурс любого политика. В принципе, ничего удивительного, да и какая разница, если это в сути ничего не меняет? У девочек на горизонте светлое будущее, пускай и уплаченное кровью сестры. Ну, а то, что сам Эпоредорикс тоже получит определённую выгоду от этого — скорее приятный бонус, чем что-то плохое.

— Приятно знать, что вы держите своё слово, дорогой дядя, — собственно, этого Артёму более чем хватало для его внутреннего спокойствия. Стоит признать, его самого волновала не столько их судьба, сколько то, на чьих плечах будет лежать ответственность за них...

Глава 9. Недоразумение

Собственно, поэтому он забыл о них почти сразу же, предпочтя думать теперь о предстоящем пиру, на котором ему снова предстоит извиваться, подобно ужу, чтобы избежать любых подозрений...

— Дорогой дядя, я могу задать вам один вопрос? — внезапно, тишину, воцарившуюся между ними во время небольшой прогулки от суда до виллы, разорвал интригующий вопрос Артёма.

— Да, конечно! — тем временем, Эпоредорикс, уставившийся в пергамент с каким-то отчётом, написанным на греческом языке, одобрил его просьбу,

— И всё же, насколько велика мощь нашей семьи? Сколько у нас рабов? Сколько у нас должников? Сколько у нас тех, над кем мы покровительствуем? Сколько товаров мы производим? Как много из них уходит на продажу? — впрочем, Артёму, ничего не знающему о своём новом мире, было крайне интересно, что же за монстр такой, эта его «семья» и насколько широки её возможности. В связи с этим, не долго думая, Артём задал буквально миллион коротких вопросов, как бы в рамках одного комплексного вопроса.

— Весьма похвально, что ты интересуешься действительно важными вопросами уже в этом возрасте. Ну, что же, раз ты член семьи, то вот тебе ответ — в нашем владении находится примерно 8 000 рабов. Должники... ну, я могу сказать только то, что их порядка 4 000, и общая сумма их задолженности — более 400 000 денариев. Что касается людей под нашим покровительством... ну, думаю, 10 000 человек точно наберётся. Что касается наших товаров, то мы очень известны за пределами Галлии своими лошадьми, овечьей шерстью, различными тёплыми тканями, золотыми и серебряными украшениями, мечами и многим другим. Не могу сказать точно, сколько конкретно мы производим всего этого добра, но, если мне не изменяет память, мы зарабатываем на нём не меньше 40 000 денариев в год. Впрочем, меня больше интересует другое — зачем тебе всё это знать? — что забавно, ответ он всё-таки получил, причём весьма исчерпывающий.

— Мне очень хотелось узнать степень богатства и силы нашей семьи. Да и, в конце-то концов, мне необходимо это знать, если я собираюсь в будущем стать полезным для семьи. К слову, а против кого отправился воевать отец? — разумеется, чтобы избежать дальнейших неудобных вопросов, Артём решил поскорее сменить тему.

— Твой отец, являясь храбрым воином и весьма влиятельным человеком, присоединился к карательной экспедиции против черни, восставшей против владычества своих хозяев. На военном собрании знатных воинов его, как наиболее умудрённого военным опытом и внёсшего наибольший вклад в численность войска, объявили предводителем экспедиции. Так что, как не трудно догадаться, прямо сейчас он устанавливает закон и порядок в этих землях. Я же, тем временем, остался здесь, чтобы управлять хозяйством в его отсутствие, — естественно, Эпоредорикс заметил столь резкую смену темы, но виду не подал, решив, что рано или поздно он всё равно получит ответы на все свои вопросы, а раз так, то нет смысла принуждать Мандубракия к ответу раньше положенного времени.

— Понятно. Хотя, знаете, мне всё же очень интересно, дорогой дядя, скольких он с собой взял, — тем не менее, сам Мандубракий и не собирався останавливать свой поток вопросов, будто ребёнок, которому всё и всегда интересно.

— Ну, если учесть то, что он взял с собой всю свою дружину, то получается, что у него в

распоряжении была 1000 опытных и отлично снаряжённых всадников, включая его самого, — итак, мы узнали, что в распоряжении отца Мандубракия находится целая тысяча всадников, составляющих его личную армию, то есть, дружину. Разумеется, его дружина состояла из менее богатых и знатных галлов, чем он сам, так как все они являлись его клиентами и были обязаны по первому же его зову присоединиться к нему для войны или другого иного важного предприятия (не считая иных обязанностей). Он же, взамен, обеспечивал им защиту от посягательства более могущественных владык, чем они сами. Впрочем, этим всё не ограничивалось — эти клиенты были, по сути, в полной зависимости от него, так как были включены в хозяйственную деятельность его семьи, под которой понимается, в данном случае, не круг ближайших родственников, а совокупность всех тех, кого бы в Риме назвали бы субъектом «alieni juris» (чужого права). Таким образом, само их существование всецело держалось на нём, так что нет ничего удивительного в том, что они по первому же зову прибыли под его командование.

— Серьёзная сила, однако — целая тысяча опытных всадников... — произнёс Артём, представляя себе то ли тевтонских рыцарей из фильма Эйзенштейна, усаживаемых кронштейном на коней, то ли каких-то крестоносцев. Ну и, естественно, он в своей голове строил картину того, как эта орда «рыцарей» буквально врывается в массы голожопых, уж извините за красное словцо, крестьян, дезинтегрируя их по полной программе. К сожалению, наличие жены-историка Артёму совершенно никак не помогло избавиться от всех этих злых мифов и бредовых идей, потому что у неё, после работы-то со студентами, возникало лишь одно желание — лежать в кровати весь вечер и всю ночь, а если повезёт — ещё и весь следующий день. Ни о каких лекциях ещё и мужу, тоже уставшему после работы, и речи быть не могло, как бы печально это ни звучало.

— Ну, сила-то серьёзная, это как пить дать, но что ещё серьёзнее — это затраты на эту силу. На всё их снаряжение, и особенно боевых коней, мы тратим огромные деньги, чего твой отец совершенно не замечает, к сожалению. Надеюсь, ты будешь более благоразумен в этих вопросах, — эх, и ведь действительно — понты дороже денег, как это всегда и бывает.

— Боюсь, меня военная служба не очень привлекает. Мне больше по нраву занятия с деньгами, — и правда, кому понравится-то махать мечом, рискуя жизнью, когда на свете столько роскоши, которой тебе ещё только предстоит попользоваться? Верно — никому, и Артём — не исключение.

— Знаешь, а ты очень изменился, дорогой племянник — раньше тебе только в руки меч дай, так и норовишь отрубить какому-нибудь рабу руку, а сам и удержать его в руках еле можешь! Теперь же я вижу умного молодого человека, интересующегося правильными вещами! Ну, разве могу я не радоваться сему чуду? Жаль, что отец твой будет уже не так рад преобразованиям твоего характера... — действительно, вряд ли отцу Мандубракия понравится то, насколько обмяк «его» сын. Хотя печальнее будет, пожалуй, всё же то, что Эпоредорикс, как и все вокруг, без единой проблемы обнаружил серьёзные изменения в личности «Мандубракия». К счастью, ему, естественно, даже в голову не приходило, что в этом бедном тельце теперь обитает не жалкая душонка мальчонка Мандубракия, а душа Артёма, который только родится должен через аж два тысячелетия. Да одна только мысль об этом — верный признак безумия!

— Пожалуй, это действительно так. Впрочем, мне всё ещё интересно другое — а могу ли я посетить мастерские, принадлежащие нашей семье? Мне крайне интересно узнать, как там всё внутри устроено, кто самый важный человек, как товар делается... — внезапно,

Артём проявил желание посмотреть на то, как устроено производство в данной местности.

— Знаешь, обычно бы я не допустил тебя в такие опасные места, но раз уж сегодня ты отлично себя показал, то я, так и быть, обеспечу тебе информативное посещение некоторых предприятий, коли тебе это интересно. Естественно, с охраной, с рабами, ещё и денег выдам — на карманные расходы, — разумеется, дядя Мандубракия был крайне доволен тем, как сегодня выступил его племянник. Да ещё и слова какие говорит — приятные. Ну и, естественно, Артём в лице Мандубракия получил за это осязаемую награду!

— Благодарю! — чему он был, конечно же, рад, о чём не преминул сообщить посредством довольной рожи.

— В любом случае, мы уже прибыли домой. Надеюсь, тебе понравилось наше небольшое путешествие, потому что теперь мне необходимо отойти по делам. Если возникнет какой-либо вопрос — обращайся к моему управителю, — наконец, их возвращение домой подошло к концу, и Эпоредорикс, вместе с основной частью охраны, ушёл к себе, чтобы продолжить свою важнейшую работу, в то время как Артём остался с двумя охранниками один, предоставленный самому себе.

— Ну, и что теперь делать? — спросил сам у себя Артём, думая, чем же ему теперь заняться.

— ... — разумеется, никто ему не ответил. Охранники держались молча, не отвечая своему господину.

— Ох, точно! Я же собирался начать тренировки! — внезапно, будто озарённый, Артём закричал, перепугав всю свою охрану.

— С вами всё в порядке? — и, естественно, она тут же забеспокоилась за его здоровье, особенно — психическое.

— Да, конечно! Итак, а теперь в зал! — разумеется, ответ их поразил не меньше.

— Зал? Зачем вам в зал? Пир ведь начнётся только через пару часов... — по причине того, что они совершенно не уловили мысль Артёма.

— Ну, туда, где у вас тренажёры. Ну, знаете, чтобы тренироваться... — собственно, как и сам Артём, потому что он только спустя некоторое время понял, какую же глупость он сказал. Целенаправленные тренировки — элемент, характерный для развитых цивилизаций, где есть граждане, которые могут позволить себе посвятить часть времени на подготовку к войне, а для этого, в свою очередь, требуется развитая материально-ресурсная база, которая бы смогла компенсировать временное выбытие части экономически активного населения. Однако, как Артём уже догадался по виду соломенных крыш и отсутствию монументальных сооружений, Галлия, как условная экономическая система, себе такого позволить не могла, так как являлась аутсайдером средиземноморского экономического пространства (естественно, в мыслях Артёма это всё звучало гораздо проще). Это Рим, извлекавший практически бесконечные ресурсы из богатейших регионов Европы посредством прямого грабежа, мог позволить себе серьёзную по численности и качеству регулярную армию, солдаты которой проходили бы регулярные тренировки, однако Галлия — нет. Галлия могла позволить себе лишь небольшую прослойку знатных воинов, которые бы всю жизнь занимались военным ремеслом. Только упражнялись они, разумеется, в регулярной войне (причём в первую очередь), охоте, спаррингах и так далее, а не при помощи специальных комплексов тренировок. Так что, разумеется, никакого условного спортивного зала здесь не было.

— Не считите за грубость, господин, но может у вас что-то болит? Не стесняйтесь, мы

вам зла не желаем и хотим лишь помочь, — естественно, на пространные формулировки Артёма охранники лишь покрутили пальцем у виска. Для них он выглядел несуразно и глупо...

Глава 10. Неужели..?

— Ха-ха, неплохо я над вами пошутил, не так ли? — ну и, естественно, чтобы сбросить всякие подозрения, Артём, как истинный актёр, вдруг резко захохотал, притворившись, будто бы он не глупость сказал, а пошутил так.

— И правда, господин — всегда знал, что у вас отличный юмор, *смешок*, — разумеется, охранникам ничего не оставалось делать, кроме как посмеяться вместе с ним — родственник начальника ведь, как-никак. Так что, хоть и странно, но всё же Артёму удалось как-то выкрутиться из этой неловкой ситуации, хотя его репутация и пострадает, конечно же, неким образом после сего происшествия.

— В любом случае, раз уж мне нечего здесь делать, мне ничего не остаётся, кроме как вернуться в дом, — сказал Артём, после чего уверенно зашагал в сторону дома.

— Как пожелаете, господин! — а вместе с ним зашагали и уверенные в себе мужики.

... Небольшое авторское отступление, посвящённое вооружению ...

Вооружены эти охранники, к слову, были копьём, древко которого было изготовлено из ясени (причём в случае обеих копий, так как произвёл их один и тот же мастер) и имело длину около 1,7 метров. Наконечник, в свою очередь, был листовидного типа, длиной где-то 15 см, в то время как оружие целиком весило приблизительно 1,5 килограмма. Кроме того, они были вооружены мечом, как вспомогательным оружием.

Что же касается их защитных вооружений, то оно, по сути, состояло из кольчуги и шлема. Кольчуга представляла собой прямоугольную рубаху без рукавов, выполненную из многочисленных рядов (всего до 20 тысяч колец, то есть, приблизительно полкилометра кованой проволоки) кольчужных заклёпанных колец (диаметр самих колец составляет примерно 8 мм), соединённых между собой по схеме «4 в 1» (в каждое кольцо продевается четыре других).

Как вы понимаете, подобная кольчуга стоила просто бешеных денег, потому что каждая кольчуга представляла собой компактно упакованную кованую проволоку, которую кузнецу приходилось, как не трудно догадаться, вручную выковывать (что не сложно, но очень трудоёмко) — и на этих воинах она была не просто так.

Во-первых, это были опытные, закалённые в боях вояки, принёсшие семье немалую славу, да и прилично заработавшие за счёт военной добычи. Естественно, они были представителями военной касты — к тому моменту в Галлии они как раз практически полностью оформились, как непосредственная вооружённая свита царя (что-то подобное появится уже у германцев, однако значительно позже, и у них, а если быть точнее, то у франков, эта схема в дальнейшем перерастёт в феодальную систему).

Во-вторых, разумеется, кольчуга была предметом роскоши, как и любой дорогой товар, а значит — и предметом престижа, гордости. Естественно, они показывали силу, мощь семьи — чем больше у тебя было подобных знатных воинов, тем большей силой, как можно догадаться, обладала твоя семья, и тем большим авторитетом, она, соответственно, обладала. Конечно же, отсюда проистекало и логичное заключение, что каждая богатая семья должна была иметь на службе как можно больше подобных воинов, чтобы соответствовать ожиданиям окружающих, то есть, не упасть в авторитете.

По крайней мере, примерно подобная логика была у отца семейства, а учитывая то, что благодаря усилиям Эпоредорикса «его» семья стала одной из наиболее состоятельных семей

Галлии вообще, то, как не трудно догадаться, мания военщины, присущая Битуиту, отцу Мандубракия, получила достойную финансовую базу. Соответственно, отсюда и такие безумные затраты на обеспечение солдат всем необходимым (на что, собственно, ранее и сетовал Эпоредорикс, дядя Мандубракия).

... Отступление закончилось ...

— Раз... — тем временем, пока мы отвлеклись на бравых вояк, готовых унижить морально и физически любого врага их господина, Артём уже пришёл к себе домой, после чего заперся в своей комнате. Разумеется, он приступил к стандартному комплексу тренировок — начал с 1 приседания и 1 отжимания, но в 10 подходов (то есть, всего по 10 на каждое упражнение в сумме), планируя постепенно увеличить число действий на каждый подход, постепенно уменьшая количество самих подходов, а также расширить «ассортимент» тренировок. Легко и просто — отличное начало для полного задохлика. К слову, раз уж вспомнили про «охранников», то стоит уточнить, что у кельтов историческое развитие условной клиентелы, как системы личной зависимости между патроном и клиентом, как и у всех подобных «варварских народов», очень сильно напоминало ранние формы феодализма.

— ... — ну, а спутником ему была лишь гнетущая скука и тишина — если уж столь коварные враги разили его даже в современности, в условиях просто бесконечного потока контента, то глупо было бы ожидать, что в древности, когда у большей части людей и книг то не было, ему будет особенно веселее.

— Ну, это было быстро! — собственно, закончил он действительно быстро... с 1 подходом. Через минуту он сделал ещё один подход, ещё через минуту — ещё один, и так, пока все 10 не были исполнены в полном соответствии с «его» системой.

— ... — что самое забавное, он всё это время продолжал говорить сам с собой. Наверное, чтобы просто отвлечься от гнетущей тишины. Тем более, что стены были очень толстые (необходимая мера, когда для тебя первостепенной задачей является удержание тепла в доме) и вряд ли охранники по ту сторону могли хорошо слышать его... или всё же могли? Полагаю, мы этого никогда не узнаем — вряд ли охранники проболтаются кому-нибудь о том, что их господин, как безумный, шепчется с пустотой, ведь одно дело, когда ты просто шутишь над странноватым поведением господина, а другое — когда ты претендуешь на возможный серьёзный ущерб его репутации.

— *лёгкая одышка* ... наконец-то! — итак, приблизительно через 10 минут с начала упражнений, вздохнув с некоторой одышкой, Артём развалился на полу. Вероятно, всё же ему не стоило так нагружать себя — как-никак, он только сегодня оклемался, и ему не следовало сразу же нагружать себя настолько сильно. Пускай и, разумеется, нельзя отрицать необходимость длительной восстановительной терапии как таковой.

— ... — впрочем, сделанного не обернуть, так что остаётся только надеяться на то, чтобы у бедного тельца Мандубракия, к которому Артём всё ещё не до конца привык (из-за чего даже пару раз чуть не споткнулся).

— Итак, пора бы заняться теперь чем-то более производительным — например, умственным трудом. Итак, что мы имеем... отсутствие бумаги как таковой, дорогой пергамент, который явно не передадут мне в распоряжение просто для удовлетворения моих хотелок. Кроме того, здесь нет никаких ручек, карандашей и ластиков, линеек, в том числе и логарифмических линеек, циркулей, штангенциркулей, рулеток, да и вообще практически всех современных приборов и инструментов. Вернее, даже если они и есть здесь где-то, то,

скорее всего, не в том же самом виде, а кроме того — точно не здесь... ну, что же — я в полном дерьме! — и ведь действительно — большинство инструментов, которые знакомы нам по базовой школьной программе, здесь просто-напросто отсутствуют. Исключением, наверное, будет разве что линейка, которая всё же есть. Но не у всех народов, конечно же, а только у самых развитых цивилизаций, где существует потребность в точных измерительных приборах, что, как вы понимаете, не касается Галлии.

— ... — и... да, он всё ещё говорил со стенкой.

— Ну, если судить чисто логически, то мне следует обратиться к Эпоредориксу. Ничего сам я, скорее всего, не сделаю, так что смысла просто торчать здесь, да размышлять о всяком — нет, — наконец, перед самым пиром, Артём встал с кровати, на которой размышлял в положении лёжа, и потопал в сторону офиса своего дядюшки, предварительно спросив о его местоположении приставленных к нему охранников.

... Спустя некоторое время, уже в офисе Эпоредорикса ...

— Дорогой дядя, простите, что снова отрываю вас от работы, однако мне очень хотелось узнать кое-что... — чуть ли не влетев с двух ног, Артём, впрочем, максимально вежливо попытался обратиться к дядюшке. По крайней мере, настолько вежливо, насколько ему вообще позволяло его современное образование.

— Да нет, ничего страшного! Я уже как раз заканчивал, и очень устал, так что считай, что ты мне сделал услугу своим появлением, — естественно, дядя тут же отложил свои документы, записанные на пергаменте, после чего повернулся всем своим могущественным туловищем в сторону Артёма, так и не сменив своей вечно хитрой, вечно дразнящей улыбки. Впрочем, Артём уже давно привык к ней и не обращал особого внимания на неё, хотя она и раздражала его каждый раз, как он заострял на ней свой фокус.

— Полагаю, тогда я могу попросить вас об ответной услуге. Пожалуйста, позвольте мне изучить латынь и греческий — я желаю овладеть двумя этими языками в совершенстве, чтобы всегда иметь возможность изъясниться на сих языках. Лично я считаю это крайне удачным вложением... — естественно, прекрасно понимая всё значение момента, когда кто-то признаётся в том, что ты сделал ему услугу, Артём моментально ухватился за этот прецедент, как за спасительную паутинку, спущенную ему свыше.

— Ха-ха, а ты стал хитрее, как я посмотрю! Раньше бы ты на это даже капельки своего внимания не обратил, а теперь моментально рубишь с плеча за единственное неосторожное слово — молодец, тут ничего не сказать! Однако учти, что это работает и в твою сторону... — совершенно внезапно, Эпоредорикс моментально, одним ловким движением руки, поднял нож со стола и приставил его к горлу Артёма, отчего тот, естественно, чуть не обосрался.

— Эм... прошу прощения..? — конечно же, такого поворота событий никто не ожидал, даже хвалёные охранники, застывшие в ужасе, боясь что-либо предпринять из боязни, что это может привести к несчастному случаю.

— Видишь ли, мой дорогой племянник, в этом племени римлян не особенно любят, как и в большей части Галлии, и особенно — в землях вольков и тектосагов, где они стали настоящим бедствием для местных, и где без их вмешательства не проходит нынче ни одна сделка. Тем не менее — ты мыслишь правильно, ведь оба этих языка помогут тебе в твоей жизни, а так как тебе предстоит в будущем лично заботиться о благосостоянии этой семьи, то это тем более будет полезно, в том числе и для твоего общего развития, — и ведь действительно! Римляне, окопавшиеся в Провинции (она же Нарбоннская Галлия или, как её

называли до Августа, Трансальпийская Галлия), также как и во всех своих остальных провинциях, проводили, по сути, массовый грабёж населения посредством откупной системы налогообложения, ростовщичества и прочих радостей жизни. Что самое печальное — завладев устьем Роны, римляне фактически поставили на колени эдуев и всех их союзников, ибо их могущество основывалось на транзите товарных потоков между Сеной и Роной, и завладев контролем над Роной, римляне завладели контролем и над Сеной, ибо приобрели в лице эдуев надёжных союзников...

Глава 11. Очередное чёртово отступление!

Впрочем, об этом, в данный момент, главный герой не только не знал, но его это, кроме этого, ещё и совершенно не интересовало — сейчас он больше думал о том, как он будет решать вопрос с досугом. Типичная ошибка большинства — игнорировать политику, столь прекрасный досуг, в мире, где политика решает всё.

Впрочем, простим её на этот раз — всё равно она за него сама возьмётся, причём очень и очень скоро...

— Звучит как одобрение, но, если я правильно понял, есть определённое «но»? — естественно, Артём, услышавший столь замечательные новости, всё же не спешил ослаблять свою бдительность. Он ожидал от Эпоредорикса подвоха, и, в какой-то мере, всё-таки получил его:

— Разумеется, дорогой! Рабы, способные преподавать латынь или греческий, стоят крайне дорого — в разы дороже любых других рабов. Впрочем, коли уж дело идёт о твоих знаниях и способностях, от которых напрямую в будущем будут зависеть безопасность и благосостояние семьи, то я согласен на подобные расходы; как-никак, это вложения в будущее. Впрочем, раз уж ты хочешь учиться, то обучаться ты будешь не только языкам, но и азам торговли, счёту, а также некоторым другим искусствам. Надеюсь, ты не разочаруешь нас... — к счастью, Эпоредорикс согласился. Впрочем, полагаю, для начала стоит объяснить замысел Артёма — если вкратце, то он хотел начать «обучение», чтобы его, по этому случаю, стали снабжать хоть какими-нибудь материалами для письма. Ну и, заодно, он бы так сумел научиться чему-нибудь об окружающем его мире — в конце концов, здесь он, похоже, надолго.

— Я вас не подведу! — естественно, Артём отреагировал правильным, должным образом.

— Прекрасно! Ну, а теперь нам, пожалуй, стоит присоединиться к пиршеству — гости наверняка уже заждались нас! — чему Эпоредорикс был, естественно, рад. Разумеется, сразу же после этого они отправились на пир.

... Спустя несколько минут, уже в зале царских чертогов ...

— Итак, дорогие друзья, товарищи и родственники, сегодня мы празднуем великую победу над тираном Кельтилло — завтра его казнят, и мы, непременно, должны радоваться этому событию, ведь теперь враги нашего племени будут знать, что с нами шутки плохи! — как и подобает в таких случаях, Эпоредорикс, как управитель, принимавший гостей, произнёс торжественную речь.

— И вправду, друзья! Знаменательный день наступил для нашего племени! — естественно, ему поддакивали его сторонники, также приглашённые на пир. По сути, сегодня во владениях семьи Мандубракия собралась вся знать и весь цвет племени. Здесь были также и многие друиды, за исключением, пожалуй, одного лишь Валетиака, вергобрета племени...

... Очередное «небольшое» отступление автора ...

К слову, раз уж упомянули друидов, то, пожалуй, сразу же и обозначим их сущность. В-первых, друиды не просто жрецы — они, в первую очередь, носители устного знания, и именно на них, обыкновенно, лежит функция по обучению молодёжи (естественно, к обучению допускается только аристократия).

Впрочем, если данное утверждение было непоколебимо где-нибудь в условной Белгике или Британии, то в отношении центральной Галлии, опережавшей всю остальную Галлию по своему развитию за счёт доступа в Средиземноморский бассейн через три основные речные системы (Рона, Сена и Луара), это было лишь частично верное утверждение.

В первую очередь, друиды здесь, в большей степени, чем где-либо ещё, были своеобразным аналогом древнегреческих мыслителей — они не только несли устное предание испокон веков, но и являлись античными философами — увлекались астрономией, физикой и другими «искусствами» (наукой это назвать трудно, потому что они увлекались ею чисто эмпирически, без какого-либо системного подхода).

Они, в частности, прекрасно знали греческий, а если быть точнее, то пользовались древнегреческой письменностью, так как своей не имели.

Собственно, в этом нет ничего постыдного — и сами греки, отцы всей европейской цивилизации, долгое время не имели собственного письма, как и кельты (эти, правда, так и не создали своей из-за преждевременной кончины), и только впоследствии усвоили финикийскую письменность, на основании которой и создали свою.

Обучение у них проходило в формате условных «лекций» — у друидов были наиболее приближённые ученики, которым они постепенно передавали все свои знания, в то время как отпрыски аристократов имели возможность послушать их «лекции».

И, собственно, так же должен был бы обучаться Мандубракий, если бы не одно большущее «НО» — дядя Мандубракия, Эпоредорикс, несмотря на свою принадлежность к племени, роду и аристократии в целом, по своему характеру и своим убеждениям был скорее ближе к постепенно нарождающемуся классу буржуазии.

В отличие от большей части галльской знати, он был в Риме, вечном городе. Естественно, был он там не просто так — он был там на правах политического заложника, как один из сыновей вождя арвернов, захваченного римлянами после битвы у реки Изере. К слову, именно по её результатам Рим установил протекторат над Массилией, подчинил себе крупное племя аллоброгов (а также некоторые другие), и немногим позже, создал на основе захваченных территорий провинцию Галлия Броката (в будущем будет переименована в Нарбоннскую Галлию)

Если быть точнее, то его отец был пленником у консула 121 года до н. э., Квинта Фабия Максима Аллоброгика, которого последний не постеснялся продемонстрировать на своём триумфе. Сразу же после триумфа его отца убили в застенках римской тюрьмы, расположенной в Альба-Фученс, хорошо укреплённой колонии Рима (к слову, его отец был последним из трёх царей, содержавшихся здесь, прежде чем высокопоставленных пленников стали размещать в Риме; до него здесь были Персей Македонский и Сифакс Нумидийский).

Впрочем, в противоположность своему отцу, Эпоредорикс сумел выжить, выучил латынь, обзавёлся в Риме связями и всё же чудом сумел возвратиться в своё родное племя (к тому моменту ему было 26, а в плен он попал в 12; в данный момент ему 59). К тому времени его семья, из которой когда-то происходили цари арвернов, утратила практически всё своё влияние, как следствие политической бездарности Битуита, отца Мандубракия, ставшего новым главой семьи.

Очевидно, его семья была далеко не в лучшем виде, однако, воспользовавшись приобретёнными в Риме знаниями и связями, он сумел за два десятилетия восстановить былое могущество своей семьи, и именно поэтому, основываясь на своём личном опыте, он не желал, чтобы Мандубракий был обучен друидам.

Они дообучали его старшего брата Битуита до такой степени, что он превратился в абсолютно бездарного политика, хотя и, вместе с тем, в великого, но всё же бесхитростного воина (разумеется, сами друиды вряд ли были повинны в этом, но именно такой точки зрения придерживался Эпоредорикс).

Естественно, он желал дать Мандубракию классическое образование, которое и он сам когда-то приобрёл в Риме, находясь на попечении у консула 122 года, Гнея Домиция Агенобарба, ставшего к слову, цензором в 115 году (через 6 лет после победы над отцом Эпоредорикса).

Собственно, именно этим он и занялся в последнее время — просьба самого Мандубракия, вызванная несколько иными причинами, стала для него лишь удобным предлогом, а также серьёзным аргументом в переписке с Битуитом, настаивавшим на продолжении обучения Мандубракия у друидов.

Впрочем, возвращаясь к друидам, я хочу подчеркнуть, что именно они занимались, в подавляющем большинстве случаев, обучением аристократии (это было их сакральной функцией), а Мандубракий — лишь уникальный случай, и не более того.

... Конец «небольшого отступления» ...

— Ну что, как тебе пир, мой дорогой племянник? — весёлый и пьяный, Эпоредорикс, естественно, начал приставать к своему племяннику с дурацкими вопросами. Вот уж точно, поведение типичных пьянчуг — великолепное и живое доказательство того, что некоторые вещи со временем вообще не меняются, даже спустя почти две тысячи лет.

— Пышно, пожалуй. В общем-то, ничего особенного или необычного — куча мужиков, как всегда, пьёт алкоголь, после чего буйнит самым разным образом. А вообще — мне ещё нужно позаботиться о гостях, потому что вы, очевидно, в данный момент с этим не в состоянии справиться, дорогой дядя. Так что, уж простите, но я вынужден откланяться, — естественно, Артём, испытывавший сильную неприязнь к алкоголю и алкоголикам (даже если речь шла об импортном итальянском и греческом вине, причём таких именитых сортов как фалернское, родосское и хиосское), всё же сдерживал себя от нелестных комментариев в отношении Эпоредорикса, хотя и с трудом.

— Хм... как знаешь, — заявил Эпоредорикс, после чего завалился к себе в комнату спать.

— Уф... еле-еле удержался! Надо бы найти какую-нибудь лазейку, чтобы избежать всех этих мероприятий, честно говоря. По крайней мере, чтобы чисто случайно не нагрубить влиятельным родственникам... — ну и, разумеется, сразу же после того, как Артём закончил с бичеванием самого себя за неприязнь к алкоголикам, он приступил к тому, о чём немногим ранее говорил — к обеспечению ухода за такими же пьяницами. Вернее, ничего особенного ему не пришлось делать — всех пьянчуг в их комнаты доставили рабы, которых проконтролировала местная охрана. Деятельность рабов же, собственно говоря, организовал тот самый управитель Эпоредорикса по делам рабов (бывший вольноотпущенником). Что примечательно, лицемер Артём даже и не вспомнил о том, что хотел допросить одного по поводу дальнейшей судьбы младших сестёр Мокк. Впрочем, возвращаясь к теме, Артём, по сути, лишь дал ему указание о том, что необходимо сделать, но уже это, по его мнению, давало ему право приписывать заботу о бедных пьянчугах себе, будто бы он сделал всю эту работу единолично...

— Ну, что же, это был последний, господин, — Впрочем, тем временем ловкий управитель, а также подчинённые ему рабы, отлично справились с задачей в кратчайшие

сроки.

— Что же, тогда вы можете быть свободны на сегодня, «управитель», — после чего все отправились, наконец-то, спать...

Глава 12. Великие откровения

... Спустя несколько дней ...

— Ну что же, приступим? — собственно, спустя всего-то несколько весьма скучных дней, наконец-то прибыл учитель греческого. Естественно, это был раб. Почему раб? Ну, это может показаться мелочным и даже глупым, но дело в психологии масс и культурных особенностях, которые, если вкратце, можно обозначить как «где же ты найдёшь образованного гражданина, желающего обучить юного галла грамоте?». Именно поэтому, собственно, Эпоредориксу пришлось прибегнуть к покупке раба, владеющего — стоил он ему 2 тысячи денариев. Как можно понять, это весьма нехилая сумма — годовой заработок семьи составлял немногим более 100 тысяч денариев в год, и цена, таким образом, составляла 1/50 всего дохода семьи (притом, что Битуит, глава семьи, вполне мог бы претендовать с таким доходом на статус всадника, выше которого был только сенаторский класс). Причём, что самое забавное, несмотря на свою дороговизну, он достался Эпоредориксу крайне дёшево — обычно цена подобных рабов была не менее 25 тысяч денариев. Причин подобной дешёвизны было несколько. Во-первых, раб представлял собой весьма престарелого мужчину (60 лет), захваченного римлянами в плен во время Второй Митридатовой войны (нынче 74 год до н. э., и до начала полного политического хаоса в Галлии осталось всего 3 года, а до непосредственного римского вторжения — 16 лет; но Артём об этом не знает). Во-вторых, он был известен тем, что не обучал всех подряд (это было известно хозяину, но не покупателю в лице агента Эпоредорикса) — рабом он был крайне гордым, и, несмотря на любые причиняемые ему побои, отказывался обучать тех, кого счёл «недостойными». Собственно, это было основной причиной, почему его продали так дёшево. В-третьих, так как раба часто били, он, кто бы мог подумать, часто болел — тело то уже давно не молодое, а тут ещё и регулярные побои. Все эти три фактора в совокупности и привели к тому, что он стоил так дёшево.

— Хорошо, приступим, — сказал Артём, после чего аккуратно разложил письменные принадлежности на письменном столе, любезно изготовленным рабом-плотником по заказу (с разрешения Эпоредорикса). Увидев это, раб лишь ухмыльнулся.

— Знаешь ли ты что-нибудь о великом Гомере, юноша? — внезапно, не успел ещё начаться урок, раб задал пространный вопрос, даже не представившись ему. Вероятно, он хотел начать образовательный процесс показательным унижением..? Во всяком случае, Артём совершенно не понял того замысла, который преподаватель преследовал, задавая ему такой вопрос и, тем не менее, послушно ответил на него:

— «Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши. Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет: Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют», — разумеется, несмотря на свою абсолютную безалаберность в исторических вопросах, а также лень, Артём всё же был весьма образованным человеком. Этому своему успеху он обязан тем, что взял себе за привычку уделять час-другой на чтение книг, прямо перед самым сном. Естественно, он знал хотя бы пару цитат из знаменитой Илиады — в конце концов, там всего-то около 900 страниц. Это ничто перед усердным трудом на протяжении более чем десяти лет!

— Интересно... а можешь ли ты процитировать мне что-нибудь ещё из «Илиады»? — внезапно, злобная ухмылка на лице раба превратилась в удивлённое лицо. Естественно, он

не ожидал от галла, да ещё и от юноши, цитирования всемирно известной «Илиады» Гомера. Впрочем, его удивление было приятно ему самому, поэтому никакой отрицательной реакции не последовало...

— «Царь, облечённый бесстыдством, коварный душою мздолюбец! Кто из ахейян захочет твои повеления слушать? Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится? Я за себя ли пришёл, чтоб троян, укротителей коней, здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне. Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил!» — ну и, разумеется, его просьбу тут же удовлетворил Артём, которому, в кой-то веки, удалось похвастаться своим знанием классиков. Прекрасная память у молодого человека, ничего не сказать...

— Прекрасно! Воистину прекрасно, мой дорогой друг! Не ожидал я, что ты будешь столь приятен мне своим умом и знанием, однако ж, поведай мне — знаешь ли ты что-либо ещё, кроме «Илиады»? Может, иных классиков? Может, труды эпикурейцев, стоиков и прочих знаешь? — естественно, преподаватель был крайне приятно удивлён тем знанием «Илиады», коим обладал Артём. Как-никак, классика на все времена!

— «Да, перед богом тщетно нам мудрить. Предания отцов, как время, стары, и где те речи, что низвергнут их, хотя бы в высях разума витал ты?» — весьма дерзко. Цитировать Тиресия из «Вакханок» Еврипида...

— Хм, должен признаться, что с каждой минутой нашего общения ты удивляешь меня всё больше — Еврипид поистине мудрый был человек, прекрасный писатель, и ты ему уподобляешься, воспроизводя им написанное. И нет у меня уважения большего, чем искреннее, неподкупное почтение к тому, кто знание ценит по достоинству. Мой юный друг — ты прошёл мою проверку, и должен тому быть рад, ибо не каждому это по силам, — улыбнувшись, старец внезапно посветлел. Злоба, ненависть и гнев к тем, кто намеревался использовать его для обучения своих тупых отпрысков, с него сняло будто бы рукой. Артём же, и не подозревавший о задуманной им прежде подлости, успешно прошёл его испытание, и, таким образом, был буквально обречён так и остаться в неведении...

— Здравствуйте! Я Мандубракий, сын Битуита! — к слову, о причине того, почему я не назвал ещё ни одной фамилии — их у галлов, да и у кельтов вообще, просто не было. Как не трудно догадаться, они были не одиноки в этом, а если быть точнее, то они, в каком-то смысле, до сих пор не одиноки в этом — большинство скандинавских фамилий заканчиваются на «-sen» или «-son». Например, фамилия «Йоханссон» буквально означает «сын Йохана» (или «Наследник Йохана», тут особой разницы нет). Только если «Йоханссон» это скорее отчество, превращённое в фамилию усилиями государственной машины, то у кельтов не было самого понятия фамилии — для них оно было попросту избыточным. Зачем тебе какая-то там фамилия, если ты всю свою жизнь проведёшь, в лучшем случае, в захудалой деревушке, где будет от силы пара сотен человек. Большинство людей там знают друг друга по именам, и даже если возникает путаница, то достаточно сказать собеседнику, чья это дочь или сын — и тогда уж точно всё будет понятно. И пускай у галлов уже начали набирать силу города, и постепенно в Галлии происходила урбанизация, всё ещё прошло недостаточно времени для того, чтобы возник общественный заказ на фамилии, как дополнительный отличительный признак. Да и что уж лукавить, даже у римлян, у которых всё же было родовое имя (он же номен), оно не представляло собой то же самое, что мы имеем в виду, когда говорим «фамилия». В более менее современном виде фамилии появились лишь в 10–11 веках, в наиболее экономически развитом регионе Европы, Италии,

в связи с расширением экономических связей и необходимостью более чёткого регулирования института наследования.

— Приятно познакомиться! Раньше звали меня Софоклом Команским, но теперь меня именуют проще — Тибий, будто я из Пафлагонии... — печально, конечно. Ну как не сочувствовать бедному дедуле, если его всё это время почитали за пафлагонца, когда он каппадокиец? Страшнейшее оскорбление, как по мне, было совершено в отношении его личности!

— Полагаю, нам всё же стоит начать урок? — впрочем, чего нам сдался этот старый хрыч? Пора бы уже, в самом деле, начать урок, чтобы стало понятно, кто он такой по жизни и чего он стоит в действительности.

— Как же! Хорошая шутка, мой друг! Прости меня, но я уподобился Сократу в стремлении к мудрости, подобной его — также как и он, я постигаю мир чрез дискуссию, ибо только в споре рождается истина! Впрочем, и лекции мне не чужды, но, полагаю, мне всё же стоит для начала ознакомиться с моим учеником, чтобы лучше всего его понять, не так ли? Как-никак, нам обоим будет лучше и проще, если я смогу подстроиться под твою индивидуальность... — эффектно манипулируя руками, Софокл облегчал понимание своей речи, что было весьма удачным решением, ибо речь его, несмотря на сладкий характер и завлекательность, была, как бы это иронично ни звучало, весьма сложна в понимании. Знаток кельтского (галатский язык, используемый им, являлся родственным галльскому, но был по отношению к нему весьма архаичным и содержал значительное число грецизмов), он использовал весьма сложные и часто архаичные обороты. Совершенно точно, что без этой жестикуляции Артёму было бы гораздо сложнее его понять.

— Допустим, — впрочем, не знакомый с подробностями сократовской методики, он не стал дискутировать с ним по этому поводу, и вместо этого просто продолжил записывать некоторые математические формулы и известные ему теоремы. Я бы сказал, что это пустая трата чернил — ведь это и есть пустая трата весьма дорогих чернил, но Артём, сам того совершенно не подозревая, делал весьма страшную вещь — записывал на русском (ну, не английском же писать, в конце-то концов) теоремы, до которых человечеству ещё тысячелетия идти. Опасное занятие, как бы я сказал...

— Хм... ты что-то записываешь? Разве ты знаешь, как писать на греческом..? — потому что твои старания вполне могут заметить посторонние. Особенно, когда они находятся в метре от тебя. Впрочем, возвращаясь к нашим баранам, нужно отметить, что грек не сразу понял, что делает Артём, и при беглом взгляде ему показалось, будто бы он читает текст на греческом. Естественно, Софокла, которого убедили в том, что Артём не знает греческого, это ввергло в шок, — Хотя, подождите! Это хоть и что-то похожее на греческий, но точно не он — даю руку на отсечение! — впрочем, ненадолго. При повторном прочтении написанного им текста по диагонали он, впрочем, быстро убедился в том, что это всё же не греческий. Какой-то уникальный и крайне интересный шифр на его основе — вполне возможно, но 100 % не греческий.

— Эм... ах, да... это мой шифр... полагаю, он немного похож на родной вам греческий? — юноша же, наконец-то обративший внимание на своего шокированного преподавателя, был, к сожалению, удивлён столь значительным вниманием к его небольшой рукописи...

Глава 13. Великолепный план, надёжный, как швейцарские часы!

— Во-первых, я бы не стал портить драгоценную бумагу на подобное. Во-вторых, я бы не стал оскорблять своего преподавателя подобными выходками. В конце концов, крайне некультурно отвлекаться на что-то постороннее в тот момент, когда учитель ведёт лекцию, — разумеется, очень быстро первоначальное любопытство и удивление сменились на раздражение. Уязвлённый тем, что столь долгожданный ученик отвлекается от его «увлекательнейшей» речи в пользу чего-то ещё, он тут же начал причитать.

— Клянусь Таранисом, я бы сделал так же, будь я Софоклом. Но я Мандубракий, — в ответ на что, впрочем, он получил лишь немного видоизменённый ответ Александра.

— Слагаете вы весьма неплохо, и речи ваши сладки, да вас не оправдывают — я выношу первое предупреждение, вам ясно? — естественно, шутки он не оценил, хотя и похвалил за старания. Впрочем, это и не удивительно, ибо приводить видоизменённую цитату из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, до одного лишь рождения которого ещё более сотни лет — моё почтение.

— Пожалуй, моё увлекательное занятие можно отложить на более поздний срок... — хотя, в любом случае, это не имело никакого значения — внимая приказу учительскому, он прекратил писать на дорогушем пергаменте свои каракули. Где же это видано, чтобы человек записывал на столь драгоценном материале всего лишь величайшую из теорем, царицу геометрии — Теорему Пифагора? Извольте уж прослушать лекцию о том, почему койне — недостойная, испорченная версия литературного аттического диалекта.

— Видите, не так уж и сложно проявить данное вам природой благоразумие, — естественно, Артём ничего на это не ответил. Он сосредоточил своё внимание на лекции Софокла, перешедшего к изложению базовых основ греческого языка. Количество букв в греческом, правила склонения, количество падежей и так далее. Естественно, всё было крайне похоже на русский, потому что, по сути, русский, особенно в изначальном его виде — это греческий для славян. Не то чтобы это было удивительным или унижительным — это просто ожидаемо. Как-никак, зачем вам заново изобретать велосипед, если уже есть его готовый экземпляр, да ещё и крайне удачный? Полагаю, что незачем...

— Вы правы, — к слову, пока мы там рассуждали, Артём, не пытаясь обмануть себя и свою натуру, а, кроме того, не отказывая себе в удовольствии, продолжил писать — но уже второй рукой. Пожалуй, несмотря на присущую ему глупость, Артёма нельзя было упрекнуть в полном отсутствии талантов или дарований — напротив, он был ими весьма одарён. Развивая своё дарование, позволявшее ему с большей лёгкостью делать несколько действий, за которые отвечали разные части мозга, он постепенно приобрёл одно из полезнейших умений — уподобляясь мифическому образу гениального Цезаря, он мог делать, по меньшей мере, два действия одновременно...

... Спустя несколько часов ...

— Ну что же, наш урок окончен на сегодня, — убирая пот с лица, в седьмой раз с него сошедший, Софокл, наконец, заявил о конце уроков. Чего уж точно не ожидал Артём, так это того, что в определённый момент они выйдут на небольшую площадку, заранее им подготовленную, и начнут заниматься упражнениями, чтобы «укрепить дух через укрепление тела».

— *Тяжёлая одышка*, да уж... *Тяжёлая одышка*, вам неоткажешь... *Тяжёлая одышка*, в умении удивлять, — действительно. Как-никак, Артём даже и не подозревает о том, что традиционное у греков обучение граждан подразумевает активные упражнения и военную подготовку, а в свободное время — изучение того, что в Средневековье назовут «свободные искусства». Вернее, чтобы быть точным, необходимо сказать, что у греков все эти тренировки занимают добрую половину всей программы обучения. Что, впрочем, весьма логично для общества, построенного на том, что все свободные граждане будут готовы в любой момент встать на защиту отечества — и хотя для нынешних греков это уже давно не актуально, это вполне себе полезно для кельтов.

— И вам не откажешь — не ожидал, что вы будете столь слабы своим телом! Так запыхаться после простой разминки... — весьма обидно, наверное, выслушивать что-то подобное от уже седого деда. Обиднее, наверное, только то, что у этого седого деда тело прекрасного Аполлона, мощные и прочные мышцы на котором блестят от оливкового масла, словно начищенная бронза, в то время как удел Артёма — хлипкое тельце, упорно отказывающееся восстанавливаться.

— Я и сам не ожидал этого — я уже более недели активно занимаюсь упражнениями, однако с того момента практически ничего не изменилось — хотя именно после первых недель результат тренировок виден лучше всего, — и ведь действительно, тело Артёма вело себя как чёртова скотина — наотрез отказывалось признавать его упорные труды над собой. Жаль, что его будет крайне проблематично наказать за подобное поведение...

— Неужели вы чем-то больны, юноша? — внезапно Софокл ужесточил свой взгляд, приковав его к бицепсам бедного парнишки.

— Честно признаться, всего неделю назад я всё ещё валялся в беспомощности — примерно месяц я пребывал во владениях Морфея, если верить словам окружающих, — разумеется, даже и не вспомнил...

— Ясно. Ну что же, будем надеяться, что хворь сама отступит, увидев силу вашей воли и старания! — расслабив лицо, старец внезапно заговорил всякую чушь. Впрочем, как будто он мог как-то иначе отреагировать на это — как-никак, он был философом и мудрецом, но уж точно не врачом. Хотя, даже будь он им, и даже будь он лучшим из них, вряд ли бы это что-то меняло — не тот уровень развития медицины, чтобы бороться даже с банальной атрофией мышц.

— Надеюсь... — естественно, Артём и сам уже слабо верил в возможность чудесного восстановления, однако всё же продолжал заниматься упорным физическим трудом. Единственным, пожалуй, его главным утешением, и, в особенности, практически единственным способом развеять скуку, была и оставалась математика, а если быть точнее, то систематическое изложение известных ему основ математики в виде теорем. Занятие не сильно сложное, оно, тем не менее, позволяло ему коротать время, а главное — тренировало его память и помогало не забыть то, чему он был обучен. Одна печаль была — в день ему выдавали всего несколько листов пергамента, и потому ему пришлось обучиться весьма необычному навыку — умению вмещать максимально возможное количество текста в те крохотные полотнища, что были ему отведены.

— Ну что же, пожалуй, на этом замечательном моменте мы и закончим наши занятия сегодня — жду вас завтра в то же самое время. Надеюсь, в следующий раз вы будете слушать лекцию внимательнее, а также не станете причиной ненужных эксцессов, — довольный собой, старец, наконец-то, ушёл, оставив Артёма на попечение прислуги и стражи.

— Вы желаете принять сегодня ванну, господин? — после чего та, естественно, приступила уже к своей части работы.

— Да, желаю. К слову, пусть кто-нибудь из ваших принесёт мои лекционные материалы из аудитории в мою комнату — после банных процедур я планирую повторно изучить их, а также выполнить домашнюю работу. И да — есть какие-либо вести по поводу моей просьбы?

— Как вам будет угодно, господин. Насчёт последнего — мастер просил передать вам, что он подготовил то, что вы просили у него, — не расходуя впустую слова, раб кратко и чётко донёс всё необходимое до своего господина, не смея его задерживать на срок больший, чем это действительно было бы необходимо ему.

— Прекрасно. Распорядись установить «это» к тому моменту, как я закончу с ванной, — к слову, стоит отметить, что первоначальная неловкость Артёма, имевшая место при его личном общении с рабами, уже давно прошла — пожалуй, он даже слишком быстро привык к местным порядкам и правилам.

— Слушаюсь и повинуюсь вам, господин, — к слову, равно как и рабы — они крайне быстро привыкли к новому, весьма покладистому характеру их повелителя. Естественно, он всё ещё крайне сурово наказывал их, однако, в отличие от себя прежнего, теперь это происходило лишь в том случае, если раб серьёзно провинился перед господином (что, естественно, случалось очень нечасто). Кроме того, он награждал каждого за усердную работу — в пределах своих весьма ограниченных возможностей, конечно же, однако уже это хватило для того, чтобы произвести сильнейшее впечатление на раболепных слуг Артёма. Его просьбы не были безумными (в частности, Артём прекратил практиковать сексуальное и физическое насилие на незащищённых перед его волей рабынях), а наказание за проступки было справедливым (и очень часто смягчалось им впоследствии, чтобы продемонстрировать его «великодушие»). Их жизнь, особенно в сравнении с тем адом, в котором они совсем недавно пребывали, стала действительно легка и сладка.

— Ну, чего ждём? Топ-топ! Быстрее придём — быстрее закончим! — впрочем, он всё ещё порой вёл себя крайне несуразно, а иногда и попросту забавно (в хорошем смысле).

... Спустя некоторое время, потребовавшееся для того, чтобы Артём знатно искупался ...

— Красота! — произнеся весьма многозначительную, пускай и довольно короткую, речь, Артём, наконец-то, принялся делать задуманное...

— ... — жаль, что то, о чём всё это время шла речь — всего лишь металлический стержень для штанги.

— Ну, а теперь, когда я убедился в том, что всё именно так, как мне надо — можно бы и продолжить писать, — сказал Артём, после чего продолжил записывать различные теоремы — для тренировки ума...

— ... — хотя, стоит признаться, не только для этого. Вернее, записывает и решает теоремы он для умственной разминки, а вот то, что он делает в качестве хобби — создаёт инженерные проекты. В частности, в данный момент он раздумывает над мельницей — мысль о ней пришла ему после того, как он пронаблюдал мощное течение Алье на одной из прогулок. Он подумал — «было бы прекрасно воспользоваться подобной мощью природы», после чего ему тут же в голову пришла совершенно гениальная идея построить мельницы...

Глава 14. По-моему, это уже пахнет жестокостью

... Небольшое отступление ...

Полагаю, всем интересно, кто же такой Артём, и почему же он знает математические теоремы, а также принципы архитектурного и инженерного проектирования? Ну, на самом-то деле здесь нет ничего особенно интересного.

Надеюсь, все помнят о том, что Артём — уникальнейшая, в некотором плане, личность, занимающаяся с очень давних времён чтением. За более чем 10 лет активного чтения он поглотил в себя просто безумное количество информации из самых разных сфер познания.

Кроме того — как обладатель красного диплома о высшем образовании в сфере экономики (впоследствии он приобрёл ещё и высшее образование в сфере юриспруденции), он сумел, хоть и не без определённой толики связей, устроиться сразу после выпуска по своей специальности.

Таким образом, он проработал немногим более 20 лет по своей специальности, побывав в самых разных компаниях, где, разумеется, почерпнул «немножко» знаний ещё и у других рабочих — посредством дружеских и рабочих контактов с архитекторами, бухгалтерами, руководителями различных КБ и так далее.

К концу своей жизни этот человек содержал в себе просто монструозное количество информации — другое дело, что он просто не использовал полученные знания.

Так бы и остался весь этот комплект знаний бесполезным грузом, если бы не то обстоятельство, что он чудесным образом попал в тело молодого человека, обладающего просто феноменальной памятью.

Естественно, никуда, на самом-то деле, Мандубракий не исчезал — а если быть точнее, то исчезли обе первоначальные личности, и Мандубракий, и Артём. На их месте появился мутант — следствие синтеза двух этих личностей.

Конечно же, без проблем это не обошлось... но не будем сегодня об этом — я веду к тому, что благодаря тому обстоятельству, что Артём попал в тело Мандубракия, Артём значительно улучшил свой контроль над памятью, переведя его с уровня «ущербный» сразу на «феноменальный». В особенности за счёт неосознанного использования различных примитивных мнемонических техник (ну, а кроме того — новые гены означают и новое воздействие на организм, и, соответственно, личность) и немножко эйдетизма...

... Конец небольшого отступления ...

— Начало нового дня — начало новой тренировки! — тем временем, пока мы болтали с вами о природе памяти Артёма, уже давным-давно наступило утро, и пришла пора для утренних тренировок — начал он, естественно, с разминки. Собственно, ею и закончил — если, конечно же, не считать одного печального кадра, на котором Артём еле-еле висел на низеньком турнике (турник мог быть спокойно поставлен и на более высокое положение, однако Артём правильно рассудил, что он и с низким уровнем едва ли сможет хотя бы висеть). Печально, конечно, видеть то, как человечье ростишко около 185 сантиметров так страдает — держаться на носочках при упражнениях на перекладине просто унижительно для такого «лютого» спортсмена. К слову, в те времена подобный рост был верным признаком принадлежности к высшему сословию, потому что такие монстры могли появиться только в условиях стабильно обильного питания, что, как не трудно догадаться,

явно было недоступно бедным и замученным крестьянам.

— Господин, ваши уроки скоро начинаются... — к сожалению, всё хорошее когда-нибудь кончается — равно как и в этом случае, рабыня, отправленная другим рабом, Софоклом, прервала тренировки Артёма (которые её, естественно, удивили).

— И правда... — разумеется, Артёма это несколько опечалило, но, как-никак, уже, итак, прошёл час с лишним с начала тренировки, и пора бы её было закончить. Сразу же после тренировок Артём, естественно, устроил второй приём пищи (первый был за час-два перед тренировками — тренироваться натошак крайне вредно и очень даже опасно). Ел он, как ни странно — не так уж и много. Несмотря на то, что активная спортивная диета подразумевает употребление большого количества белка, да и вообще большое количество калорий в рационе, Артёма нельзя было назвать едоком — он, в лучшем случае, мог съесть тарелку-две каши с утра. Он буквально через силу засовывал в себя еду, пытаясь побороть свою экстремальную худобу. Добился ли он чего-нибудь этим? Ну, наверное, стал на шагочек ближе к функциональной неязвенной диспепсии, не знаю даже.

... Тем временем, в другом краю поместья, пока Артём принимал второй приём пищи ...

— Приветствую вас, господин! Погода сегодня особенно прекрасна, не находите? — тем временем, пока Артём снова через силу засовывал в себя еду, Софокл разговаривал с Эпоредориксом.

— Действительно — Галлия удивительное место, уникальное своей природой. Впрочем, я выделил в своём плотном графике немного времени для разговора с тобой не для того, чтобы провести его за бессмысленной болтовнёй о погоде, — естественно, он был здесь по весьма важному вопросу. Так что, как не трудно догадаться, на предложение поболтать о погоде он отреагировал весьма резко и довольно грубо.

— Как прикажете, господин, — и потому, в частности, Софокл не стал более раздражать своего хозяина своей «неуместной болтовнёй».

— Итак, что ты можешь сказать об успехах Артёма? Какой ты извлёк для себя урок из общения с ним? — собственно, Эпоредорикс, как уже упоминалось ранее, пришёл сюда не просто так — он здесь был для контроля образовательного процесса своего подопечного.

— Ну, для начала, я бы хотел выказать вам своё восхищение — не знаю уж, чьими стараниями юный Мандубракий оказался ознакомлен с классиками, но, честно сказать, я был этому обстоятельству приятно удивлён. Что касается его ума, я обязан отметить тот факт, что этот юноша — крайне сообразительный и умный малый. Он схватывает любую поданную ему информацию буквально на лету. Я могу смело заявить, что он обладает блестящим, живым умом. Впрочем, вынужден также признать, что он не проявляет особенного интереса к моим лекциям... — ну и, естественно, Софокл сдал Мандубракия с потрохами. Кто бы мог ожидать, да?

— Весьма странно... что-то я не припомню, чтобы кто-то преподавал ему труды классиков, — неужели вычислили нашего попаданца-милочка?

— Ха-ха, не стоит так стесняться — юноша прекрасно знает «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, сочинения Еврипида и других выдающихся мыслителей. Я могу только похлопать тому, кто сумел настолько блестяще передать всю красоту и симметрию гомеровской поэзии, трагизм Еврипида... — даже не знаю, как прокомментировать это.

— Слушай, ты мне зубы не заговаривай — ты лучше скажи, каким образом мой подопечный мог прочитать эти сочинения, если не знает греческого? — тем временем,

Эпоредорикс интересовался другим — откуда?

— Ну, для ознакомления с этими трудами необязательно знать греческий и уметь читать — он вполне мог и услышать их. В принципе, это наиболее вероятная версия. В конце концов, цитировал он мне их на кельтском языке. Ну, и его перевод, конечно, прекрасный, но далеко не идеальный. Так что, как не трудно догадаться, я склоняюсь к тому, что он всё-таки где-то услышал пересказ сих трудов, и просто хорошо запомнил его.

— Хм... — несмотря на высказанное предположение, причём весьма логичное, Эпоредорикс всё ещё что-то подозревал — по крайней мере, стоял он с явно кислой миной.

— Ладно, давайте не будем об этом — как-никак, господин Мандубракий должен явиться сюда с минуты на минуту... — ну и, естественно, поняв, что их «диалог» зашёл в тупик, Софокл решил сменить тему...

— Кто-то меня звал? — ну, а Артём... вы знаете — тот ещё чертяка. Едва вспомнишь о нём, как он тут же появляется...

— Да нет, мы просто обсуждали с господином, что вы с минуты на минуту явитесь... — естественно, Артём был всё же немного рано — в этот раз он съел лишь половину миски, поэтому освободился чуть раньше. Ну и, как не трудно догадаться, Софокл не мог не нервничать по поводу того, что паренёк слышал весь их разговор, потому что это было бы крайне неловко. Жаль, что он не учёл одного, когда пытался отделаться одним лишь нервным смешком...

— «Мы»? Когда я пришёл, вы были здесь одни... — того, что Эпоредорикс к тому моменту уже покинет его, не оставив и единого следа своего присутствия. Впрочем, ничего нового — зато сразу видно, у кого учились почтенные господа в Думах.

— Ах да, извините, я немного оговорился — я призадумался над тем, что вы должны, с минуты на минуту, явится на урок, *нервный смешок*, — жаль, конечно, что ничего лучше Софокл для своего оправдания не придумал, но... как говорится, с кем не бывает?

— Ну, как видите, я весьма пунктуален, уважаемый учитель, — естественно, эту неловкость тут же заметил Артём, решив немного поиздеваться над бедным. Впрочем, к спокойствию последнего, он лишь раскрыл этим тот факт, что ничего не слышал из их разговора, кроме самой последней части, в которой непосредственно упоминалось его имя. Ну, или, по крайней мере, старательно делает вид, что ничего не слышал — чего, к слову, также хватало для душевного спокойствия бедного старикана, откровенно уставшего от подобной грязи и внутрисемейных интриг.

— Да, несомненно, — конечно же, сразу после этого он значительно расслабился и даже отпустил небольшую саркастичную шутку, приправленную лёгкой, но весьма эффектной жестикуляцией рук.

— Итак, что у вас приготовлено для меня на сегодня? — что же, как оказалось, весьма обидно получать укол в ответ на укол — хотя это и было весьма ожидаемо. Собственно, поэтому Артём и сам поспешил соскочить с темы — тем более, что это была тупиковая ветвь их диалога.

— Ну, по плану мы должны были продолжить сегодня изучение греческого на основании трудов классиков, в частности, мы должны были начать чтение Анабасиса Ксенофонта, после чего приступить к основам арифметики и астрономии на основе трудов Аристотеля, приступить к основам логики и диалектики по трудам Платона. Сразу после этих теоретических лекций мы должны были продолжить вашу военную подготовку в качестве эфеба. В частности, мы должны были провести сегодня занятия по стрельбе из

лука, метанию копья и верховой езде. Однако, к сожалению, мы вынуждены отказаться от большинства физических упражнений по причине... нежелания ваших телес лишний раз себя утруждать, — эх изящно, эх прекрасно... пожалуй, стоит отдать должное этому господину — до подобных эвфемизмов надо ведь было ещё додуматься... одни словом — гениально!

Глава 15. Пока смерть не разлучит нас?

— Давайте опустим этот момент и перейдём непосредственно к Анабасису уважаемого Ксенофонта, — естественно, Артёма это крайне обидело, хотя виду он и не подал.

— Разумеется... — после чего господин Софокл, конечно же, начал свой пересказ абсолютно эпического похода 10 тысяч греков через всю Малую Азию...

... Спустя несколько часов ...

— «Итак, греки под предводительством стратега Клеарха приняли участие в битве при Кунаксе...». На этом мы, пожалуй, и закончим на сегодня. Полагаю, вы крайне утомились слушать мои речи, поэтому я не смею принуждать вас к тренировкам — вы не в кондиции для этого, — собственно, примерно 6 часов к ряду Софокл пересказывал Анабасис. По его задумке Артёму следовало сначала узнать содержание книги, и уже впоследствии, имея некоторый базис, приниматься за уроки письменности (Анабасис, являясь классическим образчиком древнегреческого, крайне широко использовался в качестве учебного пособия при его изучении). Впрочем, оставим как-нибудь на потом детали лекций Софокла, и выстроенного им учебного процесса, потому что сейчас нам необходимо затронуть немного более важную тему...

— Примите мою искреннюю благодарность, уважаемый учитель. Сейчас же, если вы не имеете что-то против этого, мне необходимо откланяться для участия в приёме гостей, — наконец-то начинается главное политическое событие Галлии! Впрочем, пока что всё выглядит весьма скромно — господа из племени секванов решили посетить своих родственников в племени арвернов с «дружеским» визитом.

— Разумеется, я не смею вас задерживать, господин, — ну и, соответственно, Мандубракию, как родственнику гостей, необходимо было участвовать при их принятии.

— Ну, тогда я, пожалуй, пойду, — собственно, именно поэтому его учёба на сегодня так рано закончилась — и вовсе не потому его Софокл пожалел, что ему жалко его хилого и слабого тельца, а потому, что его предупредил об этом Эпоредорикс.

— Удачи, — впрочем, разве могло это обстоятельство помешать ему выставить себя эдаким милосердным добрячком? Полагаю, что нет.

— И вам, — в любом случае, Мандубракий отделился от своего учителя и направлялся в сторону гостевого дома. Где, разумеется, только начали располагаться его «родственнички» из не столь уж близкого племени секванов (между оппидумами Везонций и Герговия расстояние порядка 335 километров).

... Спустя несколько минут, уже в гостевом доме ...

— Приветствую вас, дорогие друзья! Надеюсь, наш визит не слишком утруднит вас, — разумеется, речь шла о неофициальном визите секванов, поэтому и приняли их не арверны в лице Совета старейшин, а наиболее влиятельный род — в данном случае, род Битуита.

— Что вы, друзья! Ваш визит нам приятен и нисколько не затрудняет нас! — впрочем, как ни странно, у неофициального визита были вполне себе серьёзные геополитические причины состояться. Полагаю, кто-то всё ещё помнит о том, что в Галлии к началу второй четверти I века сложилась ситуация, которую охарактеризовать иначе, как гегемонию эдуев, не получится. Естественно, у них были свои противники — арверны и секваны, боровшиеся за доступ к Соне и Роне, а также их союзники и клиенты. Пока ещё активная фаза их противостояния не наступила, однако война уже была очевидной, и все стороны готовились

к ней. В частности, вот секваны прибыли к арвернам, чтобы заключить союз между двумя наиболее влиятельными родами — в дополнение к уже имеющемуся союзу между племенами, дабы тем укрепить силу их союза. Естественно, данное событие было выгодно и Эпоредориксу, стремившемуся к упрочнению своего влияния и расширению деловых связей с важнейшими союзниками. Так что Эпоредорикс не соврал, сказав, что визит родственников из союзного племени ему приятен.

— Что же, раз так, то, пожалуй, мы воспользуемся вашим гостеприимством, дорогой друг! — Впрочем, не стоит наивно полагать, что стороны заключили союз друг с другом по доброте душевной. Их действительно объединяла неприязнь к эдуям, однако её исток лежал вовсе не в оскорблениях и неуважении с их стороны, а в экономической плоскости — им не нравилось растущее влияние эдуев, и богатство и то, что они не хотят делиться им ни с кем. Они, равно как и все прочие, включая даже клиентов эдуев, лишь желали присосаться к торговому потоку «Сена — Сона — Рона», да так, чтобы ни с кем другим не делиться.

— Разумеется, мои дорогие друзья! Прошу, располагайтесь в доме! Надеюсь, вас не затруднит моя скромная просьба поучаствовать сегодня в нашем празднике по поводу вашего приезда? — так что, как не трудно догадаться, всё это было не более чем красивым спектаклем. Обе стороны имели свои собственные цели и мотивы, и держались друг друга лишь потому, что этого требовала объективная необходимость.

— Конечно же! Мы бы ни за что не посмели оскорбить вас своим отсутствием на столь важном празднике! — естественно, вся эта грязная ложь и лицемерие не могли не расстроить «благородного» Артёма. Едва он закончил с принятием гостей на правах представителя своего отца, как тут же сбежал оттуда куда-нибудь подальше. Вот так вот, собственно, он и очутился у небольшого пруда, который он совсем недавно заметил на одной из своих прогулок. Впрочем, к своему удивлению он обнаружил, что там уже расположилась прекрасная барышня, которую Артём. По всей видимости, она и была той самой дочерью Дивико, главы наиболее знатного и влиятельного секванского рода. По крайней мере, всё указывало именно на это...

— Привет! Меня зовут Мандубракий, сын Битуита, а тебя как? — естественно, Артём это заподозрил практически сразу же, потому что она была ему совершенно незнакомым человеком, в то время как он мог поклясться, что за последнюю неделю с лишним запомнил имя каждого знатного человека в городе. Чего он не понял, так это причины, по которой в составе делегации оказалось всего одна единственная представительница прекрасного пола, да ещё и молодая, красивая девушка. Ну, что же — тупость всегда сопровождала мужчин в подобных вопросах...

— И тебе привет, Мандубракий... — к сожалению, на его лучезарную улыбку и приветствие девушка отреагировала крайне вяло, даже не удосужившись представиться. Впрочем, именно тогда-то Артём и заметил, что девушка была в подавленном настроении. Он и сам, увидев грусть на лице столь прекрасной девушки, загрустил — как ни странно, это зрелище показалось ему крайне печальным.

— Чего же ты грустишь? Неужели кто-то обидел тебя? — и, естественно, он тут же попытался исправить это удручающее положение дел. Начав, разумеется, с расспросов, будто бы девушке было только их и не хватало для полного счастья.

— Да так! Подумаешь, меня всего-то собираются выдать сегодня замуж за какого-то неотёсанного мальчишку из твоего племени. Как ты мог заметить, я очень «рада» подобному повороту дел! — собственно, было вполне ожидаемо, что девушке не очень-то и понравится,

что очередной безымянный парень, постоянно залипающий на её пышные формы (ай-ай-яй, Артём!), начнёт допытываться до неё, мешая её рефлексии в тихом уголке. Впрочем, она хотя бы оживилась. Хотя, я сильно сомневаюсь, что целью Артёма было превратить опечаленную девушку в плюющуюся кислотой змею.

— Извини, если чем-то обидел тебя. Я действительно хотел помочь, но раз уж моё присутствие неприятно тебе, то я, пожалуй, пойду дальше по своим делам, — так что нет ничего удивительного в том, что Артём, оскорблённый, уже хотел уходить.

— Если ты действительно хочешь помочь мне, то, во-первых, перестань сверлить моих «девочек» своим взглядом, больной извращенец! Во-вторых, свали в туман! — впрочем, это не сильно спасло его от дальнейших прилюдных унижений. Убедившись лишней раз в своём желании поскорее свалить от этой чванливой дуры, Артём, плюнув на неё про себя, лишь бросил ей своё последнее слово, которое предназначалось лишь для него — по замыслу, его никто, кроме самого Артёма, не должен был понять:

— «Ой, да пошла ты!» — разумеется, не позволив себе оскорбить знатную даму на уже «родном» галльском, понимая, что его за это по головке не погладят, он, впрочем, не отказал себе в удовольствии послать её на три известные буквы, но уже на русском — шифр же, как-никак! Всегда ведь можно сказать, что это был комплимент, а ты попробуй потом, докажи обратное!

— Что-что? Погоди! Повтори-ка! — впрочем, вместо положенного недоумения и раздражения из-за непонимания речи собеседника, девушка оказалась потрясена до глубины души. Совершенно не думая о возможных последствиях, она моментально совершила молниеносный манёвр своей заколкой, приставив её к горлу Артёма. Одно лишнее движение, и вполне вероятно, что он на своей шкуре испытает, что такое 28 ножевых ранений...

— Ты что творишь, дурная?! Отпусти! — возможно, вы подумали, что это должно было успокоить нашего буйного мальчика, но вы, увы, слишком наивны — как и у любого типичного жителя современности, у него было совершенно атрофировано чувство опасности — он недооценивал любую угрозу и очень часто не понимал всю рискованность предпринимаемых им действий. Так что, разумеется, он попытался выбраться из захвата, но, к его же счастью, он ничего не смог сделать со своей хиленькой тушкой. Наоборот, захват стал только надёжнее и сильнее, а угроза становилась тем более явной, что шпилька упиралась в его упругую и нежную кожу с всё большим приложением силы из секунды в секунду.

— «Попался, урод! Кто ты такой и откуда знаешь русский?» — естественно, девушка тут же начала допрос. Первый и самый простой вопрос, прозвучавший, к слову, на русском — откуда Артём, собственно, знает русский, если его может знать только пришелец из будущего?

— «Ладно-ладно! Отпусти меня, и я расскажу!» — ну, а Артём, как не трудно догадаться, как типичнейшая неженка, тут же раскололся и решил сдать самого себя со всеми потрохами. Честно сказать, я разочарован!

— «Нет, ты расскажешь мне всё и прямо сейчас, а не то твой труп никогда не найдут!» — но девушка, видимо, уже закалённая опытом пребывания в данной линии истории, была жестока, беспощадна и решительна, прямо как какой-то уголовник. Хотя, естественно, она лишь соответствовала своей мрачной эпохе.

— «Ладно! Хорошо! Меня зовут Мичурин Артемий Рустамович! Я попал сюда после

того, как умер во время авиакатастрофы!» — впрочем, недолго длилось представление — стоило ей только услышать его ФИО, как у неё из рук тут же выпала заколка, которой она только что угрожала ему. После чего Артём, совсем недавно не имевший возможности даже шевельнуться в объятиях мощной девушки, внезапно сумел вырваться...

— «Артём?» — как оказалось, ненадолго, ведь всего через пару секунд она вновь схватила его в свои объятия. Сразу же после этого девушка совершенно неожиданно заплакала, да так, что её слезами можно было бы вновь наполнить Аральское море, и ещё для Каспия хватило бы.

— «Что с тобой? Ты совсем с ума сошла?» — разумеется, Артём, как типичный тупица, ничего не понял (или не захотел понимать), и потому продолжил гнуть ту же самую линию...

— «Ты разве не понял? Это же я — твоя Танюша! Ах, как же я соскучилась по тебе! Ты даже не представляешь, как мне было тяжело без тебя эти 11 лет...» — впрочем, недолго скрипка играла, недолго дурак плясал — до него наконец-то дошло, что перед ним его дорогая Танечка, та самая, по которой он так «соскучился». Кстати, я уже говорил вам, что Артём — тот ещё гад? Нет? Ну, что же — теперь это для вас не секрет!

— «Таня? Но как..? Я думал, что остался один!» — впрочем, пока что мы опустим этот неприглядный факт, потому что и сам Артём предпочёл скрыть то обстоятельство, что за эту неделю он ни разу о ней не вспомнил.

— «Я тоже — я искала тебя все эти 11 лет, но нашла тебя только сейчас... АХ ТЫ Ж ЧЕРВЯК ПОХОТЛИВЫЙ!» — хотя, к сожалению Артёма, его жёнушка довольно быстро вспомнила, с каким взглядом он пожирал её. После этого она буквально за наносекунды вспомнила, что в тот момент он совершенно точно не знал, что она — его Таня, та самая, и связала два этих факта между собой. Результат — смачная такая пощёчина, от которой дохленький Артём чуть ли не моментально скончался (по крайней мере, ощущение невыносимой жгучей боли толкало его к мысли, что это было бы предпочтительней). Пожалуй, здесь даже нечего добавить — Артём сам нарвался на это. Хотя, вынужден признать, что и осуждать его за то, что он, находясь в теле молодого парня, переполненного различных гормонов, не был столь верен своей жене, о судьбе которой он мог только догадываться, нельзя.

— «Ау, за что?» — хотя, нет — в случае этого дурака никакие оправдания не работают. Чтобы быть настолько тупоголовым в амурных вопросах — это ещё надо постараться так умудриться.

— «За то, с каким взглядом смотрел на меня!» — впрочем, рано парень расслабился — за непонятливость ему прописали ещё одну целебную пощёчину. Жалко конечно, что такое смазливое личико отбивают, будто говяжьё отбивную, но что уж поделать, если это заслуженно...

— «Ты же моя жена! Почему я не могу на тебя смотреть так, как хочу?!» — ладно, забираю свои слова — этого уroda мне совершенно не жалко.

— «Да, но в тот момент ты не знал того, что я твоя любимая Танечка!» — естественно, за подобное ему снова прилетела жгучая пощёчина, однако, в отличие от прошлого раза, в ход также пошли удушающие приёмы. Потому что иначе, как удушением то, с каким усилием Таня сжала Артёма в своих объятиях, я назвать не могу.

— «Ладно-ладно! Прости, я больше так не буду!» — к счастью, Артём, пускай и с третьей пощёчины, всё же догадался, что ему нужно произнести...

— «Дурак...» — и его слова, будто какое-то заклинание, тут же возымели эффект — Таня буквально растеклась в объятиях своего мужа, будто его послушная девочка, хотя была сильнее его раз в 10 на данный момент, наверное. В общем-то, зрелище было не для слабонервных — со стороны это выглядело так, будто бы этот монстр, скрывавший свои мощные мускулы под слоем элегантной одежды, вот-вот отдастся Артёму.

— «И всё же, что с тобой случилось? Я попал сюда всего неделю назад, так как же тогда получилось, что ты провела здесь уже больше 10 лет?» — некоторое время они так и провели в объятиях друг друга, пока в теле Тани смущение не взяло вверх, возвратив разуму контроль над телом. Сразу же после этого Артём, естественно, задал свои дурацкие вопросы, совершенно разрушив, тем самым, романтическую атмосферу, только установившуюся между ними...

Глава 16. Большие откровения, маленькие продвижения

— Ну... я попала в тело маленькой девочки, лет приблизительно 8, после чего жила 10 лет, вынашивая некоторые планы по улучшению своего материального положения, так скажем. Однако, разумеется, я, при всех своих знаниях, умудрилась не учесть местные обычаи, культуру и так далее — ну и, как результат, мне пришлось согласиться на брак с тобой. В тот же момент я, естественно, сделала определённые коррективы в своих планах, в результате чего ты вошёл в них, как очередной винтик чёткой, продуманной системы... — конечно же, Танюха решила пояснить ранее сказанное ею, так как её замысел, выясненный в последнем предложении, вовсе не потерял своей актуальности. Наоборот, теперь всё стало лишь проще, так как с Артёмом, единственным человеком, которому она реально могла доверять в этом мире, она могла поделиться всеми своими замыслами и мыслями, причём на языке, абсолютно недоступном для окружающих. Ну, разве не блестящий, поистине прекрасный финал у сей истории?

— Знаешь Таня, ты такая сука! Властная тварь, жестокая падаль и, что самое главное, всегда решительная, словно отчаянный уголовник при побеге! К счастью, именно за это я тебя и люблю! — действительно, два упыря нашли друг друга! Разве найти лучше пару на свете, чем пару ублюдков?

— И я тебя, монпёти бата! Хотя, честно признаться, не думала я, что ты и здесь займёшься старым добрым садо-мазо, — правда, не совсем уверен, что подобные отношения можно назвать классическим примером любовной истории. Одно я знаю, причём точно — миру явно стало лучше от того, что у этих ребят не появился на свет свой маленький монстр!

— В любом случае, что теперь-то делать? Продолжим придерживаться твоего плана? — впрочем, муж и жена вдруг решили заговорить про дела, отвлекаясь, таким образом, от своеобразного воркования, столь страстно ими практикуемого.

— Эм, пожалуй, нет. Я, конечно, чего-то да стою, как историк, но без толкового экономиста и правоведа, вроде тебя, вряд ли составлю сколько-нибудь грамотный план, включающий определённые тонкости. К слову, так как ты вряд ли в курсе, я сразу дам тебе две важнейшие вводные — сейчас 73 год до нашей эры, мы в Галлии, и через 2 года в этой самой Галлии начнётся полная жопа. И да, примерно через 13 лет и вовсе начнётся капитальный пипец, так как в Галлию вторгнется Цезарь со своими ордами. Ну, по крайней мере, именно так всё и случится, если ничего не сделать. Итак, что ты думаешь? — да, женщина, конечно, крутая — вывалила столько оперативной информации на муженьке, что будь здоров. Ему бы хотя бы к вечеру осмыслить то, что через 2 года начнётся вакханалия и хаос, а она на него вываливает ещё больше информации...

— Ну... два года, говоришь? — впрочем, Артём всё же попытался справиться с прессингом, который к нему в одночасье применила его госпожа и жена по совместительству.

— Да. За два года нам надо накопить такую критическую массу, чтобы вокруг себя консолидировать Галлию, либо нам придётся столкнуться с последствиями войны. В частности, моё племя, племя секванов, будет в первой двойке наиболее пострадавших, — впрочем, если вы подумали, что Таня исправится и, наконец-то, перестанет давить на своего мужа, то вы, дорогие читатели, глубоко ошибались. Разумеется, она вывалила на него ЕЩЁ

больше информации, чтобы муженьку жизнь мёдом не показалась.

— Ну... вообще, если судить чисто логически, то консолидировать Галлию мы можем только одним способом — экономическим, и уже впоследствии — правовым, как способ закрепления фактического положения. Судя из того, что я уже узнал, пока что это лучше всего получается у эдуев. Таким образом, если мы хотим как это исправить, нам нужно грамотно применить наши ограниченные ресурсы в узких областях, чтобы получить тактическое экономическое преимущество, перехватить лидирующую политическую позицию в Галлии, и уже после этого, имея определённый жирок, так сказать, начать набирать дальнейшую массу, закрепляя контроль над регионом. Я не совсем уверен, что мы смогли бы достичь чего-то подобного за два года, даже если бы в нашем распоряжении были бы все ресурсы обеих наших племён. Ну, а раз уж ты фактически исключаяешься из политического поля племени секванов по причине брака со мной, а я не являюсь самостоятельным экономическим субъектом, то получается, что мы совершенно точно не сможем выполнить настолько грандиозный замысел по захвату власти в огромнейшем регионе. Ты уж прости, Таня, но я совершенно не вижу каких-либо возможностей осуществить нечто подобное, — жаль, конечно, что Артём решил тут же всё обгадить, заявив, хоть и не без основания, об абсолютной неосуществимости замыслов подобного масштаба. К несчастью, сегодня он обойдётся без женской ласки...

— Господин... господин! *Одышка*, — или..?

— Трагедия, *одышка*! Разгромив вдребезги врага, ваш отец скоростижно скончался от болезни! — король умер, да здравствует новый король!

— Эм? Что значит «умер»? Как у тебя вообще язык повернулся сказать подобное? — естественно, Артём был в шоке, и хотел он было уже конкретных таких люлей прописать рабу, поспешившему сообщить своему новому господину о смерти его отца в подобном тоне, как его вдруг остановила Таня.

— Значит, что теперь ты здесь хозяин, Артём! Ну что же, мой план кажется не таким уж и невозможным? — и, прямо в присутствии бедного раба, заговорила на своём родном русском языке о своих секретных планах. Удобно, наверное, иметь возможность излагать любые свои мысли без какой-либо опаски, прекрасно понимая, что лишнее ухо просто не в состоянии понять твою речь. Хотя, о чём это я — конечно же, это очень удобно. Я и сам этим пользуюсь, а потому железно ручаюсь!

— Крайне сомневаюсь. Хотя, зная тебя, ты всё равно не отстанешь, так что, пожалуйста, изложи свои идеи поподробнее, чтобы я смог хотя бы обдумать их экономическое содержание, — впрочем, возвращаясь к нашим баранам, следует сказать, что Артём, в кой-то веки, проявив весь свой недюжинный ум в правильной области, догадался, что его жену не остановит даже танк, и потому следует просто сдаться, поддавшись ею уговорам. К слову, раб всё ещё стоял при них, совершенно шокированный и не понимающий, что происходит. Прекрасная картина!

— Видишь ли, я, пока ждала своего часа, не сидела просто так, без дела. Нет, наоборот — опытным путём, пользуясь широкой поддержкой многих кузнецов и плотников, сделала несколько важнейших приготовлений. В частности, с их помощью я смогла создать рабочую версию водяной мельницы. К несчастью, на моей родине её не оценили по достоинству, поэтому я предлагаю развернуть их активнейшее строительство на твои ресурсы здесь, во владениях племени арвернов, а если быть совсем точными, то на твоих землях. Ну, что думаешь? — неплохая идея, мадам. К сожалению, вы, дорогая Таня, не учли одного важного

обстоятельства — вашу водяную мельницу ведь не оценили по достоинству вовсе не потому, что все секваны такие глупые и ничего не понимают, а потому, что в твоём изобретении нет никакого смысла. При текущем уровне развития сельского хозяйства создание целой сети водяных мельниц будет выглядеть также несуразно и глупо, как танк, запряжённый волами, стреляющий камнями. В общем, какой толк от подобной инновации, если она создана просто потому, что так захотелось Тане, а не потому, что эти водяные мельницы отвечают на реально существующий спрос в подобном новшестве (вернее, они отвечали ему, просто этот спрос был не так значителен, чтобы эта инновация получила широкое распространение)? Пожалуй, ответ более чем очевиден.

— Ну, во-первых, если это всё, чего ты добилась за это время, то это как-то... печально, наверное? Во-вторых, какой толк нам вкладывать гигантские средства в капитальное строительство, тем более в сельское хозяйство, если эти затраты окупятся, в лучшем случае, через десятилетия, а нам уже через год надо быть сильными и могучими в достаточной степени, чтобы победить в конкуренции за руководящее положение? В-третьих, какой толк нам строить эти мельницы, если они не обслуживают постоянный рост урожайности? Нет, разумеется, это будет полезным в любом случае, но лично мне кажется, что это неэффективная трата средств. Если быть точнее, то мне вообще крайне странной идея развивать хозяйство интенсивным методом, потому что это экономически неэффективно в текущих условиях. Гораздо более эффективной будет, как мне кажется, борьба на внутренних слабостях оппонента... — собственно, подозрительно похожее мнение высказал и Артём. По сути, он был прав — предложенные Таней меры неэффективны в сравнении с имеющимися альтернативами, и далеко не самые надёжные. В данном случае было бы уместным, пожалуй, сказать о том, что Артём был холодным прагматиком и чётким рационалистом, то время как Таня — идеалистом, предлагавшим менять мир через силу. Естественно, представляя своих далёких предков некими идиотами, ничего не смыслившими в жизни, в то время как она то, как современный человек, точно знает, что и как должно быть устроено, чтобы всем вдруг стало хорошо.

— Ну, раз уж ты начал обижать меня, то, во-первых, это, естественно, не всё, чего я достигла. Я также «изобрела» рыцарское седло, стремяна, кавалерийские сапоги, кавалерийскую пику. Кроме того, я открыла автоматический кузнечный молот на водной тяге, латные доспехи, спату, ламеллярную и пластинчатую броню, сеялку, жернова, тяжёлый железный плуг, оголовок, а также многое другое, — разумеется, глубоко обиженная пунктом первым, Таня начала перечислять абсолютно всё, что сумела заново открыть.

— Чёртова башкирка! Как говорится, можно выгнать кочевника из степи, но степь из кочевника — никогда. Какого такого фига у тебя большая часть твоих «открытий» связана с лошадьми, прямо или косвенно? — впрочем, её мужа интересовало только то, что Таня, и ведь действительно, большинство своих открытий связала с конницей. Интересно, почему же это так?

— Ну, Артём, чего тупишь то? Я мало того, что потомок древних кочевников, так ещё реконструктор и историк-оружиевед, да ещё и медиевист, а тут я ещё и с раннего детства оказалась в седле. Тут же сами звёзды сложились, чтобы я занялась этим делом, как ты не понимаешь! — к удивлению Артёма (искреннему, потому что этот дурачок не сильно следил за деятельностью своей жены на поприще исторической реконструкции), его жена оказалась самым настоящим всадником, прямо-таки до мозга костей. Внезапные откровения, не иначе!

— Ладно, допустим, но как же так получилось, что ни одно из твоих изобретений,

многие из которых, очевидно, были бы крайне полезны для твоих соплеменников, до сих пор не распространены? — впрочем, муж был всё также неуклонен в своём осуждении. Разумеется, он, мистер зоркое суждение, быстро обнаружил некоторое противоречие между предполагаемой полезностью некоторых изобретений и степенью их распространения, и потому решил ударить в это, очевидно слабое, место, как только ему представилась возможность ударить вновь.

— Ну... — и его жене, как не трудно догадаться, было настолько трудно без обмана ответить на этот, казалось бы, простой вопрос, что из этого вытекал лишь один, и в то же время крайне очевидный, вывод.

— Дай угадаю — большая часть твоих проектов так и не получила физической реализации, так и оставшись на бумаге? — и, разумеется, последовал добывающий вопрос. Таня оказалась, не мудрено, в крайне трудном положении, лишённая всяких аргументов для защиты (в фигуральном, а не буквальном, плане) и, таким образом, посрамлённая в споре.

— Знаешь, мне было крайне непросто найти денег на хотя бы пергамент! Естественно, мне, как женщине, да ещё и глупой девчонке, никто не решился доверить значительных средств для практической реализации моих задумок! Тем не менее я всё-таки сумела составить с чужой помощью грамотные чертежи! — ну и, конечно же, ничего, кроме как признать своё полное поражение, ей не оставалось.

— Говоришь, чертежи есть? — внезапно, Артём переменял свой интерес с чисто номинального унижения жены (чтобы заслужить «ночное наказание» от своей госпожи, разумеется) на практически значимую тему. Как-никак, если у жёнушки были чертежи, то можно было попробовать реализовать их на практике.

— Разумеется, они при мне. К слову, при мне не только чертежи, но и несколько мастеров, чей вклад оказался воистину неоценим для меня при составлении проектов... — что, естественно, привело к тому, что настроение его жены значительно улучшилось ведь в кой-то веки, она смогла похвастаться своими достижениями.

— Это прекрасно. В таком случае, *переход с русского на галльский*, этот слуга, я так полагаю, будет с охотой заглаживать свою вину за оскорбление моего отца? — естественно, Артём, уже привыкший к использованию рабского труда на своё благо, немедленно поручил это дело слуге. Которому, как уже упоминалось ранее, «посчастливилось» простоять всё это время подле своих господ, пускай и в некотором ступоре.

— Разумеется, господин. Одно лишь ваше распоряжение и этот ничтожный сделает всё по высшему разряду! — разумеется, слуге ничего не оставалось, кроме как принять своё новое поручение. Печально, конечно, что ему придётся весь день, и возможно даже весь следующий день, провести в беготне между различными мастерскими, но что уж поделать — нечего было хлопать глазками.

— Прекрасно. В таком случае, поручаю тебе свою даму сердца — препроводи её туда, куда она только захочет. Слушайся каждого её приказа, и береги как зеницу ока! Понял? — ну и, собственно, Артём отослал свою жену вместе с рабом, чтобы она заняла себя полезным делом на то время, пока заканчивают последние приготовления для приёма гостей.

— Так точно, господин! — внемля указаниям своего хозяина, раб уже готовился было покинуть его, как тот, вдруг, окликнул его:

— К слову, если с неё упадёт хоть волосок — тебе не жить, понял? — естественно, чтобы передать ему свою угрозу.

— Р-разумеется, господин! — конечно же, раб прекрасно понял, что к чему и, наконец-

то, отправился вместе с «дамой сердца» Артёма, смущённой подобным обращением, дабы препроводить её туда, куда она только пожелает, как и было ему велено...

Глава 17. Немного странной теории

Артём же, пока Таня разгуливала по мастерским, дабы заказать самое необходимое, то есть, качественное конное снаряжение и обмундирование — по логике Тани оно должно было совершить военную революцию.

Её логика была проста — в рамках военного искусства времён поздней республики применение кавалерии в качестве главной боевой единицы войска было попросту невозможно в силу особенностей военного снаряжения.

Во-первых, не было каркасного рыцарского седла со столь характерными для него высокими луками (порой они доходили до торса, чтобы рыцарь просто не вылетел после своего же таранного удара, который мог достигать силы в 217 Дж).

Во-вторых, не было удобных стремян, с которыми можно было бы оторваться от седла и, таким образом, принять условное положение «стоя». Ну, и кроме того, без стремян, конечно, было неудобно ещё и в том смысле, что всадник сильнее уставал, особенно при езде по сложной местности. Верховой езде то всадник всё равно обучался без стремян, потому что иначе было бы просто трудно научиться балансу (а без него никуда, хоть со стременами, хоть без них) в седле, а так хотя бы удобнее разъезжать.

В-третьих, не было хотя бы кирасы — куда же в таком случае крюк для упора прицепить? На кольчужную рубаху? А ведь крюк, между прочим, увеличивал силу удара, в среднем, чуть ли не вдвое.

Таранный удар без крюка — 97, 100 или 127 Дж, или таранный удар с крюком для упора копьё — 217, 216 и 206 Дж соответственно. Разница, как ни странно, на лицо.

А ведь тут бы ещё неплохо вэмплейтом обзавестись — это и дополнительная защита от снарядов, и дополнительная защита от ударов. Как-никак, вэмплейт, за счёт своей сильно вытянутой формы, отводил копьё противника в сторону, не позволяя передать всю кинетическую энергию удара, особенно опасного для рук всадника (как регулярно показывала практика, таранный удар любым копьём, и особенно тупым турнирным, мог спокойно поломать бедному противнику кости руки, несмотря на защиту в лице рукавиц)

В-четвёртых, где же взять отличных боевых коней? Не каждый ведь конь подойдёт для того, чтобы разъезжать на нём в весьма и весьма тяжёлых доспехах. Нет, наоборот — подойдёт только и только боевой, именно что верховой конь, специально обученный для мощного спринта с места.

К слову, раз уж заговорили о спринте, то крайне важно понимать, что средневековые рыцари не начинали галопировать чуть ли не за километр от противника.

Нет, они медленно, почти шагом, сначала приближались к врагу, и не потому, что не хотели, а потому, что не умели долго сохранять плотный строй, нога к ноге, при галопе. И это совершенно нормально, потому что сохранение строя — вовсе не тривиальный навык.

Нет, наоборот — медленно набирать скорость, сохраняя при этом плотный строй (в идеале — в две шеренги глубиной, чтобы в бой могла вступить как можно большая часть конницы, но для этого необходима отличная выучка, поэтому для рыцарского клина вполне нормальным было построение прямоугольником с глубиной в 30–40 шеренг, где будет достаточно выставить самых опытных вперёд, чтобы они просто повели за собой эту кавалерию), будучи чуть ли не в километре от противника, а потом ещё и настигать противника на полном галопе с тем же самым строем — вот вершина кавалерийского

искусства.

И, к великому сожалению, так не умели ни галлы, превосходные всадники, ни какие-либо другие, не менее известные, в том числе и средневековые рыцари, даже когда речь заходила о военно-монашеских орденах. Этой вершины кавалеристы достигли лишь в XIX веке, да и то речь там уже шла о совершенно других людях, когда уже были специальные породы лошадей, муштра и всё прочее.

Так что, как бы печально это ни было, всё же приходилось брать специального боевого коня, который был дороже любого другого, даже хорошего, коня, причём чуть ли не втрое. Ну, а кроме того, он ведь не один нужен был — их нужно было, по-хорошему, около трёх (чтобы было чем сменить лошадь под всадником, если её убьют во время боя). Разумеется, тут уж просто никаких деньжищ уже не напасёшься.

Учитывая затраты только на коня, уже становится ясно, что ни одно государство, вынужденное содержать регулярную армию, не смогло бы выдержать экономической нагрузки, создаваемой одним единственным рыцарем.

В-пятых, не было соответствующей необходимости — пехоты было более достаточно. Учитывая то, что плотный строй пехоты был крайне прочен, а разрушить его вне особых условий представлялось невероятно затруднительным при наличии подготовки у бойцов, не было ничего странного в том, что именно ей отдавали предпочтение, и особенно в Риме, где была сильна пехотная традиция.

Таня, разумеется, намеревалась это кардинально изменить. Она собиралась воспользоваться тем преимуществом, которое было у всех профессиональных галльских воинов — наличие превосходных коней, отличная кавалерийская выучка и соответствующая ей традиция конного боя (а это крайне важно), а также возможность оснащать себя на собственные деньги за счёт эксплуатации низших классов. Она собиралась превратить кавалерию в кулак, который превзойдёт римскую армию.

И, вопреки намерениям заказать экспериментальные образцы конного снаряжения и приверженность к коннице, Таня решила начать с другой стороны.

Вероятно, вы не успели ещё забыть то, о чём вам поведали всего два абзаца назад, и всё же повторим — конницей победить плотный строй обученной тяжёлой пехоты, которой бы руководили умелые командиры, практически невозможно. Даже не имея пик, она прекрасно сможет отбить атаку конницы, для чего ей достаточно будет выдержать первоначальный натиск тарана, сохранив строй. Да, ей нанесут некоторые потери, но это будет не критично, потому что в отместку она ударит всей своей массой по отступающей коннице и, очевидно, с оглушительным треском разобьёт её, не оставив ей и шанса. После этого сражение, разумеется, будет предрешено, если вы делали ставку именно на кавалерийский кулак тяжёлой конницы. То есть, подобный удар будет фактическим самоубийством.

Ну и, как не трудно догадаться, ключевую роль в победе пехоты над конницей в данном случае сыграет именно строй. Соответственно, чтобы пехота проиграла, необходимо обеспечить ситуацию, когда вражеская пехота потеряет строй. Что для этого нужно?

Правильно — стрелки. Причём не просто стрелки, а много стрелков. Стрелков должны защищать, в первую очередь от вражеской же кавалерии, кто? Правильно, воины.

Таким образом, начав с идеи мощного кавалерийского кулака, она быстро дошла до необходимости грамотного сочетания пехотных масс, способных удержать противника на месте, стрелков, способных хоть сколько-нибудь повредить вражеский строй, и кавалерии, способной сначала разгромить вражескую кавалерию на флангах, а уже затем — ударить в

тыл беззащитной пехоте.

То есть, она пришла к Каннам и Каррам, как двум блестящим образцам того, как нужно бороться с плотными боевыми порядками пехоты, в частности, с римским пехотным строем. Главные составляющие успеха по Тане, вот таким макаром, стали — грамотное взаимодействие между различными родами войска, стратегическая и тактическая инициатива, а также наличие мощного и, что самое главное, мобильного ударного кулака. Что для этого нужно? Ну, дисциплина, наличие опытных командующих, а также создание элитной воинской силы, способной исполнять роль ударной части войска. В общем, ничего нового она не придумала.

Другое дело, что всё это было лишь в её голове, то есть, представляло собой знание не практическое, а теоретическое, и фактический результат её усилий будет зависеть вовсе не от неё, и даже не от конкретно военных действий. Вовсе нет, потому что всё, как ни странно, будет зависеть от того, как хорошо Артём справится с обеспечением необходимой для этого материально-технической базой.

Ведь, как-никак, размышлять о баталиях, шеренгах и глубине строя можно хоть до посинения, пока все присутствующие не передерутся под бухой вой, а то, с чем придётся Тане иметь дело, как ни крути, будет зависеть только от того, сколько денег у неё будет под рукой. Будет много денег — будет блестящая мушгрованная пехота, хоть с арбалетами, хоть с мушкетами, а в придачу к ней будет 4 тысячи жандармов, а если будет шиш с маслом, то будет у неё ровным счётом ни-че-го.

Собственно, именно обеспечением экономического успеха в данный момент Артём и занялся, прекрасно зная эту горькую правду жизни. Тем более, что ни в чём другом он не был так хорош, как в экономике.

Впрочем, прежде чем заняться непосредственно вопросами денежными, Артёму предстояло решить другую проблему — политическую. Ему необходимо было как можно скорее заявить о себе, как о наследнике, и не было лучшего способа сделать это, как представиться в качестве одного перед лицом публики, а после — закрепить свой статус браком с другим важным родом.

Естественно, у него, как у прямого и единственного наследника Битуита, было преимущество, но оно могло быть очень скоро нивелировано, если он промедлит и, тем самым, породит сомнения в себе.

Да тот же Эпоредорикс, что бы он там не заявлял о своей верности интересам семьи, мог занять его место, устранив Артёма при помощи верных себе телохранителей. У него значительный авторитет, политический капитал, а также многое иное — он просто опасен.

Соответственно, его нужно было устранить от возможности нанести удар Артёму. Чтобы сделать это, ему нужно было оказаться у вернувшихся солдат раньше, чем Эпоредорикс. К счастью, у него было три преимущества — первое заключалось в том, что он был ближе к солдатам, чем Эпоредорикс, второе было в том, что Эпоредорикс был занят обеспечением приёма гостей. Третье, оно же главное — Эпоредорикс вряд ли воспринимал его как достойного политического противника. К слову, весьма зря — нынешний Артём был лишь отчасти современной лапочкой, и при опасности в нём вылезал тот монстр, который хоть и исчез большей частью после несчастного случая с Мандубракием, но всё ещё оставался, пускай и где-то там, глубоко внутри его новой личности...

Глава 18. Враг рода человеческого

... Hostis humani generis ...

— Храбрейшие воины, приветствую вас! — разумеется, не прошло и получаса, как он уже собрал всех воинов пред трибуной. Очевидно, он решил произнести речь, которую, как не трудно догадаться, начал с приветствия.

— *Тишина* — впрочем, воины, собранные на плохо подготовленной площадке, не совсем понимали, к чему они здесь. Они крайне устали после похода и жаждали насладиться тёплым кровом, сладким мёдом и вином, а также сочными яствами. Они жаждали славы и почёта в чертогах вождя, однако оказались вынуждены торчать у трибун, стоя на холодном ветру, а ради чего? Ради того, чтобы какой-то там молокосос, даже не отважившийся участвовать в последнем походе, произнёс перед ними речь. Не нужно быть и семи пядей во лбу, чтобы понять, что они были крайне скептически по отношению к нему и тому, что им предстояло услышать.

— Полагаю, все присутствующие задали себе главный — почему же вы оказались здесь, вынужденные претерпевать очередные лишения? Что же, я скажу вам — вы вынуждены стоять здесь под холодными ветрами, отрезанные от вкусной пищи, тёплого крова и вина, потому что враг возымел силу в нашей великой стране, пока вы, величайшие воины Галлии, совершали подвиги! — и потому, не томя воинов, он приступил к самому важному.

— *Перешёптывания* — сомнение, пожалуй, страшнейший враг любой победы. В любой ситуации необходимо быть решительным, безудержным и уверенным в своих силах. Сейчас же воины, столь славные своими подвигами, представляли типичнейшую толпу, и, как ни странно, её одолевали сомнения и, думаю, нет никакой нужды пояснять, что речи Артёма возбудили в них опаску. Нет, их не охватил страх, но первый шаг к тому был сделан — он зародил в них семя сомнения, и, очевидно, собирался обильно удобрить его эмоциональными речами.

— Он боится ваших могучих ударов, вашей отваги и силы, потому что он сам лишь жалкая марионетка, исполняющая чужую волю! Чужой для нашей культуры, он предал наших богов! Его не прельщает наш язык — ему больше по душе латынь! Пока вы отсутствовали, он завладел всем советом, отравил разум мудрейших из нас мыслью, будто бы ваш великий вождь, Битуит, опасен, ибо «у него слишком много заслуг». Их вовсе не прельщали ваши заслуги перед нашим племенем, перед нашим народом, перед нашей Галлией! Они убедили себя, что вы — угроза их власти! И теперь, когда вы вернулись, эти неблагодарные боятся вас в два раза сильнее, ведь боятся того, что вы накажете их за грехи, за предательство, за гнусную жестокость! — разумеется, он, без единого сомнения, как и подобает уверенному в себе политику, начал буквально поливать своих текущих политических врагов грязью. Не жалея себя, он, чуть ли не с пеной у рта, стал смешивать правду с ложью, вливая получившееся варево в уши озлобленных воинов. Он стал им внушать, что внутри свирепствует враг, и что он желает изничтожить их, как последний оплот «правды». Подло, бесчестно и жестоко Артём насильствовал истину — разумеется, все необходимые для того знания он имел, ибо ему было у кого учиться. Даже больше — ему пришлось на собственной шкуре ощутить последствия тлетворного влияния безупречной, профессиональной полуправды, лично прощупать её гнилую натуру...

— Изменщики! Предатели! — и, к счастью, ему удалось начать бурление среди масс

воинов. Воины поддержали речь Артёма своей яростью. Каждый был обуян злобой, разум каждого из них был отравлен сладкими речами Артёма.

— Но я знаю — вы, великие воины, не купитесь на их лживые речи, потому что теперь вы знаете, что ваш враг, с улыбкой изливая вам сладкие речи, вместе с тем держит за своей спиной острейший из ножей. Нет ему прощения! Я верю — вы накажете зло! Вы накажете этих ублюдков за те зверства, что они совершили в ваше отсутствие — накажете их за то, что они покусились на вашего вождя! За Битуита! За Галлию! — получив нужный отклик, Артём, не медля и секунды, тут же спрыгнул с трибуны, выхватил свой блестящий золотом и прочим блеском меч и тут же направился на священный холм, где заседал сенат.

— За Битуита! За Галлию! — и, разумеется, заряженные его пропагандой, они последовали за ним. Мощной поступью отдавалась их поступь, и было уже совершенно очевидно, что скоро на святом холме разыграется трагедия...

... Спустя некоторое время, уже на месте заседания совета старейшин ...

— Пожалуй, нет нужды сообщать, что секваны — наши верные друзья. Не раз они доказывали свою честь, заслоня собой Галлию от атак свирепых германцев! Великие воины, справедливые и честные — они будут для нашего племени лучшими друзьями! — тем временем, в совете происходило бурное обсуждение по поводу заключения официального договора о дружбе между племенем секванов и племенем арвернов.

— Убить всех предателей! — как вдруг, в их обсуждение врезался боевой клич. Это были воины, возглавляемые Артёмом. Естественно, среди диких, истошных и хтонических криков, издаваемых воинами, а также громоыхания кольчуг и мечей, тем более на фоне оглушительной поступи, никто не слышал Артёма, но оно и не было нужно — он, словно Полярная звезда водит моряков, вёл за собой орду обезумевших воинов, дабы приступом взять совет старейшин. Нет, не так — он вершил историю. Иронично, что тем самым он эту историю и повторил, но что поделать — история всегда найдёт способ обесценить любые твои усилия и сделать из них не более чем притчу во языцех. Впрочем, разве имеет это сейчас значение?

— Что?! Что вы... — полагаю, что нет. Наверное, мне не стоит этого делать, но...

— ПРИВЕТ ИЗ АДА! — прокричал Артём, после чего началась натуральная резня. Н дав старейшине сказать что-либо, он моментально полоснул его. Несмотря на то, что Артём не считал себя сильным человеком, хороший меч сделал своё дело — будто росчерком пера, Артём сделал режущий удар своим длиннющим мечом, попав по удивлённому и широко раскрытому рту престарелого мужчины, в результате чего медиальная крыловидная мышца оказалась разрублена пополам с обеих сторон. Естественно, для него это означало то, что он уже никогда в своей жизни не сомкнёт свои челюсти. Впрочем, если вы думаете, что Артём на этом остановился, то спешу вас разочаровать — сразу же после этого он полоснул мужчину по животу, познакомив его содержимое с внешним миром. Как не трудно догадаться, после такого у старика просто не было шансов на поправку.

— *Истошные крики боли* — разумеется, ребята, пришедшие с ним, ни разу не отставали от него. Даже лучше — они расправлялись со своими старыми врагами и враждебной роднёй с особым усердием, проявляя все чудеса фантазии и импровизации. Подножки, пинки, удары плашмя, садистские уколы округлым остриём (острия у галльских мечей, от которых, кстати, пошли первые римские спаты, были как округлые, так и острые, и зависело это исключительно от хотелок заказчика, но в основном у них был тупой конец) — было всё. По сути, это было избиением — и в этом не было ничего удивительного, так как

вооружённые воины боролись с абсолютно безоружными стариками. Тем не менее это не мешало им показывать просто лютейшие образчики садизма. К примеру, воин, что был по правую руку от Артёма, отсёк Эпоредориксу правую руку, после чего мощным пинком повалил его на землю и тут же принялся методично снимать с него, ещё живого и сопротивляющегося, скальп. Естественно, не просто так — он хотел подарить его лично Мандубракию, чтобы заручиться его благосклонностью. Нет, ну а что? Подарок то отличный! Впрочем, очень быстро воин скатился до того, что забил его насмерть рядом смертоносных ударов по виску, потому что Эпоредорикс уж больно активно сопротивлялся насилию над его головой. Разумеется, сразу же после этого он, дёрнувшись пару раз, «остыл» и процесс скальпирования моментально стал в разы приятнее и быстрее.

— Ха-ха-ха! — хотя, стоит признать, Артём был не лучше, а возможно и хуже. В отличие от остальных, он, несмотря на присущий ему в тот момент раж, с некоторой опаской наносил свой первый удар. Тем не менее меч был очень лёгкий — весом всего около 967 грамм, поэтому он практически не ощутил тяжести в руках. Взмах был, естественно, очень быстр, так что Артём даже не сразу понял, что изувечил чьё-то лицо. Впрочем, потом в Артёме, где-то глубоко внутри него, что-то сломалось, причём буквально моментально, и уже второй удар дался ему значительно легче, чем первый.

— За что... — впрочем, пока Артём ломался, воины по обе стороны от него устраивали Ад и Израиль членам совета старейшин. Они настолько усердно резали сенаторов, что продолжили издеваться над их телами даже после того, как всех перебили, и прекратили лишь к утру, когда большинство из них уже валялось с ног...

... Утром ...

Естественно, Артём к тому моменту давно уже смылся. Если быть точнее, то он смылся оттуда сразу же после того, как стемнело. Скрывшись под покровом ночи, он вернулся в свой дом, после чего тщательно отмылся и, взяв с собой утром крупный отряд конницы, лично преданной его отцу, вернулся туда, где совсем недавно устроил побоище. Зачем? Разумеется, чтобы устроить очередную резню — мертвецки уставших воинов, покрытых в грязи и крови, без особого труда прикончили спешившиеся воины. Таким образом, всего за день арверны лишились большей части своих элит. Впрочем, что друиды, что военная аристократия — лишь первая жертва террора...

Глава 19. Каждый из нас — сам творец своего счастья

... Homo quisque fortunae faber ...

— Ты идиот?! — проснувшись рано утром, Таня стала свидетелем возвращения Артёма со второй уже по счёту бойни. Естественно, она ничего об этом не знала, потому что легла пораньше, как и большинство гостей. Впрочем, если в случае Тане речь шла о просьбе, то в случае остальных гостей речь шла о том, что их всех напоили до такой степени, что они, даже если бы захотели, ничего не смогли бы предпринять, узнав о произошедшем. Разумеется, и они, рано или поздно, также прознают об этом, но этот момент стоило бы оттянуть как можно далее. Хотя, проблема, конечно же, была вовсе не в том, что он устроил посреди оппидума настоящую резню.

— Что же тебе не нравится на этот раз? Я ведь уничтожил любую возможную оппозицию на корню! — конечно же, дело было вовсе не в этом.

— Идиот! Дурак! Дебил! Ты хоть понимаешь, что натворил?! — впрочем, Таня не спешила делиться своими умными мыслями со своим муженьком, решив ограничиться лишь эмоциональными выпадами в его сторону.

— Ха... хорошо, что на этот раз? — Артём же, как и всегда в таких случаях, просто проигнорировал их.

— Ты серьёзно не понимаешь? Ха... ладно. Ладно, фух! Теперь я, спокойная как удав, объясню тебе на пальцах, как обычно, почему ты опять сделал фигню. Во-первых, ты перемолол всю воинскую элиту арвернов — чем ты собрался воевать то теперь? Во-вторых, ты перемолол всю интеллектуальную элиту арвернов — кто теперь будет выполнять функции чиновников? В-третьих, ты устроил, мать твою за ногу, резню! ПРЯМО В ГОРОДЕ Нет, хуже! Ты устроил её на чёртовом священном холме! Причём дважды! Ты вообще понимаешь, что теперь от твоей репутации не останется и камня на камне? — естественно, дело было в том, что он сделал несколько совершенно чудовищных вещей.

— Естественно, я знаю об этом. В этом был весь чёртов замысел! Теперь, когда поле интеллектуальной и военной элиты пусто, я могу заполнить его верными мне лично людьми, причём не на старых основаниях, а на новых! Вместо твоей пресловутой аристократии я просто создам целый пласт людей, которые будут обязаны мне службой в обмен на аренду земли! — впрочем, как ни странно, у Артёма был свой план.

— Хах... знаешь, меня иногда просто поражает ход твоих мыслей. Ладно, хорошо. Допустим, у тебя есть план и он не дерьмо. Итак, на что и на каких условиях ты собираешься набирать себе на службу людей? — взяв себя в руки, Таня всё же сумела избежать чрезмерной эмоциональности в своей речи. Впрочем, острых вопросов Артёму всё же не удалось избежать.

— Ну... если быть честным, я запустил маховик террора. Прямо сейчас мобильные конные отряды моих клиентов уничтожают всех, кто когда-либо мнил или вёл себя так, будто он враг моей семье. Кроме того, я провозгласил о создании Галльского королевства и объявил себя первым королём Галлии. Сразу же после этого я объявил членов прежнего совета старейшин врагами народа, после чего конфисковал всё их имущество, а также заочно приговорил к смертной казни всех их близких родственников. Собственно, их земли и имущество и станут основой всей моей политики. Дел, вынужден признать, у нас теперь

будет по горло, и я очень надеюсь, что ты мне всё-таки поможешь, а не просто будешь стоять здесь как какой-то истукан и дальше, — хотя, естественно, у него были ответы на её вопросы. Хоть всё и произошло как-то слишком быстро, сумбурно, а сделанное им вообще подпадает под пару пожизненных сроков в любой современной стране.

— Я просто в шоке, Артём. Какого хрена ты сделал? Неужели это было обязательным? — впрочем, вряд ли эти ответы могли удовлетворить Таню. Она всё ещё была шокирована произошедшим, и пока не было признаков того, что это её состояние пройдёт в ближайшие несколько минут.

— Слушай, я бы и сам хотел обойтись без крови, но ты не знаешь моего дядю, Эпоредорикса — он лицемерная, лживая мразь, охочая до власти. Думаешь, он бы пощадил нас? Мне пока ещё рано становиться героем. Неужели ты всерьёз думаешь, что он, обладая такой-то властью, граничащей чуть ли не с абсолютной, позволил бы нам сделать нами задуманное? Серьёзно? — и, таким образом, Артёму предстояло потратить следующие несколько минут на то, чтобы убедить Таню в том, что сделанное им было действительно необходимым для их выживания.

— Ох, ладно! Хорошо! Допустим! Нам всё равно уже некуда отступать, так что мне ничего не остаётся, кроме как помочь тебе. Хотя, если тебе действительно интересное моё мнение, и ты не притворяешься, то знай — я не понимаю, какого хрена ты это сделал, и не рассчитывай, что я прощу тебя за это! — к счастью, она оказалась довольно сговорчива, поэтому у Артёма всё же получилось убедить её к продолжению сотрудничества.

— Отлично! Мне нужно, чтобы ты убедила своих родственников закрыть глаза на произошедшее. Серьёзно — мне крайне необходимо, чтобы мы с тобой поженились. Это не просто позволит мне защитить тебя и держать подле себя в любой момент, но и сильно облегчит нам задачу, — естественно, сразу же после этого он потребовал от неё практически невозможного.

— Ну, скорее всего, ничего не получится, Артём. Вряд ли после подобного они вообще согласят когда-либо ещё посетить твоё «королевство». Хотя, разумеется, я попробую уговорить их, — о чём, разумеется, тут же высказалась Таня. И, как не трудно догадаться, относилась она крайне скептически к предложению Артёма, считая его затею заведомо провальной. Впрочем, так как она уже порядком устала от этого разговора, то её уже устраивало буквально всё.

— Спасибо. Ну, а пока ты это делаешь, я начну то, чем мне уже давно пора бы заняться... — в то же время, Артём приступил к необходимым приготовлениям, в связи с чем, очевидно, будет занят следующие пару дней точно...

... Спустя пару дней ...

— Ну что же, по результатам переговоров я пришла к следующему соглашению со своими родственниками — во-первых, ни о каком союзе больше не может быть и речи, а кроме того — они покидают земли арвернов прямо сегодня. Во-вторых, так как я поддержала твою точку зрения, предав семью и её интересы, то теперь я безродная женщина, без какого-либо приданого или семьи за собой. Так что теперь ты должен принять ответственность за это и жениться на мне! — естественно, у Тани ничего не получилось. Разумеется, чего-то другого было глупо ожидать, и всё же стоило попробовать.

— Ну, а у меня пока более-менее умеренные успехи. Во-первых, я принял к себе на службу уже около 300 человек. Из них 20 — способные управленцы из числа массилийских греков, которых я принял к себе на службу. Ну, а остальные 280 — воины из земель арвернов

и земель лемовиков. В основном, это представители обедневшей аристократии, которых привлекло моё предложение поступить ко мне на службу в обмен на денежное содержание и аренду земли. Таким образом, в данный момент мой управленческий аппарат представляет собой 80 человек, а армия — 980 конных воинов. Кроме того, я объявил о частичной амнистии долгов и реструктуризации остальной её части, а также о введении ряда новых налогов. Собственно, на этом, пожалуй, и всё... — что забавно, Артём совершенно проигнорировал последнюю часть её доклада. Хотя, не то чтобы это и удивительно, если учесть, что это, очевидно, была шутка с её стороны...

— Нет, я серьёзно — ты должен взять меня в законные жёны! — или всё же нет?

— Слушай, к чему этот цирк? Мы, итак, с тобой уже женаты, к чему повторять эти глупые пышные свадьбы снова? — впрочем, по-видимому, Артём не сильно горел желанием жениться на своей жене по новой. Звучит забавно, конечно.

— Я хочу детей, — впрочем, совершенно внезапно, девочка заявила о том, что хочет своего мелкого монстра.

— Слушай, ты не пугай меня так! Мне ведь так и до инфаркта недалеко! — жаль, конечно, что Артём вообще не оценил её хотелку, сочтя за какой-то изысканный вид издевательства над ним.

— Я, правда, хочу ребёнка, — тем не менее, Таня была предельно серьёзна в своих намерениях.

— Так, подожди! С каких это пор тебе вдруг захотелось ребёнка? Во-первых, ты разве не сама говорила, что в ближайшее время здесь будет полный хаос. Как бы, а что, если мы всё же проиграем? Неужели ты хочешь обречь наше дитя на жалкую смерть? — впрочем, Артём тоже не шутил.

— Я знаю, поэтому и прошу тебя взглянуть на это с другой стороны — я также происхожу из рода, который когда-то славился тем, что из него происходили цари секванов. Даже лишённая наследства и изгнанная из рода, я всё ещё прямой их потомок. Брак на мне может помочь тебе с легитимацией собственной царской власти. Во-вторых, наше дитя может стать для нас серьёзным политическим подспорьем, так как мой ребёнок сможет претендовать на власть над всеми секванами — как потомок легендарных царей. При этом тебе совершенно необязательно будет завоёвывать секванов. Для этого тебе будет достаточно «убедить» совет старейшин в том, что это «хорошая» идея, — разумеется, поняв, что эмоциями Артёма не убедить, она перешла к холодной логике.

— Не пойми меня превратно — я действительно хочу, чтобы на свет появилось смешение наших генов, но не могу понять, отчего ты столь резко передумала насчёт этого. Знаешь, мне очень не хочется, чтобы ты потом пожалел о своём выборе, — впрочем, Артём это очень легко парировал — он просто продолжил беседу про эмоции, сделав упор на том, что раньше Таня не хотела детей. Причём не просто «не хотела», а наотрез отказывалась даже обсуждать это, и так каждый раз, как Артём заводил разговор на эту тему...

Глава 20. Начало Одиссеи

... Nullum periculum sine periculo vincitur ...

— Нет, я тебя прекрасно поняла — раз не хочешь, то ладно, — разумеется, поняв, что Артём не собирается потакать её желаниям, Таня обиделась, и потому моментально прекратила это обсуждение.

— Знаешь, давай, пожалуй, и правда отложим эту тему на попозже — по крайней мере, пока мы не обеспечим стабильность хотя бы в рамках нашего племени, — Артёму же пришлось с этим лишь смириться.

— Итак, Артём, что ты собираешься делать с сегусиавами? — Впрочем, Таня всё же додумалась не смешивать личную жизнь и работу, поэтому, прекратив личную беседу, она просто начала рабочий диалог.

— Полагаю, их подначивают на вооружённое столкновение эдуи. Вероятнее всего, они собираются устроить небольшую войну между своим племенем-клиентом и одним из главных врагов. Таким образом, они, как я думаю, хотят убить двух зайцев одним выстрелом. В первую очередь, естественно, они хотят ослабить племя арвернов, чтобы мы в ближайшем будущем не были угрозой для их доминации в регионе. Возможно, они даже планируют сыграть на наших внутренних противоречиях, чтобы попытаться подвести племя арвернов под их патронаж. Кроме того, они, очевидно, хотят ослабить племя сегусиавов противостоянием с нашим племенем. Ну, а если что-то пойдёт не так, то они просто помажут своей дубинкой, и ослабленному племени арвернов придётся смириться с ничьей. Весьма умно, должен сказать, — и, разумеется, её примеру последовал и Артём.

— Меня не интересует, что они планируют и для чего. Меня интересует, что ты планируешь делать с этим, — Впрочем, всё же было бы глупым полагать, что Таня совсем оторвалась от своей личной драмы. Естественно, её злость на Артёма проявлялась и в «рабочей» речи, в то время как её бедному муженьку приходилось это терпеть, чтобы не скатиться до глупых и бесполезных споров.

— Во-первых, моё главное преимущество — тот факт, что они недооценивают силы арвернов, а кроме того — они совершенно точно не ожидают того, что мы для них подготовили... — и, естественно, потому для него были отдушиной моменты, когда он полностью завладевал пространством разговора и мог обратиться к достижениям, к которым он был причастен.

— Мне, конечно, очень приятно, что ты меня притянул в участники своей авантюры, но давай будем честными — заслуга организации баталий лежит целиком на тебе. Я лишь помогал тебе информацией, — собственно, одним из них была организация баталий.

... Небольшое отступление про баталию ...

Одно из главных преимуществ баталии, как построения — это отличный способ организации солдат неодинакового качества. Глубина построения обеспечивала его устойчивость, хотя и обходилась потерей мобильности.

Более того, центр баталии, где обычно располагались наименее вооружённые и обученные солдаты, не участвуя напрямую в битве, создавал дополнительный напор на передние ряды, усиливая, таким образом, натиск всей баталии.

Хотя, всё же стоит отметить, что иногда центр принимал участие в сражении, когда неприятель достигал успеха в пробитии строя, и необходимо было как можно скорее закрыть

брешь и восстановить строй.

Однако главное преимущество любого глубокого строя, в частности, средневековой баталии, состоит в том, что, в отличие от того же римского строя, где каждый солдат был примерно одинаково оснащён и обладал примерно одинаковыми навыками, ей нужно было, при примерно равной численности солдат, гораздо меньше хорошо вооружённых и обученных людей.

Это достигалось за счёт того, что именно первая шеренга, которая и принимала на себя главный удар противника, а также осуществляла натиск, составлялась из наиболее обученных и вооружённых воинов, в то время как качество каждой последующей шеренги сильно падало, пока дело не доходило до центра, где располагались худшие солдаты. Из этой особенности прямо следует два не самых очевидных последствия.

Во-первых, это значит, что вам банально нужно меньше денег для снаряжения войска. Как-никак, если первую шеренгу вам всё же придётся вооружить наилучшим образом (а кроме того, вам ещё и придётся платить повышенное жалование солдатам первой шеренги), то уже во второй шеренге вы можете ставить солдат, которые будут обучены и вооружены на порядок хуже тех, что стоят в первой шеренге.

Это может показаться какой-то мелочью, но это преимущество критически важно, когда речь идёт про протогосударственные образования, которые не располагают ресурсами для создания однородных по качеству военных структур, вроде тех же римских легионов. Как раз таки потому, что для баталии нужно банально меньше денег.

Во-вторых, это означает, что вы, обладая разнородной воинской массой, сможете её эффективно распределить, чтобы добиться наилучшего её применения, вместо того, чтобы пытаться превратить из неё единую массу солдат, которых можно было бы считать однородными по качеству. Это, опять же, экономит вам ресурсы, хотя и делает принципиально невозможной организацию именно военной машины.

Это связано с тем, что при таком формировании построения крайне важны навыки офицера, занимающегося, собственно, формированием строя. Он должен отлично знать и понимать, кто и на что годится, потому что от этого зависит вся эффективность построения.

Условный римский легион, в отличие от баталии, лишён этой необходимости — условный Цезарь мог спокойно взять по центуриону из каждой когорты каждого легиона, после поменять их местами, будучи абсолютно уверенным в том, что каждый из них сможет так же эффективно выполнять функции своего предшественника (по крайней мере, он мог ожидать этого от них).

Как вы понимаете, это обеспечивало значительную гибкость управления войском, и было очевидным этапом дальнейшего развития военного искусства. Разумеется, без чего-то подобного же было бы крайне странным претендовать на победу над римлянами.

Впрочем, к счастью, Артёму предстояло противостоять не Риму, а племени сегусиавов, типичное построение которых находилось по отношению к баталии не на следующем этапе развития, а на предыдущем.

Таким образом, всё, что оставалось Артёму — это грамотно воспользоваться этим преимуществом.

... Конец небольшого отступления ...

— В любом случае, мне необходимо кое-что сказать тебе — сегодня я отправляюсь на войну, и мне хотелось бы, чтобы ты осталась здесь, и присмотрела за хозяйством, — ну и, разумеется, наконец-то подошла пора прощения. Враги, естественно, не оставили арвернов в

покое, узрев момент их слабости. Поэтому, как не сложно догадаться, Артёму пришлось отправиться на войну. Однако, как бы печально это ни было, в стране всё ещё было беспокойно, и ему было необходимо, чтобы кто-то следил за внутрисполитической ситуацией, пока он рискует всеми верными ему войсками в битве, где на кон поставлено всё.

— То есть, меня брать в поход ты не планируешь? — впрочем, разве это довод для прекрасной мадам?

— Прости, но нет. Я не могу оставить за собой неприкрытый тыл. Ты — ключевая фигура моего плана. Если ты не присмотришь за ситуацией внутри, то у меня вообще нет шансов. Поэтому я прошу тебя остаться здесь и проконтролировать хозяйство, — тем не менее, Артём всё же попытался убедить свою злобную Таню выполнить то, о чём он просит.

— Можешь не возвращаться без победы, — и, к счастью, она всё же согласилась. Вероятно, всё же ей нельзя отказать в понимании происходящего.

— Так точно, моя госпожа! — собственно, этого только и ждал Артём, и потому, как только он получил необходимое согласие, он моментально покинул свою избранницу. Как не трудно догадаться, сразу же после этого он отправился к своим войскам, окружённый верной гвардией.

... Спустя некоторое время ...

— Мой господин, мы готовы выдвигаться! — внезапно, мы перенеслись напрямик в лагерь Артёма, где уже всю готовились к выступлению в поход. Впрочем, давайте всё же обсудим, для начала, численность войска Артёма. Как не трудно догадаться, всё его войско не столь и велико, как может показаться. Вся пехота в количестве 4 тысяч человек была представлена в виде баталии. Первую и частично вторую шеренгу баталии заполнили за счёт тех воинов, что раньше выступали в дружинах. Естественно, они были крайне недовольны тем, что их принудили сражаться в непривычном строе, но вынуждены были оставить своё мнение при себе, так как полностью зависели от его расположения к ним (в том плане, что он их кормил и одевал за свой счёт). Остальная часть пехоты была представлена ополчением, основная функция которой — поддерживать натиск пехоты. Кавалерия была представлена гораздо богаче — была как многочисленная лёгкая кавалерия (около 800 всадников), набранная непосредственно перед войной, пускай для других целей — для производства террора. Кроме того, была и тяжёлая кавалерия — 300 всадников, вооружённых длинной пикой и кольчугой, а также щитом, мечом и шлемом. Итоговая численность войска составила порядка 5 100 человек, из которых было 1 100 всадников.

— Обоз подготовлен? — впрочем, подошёл другой, не менее важный вопрос, и связан он с обозом. В отличие от римского легиона, где обоз переносился, главным образом, на спинах самих солдат, у Артёма обоз растянулся на длинное расстояние, и находился в центре походной колонны, однако в силу малого размера армии был достаточно компактным.

— Все приготовления завершены, господин. Мы готовы выдвигаться по вашему приказу, — благодаря чему, собственно, и стало возможным столь быстро приготовить войска.

— В таком случае, выдвигаемся! — и, построившись в походную колонну, войска Артёма смело двинулись в сторону границы племени, уже предвкушая разгром противника.

— Так точно! — естественно, и у Артёма в этом не было никаких сомнений. Ему была крайне нужна победа, и он собирался её добыть любыми способами. Способ, он, к слову, выбрал весьма неожиданный — засаду...

Глава 21. Логистика — всему голова!

... Principium — dimidium totius ...

Впрочем, прежде чем мы перейдём к непосредственно походу, давайте немного затронем вопрос логистики:

Для начала, хотя и было сказано, что Артём отправился в поход уже спустя две недели с того момента, как в стране арвернов начался хаос, необходимо выделить несколько важнейших вещей.

Во-первых, ему не было необходимости по-новому собирать войска — хотя поход и закончился, войска, тем не менее, всё ещё были мобилизованы. Связано это было, естественно, с теми экстраординарными условиями, с которыми этим самым воинам и пришлось иметь дело.

Конечно, многих перебили в рамках устроенного Артёмом террора, но касалось это только тех, кто ранее выступал против власти его семьи, или даже просто сопротивлялся её нападениям на сложившийся строй. Многие же, наоборот, примкнули к Артёму, усмотрев в подобном повороте дел отличную возможность не только для сведения счетов со старыми врагами и соперниками, но и прекрасный шанс улучшить своё благосостояние.

Так как теперь они были повязаны с Артёмом совместно пролитой кровью, а кроме того — ожидали и дальнейшего укрепления своего материального положения, для чего лучшим средством, без сомнения, был наглый и откровенный грабёж, эти молодые и отважные воины без сомнения примкнули к его походу. Таким образом, к его личному отряду примкнуло 700 пехотинцев.

Ну, а кроме того, к ним также присоединились те, кого изгнали из своей родины — в частности, к ним присоединились многочисленные политические диссиденты из эдуйского союза, целью которых было отомстить их политическим противникам (поверьте, нет лучшей мотивации для насилия, чем месть обидчику).

Разумеется, они были и раньше, но их число значительно увеличилось после объявления Артёма царём, так как этим шагом, пускай и неосознанно, он притянул к себе ту клику людей, которые желали видеть во главе Галлии независимых царей, а не советы старейшин, состоящие из откровенно проримской знати.

Хотя лишь немногие из них могли позволить себе коня, и уж тем более — снарядить боевого товарища, нельзя было сказать, что их было мало или они были плохо вооружены. Нет, наоборот — все вместе они представляли собой мощный кулак из 700 пехотинцев, 200 лёгких и 30 тяжёлых всадников.

Кому-то это может показаться малым, но к ним в придачу также шли 900 пехотинцев из числа тех, кто присоединился исключительно потому, что ничем иным, кроме как войной, промышлять не мог или не хотел. Вернее, это было бы верной их характеристикой, а вот причина, почему они присоединились — звонкое серебро в кошельках Артёма, которого, в свою очередь, привлекли предлагаемые ими услуги по грабежу, насилию и убийству людей за монету другую.

Таким образом, уже только эти три группы, изначально присоединившиеся к Артёму из своих личных интересов и которых вряд ли можно было бы охарактеризовать как серьёзную военную силу, составили чуть более половины от числа всей пехоты, почти две трети от лёгких всадников и десятую долю от его тяжёлых всадников.

Ну и, наконец, личный отряд Артёма, одного из богатейших людей Галлии, состоящий из его клиентов и родственников — 270 тяжёлых всадников, 600 лёгких всадников (из числа более бедных клиентов, не подчинённых напрямую Артёму) и 900 пехотинцев.

Все вышеперечисленные — силы, которые уже были под рукой у Артёма в тот момент, когда он узнал о надвигающемся конфликте с сегусиавами. То есть, ему не нужно было собирать этих солдат, затрачивая на это значительное количество времени.

Тем не менее он всё же собрал ополчение из районов, наиболее близких к месту расположения его основных сил (чтобы потратить на сборы минимальное время). Как ни странно, он сумел собрать целых 800 человек, которые, впрочем, не проходили никаких полноценных сборов (с какой-никакой тактической подготовкой) и практически ни на что не годились. Их, естественно, засунули в самый центр пехотного построения, как наименее мотивированных и боеспособных.

Собственно, именно благодаря вышеописанным обстоятельствам Артёму и удалось так резко среагировать на возникшую военную угрозу. Конечно же, его войска нельзя было назвать образцовыми или сколько-нибудь качественными. Что уж там говорить, отлично подготовленными и высоко мотивированными там были разве что политические диссиденты, да солдаты из отряда Артёма. К слову, именно они и образовали первую шеренгу свежей баталии.

Что касается продовольственного обеспечения, то, как ни странно, здесь Артём поступил не самым дальновидным образом. Необходимо, в первую очередь, отметить тот факт, что он разделил обоз на две части.

Первая — ближайшая, где находилось самое необходимое и минимальный рацион (на неделю). Таким образом, Артём планировал оставить небольшой обоз при себе (чтобы он не слишком стеснял армию), а всё остальное — на расстоянии половины дневного перехода. По крайней мере, так было задумано.

Вторая — дальняя, её охранял специальный отряд, выделенный из личного отряда Артёма. В нём находилась основная масса пайка, в частности, 80 голов крупного рогатого скота (более 50 тонн мяса), которые служили своеобразными живыми консервами — чтобы забить их или перед важным сражением, чтобы поднять боевой дух солдат, или в критический момент, когда начинаются проблемы с логистикой.

В основную массу пайка, помимо живого скота, входят — 240 тонн хлеба (в виде сухарей), 93 тонны сушёного мяса (солонины), 5 тонн сушёных яблок, 16 тонн сыра, 3 тонны масла и жира, 360 тонн пива, 20 тонн вина, 1,5 тонны яиц, 9 тонн бобов, 4,5 тонны гороха, 2 тонны соли, 4 бочки уксуса (или 3 тонны яблочного уксуса). Как не трудно догадаться, это просто сумасшедшее количество (в сумме это 757 тонн провианта) — Артём явно не поспешил. Впрочем, ему было, откуда брать деньги — он буквально ограбил целую страну.

В пересчёте на одного воина — порядка 4 000 калорий. Разумеется, оценка лишь приблизительная, ведь каждому полагалась разная норма (к примеру, обычным пехотинцам не полагалось вина, и предназначалось оно только для элиты, представленной тяжёлыми всадниками, а ведь между пивом и вином огромная разница в калорийности — чуть ли не в два раза). Не говоря уже о том, что в пищу изначально включался паёк и для нонкомбатантов.

Кроме того, сюда не входит суммарный вес казны Артёма, предназначенной для выплат воинам, и, что самое главное — фураж.

Полагаю, тут необходимо сделать небольшое примечание — на 300 тяжёлых всадников

приходилось примерно 900 коней (1 боевой, 1 для езды и 1 с вьюком), на 800 лёгких всадников — 1 600 коней (800 из которых — вьючные).

В день лошади требуется около 5 килограмм овса и хотя бы 9 килограмм сена (или соответствующий эквивалент в траве), из чего прямо следует, что только для коней всадников потребуется 375 тонн овса и 675 тонн сена.

Только для перевозки всего этого добра потребуется 7 228 одноконных повозок (при условии, что абсолютно весь вес будет перевозиться исключительно ими, что само по себе бред, если уж мы даём тяжеловооруженному всаднику вьючную лошадь).

Это, в свою очередь, создаст необходимость в ещё 7 228 конях, а это, в свою очередь, приведёт к дополнительной потребности в 1 085 тонн овса и 1 952 тонны сена (или травы).

Как вы могли заметить, только для перевозки всего вышеупомянутого груза силами одноконных повозок потребуется в 1,5 раза больше «топлива», чем весит сам груз. Забавно ли это? Ну, да.

Впрочем, естественно, это лишь пример того, как совершенно внезапно обычное снабжение всего 5 тысяч воинов превращается в страшный сон маркитанта.

В реальности же, конечно же, вышеупомянутые 675 тонн сена совершенно спокойно заменялись на траву (в таком случае, правда, её потребуется несколько больше — порядка 1 000 тонн травы), пускай и результатом этого становилось практически полное истощение кормовой базы той местности, где проходила армия (от чего страдали, в первую очередь, крестьяне). Впрочем, кому не плевать на крестьян?

Овёс, часть снаряжения и провизии перевозились на вьючных лошадях тяжёлых всадников — из расчёта 100 килограмм на лошадь получается, что 1100 вьючных коней могли перевозить до 110 тонн груза (что весьма неплохо).

Часть снаряжения (и пищи), например, военное обмундирование, переносилось самими воинами — вот ещё дополнительное облегчение.

Что мы получаем? Ну, получается, что, в лучшем случае, реальный вес, который всё же приходилось перевозить на телегах, был около 900 тонн — уже гораздо лучше 1 807 тонн (в два раза меньше). Требовало это, соответственно, уже значительно меньше телег — в два раза меньше, как не трудно догадаться. Ну, это уже что-то, с чем можно иметь дело.

Тем более, что это — провиант на целый месяц, предназначенный для 5 100 воинов и ещё нескольких тысяч нонкомбатантов. К слову, весьма странным представляется то, что Артём подготовил столь масштабный и тяжёлый обоз — тем паче, что в нём был паёк на целый месяц, хотя, казалось бы, между расположением войска Артёма и главным оппидумом сегусиавов — Лугдунумом, всего 12 дневных переходов (ввиду пересечённой местности на некоторых участках маршрута).

Очевидно, Артём замахнулся на длинную и крупную компанию, планируя перевернуть игру в Галлии. Впрочем, получится ли у него — под вопросом, ведь, как уже упоминалось ранее, его войско такого себе качества, и единственное, на чём он может выехать — хитрость. Хитёр ли Артём? Ну... посмотрим.

Ну, а пока стоит вернуться к нашим баранам...

... Конец интермедии ...

Глава 22. Диалоги...

... Tertia vigilia ...

— Заступайте на дозор, бездельники! — и перенесёмся мы, пожалуй, прямо в чертоги лагерной жизни. На дворе была уже совершенная «ночь» в плане видимости, и, естественно, на дозор постепенно заступали многочисленные усиленные патрули. Тем временем, иной солдат ютился у костра, пытаясь согреться перед самым ужином. К слову, на ужин была жиденькая похлёбка из чечевицы, которую солдатам предстояло заедать жёсткими сухарями (ну, или они могли сделать хитрее, и кинуть сухари в суп).

— И да, не засиживайтесь тут сильно — ваша смена уже через час! — жизнь, впрочем, была тут не сладкой. Галлию, конечно, не назвать холодной страной, и она уж точно не чета многим другим холодным странам, но всё же назвать её прямо-таки жаркой, особенно в сравнении с Римом, язык не повернётся — это было бы кощунством. Тем более, что на 4 день похода войско встало лагерем у подножья потухшего вулкана, и на данной местности было очень ветрено.

— Как скажете, господин! — естественно, были не редки случаи дезертирства, да и в лагере частенько гуляли болезни желудочно-кишечного тракта, и, тем не менее, можно было бы сказать, что они более чем успешно выполнили свою цель, прибыв в точку назначения в примерной сохранности. К слову, раз уж мы завели об этом речь, то этим солдатам следующим утром предстояло спуститься вниз, по направлению ручья, чтобы занять необходимую позицию.

— Страшный мужик этот Бренн, конечно... — возможно, вы спросите — «почему эта точка так важна?», и услышите довольно интересный ответ — эта точка является, как ни странно, наиболее удобным входом в страну арвернов. Так уж страна арвернов расположена, что защищена практически со всех сторон горами Центрального Массива, а с севера, где была «брешь» в этой системе естественной обороны, находилось множество речных артерий и каких-никаких укреплений. Разумеется, пытаться вторгнуться в страну арвернов с этого направления — чистой воды самоубийство...

— И не говори! — соответственно, у потенциальных захватчиков остаётся только два возможных пути в страну арвернов с восточной стороны. Первый — это через очень узкую горную тропку, ширины которой едва ли хватит для одной худой лошади, выход из которой ещё и упирается прямо в реку. Как вы понимаете, это не лучший путь, если вы планируете пройти в целостности и сохранности хотя бы до конца своего горного прохода...

— Ну, скоро там супчик будет готов? А то не хотел бы я заступать на дозор с голодным желудком, — соответственно, у вас остаётся только второй путь — через довольно узкое горное дефиле, но, в отличие от первого, у вас хотя бы будет в распоряжении ручей (то есть, источник чистой воды, что очень удобно). Да и ширина его будет, конечно же, побольше, чем в первом случае. Собственно, не мудрено, что именно этот путь и избрал враг — по крайней мере, об этом свидетельствовала как логика, так и немногочисленные донесения разведки. Ну, а раз так, то нет ничего зазорного в том, чтобы устроить парням засаду в самом неудобном месте, не так ли?

— Да-да, скоро будет... — собственно, в этом и был весь план Артёма — устроить засаду в самом неудобном для врага месте. Мало того, что он будет заперт в узком дефиле, и просто не сможет развернуть свои боевые порядки, даже если захочет, так ему ещё и

придётся идти вверх по каменистому склону, если ему вдруг придёт в голову «отличная» идея попытаться с ходу смести заслон на пути...

— Да ты и Енку сказал, а он, вон, пошёл голодный на дозорную службу!

— более того — недалеко от лагеря была небольшая узенькая тропка, которая позволяла занять господствующую высоту по отношению к врагу. Это было связано с тем, что она вела наверх, на левый склон дефиле, который ещё и резко обрывался, образуя это самое дефиле на пару с другим, точно таким же склоном. И если вам это кажется малым, то да — снизу, людям в самом дефиле, будет совершенно невозможно узнать о том, что есть кто-то сверху, если этот кто-то догадается просто пригнуться...

— Ну-ну, потерпи — ты же не дитя малое какое-то, — ну, а чтобы вам совсем плохо стало — на обоих склонах есть деревья, камни различного размера и прочий мусор, который можно будет использовать для того, чтобы заблокировать единственный путь к отступлению. Вербовка проводников и разведка местности — вот и вся хитрость, применённая Артёмом. Впрочем, она, конечно же, совершенно не гарантировала, что что-либо пойдёт так, как надо.

— Да ты задрал, реально, — впрочем, возвращаясь к нашим баранам, следует отметить, что речь происходила между двумя воинами из числа диссидентов. Им следующим предстояло заступать на дозор, и их, очевидно, не сильно прельщала перспектива ходить целый час вокруг лагеря в полнейшей темноте, под ржание гнедых лошадей, пьяную ругань братьев по оружию, да ещё и с голодным желудком. Естественно, их начальство это совершенно не волновало, да и всех остальных тоже, но именно им и придётся бдительно оберегать лагерь от возможных посягательств. Собственно, чтобы это у них выходило эффективнее, они и решили разогреть остатки чечевичного супчика. Вкус, конечно, не ахти, но что поделать? Уж лучше так, чем со сверлящим желудком.

— Ещё слово, и тебе ни порции не достанется! Поверь, ребята позади тебя с радостью съедят её за тебя, если ты их разбудишь! — впрочем, это совершенно не оправдывало того парня, что постоянно торопил «шеф-повара», потому что это не только лишь бесило его, никак не помогая делу, но он ещё и делал это довольно громко. И это в то время, как в расположенном буквально в полуметре от него шатре пытались уснуть замёрзшие солдаты. Разумеется, подобное поведение не могло одобряться, да и не одобрялось. Так что как только сей факт дошёл до тупой черепушки крикливого мальчишки, как он тут же заткнулся и перестал жаловаться. Услада для ушей, никак иначе и не обозвать!

— Как думаешь, у нас что-нибудь получится? — жаль, что длилась она не очень то и долго, ведь очень быстро господин «шило в жопе, тихо не сидится» продолжил «приятную» беседу со здоровым мужиком, хотя и был значительно тише, нежели прежде.

— Будешь забивать голову подобным дерьмом — точно ничего не получится, — впрочем, его напарник всё равно этого не оценил. Нет, он, конечно же, понимал, почему он на мандраже перед скорой битвой, но совсем не понимал, почему он с ним этим вдруг решил поделиться — как-никак, здоровенный вояка со шрамами был не очень похож на того, кто собирается разводить сопли по этому поводу. И, тем не менее, парень продолжил...

— Неужели и ты веришь в то, что та мелочь может нас вести за собой? — приступив к откровенной крамоле. Пожалуй, если парню неймётся, то что уж тут поделать.

— Я лучше в него поверю, чем тебе доверюсь — и да, ты следи за словами. Знаешь, слышал я как-то историю о том, что такой же молокосос, прям как ты, начал затирать при мне о том, что вождь Мандубракий не подходящая личность для руководства армией, всего

пару дней назад буквально, и знаешь, что с ним случилось? — Впрочем, его всё же решил вразумить молодого.

— Нет, а что? — печально, конечно, что ему, как старшему, приходилось действовать подобными методами, но что уж поделать, если до самых маленьких и тупых просто иначе не доходит?

— А ты взгляни на дерево позади меня, — внезапно, старый воин перестал размешивать подогревающийся супчик деревянным черпаком, после чего аккуратно стряхнул с него остатки супа обратно в котёл и указал этим самым черпаком на едва заметное дерево позади себя, скрываемое двумя небольшими солдатскими шатрами. На дереве висел... труп. Да-да, его кто-то совсем недавно здесь повесил — это было понятно по тому, что труп был совсем свежим.

— Ух, ё... ты так не пугай меня больше! — реакция, естественно, была весьма ожидаемой.

— Ну, если ты обещаешь больше не заводить свою шарманку за этим костром... — чем, собственно, и воспользовался хитрожопый вояка.

— погоди! Мы только сегодня разбили здесь лагерь — откуда здесь мог оказаться труп, повешенный пару дней назад? Слушай, дед — ты это, не завирайся давай, — Впрочем, этим благоприятным шансом он попросту не сумел воспользоваться.

— Да сегодня его повесили, дубина! Ты сути не улавливаешь — его здесь повесили за то, что много языком трепался, и если ты не хочешь повторить судьбу этого бедолаги, то заткни свою варежку и жри суп! — что, естественно, разозлило старого вояку.

— ... — Впрочем, это подействовало даже лучше, чем что-либо другое. Хотя, вполне возможно, его заткнул вовсе не он, а яростно уплетаемый молодым воином супецкий. Правды мы, пожалуй, никогда не узнаем...

... Спустя несколько часов ...

— В темпе, в темпе! — кричал Артём солдатам, пока сам вытаскивал кольшки, удерживавшие его шатёр (естественно, для виду, ведь толку от него было, как от мухи в торте). Естественно, на счету был каждый час, и он хотел ускорить своих солдат, для чего, собственно, и разыграл небольшой спектакль с «личным примером».

— Господин, вам и правда не следует так усердствовать, — пока его, естественно, «пытался» остановить его помощник. Чего, конечно же, не сделаешь, чтобы ускорить работяг, не так ли?

— Нет, пусть смотрят и видят, что и я тоже стараюсь — может, им так хоть стыдно станет за то, какие они медлительные! — как ни странно, кстати, на солдат это всё же воздействовало неким образом, потому что они таки ускорились, хотя и нельзя утверждать, что только из-за спектакля, устроенного Артёмом...

Глава 23. Затишье перед самой бурей?

... Una voce ...

— И всё же, какие же они медленные. Здесь бы трёх солдат из стройбата или хотя бы экскаватор, но, увы, при мне только кучка головорезов, совершенно негодных на строительные работы. Пожалуй, это будет первым же, что я исправлю, как только для этого появится финансовая возможность. Как показывает практика, они абсолютно незаменимы, особенно, когда речь идёт об удержании земли, для чего, без сомнения, потребуется строить специальные военные объекты. К счастью, данный конкретный поход не ставит своей целью завоевание племени сегусиавов — лишь их полное разграбление и уничтожение... — естественно, даже ускорившись, воины всё равно оказались довольно бесполезными в деле самостоятельного возведения и последующего демонтажа лагеря. Всё равно пришлось задействовать целую ораву нонкомбатантов, чтобы наконец-то закончить с этим делом. Разумеется, Артём не ожидал чего-то удивительного от, как он сам же и сказал, бесполезной кучки головорезов, но ему всё равно было обидно.

— Вы планируете уничтожить сегусиавов, мой господин? — впрочем, как не трудно, всех в округе интересовали вовсе не его пространные высказывания о качестве руководимых им людей или каких-то «стройбатах», а агрессивные высказывания в сторону племени сегусиавов. Легко догадаться, что нечто подобное очень взволновало многих людей из ближайшего окружения Артёма, в частности, потому, что среди их числа были и сами сегусиавы.

— Фигурально. Когда я имею ввиду «уничтожение», то имею ввиду не физическое уничтожение племени сегусиавов — было бы просто глупо обижать подобными действиями столь значительного союзника, как вы. Нет, естественно, я подразумеваю уничтожение «виновных» за то, в какое жалкое подобие себя прежнего превратилось это некогда действительно могучее племя. Я планирую наказать каждого виновного в этом, и как только «мы» закончим с ними, племя сегусиавов наконец-то начнёт свой путь к возвращению прежнего величия. Надеюсь, оно окажется достаточно благоразумным, чтобы примкнуть к своим товарищам на этом пути — арвернам. Вместе, уверяю вас, наши племена смогут достичь действительно многого! — ложь, что слаще мёда, и было бы так просто и удобно поверить в неё, но, увы и ах, собеседники Артёма не какая-то там кучка имбецилов. Напротив, это люди с политическим опытом, и им не составило труда догадаться, чего же в действительности чаёт их «союзник» — усмирение беспокойного племени на границе и приведение его под свой контроль. Возможно, это бы их смутило, будь они его случайными попутчиками, действительно ратующими за своё племя, но, увы, как упоминалось ранее, они — безбожные политики, изначально понимавшие и риски, и последствия любого из возможных исходов. Они были согласны с тем, что их ограничат в политической самостоятельности — в конце концов, они и без того были ограничены, просто другим племенем, и извлекали из этого пользу другие люди. Так чего же плохого будет в том, чтобы у них появился иной хозяин, готовый защитить ИХ право грабить своё собственное население? В конце-то концов, не их ведь вздёрнут на ветке, как каких-то мелких воришек...

— О, благороднейший из патриархов! Воистину, ваше благородство не знает границ! — так что нет ничего удивительного в том, что они решили подыграть их владыке.

— Не стоит — я действительно не заслуживаю ваших похвал! — осталось понять лишь

одно — а понимает ли сам Артём, что они раскрыли его ложь? Хотелось бы верить, что да, но кто его знает, верно?

— Как пожелаете, господин, — пускай и нехотя, лъстецы всё же остановились.

— В любом случае, нам необходимо подготовиться. Поручаю вам проследить за подготовкой лагеря и обустройством местности, — возвращаясь к походу, необходимо отметить, что его войско наконец-то достигло нужной позиции. Им оставалось лишь провести незначительные подготовительные работы, прежде чем они смогли бы быть уверенными, что они полностью готовы к столкновению. В частности, им стоило бы укрепить их небольшой естественный бруствер. Например, им стоило бы расширить проход, устлать пол досками, немного увеличить высоту насыпи — чтобы стрельбу было удобнее вести. Кроме того, им стоило бы создать точно такой же бруствер и с правой стороны, чтобы повысить плотность огня. Более того, им заранее необходимо было позаботиться о том, как они собираются перекрыть врагу дорогу к отступлению. Разумеется, это был далеко не тривиальный вопрос — необходимо было заранее подготовить мусор, а также способ мгновенно сплавить его в нужное место, причём так, чтобы он не сплыл вниз.

— Полагаю, привлекать настоящих «воинов» к занятиям «крестьянским» мне запрещено? — не без иронии спросил один из главных помощников Артёма.

— Как показала практика, подобное не отражается благополучно на душевном спокойствии наших дорогих воинов. От этого они становятся более склонными к разврату с женщинами, пьяным дебошам и прочим проявлениям неразумного поведения. В связи с этим, я разрешаю привлекать к данным работам исключительно лагерных слуг — и дай им знать, что укрепительные работы стоят в первой очереди, а лагерь — во второй. Если откажутся — обещай премию в половину от их дневного жалования. На большее не соглашайся, и если всё же случится, что и в этом случае они откажутся — привлеки солдат к решению данного... «вопроса». Надеюсь, вы меня поняли, потому что я не повторяюсь дважды, — всем этим, разумеется, предстояло озаботиться дорогим господам нонкомбатантам, нанятым для помощи со всеми этими делами. Почему? Ну, потому, что военным контингентам Артёма надоело заниматься различным «крестьянским» трудом — они считали это крайне унижительным и недостойным воина, в связи с чем, собственно, и отказывались от подобной работы, причём даже за повышенное жалование и различные иные надбавки. Что забавно, считали это унижительным даже свободные землепашцы, которые, собственно, всю жизнь и занимались разве что тем, что усердно копали землю. Впрочем, объяснение этому, конечно же, есть — они потому и были свободными, что были свободны. Как не трудно догадаться, представлялось почти невозможным заставить свободных людей, присоединившихся к походу на добровольной основе, заниматься работой землекопа. Тут, конечно же, вступают в силу нюансы той клятвы, которую они дали своему царю, Артёму. Говоря формально, они были обязаны явиться к нему в своём лучшем вооружении для обороны земли от различного рода вторженцев. Не сложно заметить, что здесь нет и слова о том, что они были обязаны явиться к нему с лучшим своим оружием, чтобы участвовать в его личных военных мероприятиях, и уж тем более нет и речи о том, что они обязаны были участвовать в его походах за пределы их страны. Что же касается тех, кто был на прямой, личной службе у Артёма, то всё тут немного проще — все условия их военной службы были чётко и давно прописаны, и любая попытка принудить их к подобным работам трактовалась бы как прямое, явное и вопиющее нарушение заключённого между

ними письменного договора. Как не трудно догадаться, из этого прямо следует тот факт, что другая сторона, то есть, состоящие у Артёма на службе клиенты, могут в одностороннем порядке разорвать заключённую между ними договорённость в клочья, после чего развернуться и свалить в закат. Собственно, именно поэтому их и не принуждали к подобным работам. Тем паче, что в этом не было абсолютно никакого смысла — они были гораздо полезнее в качестве мобильного дозора, способного отразить первую атаку вражеского авангарда.

— Так точно, господин! — впрочем, возвращаясь к нашим баранам, стоит отметить, что, в любом случае, этим предстояло заниматься специальным людям. В частности, с помощью четырёх греческих архитекторов из числа привлечённых на службу к царю арвернов Артёма иностранцев, а также крестьянского ополчения и иных «лиц», эта задача была уже вполне решаема. Разумеется, её нельзя было бы назвать лёгкой или простой, но благодаря тому, что у Артёма было всё схвачено на случай подобного (Таня предупредила его об этой «слабой» стороне любой армии), ему не пришлось экстренно выкручиваться из данного положения.

— Отлично! В таком случае, я, пожалуй, незамедлительно отлучусь по одному очень важному делу. В случае чего, ищите меня в моём шатре, ясно? — тем временем, сам Артём, передав одному из своих подчинённых столь важное поручение, благополучно свалил по своим делам. Для чего? Естественно, для того, чтобы провести военный совет. Для него, разумеется, всё уже было решено — они устраивают засаду. Чёрт возьми, он уже даже распорядился заняться подготовкой места засады, и, тем не менее, ему всё ещё необходимо было заручиться дополнительной поддержкой своих намерений со стороны членов его военного совета. В данном случае, конечно же, речь шла не о членах его ближайшего совета. Они то, как раз таки, всё уже решили по этому поводу — более того, именно они, как опытные и умные вояки, знакомые с тактикой и стратегией, и внушили Артёму затею с засадой на наиболее вероятном пути следования войска сегусиавов. Нет, в данном случае речь шла о малом военном совете — военном совете из числа тех, кто был на службе у Артёма. По большей части, он представлял собой нечто вроде партийного съезда, где членам «партии» объясняли, какой линии «партия» придерживается на этот раз. Собственно, это и позволяло «партии» в лице личного отряда Артёма всё это время быть единой, жёсткой и бескомпромиссной там, где это было необходимо. Единые, они без компромиссов доносили одну единственную мысль, вложенную им в уста их владыкой, пока остальным только и оставалось, что и дальше утопать в разброде и шатаниях. Естественно, это приводило к тому, что из раза в раз именно их мысль становилась главенствующей. Тем не менее, прежде чем всё это стало бы возможным, Артёму необходимо было вложить эту самую мысль в уста своих подчинённых. Собственно, именно этим он и занялся в данном случае...

Глава 24. Я отдыхаю — значит живу

... Vim vi repellere licet ...

— Полагаю, многие итак уже знают, что Мы собираемся сказать и, тем не менее, эти слова должны прозвучать вновь, чтобы сие дошло даже до глухих — Мы собираемся устроить противнику засаду. Согласно известной нам информации, у сегусиавов существует всего два способа попасть в наши земли — один предусматривает трудный переход по узкой горной тропе, а другой — гораздо более комфортный и просторный путь через узкое горное дефиле. Учитывая это обстоятельство, а также донесения разведки, пускай их надёжность и подлежит должному сомнению, Мы предположили, что враг решит избрать именно этот путь, как наиболее удобный. Ввиду этого Мы избрали засаду, как наиболее эффективное средство обороны. Кроме того, мы определили наилучшее место засады — в данный момент Мы его уже достигли, и, соответственно, приступили к развёртыванию лагеря, а также к подготовительным работам, необходимым для успеха засады. Мы не знаем, когда именно прибудет враг, однако, вероятнее всего, это случится не ранее, чем через два дня — основываясь на имеющихся оценках скорости мобилизации врага, им просто не удастся прибыть ранее этого срока. Надеюсь, всё понятно? — в просторном шатре заседал малый военный совет. Как и положено, наиболее близкими к «телу» царя оказались его самые доверенные военные советники, среди которых были и командиры привлечённых частей. Из них, пожалуй, наиболее сильно выделялся Ангус, сын Бренна — самопровозглашённый царь сегусиавов, потомок весьма знатного, но практически полностью угасшего рода. Уже далеко не юный и имеющий колоссальный военный опыт, полученный в столкновениях с германцами и белгами, он присоединился к походу Артёма по весьма очевидной причине, после чего, в силу своей военной славы и знатности, моментально стал лидером всех изгнанников. Именно он, опираясь на свой богатый опыт пограничных стычек с германцами, первым предложил идею с засадой, которую Артём моментально воспринял, представив её всем остальным, естественно, как свою собственную придумку (не пугайтесь ранее употреблённого «Мы» — оно представляет собой носизм и используется для подчёркивания собственного превосходства над остальными).

— Господин, неужели мы оставили абсолютно неприкрытым наш тыл, смиренно ожидая того, что враг попадётся в столь очевидную ловушку? — ну, раз так, то и отбиваться, разумеется, предстояло ему одному.

— Разумеется, нам пришлось пойти на этот риск, так как Мы не располагаем достаточными силами, чтобы позволить себе расплыть их на второстепенные направления. Тем более, нам на руку играют два ключевых фактора. Первый — противник нас недооценивает. Соответственно, он, скорее всего, не ожидает встретить здесь засаду. Второй — даже если бы враг решил направиться по другому проходу, что Мы считаем крайне маловероятным, то так было бы даже лучше, нежели бы он решил идти по наиболее удобному для него пути. После столь трудного похода вражеское войско, вероятнее всего, будет настолько деморализовано и истощено, а также понесёт столь ощутимые потери, что просто перестанет представлять для нас какую-либо угрозу вообще, — впрочем, по всей видимости, он был совершенно спокоен — вопроса суть не могла поколебать его никоим образом. Вероятнее всего, он подготовился к подобным вопросам заранее. Что же, если это действительно так, то это крайне умный ход с его стороны.

— Господин, откуда же такая уверенность в том, что мы сумеем победить противника из засады? Каков ваш тактический план? — впрочем, то было лишь начало настоящего града вопросов. Как ни странно, всем очень хотелось узнать как можно больше подробностей о плане, в котором им предстоит участвовать. Тем более, что ранее он делился подобными секретами крайне неохотно.

— Если вкратце, то план можно обрисовать так — сначала врага привлекает на себя плотное построение воинов, где каждый будет стоять пятка к пятке, щитом к щиту. Их задача — удержать внимание противника на себе, а самое главное — выдержать натиск превосходящих сил. К счастью, им в этом поможет узость ширины фронта и невыгодный для противника рельеф местности. В совокупности оба этих фактора полностью нивелируют численное преимущество противника, позволив нашим ребятам продержаться как можно дольше, прежде чем дело дойдёт до введения первой линии резерва. Тем не менее, главный замысел плана заключается вовсе не в этом — в определённый момент наши brave лучники обрушат на головы врага яростный град из стрел и дротиков с обеих сторон. К этому моменту в тыл к врагу проникнет отряд из специально отобранных солдат, который сначала преградит врагу путь к отступлению при помощи мусора. Как только это произойдёт, ими будет подан специальный сигнал, после чего отряд, ранее удерживавший врага, перейдёт в осторожное, аккуратное наступление. И так, шаг за шагом, мы будем их постепенно давить к стене из мусора, продолжая окроплять их различными метательными снарядами. Рано или поздно, мы додадим врага. Как только это произойдёт, Мы устроим величайший из пиров для наших солдат! — однако, в отличие от прошлого раза, в этот раз Артёму более уже незачем сохранять план в режиме формальной секретности, а потому нет ничего удивительного в том, что он решил им поделиться с ними.

— Допустим, мы победим. Допустим, мы успешно отпразднуем пир — а как нам поступать на следующий день? Ваш «мусор» ведь всё ещё будет на месте, не так ли? Раз так, то как мы собираемся устранять его? — хотя, полагаю, теперь, когда он наконец-то стал доступен для их вопросов, те, кому ранее приходилось затянуть свою варежку, отыграются на него за все прошлые разы.

— К сожалению, нам придётся самостоятельно расчистить завал, но уверяю вас — это не займёт слишком много времени, — что же, а вот и первый минус его плана — задержка, связанная с расчисткой мусора.

— Почему бы просто не отправить им в тыл отряд, чтобы он их сдерживал? — и, разумеется, различные умники тут же предложили «исправление» плана, совершенно очевидное на первый взгляд.

— Нас слишком мало, чтобы мы смогли составить им серьёзное сопротивление с обеих сторон сразу. Хотя идея, конечно, весьма красивая и удобная — Мы бы и сами были бы рад так поступить, но это было бы глупым и необдуманым поступком, — не без иронии отметил Артём. Ему и самому подобная идея в голову приходила не раз, пока ему не объяснили толково, что затея тухлая.

— К сожалению, это действительно так, господин. Пожалуй, здесь нет чего-то такого, что мы могли бы исправить, не сделав своими действиями исключительно хуже, — впрочем, тем нам смешнее, ибо подобная передача идей и информации действительно выглядела бы крайне потешно.

— Итак, продолжая тему нашего разговора, Мы бы хотели дать вам право последнего вопроса, прежде чем мы перейдём подведению итогов. Есть желающие его задать? —

пожалуй, зря я вас обнадёжил — в действительности, по-видимому, Артём вовсе не собирался устраивать длительную пресс-конференцию, на которой бы он всем всё объяснил бы.

— Никак нет, господин! — ну, а воины, те самые профессиональные военные, подчиняющиеся Артёму из-за денег и обязательств, не особо горели желанием задавать какие-либо вопросы — это было совершенно ни к чему. Тем паче сейчас, перед самой битвой, когда любой промах командующего во время ответа на даже самый простой и банальный вопрос может снизить боевой дух его товарищей, а то и вовсе похоронить репутацию. Да и какая, в общем-то, разница, если любой спор обречён на провал хотя бы потому, что он всех этих гадов кормит и вооружает. Причём как прямо — через финансовую помощь в виде прямого спонсирования, так и косвенно — посредством передачи определённого надела во временное прямое управление клиентом за обязательство принять участие в любом разбирательстве или конфликте на стороне патрона (с этой земли он собирает продукт, на который и покупает всё необходимое для войны снаряжение). Толку спорить с рукой, что кормит тебя?

— Ну, раз вопросов нет, то я, пожалуй, подведу итог — в ближайшие дни мы будем усердно готовиться к засаде, следуя принятому плану. Кроме того, мы будем проводить определённые тренировки, необходимые для максимально эффективного выступления против противника. Надеюсь на вашу сознательность, честь и храбрость — ибо они нам пригодятся в предстоящем столкновении! — полагаю, это понимал и Артём, который постоянно напоминал своим воинам о том, чьими заботами их животы набиты и горла смочены. К слову, раз уж заговорили о «тренировках», то необходимо отметить, что эти самые «тренировки» — всего лишь упражнения по строевой подготовке. Естественно, за неделю солдат толком не научишь, да и не в этом был замысел — замысел был в том, чтобы начать постепенный процесс превращения воинов в солдат. Пока что у него, естественно, были связаны руки, так как страна была им же разорена, экономические связи были во многом разрушены, шла война, и он постепенно влезал в долги для покрытия текущих расходов. Каждый день простоя обходился ему всё дороже, но он всё же грезил о создании своей собственной, надёжной и лояльной, военной машине, и начинал с малого — того, что мог начать делать прямо сейчас.

— Вольно! — в частности, он ввёл какую-никакую систему команд для его собственного подразделения. В частности, была и такая команда — «Вольно!», она означала, что воины на сегодня свободны. К слову, хотя говорили они всего ничего, всё равно задержались на пару часов (большую часть времени потратили на сбор всех воинов в одном месте). Хотя, пожалуй, не воинам стоит жаловаться, а Артёму, которому после всего этого ещё и пришлось раздать несколько приказов организационного характера, и уже только после этого — приступить непосредственно к обеспечению организованности войска. Дешешу от бесполезных разведчиков почти (как показала практика, особого смысла от разведчиков при подобной организации армии нет — донесения часто некорректные, а то и вовсе ложные, не говоря уже о том, что очень часто они просто не доходят вовремя), дешешу обратно им пошли (с новыми указаниями). Указание большому обозу, указание рабочим малого обоза, назначение патрулей, охраны для обоза — всё это Артём взял на себя, делегировав своим чиновникам лишь исполнение его. И это мы уже не говорим о многочисленных до этого визитах из самых разных деревенских селений, которые возглавляли местные мелкие вожди. Всех их необходимо было принять, некоторым — дать

гарантии о том, что их территории не будут разграблены до основания, от некоторых — потребовать боеприпасов. Всё это, разумеется, отнимало, в самом деле, кучу времени, и тем удивительнее, что Артём всё ещё держался. Очевидно, подобный объём работы явно истощал его как умственно, так и физически, но виду он не подавал, зато то, что можно утверждать точно — он сохранил благодаря этому очень много ресурсов. В первую очередь, денежных, так как грамотная организация выдачи жалования наёмникам позволила вести с ними договорные отношения на более мягких условиях оплаты, а кроме того — сэкономить на жаловании лагерной и обозной прислуге за счёт выписывания самых разных и самых нелепых штрафов. Во вторую очередь, естественно, человеческих (ведь благодаря грамотной организации подвоза припасов и лагерного быта многие избежали участи стать жертвой какого-нибудь боевого поноса). В третью очередь, разумеется, временных — правильная организация позволяла значительно увеличить эффективность работы чиновничьего аппарата, сократив время, необходимое для организации любой деятельности в лагере (что ускоряло свёртывание и развёртывание оно́го). Пожалуй, широкомасштабная организация, а также систематизация различных управленческих процессов всегда были действительно сильным преимуществом Артёма, что не сильно разбирался в тактике или стратегии...

Глава 25. Победа — плод, доступный лишь достойным

... Audentes fortuna juvat ...

— Ну почему всё обязательно должно идти через жопу? Почему каждый раз, как я всё идеально продумываю, создаю чётки план и организую его исполнение, всё обязательно начинает идти не так, как я того хочу? — ...

... За пару дней до этого ...

— Ну что, как обстоят дела с подготовкой? — наконец-то освободившись от своих ежедневных обязанностей, Артём всё же соизволил наградить своим визитом того самого подчинённого, которому немногим ранее делегировал одну из своих обязанностей.

— Всё идёт как нельзя лучше, господин! Полагаю, мы справимся с поставленной задачей даже раньше, чем вы ожидаете! — а тот, разумеется, не упустил шанса показать себя надёжным кадром, надеясь заполучить царское благоволение. Что же, вряд ли он получил его подобной ложью, но, так или иначе, добиться похвалы этот воин всё же смог.

— Прекрасно! — по крайней мере, так подумал сам воин, который и не догадывался, что его деятельность будет немногим позже тщательно проверена. Ну, а пока он полагал, что получил некоторую похвалу от самого царя арвернов.

— Не желаете ли собственноручно проверить? Ваш слуга был бы очень счастлив, если бы вы поручили ему провести вам экскурсию, — прекрасное предложение и, тем не менее, Артём вынужден был от него отказаться:

— Что же, полагаю, мой слуга прекрасно должен знать о том, что у его господина крайне загруженный график? — на то было, разумеется, две причины — первая была уже озвучена — сейчас не время и не место для подобного. Вторая — это бы позволило ему самостоятельно распорядится тем, что по итогу этой «экскурсии» узнает Артём, и вряд ли он узнал бы все стороны его работы, включая и негативную. Нет, если бы Артёму захотелось узнать что-то важное о том, как он добился подобного результата, то здесь нужна была работа с рабочими.

— Ах, простите, господин — ваш слуга совсем забыл об этом обстоятельстве. Пожалуй, тогда я не буду более вас задерживать здесь, — что печально, по лицу собеседника Артёма едва ли было понятно, что он действительно думает — Артём уловил лишь нотку негодования в самом конце, связанную, наверняка, с тем, что ему отказали в подобной почести. Впрочем, даже если он и обманул Артёма, то вряд ли ему удастся избежать двойной слепой проверки — сразу двое подчинённых Артёма досконально проверят все его секреты, совершенно не подозревая о том, что есть точной такой же другой проверяющий. Уж не знаю, конечно, о чем Артём думал, когда полагал, что подобная идея будет чем-то хорошим, но, пожалуй, всем должно быть совершенно очевидно, что вся его затея, кроме элемента проверки, не имеет никакого смысла. Особенно та часть про слепую проверку — как они, работая с одним и тем же материалом в примерно одно и то же время, могут не столкнуться друг с другом или не узнать о существовании другого проверяющего? Пожалуй, было бы даже лучше, если бы они узнали друг о друге, ведь это побудило бы их быть честнее при составлении отчёта, но, с другой стороны, не далёк тот час, когда вот такими вот действиями он полностью потеряет их доверие. Впрочем, не наше дело судить Артёма — каждый может совершить ошибку. Главное, чтобы она не стала последней...

— Если так, то, пожалуй, на сегодня всё — продолжайте усердно работать, и однажды это воздастся вам, — успокоив свою жертву, Артём незамедлительно ушёл. На сегодня Артём действительно всё — перед самым сном он лишь поручил своим подчинённым провести тщательное расследование деятельности недавно упомянутого лизоблюда, после чего, завалившись на кровать, тут же заснул.

... На следующий день ...

— *храп*, — пускай Артём и не выглядит как мужчина в привычном понимании этого слова, то есть, по меркам галлов, необходимо признать — храп у него был действительно мужской. Если бы войско сегусиавов услышало его, то, будьте уверены, немедленно пустилось бы в бегство — подобный храп был настолько мощным и громким, что аж вся палатка, а она у него была самой большой из всех, едва сдерживалась от того, чтобы в трясках упасть прямо ему на лицо.

— ... — что забавно — Артём проспал. Пожалуй, необходимо пояснить — Артём за время своего пребывания в Галлии уже успел обзавестись привычкой вставать самым ранним утром, когда солнце только-только появлялось из-за горизонта. Причина этого, как ни странно, заключалась в том, что ему, как и всему населению земли в этот момент, необходимо было не упустить ни минуты светлого времени суток, ведь работать после заката солнца было весьма проблематично без искусственного света (для него свет от свечей и масляных ламп был слишком слаб). Таким образом, Артём просыпался каждый день примерно около 5 часов утра. Однако, доведённый до состояния крайнего изнеможения, он не смог сопротивляться силам Морфея в этот раз, в результате чего проспал до 2 часов дня (то есть, в сумме он проспал около 18 часов). Забавно тут то, что его так никто и не разбудил — все просто не знали, что делать. Во-первых, он не давал никаких указаний по этому поводу, а кроме того — вставал ранее всех прочих, приступая к работе за час-два до пробуждения всего остального лагеря. Во-вторых, памятуя о вышеупомянутом факте, все полагали, что он пока что просто работает в своей палатке над какими-то важными распоряжениями и пока не готов принимать у себя в кабинете доклады (да-да, и эту сторону своей деятельности он утопил в бюрократии, организовав утреннюю и вечернюю двухчасовую сессию для докладов).

— Нехило меня так приложило, — впрочем, как уже упоминалось ранее, он всё же проснулся, и сразу понял, что проспал, лишь взглянув на тонкую полоску яркого света, проникшую в палатку из едва видимой щели.

— ... — разумеется, он никуда не стал спешить, чтобы не подавать виду. Тем не менее, его сразу же удивило, что он практически не слышал каких-либо привычных для его слуха лагерных звуков — снаружи царствовала практически полная тишина, и это было крайне неестественно. Едва умывшись, он поспешил выйти из своей палатки, чтобы обнаружить, что его там нервно ждёт уже который час его главный помощник.

— Что случилось? Где все? — спросил у него удивлённый Артём.

— Извините, господин, мы не посмели потревожить ваш сон... — на что онный отреагировал лишь жалкой попыткой увильнуть от прямого ответа.

— Я спросил, что случилось и где все! Отвечай немедленно или я собственными руками задушу тебя! — естественно, не желая терять времени, Артём моментально попробовал надавить на своего подчинённого. Пожалуй, Артём был в достаточной степени свирепым и бесстрашным, чтобы угрожать гигантскому кабану, что раза в два или три крупнее самого Артёма, удушением.

— Отвечу честно — в данный момент отряд лучших ваших людей пытается сдерживать чудовищный натиск врага, как и предписывает ваш план. Полагаю, вам стоит поспешить к ним, чтобы вдохновить их на подвиг. Знаете, придать им силы духа... — что забавно, подчинённый действительно испугался Артёма. Был в его глазах этот некий безумный огонёк, что вселял в людей страх перед ним. Всем своим видом он выглядел так, как будто сейчас он тебе улыбнётся, по-дружески поздоровается с тобой, а потом со всей дури втащит по физиономии, протащит через весь лагерь и собственноручно утопит в выгребной яме туалета. Впрочем, возвращаясь к теме, стоит подвести итог сказанного ранее воином — уже идёт битва, давай шуруй к войску.

— Ну почему всё обязательно должно идти через жопу? Почему каждый раз, как я всё идеально продумываю, создаю чёткий план и организую его исполнение, всё обязательно начинает идти не так, как я того хочу? — Артём, весьма прилично выразившись на русском (хотя запас изысканных слов у него не хуже, чем у подлинного сапожника), сразу же после этого буквально побежал к позициям своих людей.

— ... — однако незадолго до того, как выйти на их обозрение, он, находясь за углом, привёл свой внешний вид в более-менее приличное состояние, после чего царской походкой подошёл к своим воинам. Он вёл себя так, будто всё идёт точно так, как им и задумывалось. Он превратил свою ошибку в элемент демонстрации превосходства — его жест символизировал доверие царя к его войску. То есть, не он проспал и опоздал к началу битвы, что даже для самого августа было практически непозволительной роскошью, а это он так проверял, достойны ли они его доверия.

— ЗА ВЕЧНУЮ ЧЕСТЬ И СЛАВУ! — впрочем, естественно, несмотря на короткое мгновение, когда его подопечные практически поверили в его ложь, они моментально её разгадали, вспомнив то, какими децибелами хвастался храп Артёма. Тем не менее, это каким-то совершенно чудесным образом всё же положительно подействовало на солдат. Хотя, полагаю, лучше всего на них подействовало не само прибытие царя, а моментально применённые им после проведения некоторого анализа позиции усилия по концентрации свободных людских ресурсов в ключевой точке его оборонительной позиции. Усиленные отрядом из резерва, они сумели оттеснить врага, передние ряды которого были совершенно измотаны длительным боем, на его изначальную позицию. Таким образом, критическая ситуация была решена. Далее вражеские солдаты, уставшие и сильно прореженные огнём с левой стороны (ведь правый склон оказался недостаточно подготовлен, однако, как оказалось, левого склона было более достаточно, ведь количество снарядов не изменилось, в то время как бой значительно затянулся из-за проблем с перекрытием пути отхода отступающих), уже не смогли потеснить укреплённые свежими силами позиции Артёма. Фактически поле боя было за Артёмом, ведь враг потерял значительные ресурсы на попытку пробить его «блестящую» оборону в наиболее уязвимом месте, так и не добившись успеха. Для сегусиавов это означало разгром сил карательной экспедиции и поражение в военной компании по усмирению арвернов, однако полного разгрома противника Артём всё ещё не добился. К слову, командир, ответственный за этот участок, и ранее обдумывал применение резерва, однако до последнего тянул с этим, ожидая прямых указаний от Артёма, в результате чего этот ключевой участок обороны оказался практически на грани краха. В результате критическая ситуация была решена уже Артёмом, что по счастливой случайности оказался в нужный момент под рукой.

— ... — тем не менее, у Артёма не было времени устраивать по этому поводу разборки

с командиром, поэтому он поспешил к силам, которые должны были перекрыть единственный путь отступления противника.

— Почему вы медлите? — потратив некоторое время, чтобы добраться до засадного отряда, Артём, прибыв на место, обнаружил, что он вынужден был вступить в рукопашную схватку с превосходящими силами противника, так как плохо укреплённый склон обвалился, открыв доступ противнику. Что удивительно — проход действительно был закрыт к этому моменту (это объясняет, почему враг, полностью истощив силы для дальнейшего натиска, не обратился вспять для отступления — ему просто некуда было бежать), однако, как видно, образовался проход, который противник мог использовать в качестве пути обхода. То есть, произошло то, чего так боялся Артём, составляя этот план.

— ... — разумеется, Артёму никто не ответил — все были слишком заняты, чтобы держаться из последних сил против противника.

— Немедленно резерв сюда! — поняв, что ситуация критическая, он послал за резервами, однако понимая, что потребуются некоторое время для их прибытия, он решил усилить обороняющих второй проход за счёт стрелков. Часть стрелков он развернул в сторону врага, чтобы они стреляли в пытающихся взобраться на склон. Остальную же массу, вооружённую разве что обожжёнными деревянными дротиками (самый простой и дешёвый вид метательного копья) и ножами (кинжалов у них не было). Тем не менее, этого более чем хватило, чтобы временно стабилизировать ситуацию.

... Спустя некоторое время спустя ...

Спустя около получаса подошли уже свежие резервы, настоящие воины, вооружённые копьём и щитом, дополнительно надавив на сильно поредевшую к тому моменту массу защитников прохода. Им не составило труда оттеснить измотанного и также поредевшего в числе противника, однако они не остановились на достигнутом успехе.

Наоборот, вдохновлённые присутствием своего царя и желая выделиться, они, пользуясь импульсом своего натиска, лишь сильнее надавили на арьергард врага, и он, набранный не из лучших бойцов (как ни странно, в арьергарде редко бывают лучшие части войска), дрогнул.

Побросав своё оружие, одни тут же сдались и были заколоты все без исключения, другие — попробовали перелезть преграду, однако большая часть из них была также заколота — однако уже не копейщиками, а теми самыми стрелками с деревянными дротиками и ножами в руках.

Самые же глупые и отчаянные попытались протиснуться в первые ряды, создав давку и смешав ряды своих (собственно, многих из них закололи свои же, чтобы не мешались). Не поняв причины замешательства противника, однако, запечатлев сам факт его присутствия в рядах противника, начал своё наступление и отряд, охранявший единственный проход в лагерь.

Наступление этого отряда было столь отчаянным и отважным, что всё войско, жестоко сдавливаемое с обеих сторон, окончательно дрогнуло, потеряв всякую волю к сопротивлению.

Одни погибали в давке, задавленные или растоптанные, другие сами лишали себя жизни, а других, самых отважных, лишили жизни копья и мечи войска Артёма. Наконец-то, всё было кончено — выжили лишь те счастливики, которым всё же удалось перебраться за преграду.

Впрочем, на пользу сегузиавам это явно не пошло, ведь они стали разносить по всей стране сегузиавов пораженческие настроения, и многих из них за это утопили и повесили. Тем не менее, тот страх, злость, ярость и безумие, которыми были пропитаны рассказы этих «счастливицков», уже поселились в душах сегузиавов...

Глава 26. Кому поминки, а кому мир

... Per fas ac nefas ...

— Господин, мы победили! — кричали своему царю воины, надеясь, что он обратит на них внимание и воздаст им больше, чем прочим.

— Сладка заслуженная победа, не так ли? — впрочем, имея честь пронаблюдать самостоятельно за боем, Артём выяснил одну очень важную вещь: планирование необходимо, план — бесполезен. Его победа буквально висела на волоске — если бы он не оказался в самый нужный момент при войске, то враг бы прорвалась или около лаза к лучникам, после чего противнику ничего бы не стоило раскромсать всех этих лёгких пехотинцев, набранных преимущественно из ополчения, а затем ударить в тыл основному заслону. Естественно, это неизбежно закончилось бы полным разгромом Артёма, равно как и вариант с прорывом основного заслона. Всё почему? Всё потому, что он совсем не учёл, что враг может прибыть раньше, чем предполагалось, что он может оказаться недоступен в самый необходимый момент из-за его банального переутомления.

— Всё так, господин, — к счастью, Артём всё же выиграл, однако не стоило более надеяться на подобную удачу.

Впрочем, прежде чем приступить к «сбору ресурсов» на вражеской территории, необходимо было сделать несколько приготовлений. Во-первых, награждение солдат. Естественно, всем солдатам, сыгравшим ключевую роль в битве, необходимо было выдать премии из царской казны.

Впрочем, так как бюджет Артёма на это дело был не столь уж и велик, то речь шла о выплате премий только в отношении авангарда, пострадавшего, пожалуй, наиболее из всех, а также в отношении передних шеренг резерва, а также сем командирам, за исключением, пожалуй, одного, с которым поступили очень некрасиво.

Кроме этого, был устроен широчайший пир (целью которого было также облегчение обоза, ведь далее им пришлось бы действовать быстро и очень активно). Вернувшись в лагерь, Артём приказал зарезать весь крупный рогатый скот, который до этого держали для пирушки перед битвой, а также приготовить для солдат самые вкусные яства из того, что есть.

Во-вторых, необходимо было расчистить завал, а также устранить с пути войска все трупы. Естественно, так как лагерные будут слишком заняты пиром, это дело необходимо было отложить на завтра.

В-третьих, необходимо было приступить к свёртыванию лагеря. Тут, в общем-то, аналогично — завтра успеется.

В-четвёртых, необходимо было отправить письмо назад, в родной дом, причём с рядом «веских доказательств». Иными словами, ему необходимо было отправить все собранные трофеи к Тане.

Для начала, чтобы помочь ей устранить любые волнения — подобные трофеи будут свидетельствовать о победе в великой битве, а раз уж он одержал победу в великой битве, то его удача велика — ему боги благоволят. Без сомнений, именно так всё и будут трактовать жрецы, поставленные Артёмом под полный контроль.

Кроме того, чтобы эти трофеи не мешали его вторжению — подобный груз бы только замедлил его войско, а потому необходимо было от него избавиться.

Ну и, наконец, эти трофеи, несомненно, представляют собой богатую добычу, и было бы неплохо всё это сбыть, чтобы пополнить царскую казну. Однако не ту, что сейчас при нём, а ту, что в столице, под присмотром Тани, ту, которую он будет использовать для осуществления своих замыслов.

Впрочем, прежде чем что-либо делать с ними, необходимо было их собрать с поля боя. Естественно, этого Артём уже ждать не мог — он моментально организовал рабочую группу по их сбору, над которой установил личный контроль. Кроме того, он также планировал проверить каждого воина в лагере на предмет ценностей, которые он мог бы унести с того самого поля боя.

Собственно, по большей части, это всё, что нужно было Артёму сделать в течение ближайших дней.

... Подводя итоги ...

Необходимо отметить, что к битве Артём подошёл с войском в 4 400 пехотинцев и 1 095 всадников. Как не трудно догадаться, его войско, равно как и войско противника, пострадало от болезней и дезертирства. В сумме, потери составили 705 человек.

Тем не менее, вступив битву с 5 495 воинами (не считая ещё 5 349 нонкомбатантов, среди которых были люди самых разных профессий), он противостоял войску из 8 427 человек (сам Артём заявит о победе над 16 тысячами).

Несмотря на полуторное превосходство противника в числе, ему всё же удалось победить его в оборонительной позиции, воспользовавшись серьёзным преимуществом в лице крайне удобного для обороны ландшафта.

Даже без преувеличения численности врага, это была настоящая великая победа. Очень редко случается так, что враг, превосходя своего противника в полтора раза численностью, проигрывает бой столь жестоко.

Однако, естественно, победа не далась Артёму и его войску легко — враг сражался отчаянно, как и подобает загнанному в угол зверю, сумев нанести ощутимый урон войску Артёма.

Его суммарные потери в битве составили 794 человека, из которых было 30 воинов из числа тяжёлых всадников, которых Артём, как уже упоминалось ранее, спешил и поставил в передние шеренги заслона.

Также сюда необходимо было включить 80 воинов из числа лёгких всадников, которых Артём поставил в передние шеренги резерва. Кроме них Артём потерял 460 воинов из числа наёмников, 120 стрелков из числа ополченцев.

В результате этого, кстати, ополчение, как часть войска Артёма, практически перестало существовать, ведь ополчение потеряло до этого 475 человек дезертирами и умершими от болезней, а учитывая 120 погибших в битве, оставалось лишь 205 ополченцев, из которых ещё 80 было тяжело ранено.

Таким образом, полностью уцелевшими во время этих передраг оказались всего 125 человек, коих пришлось слить с личным отрядом Артёма, ибо более смысла в оформлении ополчения как отдельной тактической единицы не было. Что уж там говорить — их, по хорошему, вообще стоило бы отправить домой, но сейчас себе позволить подобную роскошь Артём не мог.

Ну и, возвращаясь, наконец-то, к теме безвозвратных потерь Артёма, оставшиеся 104 человека потерь были из личного отряда Артёма.

Что касается раненых, то их общее число составило 876 человек. И, пожалуй, это число

следовало бы поделить на тяжелораненых — 162 человек, а также тех, кто был ранен лишь слегка и тех, кто был ранен достаточно сильно, чтобы это было нельзя назвать лёгким ранением, но недостаточно, чтобы назвать это тяжёлым ранением — их, в итоге, нашлось целых 714 человек.

Таким образом, подводя итоги, за время своего похода и по результатам битвы Артём потерял примерно 1/4 (если быть точнее, то 24,2 %) своего войска безвозвратными потерями, что, разумеется, сильно скажется на боеспособности его войска.

Если же говорить более конкретными цифрами, то если он потеряет ещё 1/4 своих воинов, доведя число безвозвратных потерь до красивенькой циферки в 1/2, или 50 %, его войско, вероятнее всего, полностью потеряет свою боеспособность.

По крайней мере, в современной военной практике принято считать, что боеспособность даже высоко дисциплинированного подразделения, потерявшего около 50–60 % своего личного состава (и техники), крайне серьёзно страдает (в случае нарушения управления — падает до нуля).

Если уж это так даже в отношении современной армейской системы, где дисциплина — столп, на котором строится абсолютно всё, то что уж говорить об античном войске, где всё значительно хуже.

Что это значит на практике? Ну, если данная ситуация никак не решится, то он не сможет позволить себе не то что штурм, но и даже осаду какого-либо укреплённого пункта. В его случае это означает, что максимум, которого он может достичь, если, конечно же, ему не удастся снова соблазнить Фортуну — это левобережье Луары.

Артёму прекрасно известно, что земли сегусиавов разделяются на две части — земли на правом берегу Луары, и земли на левом берегу, и если первые ему доступны благодаря удачному выходу горного пути, на середине которого он, в данный момент, и находится, то вторые — труднодоступны. Труднодоступны они для него, как ни странно, благодаря тому, что ключевые стратегические пункты были заняты поселениями врага.

В середине столица сегусиавов — Форум Сегусиаворум (Forum Segusiavorum, находится на территории французской коммуны Фёр; до нас не дошло ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО оригинальных названий галльских поселений, поэтому приходится обходиться тем, что есть).

На севере — оппидумы Кре Шателляр (Crêt-Châtelard, находится на территории коммуны Сен-Марсель-де-Фелин) и Жувр (Jouvres, находится на территории коммуны Сен-Жан-Сен-Морис-Сюр-Луара), а также крупное поселение — Родумна (Rodumna, она же Роан).

На юге — Иссалуа (Essalois, находится на территории Château d'Essalois, что в коммуне Шамбле).

С виду может показаться, что данные поселения (к слову, приведены были исключительно крупные поселения и хорошо защищённые оппидумы, хотя в действительности поселений, особенно мелких, разумеется, было больше) занимают лишь незначительное пространство, и их можно было бы спокойно обойти.

Однако, разумеется, в действительности всё не так-то просто — эти крупные поселения, может быть, и не занимают много места, зато занимают они именно те территории, что можно признать наиболее ключевыми при обороне страны. Впрочем, не только при обороне, но и при торговле, примером чему может быть Иссалуа, где ведётся активная винная торговля.

Возвращаясь же к теме, всё это, в совокупности, делает правобережье Луары, которое,

между прочим, представляет собой 2/3 страны сегусиавов, весьма труднодоступным, так как рельеф местности буквально принуждает его к захвату одной из перечисленных точек, если он желает для своего войска удобной переправы. По крайней мере, так диктовала ему галльская военная традиция.

Что примечательно, у Артёма было своё мнение по этому поводу, и он собирался удивить им бедных сегусиавов...

Глава 27. Я — свой злейший враг

... Nummus nummum parit ...

Тем временем, за пиром незаметно прошёл остаток дня. Впрочем, уже на следующий день всех, вплоть до собак, впрягли в работу, и на этот раз были рады помочь даже солдаты — этот мусор, преградивший единственный путь отступления врага, хоть и помог им начисто разгромить противника, но также и стал их единственным препятствием на пути к тотальному разграблению страны сегусиавов.

Разумеется, им и самим хотелось поскорее его убрать, а потому они приняли деятельнейшее в этом участие. Что странно, они, видимо, воодушевлённые победой и благодарные за пир, помогли даже со сворачиванием лагеря.

Впрочем, как не трудно догадаться, не все занимались этим. Вернее, занимались этим все до одного единственного момента — момента, когда воины Артёма буквально ураганом пролетели меж палаток, проверяя пожитки их постояльцев на предмет украденных трофеев.

Воспользовавшись моментом, когда остальные были заняты работой, они провели обыск, изъяв в ходе одного 100 талантов серебра (около 2 590 килограмм серебра, если отталкиваться от самого меньшего «таланта»). При том, что всего насчитано было трофеев на сумму в 400 талантов серебра. То есть, эти хапуги за ночь сумели вынести 1/5 трофеев, ибо общая сумма трофеев, включая те, что были украдены ранее, составила 500 талантов серебра (или 12 590 килограмм серебра, если учесть, что талант после Александра весил примерно 25,9 килограмма).

К примеру, на постройку Парфенона, пожалуй, одного из главных памятников древнегреческой архитектуры, потратили 469 талантов серебра, что по тем временам, учитывая вес применяемого тогда аттического таланта в 26,2 килограмма, равнялось примерно 12 287,8 килограмма серебра. Или, если проводить более понятное сравнение, жалование 7 710 рядовых гоплитов за год (при дневном в 1 драхму) в середине V века до н. э. или 3 855 гоплитов в походе (так как жалование удваивалось во время похода).

Разумеется, за это (украсть 1/5 Парфенона — бесценно) их по головке никто не погладил — свои же чуть шкуру с них не содрали, узнав, что они под покровом ночи сделали. Решив использовать сей момент дрызг, Артём благополучно объявил, что трофеи, дабы не искушать алчный взор самых предприимчивых, будут доставлены в царскую казну, и уже после окончания похода они смогут забрать причитающееся им.

Тут же произошёл взрыв негодования, однако Артём сумел успокоить толпу, обещав им несметные горы золота в землях сегусиавов (они и впрямь славились своим богатством прочее многих). Кроме того, чтобы отвлечь внимание распалённого ума от шокирующей действительности, Артём предпринял определённые действия в отношении тех, кто посмел тронуть «общее». Он отнял у них всё их жалование и за счёт него возместил часть стоимости трофеев, отнятых у тех, кто не крал из «общака».

Разумеется, последние подобного жеста не оценили и ушли, тут же свалив. Таким образом, Артём лишился ещё 400 воинов (в среднем каждый из них украл 6,5 килограммов серебра). Не считая 300 воинов из личного отряда (сюда также включили всех ополченцев, от которых необходимо было избавить войско, так как они полностью пали боевым духом и желали лишь возвращения домой, подрывая позитивный настрой всех остальных), выделенных для конвоя трофеев, разумеется.

Что уж говорить, Артём — тот ещё мастер в деле разорения собственного войска. Только подумать — одним махом он лишил себя примерно стольких же воинов, сколь и его почётный враг (700 против 794).

Как не трудно догадаться, вследствие этого суммарные потери его войска с начала похода составили ~35 %, то есть, добрую треть войска.

И, таким образом, его максимальный пул допустимых потерь перед теоретической потерей боеспособности составил 901 (~900) воина, ибо в данный момент его общие потери за поход составили 2 199 (~2 200) воинов, в то время как поход он начал с войском из 6 200 воинов.

К слову, необходимо отметить, что была составлена опись всего приобретённого имущества. Чтобы исключить вероятность потери или подделки столь важного документа, опись была записана в виде четырёх экземпляров.

Первый, разумеется, был отправлен с конвоем, второй — отправлен гонцом с поручением передать «срочную депешу» непосредственно в руки Тани, причём гонец был отправлен немногим ранее конвоя, чтобы не допустить преступного сговора между ними.

Третий был оставлен в «бухгалтерском» отделе чиновничьего аппарата войска, а четвёртый, наиболее полный (то есть, включающий все комментарии составлявших опись) и надёжно спрятанный в сундуке на ключ, остался у Артёма.

К слову, отдельным гонцом была отправлена другая «срочная депеша», личное письмо Артёма к Тане, записанное на русском, в котором он подробно изложил фактическое положение дел, а также запросил подкреплений.

... Тем временем, что делала всё это время Таня ...

Разумеется, суженая Артёма не сидела сложа руки. Она провела в царстве от лица Артёма ряд реформ, как заранее согласованных с ним, так и не очень.

В частности, была проведена реформа денежной эмиссии силами сильно разросшегося чиновничьего аппарата (приток мелких чиновников из греческих полисов, привлекаемых хорошими зарплатами, всё это время продолжался).

Чтобы упорядочить денежный оборот в стране, в обеих столицах (как известно самым внимательным читателям, немногим ранее совет заседал в Герговии, хотя, вообще-то, столица находилась в Немессе, так как во время войны совет переезжал в Герговию, где было более безопасно) были учреждены монетные дворы — Большой Немесский и Малый Герговийский монетный двор.

Кроме того, чтобы упорядочить обращение монет, была введена следующая монетная система:

Дукат — 1 дукат равен 4 дукатам. Дукат весит 3,88 грамма золота 916 пробы и содержит, таким образом, 3,55408 грамма чистого золота. На его аверсе изображён Мандубракий, то есть, Артём, а на реверсе — христианский крест. Да-да, всего-лишь христианский крест — всего лишь репетиция перед созданием величайшей идеологии в мире (на минуточку, авраамические религии охватывают в современном мире порядка 4,2 миллиарда человек, что делает авраамические религии — величайшей идеологической системой в мире)

Талер — 1 талер равен 8 шиллингам. Талер весит 4,36 грамма серебра 960 пробы и содержит, таким образом, 4,1856 грамма чистого серебра. На его аверсе изображён Битуит, отец Мандубракия, то есть, Артёма, а на реверсе — всё тот же священный кабан.

Шиллинг — 1 шиллинг равен 8 пфеннигам. Шиллинг весит 1,09 грамма серебра 480

пробы и содержит, таким образом, 0,5232 грамма чистого серебра. На его аверсе изображена Бригитта, то есть, Таня, а на реверсе — всё тот же христианский крест

Ну и, наконец-то, самая младшая монета — пфенниг, по сути, обычный медяк. Пфенниг весит 3,04 грамма меди 990 пробы и содержит, таким образом, 3,0096 грамма чистой меди. Аверс — горы Центрального Массива.

Кроме того, чтобы дополнительно проконтролировать чеканку, была введена марка — единица измерения веса, равная 249 граммам. Из 1 марки золота должно было получаться 70 дукат, из 1 марки серебра — 59 талеров или 130 шиллингов, а из 1 марки меди — 82 пфеннига. Таким образом, если монетному двору было выделено ровно 5 марок золота, то должно было выйти ровно 350 дукатов строго установленного веса.

Вдобавок, монетные дворы были оснащены гуртильными станками (бывает же полезно читать курсы по истории монетного дела Средневековья), при помощи которых на ребро всех крупных монет, таких как дукат, талер или шиллинг, наносился простой гурт в виде сплошных засечек. На дукате их ровно 100 (диаметр дуката — 20 мм). На талере их 125 (диаметр талера — 25 мм), а на шиллинге их 110 (диаметр шиллинга — 22 мм).

Вышеупомянутые монетные дворы были подчинены только что созданному Банку Галлии. Через месяц после начала работы монетных дворов, когда были выпущены первые партии, в качестве которых все смогли наглядно убедиться, им было объявлено о проведении полномасштабной денежной реформы — единственным законным платёжным средством в стране стала валюта арвернов.

Все остальные денежные единицы становились, таким образом, иностранной валютой, в отношении которой государством устанавливался специальный курс обмена. К слову, было установлено чёткое окно для обмена денежных единиц, ранее выпущенных на территории страны арвернов — ровно 1 месяц.

Причём, как ни странно, при обмене денежных единиц, выпущенных ранее на территории страны арвернов, происходил не прямой обмен — деньги, причитающиеся за обменённые монеты, не выдавались напрямую — они зачислялись на депозитный счёт, который нужно было в обязательном порядке открыть. За исключением очень небольшой части средств, которая выдавалась на руки сразу же, но это, как вы уже догадались — исключение.

Однако, как многие уже догадались, это был не вклад до востребования (то есть, деньги снять с него можно было, но только в полном объёме, со значительным штрафом и без процентов по вкладу). Процент по вкладу — 8 % (чтобы частично нивелировать губительный эффект инфляции), а срок — 1 год. То есть, ровно через год на уже банковский счёт будет зачислена полная сумма причитающихся денег + % по вкладу (за вычетом 10 % налога с прибыли). К слову, проценты по вкладу начисляются на счёт каждый месяц, однако на банковский счёт, а не депозитный счёт. Напоминаю — с последнего снять деньги нельзя в течение всего срока вклада, а с первого — в любое время и в любом отделении сертифицированного банка (за счёт этого будет происходить постепенное наполнение экономики наличностью в виде монет).

У некоторых может возникнуть вопрос, для чего подобные схемы, а ответ будет крайне простой.

Во-первых, необходимой наличности просто не существует, чтобы произвести полный обмен на новые денежные единицы в текущий момент. И, скорее всего, не будет ещё несколько лет, однако, как не трудно догадаться, провести данную реформу необходимо уже

сейчас, чтобы через эти несколько лет был прочный и стабильный денежный оборот, понятный и простой.

Во-вторых, очевидно, никаких уставных капиталов ни одному банку не хватит, чтобы в полной мере осуществлять именно массовое кредитование, единственно эффективное для стимулирования экономики.

Хотя бы по той причине, что банк для кредитования, в первую очередь, использует привлечённые средства — главным образом, средства вкладчиков и кредиты (в частности, выданные Банком России). Для получения средств депозиторов в условиях экономики, не знакомой с самим понятием вклада, необходимо, для начала, ознакомить субъектов экономики с депозитными счетами.

То есть, необходимо доказать населению, что это — отличный способ сохранить свои сбережения (по крайней мере, на первый взгляд — так-то инфляция в любом случае сожрёт все эти сбережения, рано или поздно, но это уже скорее про методы воздействия на совокупный спрос). На это, естественно, требуется время, а это, как известно, самый драгоценный ресурс в этой вселенной (думаю, с этим спорить никто не будет).

К чему это, если можно буквально насильно познакомить население и с банком, как финансовым посредником (тут главное — убедить в надёжности, получить доверие, а там уже как по маслу пойдёт), и с депозитными счетами, как способом сохранить сбережения? Верно — ни к чему.

В-третьих, это просто прелестный способ управиться с денежной массой. Тут уже вступает в дело другой важный элемент схемы — вексели, долговые расписки и чеки. Как не трудно догадаться, если просто так изъять всю денежную массу из экономики, то произойдёт, скорее всего, апокалипсис.

Однако если позволить субъектам экономической системы оплачивать товары, услуги и работы при помощи чеков (оно же распоряжение произвести платёж чекодержателю), векселей (более актуально для юридических лиц) и долговых расписок (в счёт будущих зачислений), то ничего страшного не произойдёт, ведь, по сути, вы просто заменили наличные денежные средства на безналичные.

Денежная масса в экономике при этом не изменится в отрицательную сторону (и даже немного возрастет за счёт процентов по векселям) — она просто перетечёт из одной формы в другую. Разумеется, наличность при этом никуда не пропадёт — она также останется, но, так как с самого начала её будет, очевидно, не хватать, причём ещё очень долгое время, то она отойдёт на второй план (по крайней мере, на внутреннем рынке).

Ну, разве это не прекрасно? И ростовщиков устранили (большинство из них, очевидно, скооперируется в том или ином виде, образовав коммерческие банки), и безналичные деньги создали, тут же сделав их главным платёжным средством, и лишнюю денежную массу изъяли, и устранили параллельно ходящие монеты. Да просто перечисление всех возможных эффектов от этой реформы, придуманной Артёмом (хоть и не им осуществлённой на практике) — далеко не лёгкая задача.

Ну, а кроме того, чтобы сделать саму денежную реформу осуществимой, была проведена банковской реформа, в ходе которой были созданы три главных государственных банка — Сельский, Промышленный и Потребительский.

Сельский банк, уставным капиталом которого стали 72 880 дукатов (259,02 килограмма чистого золота; 10 талантов золота) и 371 302 талера (1 554,12 килограмма чистого серебра; 60 талантов серебра), был определён как главный источник льготного кредитования для

мелких землевладельцев. Лизинг сельскохозяйственных инструментов, дешёвые ипотечные кредиты (5 % годовых при возможности рефинансирования и реструктуризации долга с гарантией выплаты долга государством в ряде случаев, и это на фоне 10 % в месяц от ростовщиков).

Он также мог выплатить за вас некрупный долг перед ростовщиком — в данном случае банк оформлял льготный кредит под 6 % (0 % в течение первого года) на срок от 1 до 3 лет, а банк в обмен на это выплачивал долг кредитора перед ростовщиком. Кредитору в этом случае могли также оформить на льготных условиях договор лизинга сельскохозяйственных инструментов и скота, а также ипотечный кредит на покупку земельного участка.

Это было тем более гениальным ходом, что большая часть земли, ранее принадлежавшая многочисленной аристократии, оказалась в собственности Царя, царским указом которого же и была разрешена её аренда на весьма приятных условиях, ибо по меркам того времени она была стократно дешевле и удобнее, чем аренда земли у аристократов. Разумеется, там, где есть аренда земельного участка, существует и вполне законная возможность выкупить арендуемый земельный участок. Собственно, на выкуп арендуемого участка и мог быть выдан льготный кредит под 3 %.

Ну, а кроме того, было разрешено создание сельскохозяйственных кооперативов (они подразумевали добровольное объединение с личной финансовой ответственностью каждого участника, величина которой определялась размером пая, принадлежащего участнику). На них, в отличие от всех остальных юридических лиц, также распространялись предложения Сельского государственного банка.

Впрочем, пора бы перейти к следующему, не менее интересному государственному банку. Речь идёт, естественно, о Промышленном банке.

Промышленный банк, уставным капиталом которого стали те же самые 72 880 дукатов (259,02 килограмма чистого золота; 10 талантов золота) и 371 302 талера (1 554,12 килограмма чистого серебра; 60 талантов серебра), по своей сути был очень схож с Сельским банком. Ведь, по сути, отличались они только сферой своего применения — в случае с Промышленным банком это были уже не мелкие землевладельцы, а ремесленные предприятия, мастерские и так далее.

Ну и, наконец, Потребительский банк. Как не трудно догадаться, этот банк, уставным капиталом которого стали 145 760 дукатов (518,04 килограмма чистого золота; 20 талантов золота) и 742 604 талера (3 108,24 килограмма чистого серебра; 120 талантов серебра), отвечал за потребительские кредиты.

Пожалуй, самые внимательные уже заметили, что этот банк ровно в 2 раза крупнее двух предыдущих. Разумеется, так как потребительские кредиты выдавались на продукцию обеих групп клиентов предыдущих банков, то и логичным было бы предположить, что потребуются сумма минимум в 2 раза большая, чтобы проспонсировать спрос на их товары. Собственно, как многие могли заметить, именно её и дали банку для выдачи потребительских кредитов.

Только, в отличие от двух предыдущих банков, никаких особых льгот здесь не было. Тем не менее, одна всё-таки была — проценты по этим ссудам были в десятки раз меньше тех, которые были у ближайшего конкурента государственных банков — ростовщиков.

Просто потому, что у ростовщиков стандартными были расценки из разряда 10–20 % в месяц (вроде бы это 74,3 уд.е. процентами за год при кредите в 10 уд.е., но я в математике не силен, поэтому могу ошибаться), а у государственного банка — 10 % в год.

И нет, не государственный банк такой добрый. На самом деле, он всё равно неплохо

наваривается — 10 % в год очень хороший процент, когда у тебя практически никаких рисков. Вот вам великое откровение — как и ростовщики, банки вкладывают свои потенциальные риски в сумму процентной ставки, как бы страхуясь на этот случай.

Однако у государственного банка они, по понятным причинам, ниже, чем у условного ростовщика, деятельность которого вообще незаконна (да-да, незаконность ростовщичества — тоже дополнительные риски, а значит и расходы, для ростовщиков, а они, как не трудно догадаться, перекладывают их на конечного потребителя их продукта — заёмщика).

Собственно, именно за счёт меньших рисков государственный банк и может выдавать кредиты по более приятной ставке.

В общем-то, именно осознание этого несложного факта и побудило пересмотреть столь неоправданно жёсткое регулирование ростовщичества.

Действуя наверняка и действуя по-умному, Артём, по сути, решил заменить ростовщичество организованным кредитованием (это, к слову, об оформлении мелких ростовщиков в коммерческие банки). Так просто-напросто удобнее как государству, заинтересованному в защите интересов своего населения, так и тому лицу, что желает реализовать свой капитал в виде ссуд посторонним лицам (по крайней мере, в идеале).

Таня, следуя воле Артёма, дала ростовщикам возможность создавать коммерческие банки, а затем, наложив ряд законодательных ограничений на ростовщичество и организовав им прямую экономическую конкуренцию в лице государственных банков, сделала их прежние ростовщические схемы попросту бессмысленными.

То есть, вместо простого создания дополнительных рисков, которые, в конечном счёте, легли бы на плечи заёмщиков, она побудила их применить располагаемый ими капитал иным образом, более выгодным и удобным в текущих условиях.

Таким образом, она не только создала предпосылки для формирования сети коммерческих банков, которые станут основой для второго уровня будущей банковской системы, но и поставила под налоговый контроль прежде незаконный капитал (а раз он незаконный, то и облагать его налогами, сюрприз-сюрприз, нельзя).

Что иронично — даже в этом случае ростовщикам было выгоднее выйти из тени, чтобы оформиться как коммерческий банк (например, в форме акционерного общества). Тем паче, что после издания нового царского указа «о ростовщичестве» произошла депенализация ростовщичества в отношении лиц, что прекратили заниматься им после издания этого самого указа.

При этом документально подтверждённые ссуды, выданные ростовщиком, признавались законными (то есть, можно было легализовать прежде незаконный капитал), но при двух условиях. Первое — они должны быть в обязательном порядке переданы в имущество организации. Второе — долг должен быть жёстко реструктуризирован.

Так, например, необходимо было резко снизить процент по кредиту. Новый процент по кредиту не должен был превысить учётную ставку, которая на момент реструктуризации подавляющего числа ростовщических ссуд составляла 5 %, более чем на 5 %. То есть, новая ставка по кредиту должна была быть не более 10 %.

Кроме того, часть ссуды (кроме начисленных сверхпроцентов, которые необходимо было простить) погашалась государством посредством выпуска векселей на соответствующие суммы.

Более того, банкам запрещалось иметь коллекторов — теперь право принудительного взыскания задолженности становилось исключительной прерогативой государства в лице

судебной власти.

Впрочем, даже это просто меркло на фоне тех преимуществ, которые государство давало новообразованным банкам. Собственно, было, по большей части, одно, но главное и просто колоссальное преимущество — кредиты от Банка Галлии...

Глава 28. Наконец-то!

... Loro mandendo discit canis corium universum mandere ...

Впрочем, если вы полагаете, что на том все реформы кончились, и наконец-то продолжится что-то отдалённо похожее на грабёж и угар, то вы ошибаетесь.

Видите ли, экономика — базис всего. Артём, как ни странно, это отлично понимал. И, возможно, вам покажется очень странным в этом свете его решение буквально устроить кровавый террор и ограбить всю страну, но не спешите с выводами.

Как не трудно догадаться, экономическое содержание грабежа представляет собой насильственное перераспределение ресурсов. Полагаю, теперь замысел Артёма стал немного более ясным — его целью было перераспределить ресурсы в экономике. Большую часть награбленного он, естественно, сконцентрировал в своих руках, в то время как остальную часть отдал в распоряжение политически верным ему людям. Разумеется, эта оставшаяся часть была потрачена крайне неэффективно, однако те ресурсы, что были сконцентрированы в руках непосредственно Артёма, оказались применены гораздо лучше.

Во-первых, как уже упоминалось ранее, все те просто колоссальные владения, которые он заочно конфисковал у проигравшей в политическом конфликте стороны, Артём передал крестьянам в аренду, зная, что в конечном итоге центростремительные тенденции укрупнения и концентрации капитала, характерные для любой развивающейся экономики, сметут крестьян, изгнав их в город.

Впрочем, здесь ключевая деталь кроется не в том, что он позволил самым предприимчивым гражданам, в том числе и жителям зарождающегося города, многократно увеличить свой капитал, хотя и это тоже крайне важно, а то, что он пересоздал земельный рынок. С виду может показаться, что как раз таки теперь рынок сильнее загнан в рамки, нежели прежде, однако это не совсем так.

Да, действительно, Артём довольно серьёзно ограничил земельный рынок, сделав оборот земли предметом государственного регулирования, но государственным регулированием, основанным на законодательстве, он, во-первых, определил общие правила игры на рынке, а, во-вторых, заменил прежние правила.

Как не трудно догадаться, они существовали и ранее, однако те правила, которые имели силу до прихода Артёма к власти, душили капиталистическое развитие рынка в стране арвернов. Они играли на руку аристократии, которая, в конечном итоге, и предала галлов, но никак не жителям самой Галлии. Напротив, эти правила вовсе исключали их из этой игры.

Артём же кардинально снизил порог на вход в рынок и ввёл общие правила. Впрочем, даже этого было бы мало, если бы не то, о чём мы ранее уже говорили — он грамотно употребил имущество, которое он успешно конфисковал у старых игроков, то есть, крупнейшей аристократии, на поддержку остальных участников рынка. Артём пустил деньги, ранее лежавшие в закромах аристократии или употребляемые ею же на продукты роскоши, обратно в «экономику простых людей», чтобы те, воспользовавшись ими, сами смогли увеличить свой капитал, запустив механизмы развития капиталистической экономики.

Тем не менее, даже на этом Артём не остановился. Беспреданно работая днями и ночами, буквально ходя на самой грани смерти от переутомления, он сумел подготовить план административной реформы, а вместе с ней и судебной, как ни странно.

Не останавливаясь подробно на административной реформе, можно сказать, что страна арвернов, не зная прежде административного устройства, была с ней наконец-то ознакомлена. Само же административное деление владений Артёма удивительным образом повторяло современное административное устройство Франции.

Более интересна судебная реформа. Итак, Таней по плану Артёма была создана некая «судебная ветвь власти», за которой была закреплена ответственность за «разрешение на основе закона конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами».

Главными акторами судебной власти стали органы, созданные на основе закона о «судебной системе в Галлии», такие как Верховный суд Галлии, Высший арбитражный суд Галлии, Верховная дисциплинарная коллегия, Верховный военный трибунал, Высшая квалификационная коллегия судей Галлии, а также иные высшие инстанции судебной системы.

Как не трудно догадаться, Верховный суд, возглавляемый верховным судьёй Галлии, отвечал за пересмотр решений нижестоящих судов, рассмотрение дел о наиболее важных государственных преступлениях, рассмотрение дел о преступлениях высших гражданских должностных лиц и разрешение споров между самостоятельными составными частями государства.

Высший арбитражный суд отвечал, в общем-то, за пересмотр решений арбитражных судов нижестоящих инстанций, экономические споры между субъектами государства.

Верховный военный трибунал — за пересмотр решений военных судов нижестоящих инстанций, расследование преступлений высших военных должностных лиц и иные мелочи.

Высшая квалификационная коллегия судей — за рассмотрение вопросов, связанных с отбором кандидатов на судейские должности, приостановления или прекращения полномочий судей, присвоение им государственных наград и званий.

Высшая дисциплинарная коллегия — отвечала за обжалование решений высшей квалификационной коллегии судей.

Всё это — суды высшей инстанции. Ниже были суды пятой инстанции, они же суды второй кассационной инстанции — в основном, это были судебные коллегии в составе соответствующих судов высшей инстанции.

В частности, например, судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного военного трибунала, судебная коллегия по экономическим спорам Высшего арбитражного суда, судебные коллегии по уголовным, гражданским и административным делам Верховного суда.

Ниже судов пятой инстанции были, как не трудно догадаться, суды четвёртой инстанции, они же суды первой кассационной инстанции — кассационный военный трибунал, суд по интеллектуальным правам, арбитражные суды регионов (как удобно, что пока что в стране Артёма он был всего 1), кассационные суды общей юрисдикции.

Ниже судов четвёртой инстанции, кто бы мог подумать, были суды третьей инстанции, они же суды второй апелляционной инстанции — судебные коллегии по уголовным, гражданским и административным делам судов департамента, апелляционные суды общей юрисдикции, апелляционная коллегия Верховного суда. Кроме того, был также военный суд департамента, апелляционный военный суд, арбитражные апелляционные суды департаментов, апелляционная коллегия высшей дисциплинарной коллегии.

Кто бы мог подумать, далее шли суды второй инстанции, они же суды первой

апелляционной инстанции. В их число входили гарнизонные военные суды (при том, что ни одного гарнизона ещё не существует, как ни странно), арбитражные суды округов (по логике нового административного устройства из нескольких округов состоит департамент), дисциплинарная коллегия высшей дисциплинарной коллегии, а также окружные суды общей юрисдикции.

Ниже были суды первой инстанции — суды общей юрисдикции кантонов, в которых также располагались мировые судья, помогающие судье справляться с нагрузкой (в кантоне могло быть сколько угодно коммун, но в данном случае их было порядка 10 на 1 кантон)

Ну, а теперь, пожалуй, наступил идеальный момент для одной очень важной детали — Артём, к сожалению, забыл, что копировать судебные системы не стоит как раз таки потому, что судебная система должна отвечать текущим потребностям в правосудии. Пожалуй, в этом был главный недочёт судебной реформы. В рамках её осуществления, как не трудно догадаться, было создано просто огромное количество судов, которые были лишь фикцией на бумаге.

В стране арвернов по итогам административной реформы оказался всего 1 департамент, 3 округа, 10 кантонов, а также 103 коммуны. На большее, как ни странно, населения просто не хватило — в конце-то концов, это же Галлия с населением порядка 4,5 миллионов человек, а не Франция с населением порядка 62,8 миллиона, чтобы в стране арвернов было 4 департамента, 14 округов, 142 кантона и 1 307 коммун.

В итоге при всём огромнейшем разнообразии судов вышло так, что на 10 арвернских кантонов приходилось ровно 10 судов — по 1 на каждый кантон.

На 3 округа приходилось ровно 3 суда общей юрисдикции округа (первый в Немессе, второй в Коренте и последний в Гондоле, все на расстоянии менее 30 километров друг от друга), 1 гарнизонный суд в Герговии, 1 арбитражный суд в Немессе и 1 дисциплинарная коллегия в том же Немессе. Ну и, как не трудно догадаться, всего остального тоже было по 1 штуке, и всё это дело располагалось, кто бы мог подумать, в Немессе.

Как ни странно, даже при таком мизерном количестве судов стране арвернов просто катастрофически не хватало образованных юристов — к счастью, Таня смогла пригласить достаточное количество необходимых специалистов из римской Провинции, причём среди них были как греки, так и римляне, а так же, как ни странно, романизированные галлы.

Да-да, мой дорогой друг — одни галльские кельты в лице арвернов привлекали других галльских кельтов, но уже романизированных. Их тем более прельщало подобное предложение, что они были чужими среди своих же людей, и вследствие этого у них было катастрофически мало возможностей для продвижения по службе. Да-да, мой дорогой друг, Рим ущемлял в правах всех лиц, не обладающих римским гражданством, даже если они были обучены юриспруденции, ораторскому искусству и прочим наукам.

Ну и, разумеется, многие, особенно отчаянные молодые люди, были крайне заинтересованы в предложении занять весьма почётную, а главное, доходную должность (сначала чиновникам из числа приезжих в качестве исключения платили римской или греческой монетой, а после закрепления новых монет — арвернской монетой).

Печально, конечно, что для этого приходилось ехать к немытым варварам, но ради денюжек можно было и потерпеть, тем более, что они были на привилегированном положении, а условия жизни постепенно становились лучше.

В общем, так или иначе, проблема с кадрами была, хоть и ценой реально больших денег, решена.

Наконец, налоговая реформа — как не трудно догадаться, и тут оказался весьма заметен привычный для Артёмовских реформ размах. Изначально, конечно же, речь шла о всего нескольких налогах, однако очень быстро Артём разработал новый проект.

В общем-то, ничего особенно нового Артём не привнёс — он взял уже знакомые ему налоговые принципы, уже знакомую ему структуру налоговых органов, уже знакомые ему налоги — всё это он, по сути, слизал с российской налоговой системы. Впрочем, не то чтобы за это его можно было осудить — незачем изобретать колесо, если оно уже есть.

Впрочем, нового Артём всё же привнёс — он более подробно проработал систему налоговых льгот, сделав их более разнообразными и значительными по своему экономическому содержанию, за счёт чего система налоговых льгот в целом стала более гибкой. В обозримом будущем это должно было в значительной степени помочь Артёму в тонкой настройке экономической системы Галлии.

Кроме того, понимая особенности своего времени и условия экономического развития подконтрольного ему общества, он оформил налоговую систему нормативными актами, в которые заложил ряд особенностей, без которых было бы трудно представить полноценную организацию налоговой системы в стране арвернов.

Впрочем, на этом его реформы и закончились — как-никак, война вносит свои коррективы в чужие планы. Внесла она их, в общем-то, и в планы Тани...

Глава 29. Дважды судимый Гаагой

... *Lucri bonus est odor ex re qualibet.* ...

Вернее, она убедила её в том, что пока что стоит повременить с мирным хозяйством. Исключением, пожалуй, стало только, что прямо сейчас было прямо таки критически необходимо — бумага, водяная мельница и автоматический молот. То есть, «изобретения», над которыми она столь долго корпела и которые прямо сейчас оказались полезны.

Как-никак, катастрофически разросшемуся административному аппарату была критически необходима бумага, для чего были нужны водяные мельницы. Автоматический молот на водяной тяге же был скорее диковинкой, посредством которой Таня желала помочь осуществлению своих мечтаний о войске из рыцарей.

К слову, о рыцарях. Нет, разумеется, Таня не создала войско из рыцарей в латных доспехах. Речь шла о немного других «рыцарях» — о лёгкой кавалерии. Да, как некоторые уже могли догадаться, Таня создала весьма значительное войско из числа лёгкой кавалерии. Вам может показаться бредовой идея о создании 3 000 войска из лёгкой кавалерии, но не будь столь поспешны в выводах.

Создавая целых 6 батальонов лёгкой кавалерии, каждый по 500 человек, Таня всё же руководствовалась здравым смыслом. Например, у неё под рукой уже была лёгкая кавалерия — она использовала её для контроля над страной, а также для защиты её рубежей — лёгкая кавалерия была для этого в достаточной степени мобильна, что было критически важно в мелких стычках, где ключевой была, в первую очередь, именно мобильность отряда. Артём бы и сам её взял, но не решился совсем уж оголять свои тылы.

Что сделала Таня, так это расширила корпус лёгкой кавалерии, который изначально был под её рукой, увеличив численность лёгкой кавалерии с 2 батальонов (1 000 человек) до 8 (4 000 человек).

Кроме того, она потратила целый месяц (посвятила бы и больше, но ровно через месяц пришла депеша от Артёма с просьбой о подкреплениях), чтобы отработать их манёвры, их владение оружием, а кроме того — значительно улучшила качество их вооружения.

Изначально у её отряда лёгкой кавалерии были лишь плохенькие кони, реквизированные у населения, да толстые копья (длиной порядка 2,5 метров). По сути, это была плохо обученная милиция из числа клиентов, посаженная на реквизированные у населения лошади и вооружённая пехотным оружием.

Впрочем, буквально спустя месяц они уже обзавелись каплевидным щитом (одно из его преимуществ заключается в том, что узкий нижний край щита защищает левую ногу кавалериста), кавалерийской пикой (длиной порядка 3,5–4 метров, наконечник с крыльями), каркасными шлемами с наносниками, мечом, несколькими дротиками, а также стёганым доспехом.

Также улучшилась и защита коня — бард лошади был также представлен стёганым доспехом, а кроме того — улучшились и сами лошади под всадников, так как реквизированные у населения лошади были заменены на обученных боевых коней.

Хотя, полагаю, будет справедливым отметить, что существовал также особый, выборный батальон. Он был набран из наиболее опытных всадников, да и вооружён он был также на порядок лучше, чем остальные.

Несмотря на то, что, большая часть элементов вооружения осталась прежней, всадника

из выборной роты ни за что не спутать с всадником из остальных рот. Во-первых, хотя шлем как был сегментным, так им и остался, у шлемов сих господ был ряд отличий — присутствовала полумаска, а также бармица. Во-вторых, основным элементом доспеха стала кольчужная рубаха, под которую одевалась толстая стёганка. В-третьих, они были вооружены шинными (представляют собой продольные полосы брони, проклёпанные поверх кожаной основы) наручами и поножами (не на всю длину рук и ног, конечно, но это уже обеспечивало отличную защиту), а также набедренниками.

Таким образом, более опытные в верховой езде и гораздо более защищённые, они представляли собой прямого предшественника позднеантичной тяжёлой кавалерии.

Да, разумеется, у них кольчужная рубаха ещё не обросла штанами (причём они стали частью рубахи, слившись с ней) и рукавами (варежки у этих ребят так и не появились), не появилась полная сегментная защита ног и рук (надевалась поверх кольчуги и крепилась посредством шнурков или кожаных ремней), не появилось ещё пластин на туловище.

Тем не менее, представленная рота уже могла считаться тяжёлой кавалерией (не всем же походить на позднеримских клибанариев, круче которых были разве что латные танки самого излёта рыцарской эпохи).

Собственно, это и был её своеобразный «подарок» ему (главное, чтобы Артём не узнал о цене подобного «подарка»). Не считая остальных 5 батальонов (2 необходимо было оставить в стране для защиты её рубежей от потенциального вторжения), тоже весьма представительных (вот ей бы ещё несколько годиков дали, чтобы она конкретно их так намуштровала, и был бы вообще шик), разумеется.

Впрочем, если вы думаете, что на 500 тяжёлых всадниках и 2 500 лёгкой кавалерии кончались подготовленные Таней солдаты, то вы глубоко ошибаетесь — она также подготовила 3 000 пехотинцев. Не смотрите, что они вооружены только парой дротиков, копьём, щитом, да шлемом и стёганкой — это всё ещё хорошая пехота, универсальная в своём применении.

Ну и, разумеется, понимая всю важность стрелков, Таня набрала 2 000 лучников из числа горцев-охотников (набирать лучников из кого-либо ещё не было никакого смысла, так как только охотники могли похвастаться умением стрельбы из лука).

Таким образом, подкрепления, приготовленные Таней для Артёма, были в совокупности больше, чем всё его войско в самом начале похода — 8 000 против 6 200.

Учитывая текущую ситуацию Артёма с потерями, ему бы очень пригодилось подобное подкрепление. Тем более, что в данный момент это подкрепление было в два раза крупнее его текущего контингента.

Если бы до него добралось хотя бы 7 000 из них, то его войско составило бы 11 000 человек — почти в три раза больше, чем у него есть сейчас.

Располагая подобной силой, он мог бы надеяться на успешную осаду столицы сегусиавов. Тем паче, что Таня также подготовила необходимый обоз с продовольствием, которого хватило бы на два или даже три месяца осады.

В общем, всё было у Тани прекрасно, всё было у неё на подхвате (в частности, она сильно укрепила положение Артёма в стране, заключив политический консенсус с друидами, тем самым отказавшись от политики принуждения их силой к «правильному» мнению и выплатив оставшимся друидам хорошую компенсацию).

Вот так Таня, собственно, и провела прошедший месяц — постепенно реализуя реформы, очерченные ещё Артёмом, а также укрепляя своё и своего избранника

политическое положение (примирившись с друидами и заключив с ними политическое соглашение, она смогла воспользоваться их авторитетом и влиянием для проведения идеологической обработки населения). Не считая самостоятельного проведения «военной реформы», естественно.

Наконец, к ней была доставлена депеша. Прочитав её, она немедленно распорядилась о возвращении большей части располагаемых ею сил в столицу.

Спустя пару дней, когда её распоряжение было наконец-то выполнено в полном объёме, а обоз был полностью подготовлен к выходу в путь, она приказала войску выдвинуться для соединения с Артёмом.

Не без проблем логистического характера, конечно, это поручение всё же было приведено в исполнение, вследствие чего войско форсированным маршем двинулось в сторону горного перехода.

Войску потребовалась всего неделя форсированного марша, чтобы, незначительно оторвавшись от обоза, наконец-то оказаться на другом конце горного перехода, которым некоторое время назад воспользовался Артём...

... Тем временем, Артём ...

Собственно, а Артём уже давно, хоть и не без труда, закончил расчистку завала, после чего принялся за два самых весёлых в этом мире занятия — насилие и грабёж!

Сегусиавы, не верившие в победу арвернов и оттого не подготовившиеся к внезапному вторжению врага, оказались лёгкой добычей для него — он буквально ураганом прошёлся по всему левому берегу Луары.

Сжигая целые поселения, уводя бесчисленное количество мужей, жён, стариков и даже детей в рабство, а порой и просто устраивая в их отношении самые жестокие и кровавые издевательства, расправы и гнуснейшие из возможных поступков, которые и в голове-то не укладываются без складывания разума набекрень, он добился успеха психологической войне.

Итак обеспокоенные слухами о поражении своих воинов, они окончательно сломались в тот момент, когда увидели, что Артём, по всей видимости с крайним задором и хохотом, сотворил с правым берегом — он буквально утопил его в крови. Отряд лёгкой кавалерии, отправленный для рекогносцировки на другую стороны Луары, всюду видел лишь разруху и выжженные земли.

В изнеженном сознании сегусиавов навсегда отпечатались прибитые к крестам трупы их сородичей, обезумевшие, ослеплённые и оглушённые старики и дети, оставленные на съедание то ли волкам, то ли кому похуже, сожжённые деревни и горы трупов вдоль дорог, на погребение которых воины Артёма даже не стали тратить силы и время.

Нигде не было видно войска Артёма — оно будто бы исчезло, однако всякая воля к сопротивлению, любое стремление к победе, любой патриотизм, имевший прежде место, исчез, как только они увидели главный шедевр Артёма, незаметно оставленный им прямо напротив столицы сегусиавов.

Приведя туда тысячу худых рабов, то есть, стариков, больных и детей, он прямо там приказал посадить их на кол, ещё живых — к утру они были, естественно, уже мертвы, а тела их остыли, однако было отчётливо видно, что ещё недавно они были живы.

Описать эмоции сегусиавов, увидевших сей шедевр, пожалуй, вряд ли возможно. Одно сказать можно точно — на их лицах застыли гримасы хтонического ужаса. Весь народ сегусиавов был просто подавлен. Сегусиавы просто не ожидали, что кто-то может оказаться настолько бесчеловечно жестоким — это было за гранью любой фантазии даже для них.

Что уж сказать, даже воины Артёма и сами не знали, что они способны на подобную зверскую жестокость, ведь одно дело просто зарезать человека и ограбить его дом, да силой взять девку другую, а другое дело — насаживать живого, плачущего и ревущего ребёнка на двухметровый кол.

Впрочем, и здесь Артём достиг запланированной цели — он показал своим воинам, что такое война на уничтожение, он доказал, что хиленький с виду Мандубракий — внутри лютая зверюга, готовая разорвать любого в клочья.

Войско увидело ту грань жестокости, на которую был способен Артём, и оно стало не только уважать его, как талантливого организатора, но и бояться его (он и ранее показывал чудеса жестокости, однако только сейчас накал его жестокости приобрёл достаточный для этого размах), как свирепого ублюдка.

Самое же главное — всё это произошло в течение всего нескольких дней. В течение нескольких дней он полностью разграбил весь правый берег Луары, а также разбил несколько десятков мелких отрядов сегусиавов, прежде чем они успели бы скрыться за стенами своих оппидумов (чем серьёзно ослабил их оборону), практически не понеся при этом потерь.

Тем не менее, в данный момент его молниеносное наступление выдохлось, и ему просто критически были необходимы подкрепления — собственно, он их только и ждал. Для чего? Ну, естественно, для осады Форума Сегусиаворум — вражеский гарнизон был серьёзно ослаблен и психологически надломлен, так что сейчас был идеальный момент для атаки.

— Господин, передовые отряды обнаружили приближение значительного войска! — напряжённо проглотив ком в горле, произнёс посыльный, принёсший столь важную и тревожную депешу.

— Враг? — спокойно спросил Артём, не выдавая своего беспокойства.

— Неизвестно! Просили доложить, что неизвестные выдвигаются к нашим позициям со стороны горного перехода, который мы совсем недавно пересекли! — напряжённо ответил молодой парнишка, служивший посыльным в своём отряде.

— Полагаю, это те самые подкрепления, которые я недавно запросил. Правда, что-то уж больно быстро они подошли. В любом случае — передай своему отряду, чтобы он некоторое время наблюдал за неизвестными. Если обнаружится повод подозревать, что это те самые подкрепления, которые мы уже ожидаем некоторое время, то они имеют моё разрешение вступить с ними в контакт, — спокойно, размеренно произнёс Артём, уже догадавшись о том, с кем им, скорее всего, придётся иметь дело.

— Так точно! — сказал, будто отрезал, воин...

Глава 30. Малый триумф

... Lucri bonus est odor ex re qualibet ...

Собственно, Артём оказался прав, предполагая, что к его позициям приближались присланные Таней подкрепления. Приблизительно через два подкрепления присоединились к его войску.

Получив свежие подкрепления, а также дополнительную провизию, он отправил часть своих пехотинцев вместе с больными и ранеными, а также захваченными трофеями, обратно на родину. В сумме домой была отправлено 1 500 человек, из которых боеспособных было 400 человек.

Что же, что касается состава артёмовских войск, то всё было, вопреки возможным ожиданиям, очень даже хорошо. Имея изначально довольно разнородное войско, сшитое из нескольких крупных кусков — политических диссидентов, наёмников, ополчения, свободных воителей и личного отряда, к текущему моменту он имел практически однородное войско.

Первый крупный кусок, политические диссиденты, во многом потеряли свою прежнюю прыть и понесли значительные потери, всюду находясь на острие атаки.

Хотя основной их боевой кулак, состоящий из знатных всадников и их личных слуг, всё же уцелел по большей части, приобретя значительный военный опыт, говорить о сколько-нибудь решающей роли этих солдат уже не приходилось — они были слишком малочисленны, чтобы представлять собой какую-то серьёзную силу в отдельности.

Таким образом, начав свой боевой путь в качестве отряда из 700 пехотинцев, 200 лёгких и 30 знатных всадников (930 человек), к текущему моменту они подошли в составе 500 пехотинцев, 186 лёгких и 26 знатных всадников (712 человек).

Собственно, именно потому их роль в военном совете, кое-как сохранявшаяся ранее за счёт военных успехов и острой нехватки людских ресурсов, практически исчерпала себя, как только подошли подкрепления — с их мнением более не считались, а жалование перестали регулярно выплачивать.

К слову, примерно та же ситуация сложилась и с наёмниками — начав свою историю похода в количестве около 900 пехотинцев, они точно также понесли катастрофические потери (в основном за счёт дезертиров), в результате которых перестали представлять собой какую-либо грозную силу в отдельности.

Ибо потеряв 460 человек в бою, а потом ещё 400 солдат ушедшими после конфликта за трофеи, а также 193 человека дезертирами и погибшими от боевого поноса за всё время похода, отряд подошёл к текущему моменту в составе всего 647 человек.

И да, подошёл он в таком количестве исключительно благодаря тому, что Артём включил в отряд наёмников всё то отребье, от которого он хотел избавиться тот единственный отряд, на который он мог положиться в случае чего — свой личный отряд.

Таким образом, в отряд наёмников, будто в какую-то свалку, постепенно включили сначала свободных воителей, изначально присоединившихся к нему в надежде на удачный грабёж, а затем и ополчение, которое успело недолгое время побыть в его личном отряде. В сумме — около 800 человек.

Вот уж кто пострадал, пожалуй, меньше всех — личный отряд Артёма, который он берёт, как зеницу ока, в то время как остальных без оглядки кидал в самое пекло.

Что самое печальное — даже видя то, в каком просто катастрофическом положении оказались остальные отряды, он планировал и дальше постепенно доводить их число до 0.

Итак, вместо того, чтобы просто распустить наёмников, он решил применить их в последнем деле (да и не оставлять же их здесь, чтобы они тут разбойничали). Если же говорить по-простому, то он собирался серьёзно подрезать их численность, применив их при штурме столицы сегусиавов. Эх, если бы он только знал, что произойдёт...

В общем, если не забегать сильно вперёд, то можно сказать, что если бы у него это действительно получилось, то вышло бы так, что в ходе этой военной компании он буквально перемолол практически всех, кто участвовал в перевороте.

Наконец, стоит отметить, что прямо сейчас Артём располагал — отрядом «наёмников» в составе 647 человек, отрядом претендентов в составе 712 человек, а также личным отрядом в составе 1 341 воина (в сумме 2 700 против первоначальных 6 200 человек).

Учитывая подкрепления в количестве 7 800 (за время марша 200 из них погибло или дезертировало), которое оказалось в пару раз больше и значительно лучше, чем он ожидал, в данный момент он располагал 10 500 воинами.

Таким образом, он располагал двумя непропорциональными частями. Как не трудно догадаться, опытными ветеранами, обладающими значительным опытом, в количестве 2 700 человек, а также новобранцами в количестве 7 800 человек (в сумме 10 500 воинов).

Также, пожалуй, стоит немного пояснить состав по родам войск:

Лёгкая кавалерия составила 686 ветеранов (500 от Артёма и 186 от претендентов), а также 2 480 новобранцев (в сумме 3 166 человек).

Тяжёлая кавалерия, сохранившаяся в гораздо лучшем виде, состояла из 270 ветеранов (244 от Артёма и 26 от претендентов) и 498 обученных всадников (в сумме 768 человек).

Пехота ближнего боя, самый многочисленный род войск в распоряжении Артёма, состояла из 1 147 ветеранов (300 от Артёма, 300 от претендентов и 547 от «наёмного» отряда) и 2 900 новобранцев (в сумме 4 047 человек).

Лёгкая пехота, представленная лучниками и застрельщиками, состояла из 597 застрельщиков-ветеранов (297 от Артёма, 200 от претендентов и 100 от «наёмников») и 1 922 опытных лучников из числа севенольских горцев-охотников (в сумме 2 519 человек).

Всего, как уже упоминалось ранее — 10 500 воинов, из которых 3 934 были представлены кавалерией, в то время как остальные 6 566 человек были представлены пехотой.

Артём, отныне располагая подобными силами, как ни странно, буквально на следующий же день подступил к главному городу сегусиавов.

В их головы только пришла крамольная идея о том, что арверны наконец-то отступили, однако тут же они подступили обратно, где-то по пути катастрофически увеличив свою численность.

Они были просто шокированы подобными финтами со стороны своих противников. Настолько, что в их головы даже проникла идея о том, что всё-таки стоит сдаться арвернам, даже не сопротивляясь. Ибо, возможно, тогда великий царь арвернов Мандубракий, то есть, Артём, пощадит их, не став насаживать живыми на колы.

Разумеется, самых громких паникёров и пораженцев тут же осадил руководившая обороной аристократия, приказав повесить их на главной площади в назидание остальным. Впрочем, потенциальных паникёров и пораженцев от этого вряд ли стало особенно меньше.

В целом же настроение, царившее в городе, прямо отражала готовность сегусиавов

сражаться до победного конца — они, конечно, храбрые и смелые воины и всё такое, но пытаться драться с подобными дикарями будет себе же дороже.

Так или иначе, Артём буквально тем же днём приступил к осадным работам. Перво-наперво, естественно, он приказал навести мост по другую сторону — благо, все необходимые материалы были любезно присланы Таней в составе обоза, вместе с двумя инженерами в придачу к тем трём, что были у Артёма с самого начала.

Потребовалось примерно 3 дня, прежде чем Артём получил доступ к другому берегу (Форум Сегусиаворум упирался одной из своих сторон в правый берег Луары) посредством двух относительно крупных деревянных мостов, находящихся на некотором удалении друг от друга.

Удивительно, но противник не стал препятствовать Артёму, ни во время проведения строительных работ, ни во время переправы, в результате чего он успешно сумел переправиться на берег со всем своим войском.

Весьма ожидаемо, что сразу же после этого начались активнейшие работы по сбору фашины, созданию из заранее подготовленного ясеня осадных лестниц, сооружению таранных орудий.

Впрочем, всё это было лишь прикрытием — Артём всеми силами показывал свою подготовку к штурму, хотя в действительности не планировал рисковать, с ходу устраивая наземный штурм.

Нет, напротив — он прекрасно видел, что Форум Сегусиаворум был отлично укреплён (что примечательно, рвы отсутствовали) и находился на определённом возвышении. Даже более — не было необходимости рассчитывать на перекрытие доступа к воде, так как внутри города был ряд колодцев.

Точно также не было смысла рассчитывать на измор гарнизона — у него был запас продовольствия всего на два месяца, в то время как в Форум Сегусиаворум находилось несколько крупных хранилищ зерна, в которых хранился запас, достаточный для того, чтобы держаться от полугода до года.

Тем не менее, всё же была у данной крепости слабая сторона, а если быть точнее, то у её стен был изъян, который был выявлен разведчиками Артёма — на одном из участков стена несколько проседала, а это значило только то, что в данном месте у стены было слабое основание. Ни секунды не медля, он приказал рыть подкоп, пока противник был отвлечён занимательным наблюдением за «подготовкой» к наземному штурму.

Собственно, созданием подкопа молодчики Артёма и занялись, руководимые одним из инженеров, пока остальные изображали подготовку к наземному штурму (здесь следует уточнить, что штурм в любом случае будет, как ни странно, проходить на земле, и конкретно здесь имеется в виду штурм с использованием эскалады и таранов).

Обман, конечно, всё же раскрылся. Правда, слишком поздно — через несколько дней, когда уже всем стало очевидно, что арверны не собираются в ближайшее время штурмовать город, потому что если бы они действительно желали того, то давно бы уже воспользовались подготовленными фашинами, таранами и лестницами.

Данное предположение было подтверждено, когда гарнизон, впервые решившийся на проведение ночной вылазки, обнаружил существование ещё недостроенных квартир. Предположив, что арверны желают осады, они расслабились, совершив, тем самым, фатальную ошибку (к произошедшему буквально через пару штурму гарнизон оказался морально и физически не готов)

К несчастью, они так до конца и не поняли, для чего арверны пытались обмануть их, ибо к тому моменту все приготовления были уже завершены, и ранним утром, когда всё войско Артёма было уже в полной готовности, произошло то, к чему столь долго готовились.

Итак, подкопная команда, устроив на самом восходе солнца (около 5 часов утра) поджог несущих балок под самой стеной противника, выбралась из туннеля, после чего, спустя некоторое время, произошёл обвал.

Результат, к слову, превзошёл все ожидания — целый участок стены был благополучно разрушен (рассчитывали на гораздо более скромный результат и всерьёз опасались провала затеи).

Разумеется, в брешь тут же устремился ударный отряд тяжёлой конницы, который должен был проникнуть через брешь в город и открыть остальным ворота.

Кроме того, чтобы отвлечь часть ресурсов врага от места бреши, по всей ширине стен начался штурм посредством эскалады — всюду на стены по лестницам начали взбираться самые опытные и проворные воины. Более того, начался штурм ворот при помощи таранных орудий.

Пока на стенах происходила кровопролитная бойня, а остальные тщетно пытались пробить ворота, тяжёлая конница, спешившись на небольшом расстоянии от бреши, поспешила построиться фалангой, после чего медленно двинулась в плотном порядке в сторону бреши, пока их поливали дождём из камней, стрел и дротиков.

К счастью, прекрасно защищённые от всего этого мусора, они сумели в почти полном составе добраться до непосредственно бреши, так и не нарушив строй.

После этого, собственно, для защитников всё было кончено — поднявшись на стену (она обрушилась не полностью, а частично, поэтому образовался пологий склон), они без проблем опрокинули её защитников, значительно уступающих им по качеству.

Связано это было с тем, что гарнизон, по большей части, состоял из гражданских лиц (в данном случае речь шла о тех, кто по той или иной причине не оказался в ополчении) и пары десятков условно профессиональных военных (большая их часть погибла в ходе битвы за горный проход).

Разумеется, подобные «вояки» просто ничего не смогли противопоставить отлично вооружённым воинам. Тем более, что в первой шеренге были уже опытные бойцы (не следует думать, будто бы они участвовали в одном только сражении за горный проход, потому что помимо него они были закалены мириадами мелких стычек).

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что их опрокинули за считанные минуты, после чего спешившиеся всадники без проблем отворили ворота своим союзникам и внутрь города сиюминутно проникли войска Артёма, не оставляя защитникам и шанса.

Конечно же, часть войска тут же направилась грабить, насиловать и убивать жителей оппидума (каждый оппидум был достаточно большим, чтобы вмещать в себя жителей со всей округи, а столичный оппидум, как ни странно, был самым большим). Другая же часть, наиболее серьёзная и опасная, принялась помогать своим на стенах, где местами всё ещё продолжались бои.

Впрочем, это уже не имело никакого значения — оборона была прорвана и все жители города были обречены. К слову, в столице сегусиавов в этот момент располагалось порядка 190 000 жителей (естественно, его постоянное население было в несколько раз меньше, в то время как все остальные были населением с округи).

Итак, немножко «статистики» — порядка 40 тысяч было убито (в основном это были

мужчины и мальчики; чтобы некому было отомстить) во время начавшейся кровопролитной бойни, в то время как остальные 150 000 жителей были обращены в рабство.

Форум Сегусиаворум фактически перестал существовать, в то время как население округа по очевидным причинам серьёзно просело. К слову, если вы гадаете, куда потом подевались все эти рабы, то открою вам страшный секрет — никуда (они занялись кое-чем интересным по любезной просьбе Танае). Вернее, практически все — никуда, а вот самые ценные кадры, вроде ювелиров и прочих ремесленников — в страну арвернов.

В любом случае, нам интересно не то, скольким жителям раскрыл головы среднестатистический воин из войска Артёма, а то, что повлекло за собой полное разграбление главного города племени...

Глава 31. Большой триумф

... Capienda rebus in malis praecipua via est ...

Собственно, а последствия у этой неожиданно лёгкой победы были самыми катастрофическими для противников Артёма.

Во-первых, страна полностью лишилась какого-либо управления, потому что весь сенат (в дальнейшем для удобства я буду использовать эту формулировку, потому что между советом старейшин у галлов и сенатом у римлян практически нет различий) сегусиавов был истреблён, вплоть до последнего члена.

Как следствие, пришёл конец практически любой коммуникации между отдельными населёнными пунктами (при всей их племенной автономности необходима была известная степень координации для проведения успешных оборонительных мер). Тем более, что столица буквально (географически) занимала центральное положение в сети сообщений страны.

Во-вторых, силы сегусиавов были практически полностью истощены — с полной потерей войска и крупнейшего гарнизона в их распоряжении остались только гарнизоны прочих оппидумов, слишком малочисленные и разбросанные, чтобы представлять какую-либо серьёзную угрозу кому-либо.

В-третьих, с обращением большей части укрывшихся жителей в рабов огромный регион, окружающий главный город, оказался практически пустым, и теперь сегусиавам было не на кого опираться при проведении каких-либо военных действий на данной территории. Здесь уже невозможно было собрать урожай или фураж (напоминаю, что в фураж, помимо травы, которой можно заменить потребность в сене, идут зерновые и бобовые, которые, как ни печально, не растут тоннами сами по себе), потому что его было банально некому посадить.

В-четвёртых, как ни странно, после столь быстрого взятия главного города страны, самого укреплённого из всех, воля сегусиавов к дальнейшему сопротивлению была полностью исчерпана. Тем паче, что они не слишком желали повторить судьбу его жителей — весьма странно, что им претила мысль или оказаться в кандалах, или быть убитыми.

Вероятно, будь у них какие-нибудь успехи в борьбе с захватчиками, эта мысль подвигла бы их на борьбу, но, увы. Однако, к сожалению, они познали лишь горечь поражений и лишений, убедившись в абсолютном военном превосходстве арвернов, а потому желали лишь прекращения этой войны — буквально на любых условиях. В общем, приходится констатировать факт — сегусиавы практически полностью прекратили сопротивляться.

Полагаю, в этот момент определённая часть людей решила бы, что сейчас самое время принять капитуляцию остальных крепостей, посадить в них свои гарнизоны и начать постепенно устраивать администрацию в регионе. Впрочем, Артём не из их числа — весь свой поход он держал в своей голове мысль о том, что вот-вот придут эдуи, чтобы сказать своё слово.

Собственно, именно в связи с этим он не стал вводить гарнизоны в крепости — это бы слишком сильно ослабило его войско, а в случае бунта пришлось бы выручать их из беды, притом, что сам бунт был бы неизбежен в случае вторжения эдуев.

Таким образом, он взял у них политических заложников, а также потребовал съестных припасов, а также фуража (притом, что к нему в руки итак попало крупнейшее хранилище еды в стране, где были просто астрономические припасы).

Кроме того, он изъял у них всё оружие и лошадей, а также дань. Как ни странно, они согласились на все условия, однако попросили «некоторое время», чтобы собрать дань в монетах. Понимая, к чему это условие, Артём, тем не менее, согласился.

Тем временем, пока происходили все эти события, происходили и другие политические события. Причём, как ни странно, Артём вообще о них не думал — он недооценивал то, какое влияние оказали его действия на происходящее в Галлии.

Во-первых, на фоне военных успехов (к концу второго месяца похода большей части Галлии уже было известно о полнейшем разгроме сегусиавов) постепенно стала возрождаться арвернская конфедерация, фактически распавшаяся после военного переворота. Кроме того, в неё вошли и новые племена.

Таким образом, в лоно влияния арвернов снова вернулись такие племена, как веллавы, габалы, кадурки, рутены и лемовики, причём два последних заключили с царём арвернов союз (который он должен лично скрепить, если рассчитывает на сотрудничество). Остальные же, то есть, кадурки, габалы и веллавы согласились принести присягу царю, как толь он возвратится домой.

Проще говоря, все вышеперечисленные племена как бы подстраховали себя — если Артём вернётся, а вернётся он только в случае победы, то они смогут ратифицировать свои предварительные договорённости, а если он проиграет, то и ничего как будто бы и не было.

Во-вторых, племя эдуев, совершенно не ожидавшее подобного исхода событий, как ни странно, серьёзнейшим образом пострадало от побед Артёма — союз эдуев буквально трещал по швам на фоне его разгромных побед.

Союзники эдуев были буквально взбешены тем, как последние поступили с сегусиавами, а также были крайне расстроены и разочарованы тем, что эдуи никак не помогли сегусиавам задушить заразу в самом её логове.

Битуриги-кубы, вспомнив о своей давней принадлежности к числу клиентов арвернов, постепенно начали задумываться о том, так ли нужен им союз со «слабыми» эдуями, и не стоит ли передумать насчёт своей принципиальной позиции в отношении арвернов.

Точно также, задумавшись о пользе своего союза с эдуями, белловаки стали стремиться к своим соседям и родичам — белгам. Впрочем, в их случае всё происходило немного медленнее.

Единственные племена в составе эдуйской конфедерации, кто пока что никуда не планировал, или же просто не мог, деться — амбиарарии, они же амбарры, авлерки, сеноны и паризии, а также мандубии, находящиеся под практически полным контролем эдуев.

Впрочем, и среди них начали проходить определённые слухи, волнения и прочие предвестники отложения. Чтобы прекратить подобное безобразие, эдуи решили раз и навсегда уничтожить арвернов.

Однако, как ни странно, им потребовалось бы около месяца, чтобы собрать просто колоссальное войско, в котором были бы контингенты всех союзников эдуев, за исключением, по вполне понятным причинам, сегусиавов. Понимая, что каких-либо шансов в прямом столкновении с подобной машиной у него нет, он решил действовать на опережение.

В первую же очередь, он оставил для прикрытия тылов 3 000 лёгких пехотинцев, присланных Таней, которая заранее предвидела эту ситуацию, в последнем подкреплении, а также значительно облегчил свой обоз — он оставил лишь недельный запас довольствия и самое необходимое, а остальное оставил под присмотром прибывших подкреплений.

Трофеи же, за исключением рабов, также оставшихся под присмотром новоприбывших, а также лошадей, которых он взял с собой, отправил в своё царство.

Сразу же после этого он начал форсированное вторжение, используя конфискованных лошадей — он посадил всё своё войско на них (при помощи походных сумок они смогли распределить всё необходимое между воинами, совершенно избавившись, таким образом, от обоза), после чего оно устремилось в страну эдуев.

Полагаю, уж этого они точно не ожидали — это было дерзкое, опасное и столь же рискованное нападение на главную политическую силу всея Галлии. Не было никаких гарантий, что эдуи не собрали уже армии и не двинулись на него — в таком случае его решение было бы фатальным, но он понадеялся, используя информацию из различных источников.

Вторгнувшись в страну эдуев, Артём тут же приступил к своему, по-видимому, уже любимейшему занятию — террору. Впрочем, он был крайне неоригинален в своих изощрённых пытках над психологическим здоровьем своих жертв — ничего нового он не привнёс.

Что странно — ничего нового не произошло и в плане реакции, собственно, жертв — всё тот же шок. Тем более, что эдуи, совершенно не ожидавшие подобных приколов от Артёма, ещё не успели попрятаться в свои крепости.

Пользуясь этим, Артём стал делать то, что, в принципе, и подразумевал под тотальной войной — уничтожать людской ресурс врага, подрывая этим его мобилизационные возможности и экономический базис. Правда, низкая плотность населения ему в этом никак не помогала.

Тем не менее, он в этом, в общем-то, вполне преуспел — 80 000 рабов, из которых было лишь 4 тысячи мужчин, а также 40 тысяч убиенных, среди которых было 36 000 мужчин всех возрастов, включая 14 000 мальчишек.

Имея элемент внезапности, он сумел даже взять три мелких оппидума на юге, полностью обескровив оборону эдуев в этом регионе и сделав невозможным для всех жителей округа укрыться от его гнева в них.

В финале своего похода Артём даже подошёл к Бибракте, самой столице эдуев, полностью ограбил её окрестности, увёл в рабство около 1/3 населения округа, а под конец ещё и разгромил стихийно образовавшееся для противодействия ему войско, дерзко напав на него в ночи при помощи кавалерии.

Войско численностью в 6 000 человек по итогам ночного рейда можно было признать полностью разбитым. Взяв разгромленных им воинов в плен, он жестоко расправился с ними, после чего выставил их на обозрение жителям Бибракты, посаженных на кол. Закончив, Артём, наполненный чувством собственного превосходства и гордости, свалил из страны эдуев в страну сегусиавов.

Таким образом, продлившись всего две недели, поход Артёма был триумфально завершён. Всего за эти две недели Артём со своим войском убил порядка 60 000 человек, преимущественно мужчин всех возрастов, включая и мальчишек. Кроме того — богатейшие трофеи, включающие просто тонны оружия, драгоценностей и прочих товарно-материальных ценностей, включая около 120 000 рабов.

Ну, не буду себя сдерживать — это был абсолютный триумф! Разумеется, он не разбил ни единого войска эдуев, если не считать жалкого ополчения в 6 000 человек, стихийно возникшего для противостояния ему.

Даже более — он взял всего три второстепенных оппидума, причём даже не стал удерживать контроль над ними (на время там, конечно, всё же были размещены небольшие гарнизоны, которые ушли оттуда вместе с войском Артёма).

Почему же это триумф? Ну, потому, что он достиг всех поставленных целей — он сильнейшим образом унизил эдуев, серьёзно подрезал их экономический базис и уничтожил часть людских ресурсов, потеряв при этом всего 1 500 человек.

Самое главное — всё это сделало набор той самой огромной армии, которая должна была уничтожить его, просто невозможным. Чёрт возьми, да он же фактически уничтожил эдуев.

Увидев их слабость, в течение следующего месяца от них отвалились все союзники и клиенты, даже мандубии. Даже более, битуриги-кубы примкнули к нему в качестве уже его союзников.

Секваны же, не видя нужды призывать на этот раз германцев из-за Рейна (в «реальной» истории именно во время войны с эдуями арверны и секваны призвали на помощь германцев Ариовиста), без проблем подчинили себе племя амбиарариев.

По логике вещей, между секванами и арвернами должна была бы начаться война, ибо транзит между Луарой и Роной, причина всего этого кровавого безумия, оказался разделён между ними (если быть точнее, то правый берег Роны был под контролем арвернов, а левый — за секванами), чем доставлял неудобство обоим сторонам.

Однако всё же мир был сохранён — арверны и секваны заключили военный союз, а также торговое соглашение, по которому пошлина с транзита по обеим рекам разделялась между ними поровну. Впрочем, так как арверны доказали свою силу, секваны пошли на уступки и признали

Чтобы скрепить данные договорённости, Артём женился на Тане — дочери влиятельного и очень знатного секванского рода, и последний, как ни странно, вынужден был признать её.

Таким образом, в Галлии установился шаткий (все должны прекрасно понимать, что когда на кону стоят просто безумные деньги, то любые договорённости между двумя претендентами — лишь бумажка), но мир.

Самый забавный факт состоит в том, что он был, на самом-то деле, нужен именно Артёму, причём физически, потому что Артём чуть ли не убил себя, загнав работой, так и морально — он был истощён всей этой политикой, в которой ничего особенно и не смыслил (по его мнению).

Ну и, разумеется, объективно — его войско было сильно истощено, а реформы требовали продолжения. Кроме того, ему необходимо было наконец-то вернуться в своё царство, чтобы заключить все необходимые соглашения, причём уже на более выгодных условиях.

Оставив несколько гарнизонов в стране сегусиавов, а также небольшое войско, под присмотром которого рабы трудились над одним интересным проектом, он, вместе со всей тяжёлой конницей, вернулся на «родину»...

Глава 32. Санкт-Петербург по-галльски

... Cornu bos capitur, voce ligatur homo ...

Впрочем, прежде чем мы наконец-то перейдём к увлекательному обсуждению шокирующих и потрясающих воображение подробностей совершённых далее Артёмом дел, следует более подробно затронуть конкретные условия мира, которые были заключены, как с сегусиавами, так и с эдуями, а также условия соглашений, имеющих отныне место между арвернами и секванами.

Итак, для начала, как не трудно догадаться, полагается затронуть условия мира, завершившего эпоху кровавых раздоров между сегусиавами, давними клиентами арвернов, коих ныне наказали за неверность, и арвернами, старыми властителями Галлии, что приобрели назад то, что принадлежит им по праву.

Во-первых, сегусиавы признают себя прямыми вассалами народа арвернов, отныне и во веки веков. Они отдают своё правосудие и денежные вопросы в руки арвернов, их могущественных патронов. Сегусиавы также соглашаются принимать любое решение, принятое арвернами, как собственное, и, в соответствии с этим, обязуются реализовывать его в равной степени.

Во-вторых, сегусиавы соглашаются принять и содержать за свой счёт гарнизоны, имеющие место в каждом укреплённом пункте сегусиавов.

В-третьих, сегусиавы отказывают от имущественных претензий в отношении любого имущества, которое было конфисковано у них ранее, признавая его необходимыми издержками войны.

В-четвёртых, сегусиавы навсегда отказываются от своего оружия в пользу военного покровительства арвернов — в обмен они возьмут на своё содержание часть тех денежных расходов, которые арверны сочтут необходимыми для защиты интересов народа сегусиавов.

В-пятых, сегусиавы соглашаются принять в свои земли любых странников, путников и прочих гостей, коих арверны сочтут достойными того. Они обязуются оказать им должный почёт и уважение, озаботится их благополучием.

В-шестых, сегусиавы обязуются принять ту «конституцию», которую арверны сочтут необходимой для защиты их интересов, а равно и любые иные документы, которые арверны также сочтут необходимыми для защиты интересов сегусиавов.

Наконец, сегусиавы соглашаются с тем, что данный договор может быть в одностороннем порядке изменён, если арверны сочтут это необходимым для защиты их интересов.

Собственно, на этом основные требования царя арвернов, изложенные выше, и заканчиваются. Следует сказать, что данные условия мира, которые сегусиавы будут теперь, особенно после поражения эдуев и значительного увеличения числа союзников арвернов, обязаны принять без единого возражения, нельзя назвать никак иначе, как попросту издевательскими.

Очевидно, если сегусиавы согласятся с данными условиями, то о какой-либо независимости далее и в далёком будущем им следует забыть. Более того, сии требования фактически означают полной унижение сегусиавов, их полнейшее разоружение, наложение той дан, которую Артём сочтёт необходимой, а также абсолютное подчинение политики сегусиавов интересам арвернов.

Следует признать, что данный договор — более чем показательный. Конечно же, предъявляя подобные требования сегусиавам, Артём пытается внушить всем окружающим народам страх перед самой идеей противостояния арвернам — пожалуй, никому бы не захотелось повторить участь сегусиавов.

Впрочем, ничего более интересного в договоре нет — лишь перечисление всего того, что арверны могут, а сегусиавы, при условии отсутствия разрешения арвернов — нет. Что следует сказать напоследок, так это то, что договор, пускай и не без скрежета зубов, всё же был ими принят.

Разумеется, понимая всю важность сего дела, Артём принудил буквально каждого знатного и влиятельного аристократа или просто крупного землевладельца из числа сегусиавов подписать сей документ при значительном числе свидетелей. При этом, что весьма странно, или очень даже логично, в зависимости от принимаемой точки зрения, Артём не стал взимать контрибуцию с сегусиавов, но взял у каждой влиятельной семьи по заложнику.

Сразу же после его заключения, разумеется, гарнизоны стали обустриваться на своём новом месте проживания — заключая браки с местными женщинами, многие из которых овдовели, торгуя с местными, уплачивая в соответствии с этим все причитающиеся налоги и помогая сооружать цитадели, в которых им причиталось располагаться.

Переходя же к договору с эдуями, стоит отметить, что с ними обошлись значительно лучше — этому способствовал тот факт, что Артём не полностью разгромил эдуев в генеральном сражении, а истощил их до того, что те уже не желали и не могли сопротивляться воле арвернов далее.

Не желая рисковать и далее, участвуя в военных действиях, и стремясь зафиксировать имеющийся результат, Артём охотно смягчил условия мира, предъявив следующие условия:

Во-первых, разумеется, он затребовал контрибуции в размере, соответствующей 20 миллионам денариев (эквивалент 74,1 тонне серебра, если предполагать, что денарий имеет чистоту в 95 %).

Во-вторых, он самым решительным образом потребовал политических заложников, чтобы быть уверенным в честности и добрых намерениях эдуев, в количестве 1 000 сыновей и дочерей самых влиятельных семей.

В-третьих, он затребовал от эдуев не заключать следующие пять лет каких-либо союзов, федераций и конфедераций, а также вообще любых договорённостей, предусматривающих военные обязательства любой из сторон.

В-четвёртых, он затребовал, чтобы арвернских коммерсантов более не облагали торговой пошлиной, какие бы торгово-финансовые операции не стали предметом их деятельности.

В-пятых, он настоял, чтобы эдуи присоединились, в эти трудные времена, к числу друзей и союзников арвернов.

Впрочем, затребовать он затребовал, однако в итоге пришли к следующему компромиссу:

Во-первых, контрибуция снижается до суммы, эквивалентной 10 миллионам денариев (эквивалент 37,05 тоннам серебра)

Во-вторых, политических заложников будет 1 000, как и договаривались, но от числа всей знати эдуев, а не только той, что гордо именует себя высшей аристократией.

В-третьих, эдуи отвергли пункт о фактическом запрете на дипломатию, но согласились,

что «не будут вредить арвернам в дипломатическом поле, если те сами не навлекут на себя угрозу».

В-четвёртых, договорились, что их не будут облагать пошлиной в том случае, если арверны будут проводить оптовые закупки товаров, произведённых эдуями. Не самое приятное условие, и всё же достаточно удобное, чтобы не развязывать из-за этого войну до последнего мужчины.

В-пятых, эдуи посчитали щедрым предложение стать друзьями и союзниками столь могущественного народа, но всё же отказались.

В целом, Артём всё же сумел протолкнуть большинство своих условий, хотя и пришлось идти на компромиссы. Срок договора — 12 лет со дня его подписания. Поручители со стороны эдуев — весь сенат эдуев, ибо его коллективная подпись стоит под каждым пунктом договора.

Ну и, наконец, договоры с секванами. Пожалуй, тема ещё более короткая, но от того не менее подлая и хитрая.

Разумеется, первым же требованием Артём стало признание Тани её «отцом», как полноправного члена рода.

Вторым, как ни странно, стало подписание соглашения о пользовании земель по оба берега реки. Пользуясь неведением секванов о его дальнейших планах, Артём протолкнул, помимо раздела пошлины за перевозку товаров по Роне, мелкий, совсем незначительный пункт — Артём должен получить узкую полосу земли вдоль секванского берега Роны, на территории которой он мог бы заниматься чем ему угодно и главенствовал его закон.

Ну и, не считая заключения союза между секванами и арвернами, можно было заключить, что на этом основные пункты соглашений между секванами и арвернами, как ни странно, кончаются.

Разумеется, были и прочие, мелкие и неинтересные нам пункты, как и в предыдущих двух случаях, но мы их затрагивать не будем по понятным причинам.

Собственно, самое интересное — договоры были закреплены бракосочетанием между Артёмом и Таней, если не считать все необходимые подписи и факт ратификации.

Наконец, переходим к действиям Артёма, как полноправного, авторитетного и всемогущего царя арвернов, новых властителей Галлии.

Итак, пользуясь конфискованным у них и эдуев имуществом (сумма которого около по приблизительным оценкам равна 50 миллионам денариев; эквивалент примерно 185,25 тонн серебра), а также контрибуцией, Артём приступил к масштабным строительствам на территории сегусиавов.

Первым же делом Артём, пользуясь рабским трудом угнанных им 270 тысяч рабов, о которых, что логично, весьма прилично заботились, как о ценной рабочей силе, развернул самое грандиозное строительство в истории независимой Галлии — он значительно расширяет Лугдун, фактически отстраивая его заново.

Как многие могли догадаться, речь идёт о поселении сегусиавов, устроенном ими в месте слияния двух рек — Соны и Роны, который теперь известен как Лион, третий по населению город современной Франции.

Земляные и деревянные постройки на холме Фурвьер были решительно сменены каменными, кирпичными и даже мраморными зданиями.

Начиная с оборонительных сооружений, необходимо отметить, что первый оборонительный рубеж города был представлен мощнейшей кирпичной стеной,

обороняемой, как ни странно, крупным, но всё же обычным рвом. Второй оборонительный рубеж города, что примечательно, также был представлен мощной кирпичной стеной и рвом.

Интерес, пожалуй, представляет мощнейшая крепость в центре города. Эта крепость предполагала многолетнюю осаду обороняющихся десятками тысяч людей при помощи осадных орудий всех масштабов и калибров.

Она представляла собой, по сути, идеальную крепость, выверенную до сантиметра — каждый дюйм крепости был отлично защищён и грозил смертельной опасностью противнику.

Система рвов, куртин, фланков, теналей, эскарпов, контрэскарпов, рavelинов и бастионов, во главе которой стояла мощнейшая цитадель — это был просто шедевр искусства и настоящая финансовая катастрофа.

Сам город, между прочим, не был отдельной фортификацией, замкнутой в себе — по плану он должен был быть окружён целой плеядой мелких замков, которые бы защищали его от прямого посягательства (они делают невозможной осаду города до их взятия, так как гарнизоны этих крепостей могут, и естественно будут действовать на коммуникациях осаждающих).

За стенами города, стоящего в ключевой точке важнейшей транспортной артерии Галлии, должно было проживать порядка 250 тысяч постоянных жителей и им, очевидно, необходима была работа. Для постройки самого же города, как не трудно догадаться, требовалось просто астрономическое количество материалов.

Решив убить сразу двух зайцев, Артём приказал перво-наперво построить множество самых разных мануфактур, пользуясь знаниями супруги о тех или иных технологиях, почерпнутых ею из её бездонной чаши исторических и не очень знаний.

Кирпичные, бумажные, ткацкие, металлургические, оружейные, деревообрабатывающие, а также многие другие производства — все они постепенно становятся производственной базой Лиона.

В городе стало развиваться производство керамики, цемента, стекла, в нём постепенно создаются мощнейшие продовольственные склады и крупные транспортные терминалы, прокладываются мощёные дороги, строится центральная площадь города, ставшая постоянным местом дислокации крупнейшей в Галлии ярмарки, а также родным домом для многочисленных банков.

Сам город, построенный на римский манер, имеющий канализацию и водопровод, был украшен прекрасными садами и парками, а также дворцами знати, правда, уже за пределами городских стен (за исключением дворца Артёма). Впрочем, из-за всего вышеперечисленного строительство города затянется на 8 лет, но ничего — Артём потерпит.

Так или иначе, Артём приступил к огромному капитальному строительству города, которому предстояло стать главной жемчужиной Галлии на ещё очень долгое время.

Что касается производств — они были упомянуты неспроста, равно как и то, что Лион находился в стратегическом месте, где Сона впадала в Рону. Разумеется, подобное положение обеспечило ему просто невероятное преимущество в торговом поле.

Тем более, что с каждого прибывающего в город иностранного торговца взималась пошлина, отдельная от той, что бралась за пользование речным маршрутом.

Учитывая это, а также появление ряда конкурентных отраслей промышленности, которые производили уникальные для Галлии товары, не удивительно, что город очень

быстро стал расти, превосходя все возможные ожидания Артёма.

На него, разумеется, тут же распространились все реформы, произведённые Таней по указу Артёма, благодаря чему город стал развиваться ещё быстрее.

И всё было бы прекрасно, если бы город не строился при помощи рабской силы, которую Артём постепенно освобождал с той целью, чтобы они удовлетворили собой массовый спрос на рабочие руки.

Постепенно всё пришло к тому, что в городе стали преобладать эдуи и сегусиавы, очевидно, не самым добрым образом настроенные к Артёму и арвернам.

Чтобы решить эту проблему, Артёму пришлось привлечь поселенцев из числа арвернов и других народов, в особенности мужчин, в новый город, чтобы они обеспечили его лояльность в нужный момент.

Провернув это, Артём, лишь периодически отвлекаясь на строительство Лиона, смог приступить к дальнейшим преобразованиям.

Если быть точнее, то преобразований итак было более чем достаточно, и теперь нужно было дать им время, чтобы они дали свои результаты. С финансами, администрированием и прочими аспектами всё было более чем прекрасно, однако требовалась армейская реформа...

Глава 33. Хочешь войны — готовься к войне

... Si vis pacem, para bellum ...

Вернее, требовалось создание армии как таковой, потому что войско из менее 10 тысяч воинов — как-то не солидно для крупнейшего и влиятельнейшего царя Галлии, претендующего на абсолютное превосходство в собственном регионе. Понимая это, Артём решил провести военную реформу.

И, прежде чем мы к ней приступим, необходимо дополнить административную реформу в том смысле, что она была незаслуженно обделена вниманием, и её желательно рассмотреть более подробно, чтобы в дальнейшем было понятна суть военной реформы Артёма, и её взаимосвязь с остальными реформами.

Прежде всего, употребление фразы «удивительным образом повторяет современное административное устройство Франции» было несколько лукавым. Очевидно, Артём, во-первых, его не знал, а, во-вторых, не мог его применить в отношении гораздо менее развитой Галлии.

Принимая это во внимание, Артём использовал данные об административном устройстве античных и средневековых стран, в частности, тех, что располагались на территории Галлии, а также свои знания о современном административном устройстве России, чтобы создать что-то приемлемое.

Ну и, раз уж речь идёт об иерархии администрации, то стоит начать снизу.

Во-первых, самый низовой уровень устройства был представлен двумя понятиями — город (городской муниципалитет) и деревня (сельский муниципалитет). Как не трудно догадаться, оба этих термина имели свою собственную классификацию.

Первый, город, делился на следующие четыре категории — малые, средние, крупные и крупнейшие города. Впрочем, во всех четырёх случаях верным будет сказать, что город управляется городской администрацией, главой которой является мэр (избираемое городским советом лицо). Малый город — это организованное поселение, на территории которого одновременно и на постоянной основе проживает более 3 000 человек. Средний город — более 10 000 человек, крупный — более 30 000 человек, а крупнейший — более 100 000 человек.

Разумеется, из юридического понятия «город» происходит ряд привилегий, обязательств и льгот (в основном, они все касаются автономности), однако они зависят не только от его размера, но и от целого ряда особых статусов, которые как могли быть у города, так и не быть.

В любом случае, далее идёт деревня, которая, в свою очередь, делится на три категории — малая, средняя и крупная. Впрочем, деревня во всех трёх случаях управляется сельской администрацией, во главе которой стоит деревенский староста (избираемое сельским советом лицо)

Деревня, точно так же, как и город, является организованным поселением, на территории которого одновременно и постоянно проживает определённое число людей, поэтому в дальнейшем будет указывать лишь необходимая численность для достижения иного, более высокого статуса.

Малая деревня — не более 300 человек, средняя — более 300 человек, и, наконец, крупная деревня — более 1 000 человек. Деревня, очевидно, точно также имела свои особые

статусы, как правило, идентичные тем, что могли быть у города, например, статус пограничного поселения, который давал жителям населённого пункта не только ряд ограничений, но и ряд очень существенных бонусов.

Впрочем, переходя к следующему уровню устройства, необходимо отметить, что уже здесь начинаются различия между деревней и городом, которые, к слову, склоняли деревню к получению городского статуса.

Итак, как ни странно, все деревни и города входят в состав районов, либо сами представляют собой район (это верно в случае самых крупных городов). Район управляется, как ни странно, районной администрацией, во главе которой стоит глава района.

Административным центром подобных районов, следуя определённому рациональному замыслу, становились самые крупные населённые пункты, географическое местоположение которых позволяло разместить в них районную администрацию.

Районы, в свою очередь, входят в состав земель, либо сами ею и являются в случае самых-самых крупных городов (первым подобным станет в ближайшем будущем Лион) или государственной столицы (в данном случае речь идёт о Немессе).

Земли, в свою очередь, образуют страну (важное уточнение — не страна создаёт земли, а земли создают страну, то есть, юридически речь идёт не о подчинении, а о договоре), во главе которой стоит монарх (в нашем случае — Артём). Они, как ни странно, управляются земельным правительством, во главе которого стоит премьер-министр.

Разумеется, монарх лишь формально управляет страной, удовлетворяясь назначением правительства по рекомендациям парламента, хотя обладает практически неограниченной властью — для этого он обладает экстраординарными полномочиями на случай «общественной опасности».

Бунт, мятеж, революция, война, волнения, да и вообще всё, что только может прийти в голову (специфика самого определения позволяет признать причиной «общественной опасности» буквально всё, что угодно) — всё это законный повод для монарха взять на себя экстраординарные полномочия и навести в стране порядок, так сказать. Конечно же, только в том случае, если самодержец того сам захочет (Артём вот захотел по вполне понятным причинам).

Хотя, конечно, парламент, как высший законодательный орган, может не согласиться с подобным решением (другое дело, что не захочет, раз уж он полностью зачищен от любых негодных элементов и всецело одобряет политику монарха) и тогда наступит политический кризис, но кому это интересно, верно?

В любом случае, краткий экскурс в административное устройство царства Артёма (помните, что на страну сегусиавов также распространяются все преобразования Артёма, хотя формально оно и не является частью Царства арвернов) закончен, и пора бы переходить уже непосредственно к военной реформе.

Во-первых, в стране арвернов и стране сегусиавов были введены, в качестве замены прежнему ополчению (которое с этих пор признаётся незаконным военным формированием, члены которого подлежат суду в военном трибунале, как военные преступники), регулярная армия и милиция.

Регулярная армия, как ни странно, формировалась на основании двух взаимодополняющих форм комплектования.

Первая — система комплектования из добровольцев, осуществляющих службу на основании договора (касается, в основном, иностранцев, важных специалистов, а также

ветеранов).

Вторая — система комплектования на основании воинского учёта. Как ни странно, воинскому учёту подлежали все мужчины (в данном случае имеется в виду биологический пол человека) в возрасте от 20 до 35 лет, то есть, без разделения на классы или сословия. Разумеется, однако, был ряд нюансов.

Во-первых, как ни странно, важные специалисты не подлежали воинскому призыву (может показаться, что это какая-то мелочь, но в действительности подобное исключение крайне важно, потому что без него ущерб экономике от подобного «призыва» будет ощутимо больше).

Во-вторых, что не удивительно, иностранцы и девушки (за исключением ряда специалистов, подлежащих обязательному призыву вне зависимости от своего возраста или пола) призыву не подлежали (у девушек в военной системе была немного другая «роль» — надо же кому-то работать на полях, да снабжать армию нужным «мясом»).

Разумеется, их могли принять на военную службу в том случае, если они проявляли к тому желание, а государство было заинтересовано в их службе. Правда, в этом случае они служили на основании письменного контракта — в каждом случае он был индивидуален, хотя его содержание и придерживалось определённой общей логики.

В-третьих, существовали разные группы рекрутов, такие как «А», «Б», «В», «Г» и «Д». Если же по-простому, то это уже привычные «Годен к службе», «Годен к службе с незначительными ограничениями», «Ограниченно годен к службе», «Временно не годен к службе» и «Не годен к несению службы».

Легко догадаться, что призыву не подлежали только последние две категории, причём полностью исключались из военной системы только граждане из последней категории, которые в резерв не зачислялись и даже в случае войны не подлежали призыву. Все остальные, как не трудно догадаться, включались в резерв.

Ну и, разумеется, следует уточнить, что по вполне понятным причинам численность резерва (который, как не трудно догадаться, является не однородной массой, а состоит из различных категорий и подкатегорий) всегда превышала численность действующей армии.

Из этого несложного обстоятельства проистекает одна определённая особенность — действующая армия комплектовалась из числа молодых резервистов (первая категория резерва — «годные к военной службе юноши»).

Если не считать добровольцев и ветеранов (если ветеран не служит по контракту и всё ещё находится в резерве, то его, в случае войны, могут призвать на службу в действующей армии, либо в милиции, в зависимости от «качества» конкретного ветерана), конечно же.

Впрочем, продолжая тему набора рекрутов, необходимо объяснить, собственно, систему набора рекрутов.

Итак, будь то деревня или город, за набор рекрутов на местном уровне отвечал специальный комитет, состоящий из главы муниципального образования, военного комиссара, а также ряда специалистов и приглашённых экспертов.

Рекруты, определённые в ту или иную категорию, зачислялись (или не зачислялись, если говорить о категории «Д») в общий резерв, откуда уже, в случае необходимости, происходило их зачисление в соответствующее воинское объединение.

Как правило, резервистов зачисляли в ближайшее военное подразделение, однако, если оно не нуждалось в подобном количестве резервистов, то их могли направить в другие армейские подразделения, чтобы утолить их жажду в новобранцах.

В любом случае, резервисты должны были прибыть в свою воинскую часть для постоянного несения военной службы на протяжении всего срока службы, который, на минуточку, составил 25 лет.

К слову, при таком сроке службы надеяться на пенсию было бы глупо, ведь к концу службы условному рекруту будет минимум 45 (если он за эти 25 лет каким-то просто чудесным образом не станет героем), а из полезных навыков у него останутся только те, что пригодны исключительно для военной службы.

Разумеется, в таком случае для них весьма привлекательной является дальнейшая военная служба, но уже по контракту. Впрочем, в данном случае моей целью было намекнуть, что основные льготы военным, а их просто тьма тьмуца, направлены главным образом на его семью.

В любом случае, действующая армия (не милиция, там всё гораздо более запутанно и сложнее), пока она «действовала», нуждалась лишь в небольшом ручейке рекрутов, которые бы заменили выбывших ветеранов.

Милиция же, как образование, главным образом, парамилитарное, имела ряд нюансов — она собиралась из числа резервистов по мере необходимости.

Разумеется, в числе её полномочий была просто тонна важных, но очень мелких деталей, но если коротко — её главной целью было поддержание порядка на приданных ей территориях (в том числе и оккупированных), и, в случае крайней необходимости — организация обороны, недопущение прорыва противника, изматывание его сил и другие важнейшие военные задачи.

Ну, собственно, на этом с основными положениями всё. Теперь, пожалуй, имеет смысл обсудить некоторые другие очень важные детали военной реформы, касающиеся, скажем так, армейской организации...

Глава 34. Почта и магазины — что?

... Feci, quod potui, faciant meliora potentes ...

Итак, была учреждена система магазинов, то есть, военных складов. По сути, в данном случае речь идёт о сети военных складов, посредством которой могло осуществляться централизованное снабжение армейских структур.

Разумеется, на территории данных складов было всё необходимое для армии — атакующее вооружение, защитное вооружение, боевые и съестные припасы (в том числе и фураж), строительные материалы, различные канцелярские принадлежности, лошади и всё остальное, без чего армия просто невозможна.

То есть, по сути, система военных магазинов — это про материальную составляющую армейских структур. Если быть точнее, то важнейший инструмент организованного управления материальной составляющей вооружённых сил. Самое сложное, это, пожалуй, обеспечить её организованное функционирование.

Как-никак, система военных магазинов состоит из постоянно действующих военных магазинов (для стабильного снабжения армейских соединений в местах их постоянной дислокации, складом выступает специальное сооружение).

Кроме того, из передвижных военных магазинов (для стабильного снабжения армейских соединений в рамках военной кампании, складом выступает любое подходящее сооружение, реквизированное у местных или построенное силами строительного батальона).

Вполне очевидно, что подобная организация требует значительного числа чиновников, которые и будут всем этим оперировать, наличие отрядов прикрытия, ведь кому-то же нужно защищать всё это непосильно нажитое добро, а также собственной материальной базы.

Ибо, как не трудно догадаться, чиновники тоже хотят кушать, тоже хотят жалования, да и для функционирования склада необходима организация постоянного пополнения (это, в свою очередь, требует организации государственных закупок) и утилизации (если, например, что-то испортилось или вышло из строя, это необходимо правильно утилизировать) припасов.

И, разумеется, система военных магазинов, равно как и всё, что было когда-либо порождено какими-либо реформами, поначалу работала, мягко говоря, не так, как задумывалось, и Артёму потребовалось немало времени, денег и усилий, чтобы заставить всё это работать, причём не просто работать, а быть эффективным.

Пожалуй, именно поэтому я не буду упоминать организацию военного магазина, а также сети магазинов — если вкратце, в данном случае речь идёт о системе тылового обеспечения, за которую отвечает целая плеяда из офицеров, чиновников и прочих маркитантов.

Помимо сети военных магазинов, как уже упоминалось выше, пришлось организовать почтовую систему, ведь резкий рост потока сообщений (и в данном случае речь идёт не только о письмах), проходящих буквально через каждый уголок страны, потребовал организации эффективной почтовой системы, которая бы смогла правильно обрабатывать и доставлять их.

Но да, если вкратце, то почтовая система — это сеть почтовых отделений. Под почтовым отделением, впрочем, понимается не то же самое, что и, например, в современном мире.

Почтовое учреждение — это комплекс сооружений, включающий в себя почтовый двор (его могло и не быть), то есть, гостиницу с трактиром, где путники могли бы отдохнуть, конюшни, где содержались почтовые лошади, станция смотрителя, а также само здание почты.

К слову, внутренние помещения последнего использовались проезжающими, их слугами и почтальонами. Кроме того, именно там, в одном из помещений самой почты, находилось также и хранилище, в котором хранились различные посылки, письма, деловая, военная и прочая корреспонденция, а также прочие вещи, подлежащие отправке.

Разумеется, постройка подобных сооружений была необходима, хотя и не вполне отвечала той плотности населения, которая имелаась, особенно в стране сегусиавов (в ней, кто бы мог подумать, сеть почтовых отделений была также развёрнута), где в силу недавних событий она «несколько упала».

Впрочем, вам не стоит об этом беспокоиться — в ближайшие месяцы Артём вывернет фокус, который исправит данную ситуацию, сделав почтовую сеть ещё более необходимой и рентабельной (если так вообще можно говорить в отношении государственных предприятий).

Ну, и, пожалуй, заканчивая эту тему, необходимо отметить, что частным лицам также было разрешено содержать свои почтовые учреждения, но поначалу они как-то не особенно желали этого делать.

Наконец, специальные финансовые органы — они же казённые учреждения. Что они осуществляют?

Ну, на них возложено проведение финансовых расчётов вооружённых сил (наличных и безналичных, разумеется), начисление и выплата жалования военнослужащим. В том числе и, разумеется, начисление, а также удержание и перечисление налогов, сборов, взносов и выплат.

Кстати, жалование выплачивалось двумя неравными частями. Так, большая часть жалования (от 80 %) автоматически перечисляется (после удержания всех подлежащих сумм) с расчётного счёта казённого учреждения в казначействе на текущий счёт служащего.

Текущий счёт служащего, к слову, открывается специальным распоряжением казённого учреждения в необходимом банке (из числа представленных, так как операции проводятся на основании специального договора).

После окончания срока службы данный счёт остаётся в распоряжении служащего, однако договор предусматривает третью сторону в лице работодателя (органа исполнительной власти, в котором законодательством предусмотрена военная служба), так что в случае расторжения трудовых отношений обязательства работодателя перейдут к работнику, в частности, комиссия и другие мелочи, хотя остальные преимущества останутся.

В таком случае весь остаток на счету перечисляется на любой другой текущий счёт ветерана (в случае смерти служащего данное имущество разделяется в соответствии с порядком наследования), удобный для него (предполагается, что у него он уже должен быть, потому что создание текущего счёта разрешается с 14 лет).

Впрочем, возвращаясь к жалованию, необходимо отметить, что остальная его часть (до 20 %) выдаётся военнослужащему, по умолчанию, наличными из полковой казны.

По сути, речь идёт о денежных средствах на карманные расходы военнослужащего (вряд ли он сможет расплатиться за потребительские товары, приобретённые в другой стране, при помощи чека).

Разумеется, он может отказаться от выдачи части жалования наличными средствами, если пожелает того (или может уменьшить размер этой части, например, до 5 % или 10 %), и тогда они будут перечисляться на текущий счёт. Конечно же, если военнослужащий того пожелает, он может вернуться к выдаче наличными (разумеется, здесь свои нюансы, но мы итак уже слишком долго обсуждаем сие бюрократическое чудо)

Наконец, в рамках осуществления финансовых расчётов вооружённых сил производятся расчёты с физическими и юридическими лицами по государственным закупкам, возмещению стоимости реквизированного имущества населению (в частности, предусмотрена выплата наличными, если потребуется) и так далее.

В любом случае, пора подводить итоги — было немного рассказано обо всём и ни о чём сразу, и это, пожалуй, следует считать удовлетворительным.

Впрочем, прежде чем мы затронем численность войск, необходимо упомянуть, что в целях эффективного налогообложения и рекрутского набора была проведена первая перепись населения (которая также включала в себя оценку всего имущества принятых к учёту лиц). Проведена она была, кстати, среди арвернов и сегусиавов (союзникам было предложено измерить их численность тоже, но они отказались, назвав учёт свободных граждан, как каких-то рабов, имущество, крайне оскорбительным)

Тут, к слову, будет весьма кстати упомянуть, что в царстве сегусиавов ещё не был избран царь, и его должность была как бы вакантна, оставляя страну в междуцарствии, но фактически она была занята Артёмом, поэтому обе страны, фактически, являются царствами Артёма, но мы для удобства их так именовать не будем.

Так или иначе, суммарное население обеих стран составило, в сумме, 900 000 человек (включая 270 000 рабов, выделенных в отдельную категорию; из них 256 500 человек были женского пола, а остальные 13 500 — мужского), из которых 350 000 человек подлежали воинскому учёту.

Из этих 350 000 человек 330 000 подлежали зачислению в резерв, а из этих самых 330 000 человек в первые две категории вписались 280 000.

Из этих 280 000 человек фактически призвано было 60 000 человек (самый сок молодёжи), из которых было составлено 6 дивизий действующей армии.

Ну, а теперь, мы, пожалуй, перейдём к армейской структуре.

Итак, основа военной организации армии Артёма, самая низшая ступень в армейской структуре — отделение (тут надо уточнить, что это не тактическая, а административно-хозяйственная единица). В каждом отделении — 10 человек, возглавляется же отделение сержантом (его заместитель — младший сержант). В действующей армии, к слову, этих отделений оказалось 6 000 штук.

Следующий элемент армейской структуры — взвод. Взвод состоит из 5 отделений, то есть, включает в себя 50 солдат. Взвод, как ни странно, управляется лейтенантом (его заместителем является младший лейтенант). В действующей армии этих взводов оказалось 1 200 штук.

Следующий элемент армейской структуры — рота. Рота состоит из 5 взводов, то есть, включает в себя 250 солдат. Ротой управляет майор (его заместитель — капитан). В действующей армии таких рот оказалось 240 штук.

Следующий элемент армейской структуры — полк. Полк состоит из 4 рот, то есть, включает в себя 1 000 солдат, является основной тактической и административно-хозяйственной единицей в армии Артёма. Полк управляется полковником (его заместителем

является подполковник). В действующей армии этих полков оказалось 60.

Следующий элемент армейской структуры — бригада. Бригада состоит из 5 полков, то есть, включает в себя 5 000 солдат. Бригада управляется, внезапно, генерал-майором (его заместитель — бригадный генерал). В действующей армии этих бригад — 12 штук.

Следующий элемент армейской структуры — дивизия. Дивизия состоит из 2 бригад, то есть, включает в себя 10 000 солдат. Дивизия управляется генерал-полковником (его заместитель — дивизионный генерал). В действующей армии этих дивизий — 6 штук.

Наконец, корпус — штабное формирование, состоящее из нескольких дивизий (обычно двух). То есть, включающее в себя от 20 000 солдат. Корпус управляется маршалом (его заместитель — генерал армии). В данный момент их нет — они формируются во время войны для решения конкретных боевых задач.

В любом случае, мы наконец-то закончили! Или нет... ха-ха! Вы думали, что на этом всё? Ну, как бы не так — мы ещё не затронули создание образовательной системы, в частности, её логического ответвления — военного образования.

Кроме того, мы не упомянули и не описали те «открытия», которые Таня желает повторить в этой реальности, а также те новшества, что она уже ввела в оборот, так сказать.

Всё это, как не трудно догадаться, в следующей главе...

Глава 35. Бумага верже

... Charta non erubescit ...

Во-первых, как ни странно, Таня озаботилась тем, что кажется весьма тривиальным на первый взгляд — бумагой. Пароход и паровоз питаются углём, люди и животные — едой, и лишь империи — бумагой.

Фундамент любой империи — это могущественная бюрократия, и помимо образованных людей подобной машине нужна бумага. Если быть точнее, то ей нужен удобный и надёжный расходный материал, который можно было бы стабильно использовать для записи на нём информации.

Разумеется, для этого подойдёт очень многое, от коры деревьев и глиняных табличек до пергамента и папируса, но именно бумага, вопреки своей очень сложной технологии производства, является тем расходным средством, которое идеально подойдёт в качестве материала для письма.

В конце концов, не снимать же с целого стада шкуры, чтобы сделать одну единственную книгу. Да и папируса не напасть, учитывая тот факт, что растёт он исключительно в Африке, причём, в основном, в тропической Африке.

Зато всякого старого тряпья (его было легче измельчить и переработать в бумажную массу, хотя для производства бумажной массы подойдут и другие материалы, вроде пеньки, хлопка, древесины и других видов волокнистого сырья) было предостаточно, чтобы организовать достаточно широкое производство бумаги.

Вообще, Таня, разумеется, хотела бы сразу забабахать целлюлозный завод, который бы потреблял механическую древесную массу или химическую древесную целлюлозу. Увы, это было нереально — для производства одной только механической древесной массы требовались сложнейшие технологии, абсолютно точно недоступные ей в данный момент.

Натронный и сульфитный метод варки целлюлозы, голландер, бумагоделательные машины, дефибреры — всё это, конечно же, предмет далёкого будущего, продукт весьма далёкой индустриальной революции (термин неправильный с точки зрения истории всего процесса, конечно, но для удобства будем использовать именно его).

Пока же Тане, разумеется, пришлось обойтись старыми тряпками, в частности, парусиной — данный материал скупали на рынках Провинции, где их задёшево продавали, как отходы (в принципе, ею старые тряпки и были).

В частности, особенно удобным для Тани было закупать старую парусину, постоянному наличию которой способствовало широкое распространение судоходства (в частности, каботажного) и производства льна.

Во владениях Артёма же была организована система организованного сбора старых рыболовецких сетей, пеньки, крапивы, шелухи различных растений и прочего волокнистого сырья (перечисление всех подходящих для этого материалов займёт, наверное, целую вечность)

Ну, а теперь, когда мы закончили наше краткое сообщение по поводу сырья, пожалуй, стоит затронуть саму технологию изготовления бумаги по «методу Тани».

Сразу стоит сказать, технология будет несколько упрощена, так как расписывать все 30 технологических операций для получения бумаги — не просто безумное и крайне скучное занятие, но ещё и ненужное — всё равно же никто не собирается устраивать каменные

Первый этап — многократное промывание волокнистого сырья в воде. Это требовалось, как ни странно, для удаления прочих нежелательных элементов, вроде жира.

Второй этап — вымачивание волокнистого сырья в известковом молоке (он же насыщенный раствор гидроксида кальция) на протяжении нескольких дней, как правило — недели.

Вымачивали, как правило, в каменной или деревянной ванне — это зависело от доступности того или иного материала, хотя обычно преимущество в выборе отдавалось каменным ваннам.

Третий этап — измельчение бумажной массы при помощи сначала плоских камней, потом — деревянной ступы с пестом, затем с помощью деревянной ступы и песта, обитого железом.

Наконец, в конце своих весьма долгих экспериментов Таня подошла к использованию толчеи, работа которой осуществлялась за счёт силы лошади или водной тяги (если быть точнее, то они приводились в движение при помощи вала, который, в свою очередь, приводился в движение водяным колесом).

Впрочем, и на этом она не остановилась, подойдя, в конце концов, к голландским мельницам — голлендерам (уже имея ресурсы Артёма).

К слову, прежде чем пустить бумагу в голлендер, её необходимо было предварительно измельчить (чем занимались отдельные работники), так как в противном случае на размол бумажной массы голлендером ушло бы значительно больше времени (и да, это пропущенный этап)

Если упрощать, то это каменная ванна (полезный объём ванны — 3–4,5 кубических метра) с тонкой перегородкой в центре (делит среднюю часть ванны на два канала), в которой установлен гидравлический пушитель, он же голлендер периодического действия, приводимый в движение валом водяного колеса.

По сути, обычный барабан с ножами, закрытый съёмным кожухом (чтобы масса не разбрызгивалась им).

К слову, дно ванны не плоское — от выпускного патрубка к барабану дно ванны идёт с некоторым подъёмом, затем оно круто поднимается, огибая барабан, и после этого сначала круто, а затем медленно снижается к выпускному патрубку.

Возвышенную часть дна называют «горкой». Её назначение — увеличить скорость движения содержимого ванны в каналах, образованных перегородкой.

Под барабаном в дне ванны установлена рама с металлическими ножами, расположенными под небольшим ($1,5\text{--}2,5^\circ$) углом к ножам барабана.

Эту раму с ножами называют «планкой». Обращённые к барабану кромки ножей планки создают поверхность, концентричную поверхности, образуемой ножами барабана.

Для удобства подшипники вала подвешены на стержнях, которые винтовым механизмом могут подниматься и опускаться, изменяя тем самым величину зазора между ножами барабана и планки.

Кстати, в ванне есть патрубок, закрытый пробкой на время производственного процесса. Его назначение — удаление содержимого ванны после его завершения.

Впрочем, вернёмся к теме. Суть голлендера заключается в том, что карманы барабана, захватывая массу воды и бумажной массы, мгновенно придают ей скорость движения порядка 4 метров в секунду (это не трудно посчитать, имея диаметр порядка 0,95 метра и скорость в 80 оборотов в минуту).

Вследствие ударного воздействия вода в карманах завихряется и движущиеся в различных направлениях струйки воды увлекаются с собой отдельные волокна, отделяя их от соседних.

В результате пучок волокон со временем распадается (мы, по понятным причинам, не будем затрагивать технические проблемы и особенности голлендера, чтобы не растягивать излишне третий этап). Сам голлендер, таким образом, просто обеспечивал лучшую разработку (размол) волокон, повышая качество будущей бумаги.

Четвёртый этап — итак, полученную в предыдущем этапе бумажную пульпу, попавшую в специальный котёл, вручную зачерпывают при помощи гибкой съёмной сетки (метод «черпающего сита»).

Черпальщик, осуществляющий весь этап, быстро поднимая сетку (это требует особого мастерства, но от этого зависит толщина листа), сильно трясёт форму, прогоняя через сито излишек воды, а заодно — формирует бумажный лист (подобные движения обеспечивают более равномерное оседание бумажной массы).

К слову, сетка у формы не простая — к ней припаяна литера из фигурной проволоки, представляющая собой знаменитого галльского гуся. Да-да, это — филигрань, эдакий знак качества на бумаге.

Пятый этап — специальный укладчик аккуратно, но быстро опрокидывал ещё сырой лист бумаги на сукно или войлок, после чего накрывал его таким же отрезком сукна (оно было необходимо для впитывания воды).

Постепенно выростала целая кипа — стандартной была кипа из 181 листа бумаги (цеховая традиция, перенятая Таней у средневековых европейцев). И...

Шестой этап — данная кипа сырой бумаги относилась к винтовому прессу, где вся кипа прессовалась сначала с сукном (за счёт чего листы просушивались ещё качественнее, так как извлекаемые под давлением излишки воды оказывались в сукне или войлоке).

Седьмой этап — повторное прессование, но уже без сукна или войлока. К слову, все излишки воды уходили в специальную ёмкость, так что воду можно было использовать повторно.

Восьмой этап — просушка в сухом, прохладном помещении.

Девятый этап — просохшие листы разглаживают на мраморной доске при помощи специального утюга или шлифовальной кости (предпочтение отдавалось утюгу, но он по понятным причинам был довольно дорогим приобретением).

Десятый этап — штамповщик отбивает просохшие листы при помощи деревянной или обитой железом кувалды. Ну, либо их снова прессуют при помощи винтового пресса, что некоторым образом позволяло экономить на труде наёмных рабочих.

Однако, додумается до этого уже не Таня, а последователи её метода, чтобы частично удешевить производство при незначительной утрате качества.

Хотя, разумеется, вид бумаги, о котором в данном случае идёт речь, она же бумага верже, продолжила делаться ровно также, но уже из соображений традиции — будучи достаточно дорогой и престижной, она могла себе это позволить.

Одиннадцатый этап — просохшие и проштампованные листы пропитывают животным или рыбьим клеем, за счёт чего бумага приобретает лучшую влагостойкость и плотность.

Двенадцатый этап — пропитанные животным или рыбьим клеем листы снова сушат под крышей. Тут, кстати, важно будет упомянуть, что листы ни в коем случае нельзя сушить на солнце, даже несмотря на то, что это значительно бы ускорило сушку, так как листы после

такого становятся слишком хрупкими.

Тринадцатый этап — листы снова разглаживают при помощи утюга или шлифовальной кости.

Четырнадцатый этап — листы обрезают под нужный размер.

Пятнадцатый этап — листы укладывают пачками между тонкими деревянными листами, заворачивают всё в холст и перевязывают льняным шпагатом.

Всё, бумага готова к продаже. Ну, а если говорить о производительности... ну, это явно не 400 миллионов тонн современности, и даже не 100 килограммов в день бумагоделательной машины с механическим отливом бумаги 1799 года, созданной Николасом-Луисом Робером, но это уже гигантский скачок в развитии человечества.

Полагаю, предприятие, использующее голлендеры, винтовые прессы, сложные системы передач и иные компоненты мануфактурного производства бумаги, могло выпускать порядка 141 килограмм бумаги, если в ней за день успевали сделать порядка 200 кип бумаги (в сумме 28 200 листов бумаги).

Не будем подвергать сомнению сии цифры, просто предположим, что конкретно мануфактуры Тани могли выпускать подобное количество бумаги.

Хотя, если говорить вообще, то один человек во дворе мог делать за день до 400 заготовок бумажных листов за половину дня работы, из чего следует, что для производства 28 200 листов, то есть, 141 килограмма бумаги, достаточно 70,5 подобных рабочих.

В любом случае, эксперименты Тани привели к созданию нескольких мануфактур по производству бумаги, большинство из которых было размещено преимущественно в Лионе, ибо доступ к реке и близость к важнейшим торговым путям.

Тем не менее, централизованные мануфактуры Тани, весьма преуспев в финансовом плане и даже сформировав некий бренд, всё же быстро уступили место семейным предприятиям и децентрализованным мануфактурам.

Произошло сие событие, к слову, именно потому, что спрос на тонкую и качественную бумагу верже был значительно ниже спроса на более грубые виды бумаги.

Вполне логично, что с удовлетворением спроса на подобную продукцию гораздо лучше справлялись мелкие семейные предприятия и децентрализованные мануфактуры, требовавшие значительно меньших капиталовложений.

Впрочем, так или иначе, но бумага верже и прочие более грубые виды бумаги очень быстро (по меркам истории несколько лет — это очень быстро) стали визитной карточкой галльского экспорта, значительно улучшив торговый баланс арвернов...

Глава 36. Мёртвый Колумб

... Neque in bona segete nullum est spicum nequam, neque in mala non aliquid bonum ...

Полагаю, многие подумали, будто бы на этом всё, но... НЕТ! Встречайте её величество всех романов о перерождении — великое и могущественное трёхполье... шучу, многополье.

Впрочем, всё же значительно более пригодная для эффективной организации сельского хозяйства, нежели схема а-ля «озимые — пар — яровые», так как обязательным элементом многополья являлись кормовые культуры, как правило, богатые азотом.

Да-да, это затёртое до дыр «изобретение», а на самом деле долгий эволюционный процесс, явившийся следствием капиталистического развития средневекового сельского хозяйства, является действительно важной вехой в истории человечества.

Если быть точнее, то многополье, в частности, его ранняя вариация, четырёхполье — одно из важнейших изобретений человечества в истории сельского хозяйства. Многополье ещё лучше помогает полю бороться с вредителями, болезнями, значительно замедляет истощение земли и даже повышает урожайность (за счёт более рационального использования земли под засев идёт несравненно большая часть поля, чем в случае двуполья).

Кроме того, правильно организованное многополье позволяет разводить домашний скот круглый год. Какое счастье, что Таня перескочила ненужный этап с трёхпольем, верно?

В любом случае, начнём мы, как привычно, издалека. Видите ли, трёхполье, четырёхполье и прочее многополье — это, конечно, хорошо, но какой в этом смысл, если вы запрягаете для обработки поля гораздо более прожорливых и медлительных волов (даже несмотря на свою прожорливость, они были энергетически эффективнее лошадей, как бы парадоксально это ни звучало)?

Верно, никакого! Собственно, поэтому, недолго думая, Таня запилила бедным галлам хомутную революцию (которая для появления рыцарства сделала работы несравненно больше, чем пресловутые луки со стремянами, но это отдельная тема для отдельной статьи, поэтому не сейчас).

Впрочем, прежде необходимо сделать соответствующее замечание — ранее, в том числе и в течение всего существования Римской державы (по крайней мере, западной её части; и да, я специально избегаю термина «римская империя», так как с точки зрения современников оной никакой империи не была — была республика) хомута не было как такового.

Вообще, римляне, по всей видимости, использовали наспинное ярмо (дальнейшее развитие головного и шейного ярма), чтобы впрягать в него крупный рогатый скот, например, волов.

Судя по всему, вопреки ошибочному распространённому мнению о том, что античная упряжь не годилась для выполнения тяжёлой полевой работы из-за слишком высокой точки тяги и удушающего эффекта, создаваемого горловым ремнём, римляне, наши прямые предки, видимо, не были идиотами.

По всей видимости, наспинное ярмо, бывшее в употреблении у римлян (и у других народов тоже), помещалось прямо за лопатками и пристёгивалось при помощи грудных ремней, не оказывая никакого удушающего эффекта.

Таким образом, вопреки данным некоего французского офицера Ришара Лефевромде

Нётте, две лошади, запряжённые в подобное ярмо, могли вполне спокойно тянуть груз почти в тонну (это к слову об истинности сведений, представленных в википедии, ибо, как можно заметить, для неё нет ничего постыдного в использовании данных, полученных аж 112 лет назад).

В любом случае, даже правильно сделанное наспинное ярмо римлян было не в состоянии конкурировать с хомутом. Хотя, вообще-то, как бы это иронично не звучало, хомут изначально представлял собой лишь мягкие подкладки под твёрдое ярмо.

Так или иначе, хомутовая упряжь состоит из единой овальной деревянной рамы (то есть, собственно хомута), сделанной так, чтобы она удобно ложилась на плечи лошади, часто с подушечкой-подкладкой.

Именно это не столь уж сложное изобретение, как ни странно, позволило лошадям сделать ещё один шаг на пути к тому, чтобы стать прекрасными работниками на поле.

Это произошло благодаря тому, что хомут обеспечивал малый угол тяги и позволял прилагать значительное усилие с помощью грудных и плечевых мускулов животного. Кроме того, он позволял связывать в один или даже два ряда для исключительно тяжёлых работ.

Впрочем, хомут бы не имел никакого смысла банально из-за рациона лошадей, ибо занятых на тяжёлых работах лошадей приходилось кормить зерном, в то время как волов можно было кормить соломой и мякиной, и запрягать их можно было в обычное ярмо, когда лошадям нужны были сравнительно дорогие подковы и упряжь.

Собственно, о подковах — римляне их знали, а вот греки — нет. Греки обували на копыта своих лошадей сандалии, набитые соломой. Римляне, унаследовав технологию у галлов, тоже стали делать подковы (*soleae ferreae*), но крепили их при помощи зажимов и шнурков.

Не думая слишком много и не жалея бедных галлов, Таня внедрила U-образные подковы, крепящиеся при помощи специальных гвоздей — ухналей. Кроме того, она внедрила вальки, уравнивавшие натяжение при неравномерной тяге. Ну, а ещё они помогали управлять животными и позволяли впрячь чётное или нечётное их количество, но это уже детали, не заслуживающие нашего величественного внимания.

Наконец, в пользу лошадей выступила их анатомия. Мало того, что передняя часть у них весила гораздо больше, чем задняя (соотношение 3:2), в то время как у крупного рогатого скота вес был распределён равномерно по всему телу, за счёт чего она могла лучше использовать инерцию при тяге.

Кроме того, лошадь отличалась большей выносливостью, работая 8-10 часов в день против 4–6 часов для крупного рогатого скота, да и жили, в среднем дольше — 15–20 лет у лошадей против 8-10 у волов.

В завершение, анатомия лошадиной ноги позволяет ей практически полностью исключить энергетические затраты в стоячем положении (это связано с наличием у неё очень мощной поддерживающей связки и пары сухожилий, позволяющих ей буквально запирать ногу без участия мускулов).

Это, как ни странно, позволяет отдыхать и даже дремать стоя, практически не затрачивая энергии, а также тратить крайне мало энергии на выпасе. Все другие млекопитающие расходуют примерно на 10 % больше энергии в стоячем положении по сравнению с лежачим.

Ну, не говоря уже о том, что лошадь шла на мясо, кожу, клей, давала молоко, навоз и успешно воспроизводила себя (что является несравненным бонусом на фоне того, что

лошадь возмещала, в среднем, труд шести человек в год, потребляя при этом рацион, равный рациону шести человек).

И да, если вы думаете, что на этом всё, то нет — селекция спешит на помощь. Да-да, селекция — не думали же вы, что Таня всем этим решила заняться по приколу?

Нет, вернее, это иначе назвать нельзя, так как результат её усилий проявится, в лучшем случае, через пару десятилетий, если не через несколько, но это был очередной шаг в большое будущее, и эта честь принадлежит ей, что, разумеется, не могло не греть ей душу.

Ну, и, наконец, плуг. Разумеется, Таня предпочла бы использовать плуг Джона Дири с хорошо отполированным стальным отвалом, но, естественно, цена такого плуга не просто кусалась — она была бы астрономической даже за всего один единственный инструмент.

Как результат, пришлось на время ограничиться классическим, римским плугом. Тем более, что он стал прямым следствием развития более примитивных разновидностей римского плуга, в то время как само развитие стало следствием ответа на те географические условия, с которыми римляне столкнулись при попытке распахать галльскую целину (какая ведь ирония).

Видите ли, у ранних, примитивных разновидностей римского плуга была одна очень важная особенность — они были пригодны только для распашки старопахотных земель.

Он был абсолютно неприменим для обработки залежных и целинных земель, потому что не имел ни отвала, ни отреза, ни колёсного передка (собственно, а не было его потому, что и без него вполне неплохо справлялись, пока не появился отвал, который резко затруднил удержание плуга в одном и том же положении).

Не стесняясь, Таня просто присвоила себе коллективный труд римских землепашцев по развитию классического плуга, миновав все эти этапы развития, когда сначала в Галлии появился отвал, потом в Иудее появился отрез, а затем и вовсе в Реции появился колёсной передок.

Таким образом, на вооружении галлов стал технологически значительно более совершенный плуг, немногим более дорогой в производстве, зато позволяющий значительно улучшить качество вспашки земли, а заодно и производительность.

Более того, такой плуг вполне успешно мог направлять обычный подросток, так как резко упала необходимая выносливость и квалификация пахаря. Кроме того, с помощью этого плуга Таня сумела распахать целину на плодородных равнинах Галлии, в связи с чем резко увеличила количество пригодной для сельского хозяйства земли.

Наконец, в довершение всего этого прелестного процесса, возвысившего Галлию и её сельское хозяйство на ранее недостижимые высоты, Таня ввела многополье, которое, в отличие от трёхполья (притом, что сами римляне в это время всё ещё пользовались преимущественно двупольем), позволяло не только улучшить те качества, которые есть и у трёхполья.

Многополье, и это одно из главных его преимуществ по сравнению с трёхпольем и уж тем более двупольем, позволяет круглогодично содержать на выпасе животных (если быть точнее, то он увеличивает разнообразие чередуемых культур, за счёт чего лучше борется с вредителями и сорняками). Что, разумеется, просто-напросто выгоднее.

Вообще, богатые азотом растения, ботву которых можно запахивать в землю в качестве удобрения, либо скармливать скоту, и уже его навоз использовать в качестве удобного удобрения, представлены, в основном, семейством бобовых.

Хотя, если быть честным, в число пригодных для севооборота культур подходят также

представители крестоцветных и сидераты из семейства злаковых или зерновых, а также прочие промежуточные культуры, заделываемые в почву.

В этом, собственно, один из заложенных в севооборот принципов — плодородие почвы не должно уменьшаться. Если в интенсивном земледелии современности это решается за счёт внесения уже готовых минеральных удобрений (при этом севооборот используется для снижения затрат на оные и выведения сорняков с поля), то в рамках традиционного земледелия лучше всего с этим справляются две вещи — ботва богатых азотом растений и навоз.

К слову, отсюда и вытекает особенность многополья, позволяющая кормить животных на протяжении круглого года — оную ботву можно успешно скормить им, а на выходе получить отличный навоз, весьма пригодный в качестве удобрения. Ну, а после животных можно кормить силосом и корнеплодными культурами, как не трудно догадаться. Тем более, что механически внесение навоза в почвы проще, чем заделка ботвы.

Впрочем, разумеется, и здесь чёртов мир успел нагадить Тане, так как большинство современных и не очень севооборотов предполагает использование культур, которых у Тани либо нет, либо возвращение которых в Галлии невозможно. Можно было бы, конечно, организовать прекрасный севооборот с применением сразу восьми полей, который бы давал отличные урожаи риса, но вот незадача — рис в Галлии не растёт, что уж тут поделать.

Можно было бы, кроме того, устроить и другие, весьма эффективные системы севооборота, но, как правило, они подразумевают посадку культур, которые в силу определённых обстоятельств совершенно недоступны бедной Тане — кукурузы, подсолнечника, картофеля, а также многих других чрезвычайно важных сельскохозяйственных культур.

В результате, Тане пришлось остановиться на довольно простом севообороте многолетних культур, предусматривающем чередование а-ля «озимый рапс — озимая пшеница — озимый рапс — озимая пшеница — люцерна — люцерна» (к слову, сено из люцерны — один из самых питательных видов кормов). Печально, конечно, учитывая её грандиозные планы превратить Ирландию в страну картофеля, а также её любовь к томатным соусам.

Впрочем, долго горевать ей не пришлось — буквально следующим же делом она занялась тем, что стала решать вопрос с металлургией, который, к слову, был ей уже как заноза в заднице, постоянно мешая ей строить «будущее». А вопрос, между прочим, стоял действительно серьёзный — её недоразвитость серьёзно ей мешала, и она была намерена искоренить эту проблему. По крайней мере, в обозримом будущем она желала более её не видеть...

Глава 37. Токарные станки

... Necessitas est durum telum ...

И, как ни странно, она решила приложить свою решительную руку, набитую сотнями экспериментов, к сей проблеме.

Ну и, разумеется, первой же её заботой стали доменные печи. Их производительность, к слову, зависит главным образом от того, какой они высоты. Если быть точным, то объём производимого доменной печью продукта прямо зависит от того, какой она высоты (вернее, важная высота не самой печи, а высота шахты). Тут, впрочем, мы тут же сталкиваемся с одной небольшой проблемой, связанной с технологическим процессом.

Видите ли, чем выше высота шахты доменной печи, тем больше, соответственно, столб шихты, в нижней части которого находится топливо — древесный или каменный уголь, а также получаемый из последнего кокс (хотя технически древесный уголь, на самом деле, древесный кокс).

Древесный уголь не содержит различных вредных для чёрной металлургии примесей, вроде соединений серы и фосфора, а потому был доминирующим топливом в чёрной металлургии на протяжении большей части её истории. Впрочем, у древесного угля есть две огромные проблемы.

Во-первых, древесный уголь, кто бы мог подумать, производится из древесины. Средневековые кричные горны потребляли по массе в 3,6–8,8 раза больше топлива, чем руды. Даже для руды, содержащей 60 % железа, они требовали не менее 8 килограмм древесного угля, а как максимум 20 килограмм, чтобы получить всего 1 килограмм горячего металла. В конце XVIII века европейские домны потребляли 8 килограмм древесного угля на 1 килограмм горячего металла.

Так, английская домна начала XVIII века работала только с октября по май, и выдавали на протяжении этого периода всего 300 тонн чугуна. Если перевести крайне низкие предположения 8 килограммов древесного угля на 1 килограмм железа, и 5 килограммов древесины на 1 килограмм древесного угля, то получится, что всего 1 домна требует 12 000 тонн дерева в год.

Таким образом, к примеру, куда менее эффективная большая английская домна XVII века, расположенная в лесу Дин в Глостершире, требовала в год около 5 300 га порослевой вырубki (при среднем годовом приросте твёрдых пород, подлежащих порослевой вырубке, в 7,5 тонн на гектар). Небольшие металлургические заводы Уилдена — 2000 га для каждой комбинации домна-кузница.

Чтобы вся английская индустрия начала XVII века работала, каждый год приходилось вырубать около 1 100 квадратных километров леса. Иными словами, всего 1 домна может каждый год буквально сжирать лес диаметром в 4 километра.

Английские домны в 1720 году, представленные в количестве 60 штук, потребляли в совокупности, из расчёта 40 килограмм дерева на 1 килограмм металла (это самый минимум, если что), около 680 000 тонн дерева. Ковка металла для производства 12 000 тонн чушек добавляла, при 2,5 килограммах древесного угля на 1 килограмм чушки, ещё 150 000 тонн дерева.

Годовое потребление — 830 000 тонн древесины на одно лишь топливо для металлургии. Те самые 1 100 квадратных километров леса и порослевой вырубki.

Да, если бы Таня решила построить подобные домны, то ей бы пришлось смириться с тем, что для производства всего 18 000 тонн чугуна (на тот момент это был просто чудовищный уровень выплавки, хотя современный Китай производит в 30 раз больше) было бы необходимым вырубать леса размером с добрую половину Москвы.

Возможно, вам это ни о чём не говорит, но в Англии, чтобы приберечь древесину для кораблестроения, приходилось буквально всюду запрещать выплавку чугуна. Вот таков был масштаб трагедии.

Соответственно, совершенно очевидно, что употребление древесного угля для производства чугуна задаёт очень жёсткий потолок развития чёрной металлургии. Полагаю, в связи с этим является абсолютно ясным тот факт, что никакие положительные качества древесного угля не перевешивают хотя бы этого его минуса.

Впрочем, если вы думаете, что это единственный минус, и всё же можно построить империю, живущую за счёт опустынивания Земли, не спешите радоваться. У древесного угля есть второе, совершенно неприятное для металлургии качество — он слишком непрочный.

Как уже упоминалось ранее, в рамках развития доменных печей неизбежен рост шахты, а вместе с ней и увеличение столба шихты, в нижней части которого обязательно располагается тот самый древесный уголь (а иных вариантов как бы нет, если только не использовать каменный уголь или кокс).

В определённый момент неизбежный рост столба шихты становится невозможным — древесный уголь более уже не выдерживает нагрузки давящей сверху руды, флюсов и других частей шихты. Он, разумеется, постепенно начинает крошиться. Образовавшаяся при этом угольная пыль, как нетрудно догадаться, начинает набиваться между кусками руды.

Рано или поздно газы, образовавшиеся внизу, не смогут более преодолеть сопротивление столба шихты, и плавка замедлится, а в худшем случае — прекратится вовсе. Это, в свою очередь, просто чудовищные финансовые потери для предприятия, а в перспективе — нарушение цепочек поставок, а это уже прямые экономические потери.

То есть, точно так же, как пункт один, только в несколько иной плоскости, пункт два категорически ограничивает рост производительности домны, а значит, и рост производительности металлургии. Всё это, естественно, сделало победу сначала каменного угля, а затем и каменноугольного кокса — неизбежным.

Впрочем, даже если решить проблему с топливом, взяв на вооружение, например, каменноугольный кокс, развитие металлургии будет ограничена одним серьёзнейшим фактом — переход на топливо со значительно большей теплотой сгорания требует увеличения воздушного дутья, подаваемого в печь. В те времена это осуществлялось при помощи специальных мехов, приводимых в движение водяным колесом.

А у водяного колеса, как известно, есть проблема с производительностью, и поэтому подобный рост воздушного дутья является невозможным осуществить при помощи ононого.

Что приводит нас к... паровой машине. Паровая машина приводит нас к увеличению глубины шахты, в которой добывается руда, так как с её помощью становится возможным откачать воду из оной. Из этого происходит резкий рост количества добываемого сырья. Круг, таким образом, замыкается, превращаясь в бесконечный цикл.

Впрочем, возвращаясь к теме инноваций, давайте, пожалуй, начнём с обеспечения того, что станет в ближайшее время самым необходимым — станками.

Имея в своём распоряжении не самый эффективный токарный станок, приводимый в движение при помощи лука со слабо натянутой (провисающей) тетивой, она стала его

усовершенствовать.

Во-первых, она добавила сначала ножной привод. Изначально он состоял из упругой жерди, консольно закреплённой над станком, бечёвки, закреплённой на конце жерди и обёрнутой на один оборот вокруг заготовки, а также самой педали.

Вскоре, впрочем, она осознала, что подобный механизм весьма неудобен, в связи с чем подобная махина была заменена на устройство из кривошипа, шатуна и педали (тот самый привод, который до конца XX века использовали в швейных машинках).

Ещё немногим позднее она выяснила, что ножной привод слишком маломощен, а усилия руки (да-да, всё это время резец удерживался рукой) — недостаточны для снятия большой стружки, чтобы металлообработка была сколько-нибудь эффективной. В общем, как ни странно, мускульная сила человека оказалась недостаточно эффективной.

В связи с чем, пользуясь уже существующим водяным приводом, а также уже имеющейся конструкцией водяного колеса, она снабдила станок, собственно, водяным приводом.

Во-вторых, она снабдила токарные станки механическим суппортом, специальный узел, закрепляющий резец токаря. Впрочем, данное изобретение оказалось бесполезным, и суппорт стал сколько-нибудь осмысленным изобретением в тот момент, когда суппорт и копирующий палец стали приводить в движение при помощи ходового винта.

Чуть позже она наконец-то додумалась сделать шаг нарезки под резцом и под копиром разным. Впрочем, поперечной передачи всё ещё не было, вместо неё была введена система «копир-заготовка». В конце концов, она была заменена на поперечный вал.

К тому времени весь станок уже стал металлическим. Самый новый станок Тани состоял из мощной металлической станины, двух металлических центров, двух направляющих V-образной формы, а также медного суппорта. Этот станок также предусматривал сменные шестерни, большой ходовой винт, а сам суппорт, к слову, был механизирован.

Несколько позднее большой ходовой винт был расположен перед станиной, был добавлен зубчатый перебор, ручки управления были вынесены на переднюю панель станка, была также добавлена система увеличения скорости (так как скорость резания падает по мере движения резца от периферии к центру). Это явилось следствием практического опыта применения подобной машины.

По сути, создание универсальной токарной машины было завершено. Впрочем, было рано радоваться — стоимость подобной машины была просто астрономической. Подобных машин было всего 3, и они уже обошлись Тане, а значит и Артёму, в кругленькую сумму.

Честно сказать, я даже удивлён, что он уверенно спонсировал свою жену в её научных изысканиях, учитывая то, что она имела лишь незаконченное инженерное образование, несколько лет теоретического познания инженерии в рамках мысленных и отчасти практических экспериментов, а также определённое историческое знание касательно средневековых токарных станков.

Впрочем, она всё же достигла успеха в своих изысканиях, хотя это и заняло у неё несколько лет (притом, что эксперименты начались через некоторое время после победоносного окончания первых походов Артёма).

Все три образца, созданные искусными мастерами по работе с металлом, коих в Галлии было достаточно всегда, представляли собой, как не трудно догадаться, настоящий гений инженерии.

Они были установлены на небольшом заводе (изначально был тестовой площадкой) в Лионе, где с их помощью были произведены необходимые детали для паровых машин. К слову, не первых. Первые были произведены заранее, так как без них сама работа подобных станков была бы невозможна — не на водной же тяге они будут работать.

Ну, вернее будет сказать, что самые первые модели и работали, как и говорилось ранее, но последующие модели были уже гораздо мощнее, поэтому для них требовались паровые машины, которые разрабатывались параллельно универсальным токарным станкам. В любом случае, пора бы уже приступить к паровым машинам...

Глава 38. Нагрев

... Videte et applaudite! ...

Итак, паровые машины. Как не трудно догадаться, они были нужны Тане по той же причине, что и всем остальным в период промышленной революции — пар является безальтернативным источником энергии, так как всё, что лучше пара, становится достижимым только в том случае, если у вас есть пар.

Поэтому, понимая необходимость наличия подобной машины, принимая то, что она может не прижиться, Таня приступила к сооружению паровой машины.

И тут, собственно, возникает тут же проблема. Кто бы, мать вашу, мог подумать, что перед условным человеком из современности тут же возникнет целый ворох проблем, если он вдруг решит мин-максить прогресс, как в какой-нибудь игре по историческим мотивам.

Разумеется, абы какая машина не подойдёт. Минимальный уровень — компаунд двойного действия с конденсатором отработанного пара.

Компаунд двойного действия, потому что иначе КПД паровой машины будет слишком низким, чтобы её строительство было оправданно.

Конденсатор отработанного пара, потому что в противном случае необходимо будет обеспечить паровую машину просто безумным количеством воды, которое будет, как минимум, соответствовать количеству употребляемого ей угля. Что, собственно, также делает сооружение подобной паровой машины нерациональным.

Ну, а раз уж нас компаунд двойного действия с конденсатором отработанного пара, то конструкция паровой машины, в таком случае, усложняется на целые порядки.

Во-первых, если уж на то пошло, то необходимо, для начала, посчитать, какое количество пара в час и какого давления будет выдавать машина, ведь, как ни странно, от этого прямо зависит топка.

Если её мощность будет недостаточна, то, очевидно, котёл просто не удастся раскочегарить до требуемого давления, а если, каким-то чудом, и удастся, то успех будет не более чем временным.

Если же топка будет слишком мощной, то уголь будет вылетать в трубу, а котёл — постоянно перегреваться и стравливать пар через предохранительный клапан (без которого тоже никак не обойтись).

Соответственно, от количества пара прямо зависят параметры поршней, их ход и диаметры цилиндров.

К этому же, к слову, примыкает вопрос расчёта параметров кривошипно-шатунного механизма, ибо, как не трудно догадаться, как и в любом точном промышленном механизме, здесь всё требует математически выверенной точности.

Необходимо рассчитать диаметр маховика, размер эксцентрика для золотника. Кроме того, паропроводы также должны быть рассчитаны по диаметру исходя из давления пара и его весового количества. Углы опережения золотника, в конце-то концов!

Таня усердно и последовательно улучшала свои знания в инженерии с самого начала своей жизни в Галлии, прекрасно понимая их важность в её замыслах. Даже так, ей потребовалось несколько лет, значительные финансовые вливания, бесчисленные помощники из числа умнейших людей Европы, чтобы всё же завершить индикаторные диаграммы расчёта всех необходимых показателей. Даже так, она всё равно множество раз

провалилась, прежде чем у неё что-то да получилось.

Это, несомненно, настоящее чудо! Впрочем, всё по порядку.

Итак, начала Таня, разумеется, с построения будущего котла — необходимость эксперимента очевидна, так как цифры необходимо брать не с потолка (надеюсь, нет нужды пояснять, почему это так).

И... тут же начались новые проблемы. Очевидно, пришлось обеспечить необходимое, то есть, большое количество однородной по качеству стали, для чего Тане пришлось подключить только что построенную экспериментальную английскую домну XVIII века (и потому необходимо снова напомнить, что развитие всех упомянутых технологий не происходило последовательно, а параллельно, чтобы сэкономить время; про английскую домну будет позднее).

Впрочем, решив вопрос с крупными стальными листами, ей тут же пришлось решать вопрос с заклёпками, так как очень скоро выяснилось, что заклёпки и листы должны быть чётко подобраны по твёрдости, а иначе — заклёпки срезает, эксперимент закончен, потенциальные кочегары мертвы, давай всё сначала.

Кроме того, под заклёпки пришлось организовать сверлильный станок, ибо под них пришлось сверлить в толстых, изогнутых стальных листах специальные отверстия.

Хотя, сразу же после того, как соорудили котёл, и пошла речь о трубах, то возник вопрос о том, как соединять их фланцы. Заклёпки, очевидно, уже не подошли, потому что если при строительстве котла их и можно применить, так как там усилие идёт поперёк заклёпки, то в отношении фланцев труб такого уже не повернуть — там усилие идёт уже вдоль заклёпки.

В связи с этим, если применить заклёпки в качестве соединения, то очень быстро выяснится одно из двух. В лучшем случае — начинает пропускать пар под давлением, а в худшем — заклёпки вылетают и пар, вместо вежливого прохождения в цилиндры, весьма невежливо принуждает Таню к растратам на очередные похороны очередных бедных кочегаров.

Соответственно, Тане необходимо было обеспечить резьбовое соединение — вот тут, как раз, кстати, и пригодились тестовые образцы токарных станков с суппортом, ибо без них произвести необходимое, точное нарезание резьбы было бы невозможно.

И... вы не устали? Нет? Ну, что же — привет от проблемы точного подгона деталей. Паровые цилиндры, между прочим, должны быть практически идеально подогнаны к машине, потому что в противном случае образуется зазор, а это серьёзная потеря мощности и, соответственно, КПД.

А ведь кроме паровых цилиндров существуют ещё и такие детали, как центробежный регулятор оборотов, вентили для регулировки количества пара, шкворневые соединения для кривошипно-шатунного механизма. Без всего этого мы получим машину, которая после пары оборотов заклинит, да ещё и будет постоянно стравливать пар.

Ох, и да, Таня путём метода проб и ошибок узнала, что перед паровым цилиндром должен быть ещё один — чтобы направлять движение поршня, иначе он будет быстро разбиваться, ибо не будет ходить абсолютно линейно.

Такой дополнительный, кажущийся лишним цилиндр даже имеет своё название — ползун, и без него, на минуточку, паровые машины никогда, никогда не строили, а Таня о нём даже не знала.

Постоянно возникали проблемы с клапаном подачи воды, определением количества

воды в котле, что создавало очередную проблем, на этот раз связанную с обеспечением водомерных трубок.

Набивка чёртового сальника для поршня паровой машины в том месте, где он будет выходить из цилиндра? О да! Строительство паровой машины, пожалуй, стало одним из самых жестоких и чудовищных издевательств над психикой Тани и кошельком Артёма.

Почему? Ну, вспоминая тот же сальник, необходимо учесть множество деталей. Во-первых, обязательно должна быть герметизация, чтобы не выпускать пар, ибо это очередная серьёзная потеря КПД. Во-вторых, необходимо при этом учесть, что он постоянно движется, трётся, да и, в общем-то, делает положенную ему работу. Наконец, вы вспомните про температуру цилиндра — не меньше 200 градусов!

К слову, о температурах — всё же помнят про температурные расширения, верно? Ну, а вот Таня не сразу вспомнила о них, из-за чего пришлось всё считать чуть ли не заново.

Проблемы с резонансом при вращении маховика, с фундаментом паровой машины, ибо любой не подойдёт, проблемы со срывом вакуума в конденсаторе пара, проблемы с попаданием воды вместо пара в цилиндр, проблем с прогревом паровой машины и просто бесконечные плеяды очередных проблем...

Это кошмар! Если бы Таня итак не поднимала целые отрасли из ничего, тратя на это огромные финансовые ресурсы, то ей бы это пришлось делать прямо в ходе осуществления проекта.

К счастью, ею всё же были преодолены все вышеозначенные проблемы. Всего лишь за несколько лет, но что уж поделывать — прогресс требует жертв. В частности, финансовых, трудовых и временных ресурсов, как ни странно.

Всё это требовалось в большом количестве и строго своевременно, и, как не трудно догадаться, Артём был вынужден озаботиться этим делом. Ну, а он, собственно, и озаботился.

Начал он, естественно, с обеспечения устойчивой финансовой базы. Конечно же, у него уже была устойчивая база, которую он сам же и создал чужими руками, воспользовавшись собственными знаниями в разделе экономики.

Собственно, проблема и не была в устойчивости. Проблема была в масштабах — размах его проектов, а также проектов Тани, требовали соответствующего размаха располагаемого капитала.

Ну, а тут уже, уже по традиции, возник нюанс — а как его увеличить? Ну, вообще, если попытожить все методы, то получалось, что существует всего две группы подобных методов.

Первая группа, по сути, включает в себе методы, предполагающие извлечение большего количества ресурсов из экономики, что, разумеется, возможно, но это путь в никуда.

Ибо, как известно, рынок не слишком любит сильного и неоправданного угнетения в пользу кого-то из верхних эшелонов власти, а если учесть, что большинство подобных методов ещё и из сферы налогообложения, то у сей группы, при всей её привлекательности, существует вполне чёткий и очень даже жёсткий потолок.

Да и, кроме того, несмотря на неотвратимость употребления методов из данной группы, все они, так или иначе, сказываются на скорости развития экономики, причём далеко не самым благоприятным способом.

Вторая группа, по сути, включает в себе методы, предполагающие привлечение финансовых ресурсов извне. И, разумеется, данная группа методов значительно более

привлекательно для нас.

Причём, как не трудно догадаться, раз уж речь идёт о привлечении ресурсов извне, то ключевую роль при исполнении любого метода из данной группы будет играть привлекательность арвернов, как потенциального объекта финансовых вложений.

Ну, а тут уже у них не было равных — они очень быстро зарекомендовали себя, как весьма прибыльное вложение, надёжный и платёжеспособный контрагент.

За счёт чего, собственно, и произошло то, что было неизбежно при избранном Артёмом пути — бурное, мощное развитие товарно-денежных отношений между Царством арвернов и Римской республикой.

Столь губительное для галльской независимости, и всё же столь привлекательное, столь необходимое средство для достижения поставленных Артёмом целей.

Ну и, очевидно, тут же эти постоянно расширяющиеся контакты обросли необходимой инфраструктурой — появились банки, специализирующиеся на содействии в проведении международных финансовых операций, страховые организации, специализирующиеся на страховом обеспечении товарных перевозок между Галлией и Римом.

Были созданы соответствующие предприятия, озабоченные удобством контрагентов с обеих сторон при проведении различных операций с товаром, финансами и прочими объектами финансовых вложений.

Таковыми предприятиями, как не трудно было бы уже догадаться, стали товарная биржа, а сразу же вслед за ней — фондовая биржа. Ну, а тут у Артёма уже были развязаны руки — фьючерсные контракты, биржевые и внебиржевые опционы, валютные, процентные свопы, хеджирование, шорты, а также прочие инструменты финансового рынка, в том числе и такие, за которые ему бы прилетело ай-ай-ай по попке от современных регуляторов.

Например, пользуясь своими людьми, он незаметно запустил слухок о банкротстве одной весьма прибыльной компании, с советом директоров которой, естественно, оказался в сговоре, после чего пришёл и выкупил резко подешевевшие акции, став её единоличным владельцем, ибо «а почему бы и нет?»

В общем, Артём дал волю своей фантазии, своему безграничному знанию, своей предпринимательской, назовём это так, чуйке, чтобы достичь не только истинного блаженства, но и заполучить просто громадные финансовые ресурсы, буквально на всё. Артём уже просто даже не знал, куда ему девать подобные деньги...

Глава 39. Приманка для мозгов

... Ut salutas, ita salutaberis ...

До тех пор, пока он не обратил свой взор на армию и различные интересные проекты. Собственно, в этот момент им и была начата армейская реформа, а Таня, пользуясь новообретёнными помощниками, сподвижниками и учениками — различные эксперименты. Таким образом, мы как бы замыкаем круг событий.

Артём обеспечил блестящее финансовое положение своей стране, и им воспользовалась Таня, чтобы утвердить её научное превосходство над остальным миром, заодно удовлетворяя постепенно возникающий спрос на инновации.

Впрочем, мы уже обсудили часть экспериментов Тани, а также совершённые ею «открытия», а также армейскую реформу. Строго говоря, осталось только затронуть некоторые аспекты, ранее не удостоенные нашего внимания вовсе или обсуждённые лишь поверхностно.

Первым и одним из самых важных подобных аспектов, пожалуй, можно счесть миграционную политику, утверждённую Артёмом. Как и любая сложная политика, предполагающая комплекс мер, она вводилась постепенно, а поначалу — и вовсе исключительно ради удовлетворения сиюминутных потребностей.

Артём не ставил перед собой особых целей, когда призывал к себе на службу различных носителей греческой и, в частности, римской культуры, обладающих навыками, которые он счёл достаточными для приёма их на государственную гражданскую службу. Если быть точным, то он лишь лелеял тусклую надежду, что с помощью иностранцев он сможет хотя бы частично перекрыть катастрофический дефицит кадров.

Впрочем, очень быстро он понял всю мощь открытого им потока — Римская Республика, как ни забавно, была буквально переполнена первоклассными кадрами, которых Рим без единого зазрения совести угнетал и которым не давал житья.

Широкие контакты кельтов, в частности, галлов, с греческой цивилизацией, в свою очередь, лишь облегчили Артёму открытие клапана, хотя, очевидно, первоочерёдной причиной успеха стало галльское золото.

Разумеется, не все оставались после завершения контракта, и многие возвращались «домой» с золотом и серебром в котомке, особенно поначалу, когда условия всё ещё были так себе, и галлы были неспособны предложить чего-то большего, кроме мешка с деньгами.

Впрочем, не меньше людей и осталось. Привлечённые широчайшими возможностями, эти люди уже решили для себя, что Галлия — их новый дом. Пускай Галлия, пока что, и не самый приятный внешне уголок мира, да и не шибко «цивилизованный», он таил в себе множество возможностей.

Увидев в Галлии то, что позже в Америке увидят европейские колонисты, греки, а также множество других народов, иностранцы прельстились её богатствами.

Этим, собственно, и воспользовался Артём. Позаимствовав у Тани определённые узкие знания, в частности, о методах русского императорского двора по привлечению иностранцев, он начал творить свою магию.

Перво-наперво, разумеется, он решил расширить тот поток, что уже существовал. Пускай не все оставались в Галлии, да и не все горели желанием служить какому-то кельтскому царьку, количество желающих хорошенько подзаработать посредством службы

на чужбине лишь росло.

Сначала единицы, потом десятки, а затем сотни и тысячи грамотных людей стекалось в царство арвернов со всего Средиземноморья, чтобы заработать неплохие деньги за счёт тех навыков, которые на их родине были «менее полезны» из-за отсутствия статуса полноценного римского гражданина.

Так как многие из прибывших на службу в итоге всё же возвратились, не вытерпев «тягот» протоурбанистической жизни в Галлии, либо по иным причинам, в свои родные края, по всему Средиземноморью распространялось слово о Галлии, привлекая, несмотря на все отговорки родных и близких, всё новых иностранцев, в основном, молодых мужчин.

Как раз тогда, когда счёт пошёл уже на тысячи желающих поживиться драгоценными металлами за счёт своих профессиональных навыков, и не очень, ибо попадались и разного рода авантюристы, мошенники и жулики, Артём очень серьёзно взялся за это дело.

Во-первых, для иностранцев, желающих устроиться на службу, будь то гражданская или военная, было выстроено специально жильё. В столице был построен специальный пригород для иностранцев, где всё было, кто бы мог подумать, на иностранный манер, но, скажем так, в кельтском понимании.

Разумеется, он ещё не мог похвастаться величественными виллами, усадьбами, прекрасными парками, нескончаемыми праздниками, цирками и прочими элементами праздной и роскошной жизни высшего светского общества, но уже был на несколько порядков лучше, чем то жильё, что было у служащих ранее.

Даже в глубинке, в различных деревнях, малых и больших, где были отныне расположены различные административные учреждения, постарались обеспечить более-менее достойный уровень жизни приезжим.

Как ни странно, кельты, любящие покрасоваться своим богатством и статусом, как то и полагает крайне неразвитым народам, не только не возмутились подобным тратам ради удобства иностранцев, но и сделали всё от себя зависящее, чтобы не упасть лицом в грязь перед гостем.

Естественно, местные приложили должные усилия, чтобы понравиться приезжему. Для него, сразу же по приезду, проводили «приветственный пир», на который собиралась вся деревня.

Бабы приносили им свежее деревенское молоко, лучший козий сыр, помогали со стиркой одежды, готовили еду и помогали с прочими обязанностями, которые традиционно считаются «женскими». Те из них, что были помоложе, в особенности, незамужние, а также девки, не желающие для себя участи «старой девы», расспрашивали о заморских краях, родине гостя, нравах его домочадцев, их традициях. Ну и, разумеется, спрашивали самое важное — есть ли у гостя уже та самая, ради которой он готов горы свернуть, и не женат ли он случаем. Особенно смелые даже намекали на расположенный неподалёку сеновал, если вы понимаете, о чём я. Впрочем, лучше не будем о делах амурных.

К слову, деревенские мужички тоже помогали по хозяйству — рубили дрова для топки помещения, помогали с баней, особенно те, кто своей не имел и желал удачно воспользоваться казённой. Ну и, собственно, помогали с разными прочими обязанностями, например, вычищением хлева и опустошением выгребной ямы (да-да, иностранцам, изъявившим желание служить в деревне, дарили во временное распоряжение целое хозяйство). В частности, знакомили новоприбывших с охотой в лесу.

Хотя, разумеется, они точно также докучали «гостям» своими постоянными

приглашениями погулять по-деревенски. Ну, знаете, попить крепкого пива, погоняться за местными девками, чтобы повалить их на сеновале и затем предаться инстинктам столь естественным и первобытным, что те не подлежат обсуждению в приличном обществе, вроде нашего с вами.

К слову, возвращаясь к теме хозяйств, необходимо отметить, что это была не шутка — многие хозяйства были заброшены своими хозяевами после их трагического ухода из жизни или позорного бегства из страны, а после были объявлены царской собственностью.

Разумеется, под рукой столь умелого царя они всё же частично восстановились, но им всё ещё нужна была рука крепкого хозяйственника, чтобы совсем уж зацвести.

Поэтому, как ни странно, эти хозяйства, достаточно мелкие, чтобы с подаренным хозяйством вполне могли справиться члены одной лишь семьи, чтобы на прибыль от этого хозяйства успешно существовать, были с радостью отданы в весьма фривольное распоряжение служащим.

Естественно, не у каждого получилось руководить даже таким маленьким хозяйством успешно, и всё же, они стали серьёзным аргументом для того, чтобы остаться на месте службы.

Кроме того, не менее серьёзным аргументом стали браки между приезжими и местными. Как уже упоминалось ранее, первым с хозяйством помогали местные, потому что приезжий, очевидно, не справился бы один одновременно со своими обязанностями по хозяйству и обязанностями по службе.

Галлы, дружелюбный народ, весьма приветливый к гостям, увидев подобные муки гостя, разумеется, не смогли бы остаться в стороне в таком случае. Очевидно, они бы тут же взялись ему помогать по хозяйству.

Ну, а кто главный помощник по хозяйству для любого мужчины в те времена? Правильно, женщины. Многие из них, овдовевшие или лишившиеся жениха в свете недавних событий, разумеется, более чем рады были появлению в деревне очень даже перспективного молодого мужчины.

Да-да, Артём сделал расчёт на то, что эти молодые мужчины, оказавшись в деревне, так свяжут себя узами брака с местными девками или молодыми вдовами (хотя, конечно, были и любители уже расцветших цветков), чтобы, в частности, облегчить себе работу по хозяйству.

Может показаться забавным, но его расчёт сработал. Появление пускай мелкого, но стабильного хозяйства, весьма непыльной, но доходной службы, а также жены из числа местных, многие из которых, должен признать, и сегодня бы сошли за весьма недурных невест, как ни странно, сильно повлияло на служащих.

Результат, к слову, был точно также весьма впечатляющим — 4 из 5 «деревенских» служащих изъявляли желание осесть на новом месте, в то время как лишь 2 из 5 «городских» служащих желали для себя того.

Хотя, конечно, тут свою роль также сыграли и другие различные льготы для «деревенских» служащих, которые были несравненно лучше, чем те, которыми обладали их «городские» коллеги.

К слову, последнее не было несправедливым по отношению к их коллегам из «города», так как это было необходимо для привлечения служащих в деревню, в которой жить было, даже со всеми бонусами, очевидно, тяжелее, чем в «городе».

Впрочем, не стоит думать, будто бы «городских» прямо-таки сильно обделили

вниманием, так как через некоторое время они снова обогнали по привлекательности своего положения городских.

В частности, как уже упоминалось ранее, за счёт своего нового жилья, построенного специально для них. Хотя, конечно, их условия жизни кардинально улучшились в целом, и не только благодаря новому жилью.

Благодаря вышеупомянутому развитию предоставляемых царём условий, к слову, показатель «осевших на новом месте» по «городам» (пока что эти протоурбанистические поселения ещё недостаточно преобразились, чтобы гордо зваться городом без кавычек) значительно улучшился — в среднем, оставались 3,5 из 5. Не идеальный показатель, конечно, но это уже лучше предыдущего результата на 75 %.

Ну, и как результат всего произошедшего, к моменту окончания периода основных открытий Тани, то есть, через несколько лет, в царстве Артёма имело постоянный вид на жительство уже 35 000 специалистов всех мастей, приглашённых для несения государственной службы.

В стране также имелись 15 000 специалистов, приглашённых в страну арвернов на работу по контракту, а также ещё 7 000 специалистов, уже получивших полноценное гражданство.

Всего 57 000 специалистов различных мастей, в основном, различных клерков и писарей. И да, в стране, где большинство населения не имеет доступа к образованию и, соответственно, неграмотно, умение читать и писать — настоящая специальность.

К слову, большинство из представленных специалистов были идентифицированы как греки. Среди них самой крупной группой, как ни странно, были греки из Западного Средиземноморья, в частности, испанские и лигурийские греки, а также греки с южного побережья Галлии.

Впрочем, среди них было также полно сирийских, египетских, иллирийских, фракийских, понтийских, киммерийских, колхидских и прочих причерноморских греков. Ну и, разумеется, среди них также были аттические греки.

Сразу же за греками по численности стояли... галлы. Разумеется, речь шла о кельтах Цизальпинской Галлии и Иберии, которым, к слову, пока ещё не выдали полноценное римское гражданство (вечная слава Цезарю и Августу). Конечно, это не были «галлы», привычные «галлам» из основной Галлии.

По сути, речь шла о романизованных кельтах, которые, прожив в условиях плотного культурного контакта с римлянами уже достаточное время, полностью растворились в них.

Впрочем, на родине их всё равно встречали более чем радушно, ибо арвернов и прочих кельтов Галлии не смущал даже тот факт, что к текущему моменту, даже в лучшем случае, лишь 1 из 4 подобных «галлов» мог худо-бедно разговаривать на, собственно, галльском языке.

Ну и, наконец, замыкали главную тройку все остальные романизованные элементы, в частности, потомки анатолийских и египетских галатов, фракийских и иллирийских кельтов (и такие были).

Очевидно, их главным стимулом было то, что в Галлии их ждали гораздо лучшие возможности, чем на их родине, где подавляющее большинство из них не имело полного римского гражданства и, в связи с этим, имело невысокие шансы сделать блестящую карьеру.

По крайней мере, шансы недостаточно великие, чтобы они могли хоть как-то

сравниться с теми приятными бонусами, которые ждали их в Галлии...

Глава 40. Какое-то безумие

... Vade mecum ...

Впрочем, на этом прекрасном моменте, мы, пожалуй, перейдём, пускай и не слишком плавно, к следующей составляющей миграционной политики Артёма — привлечению рядовых поселенцев в Галлию.

Зайдём мы, однако, весьма издалека, следуя уже заложенной традиции. Итак, как всем должно быть понятно, рыночная экономика основана на существовании рынка. Рынок, в зависимости от своего территориального положения по отношению к определённому государству, бывает двух видов — внешний, и внутренний.

Внутренний рынок, как ни странно, формируется, главным образом, за счёт внутреннего спроса на различные товары и услуги, порождаемого, в основном, населением конкретного государства.

Таким образом, величина внутреннего рынка зависит, если говорить простым языком, от величины населения и его достатка. Хотя, стоит признаться, что от последнего также зависит структура внутреннего спроса.

Внешний рынок, следовательно, формируется, главным образом, за счёт внешнего спроса — это совокупность внутреннего спроса всех стран, участвующих в международной торговле, который не был удовлетворён промышленностью этих государств. То есть, совокупность неудовлетворённого внутреннего спроса.

Таким образом, величина внешнего рынка для конкретной страны зависит от величины совокупного неудовлетворённого спроса, имеющегося на внутренних рынках других стран, доступ к которым имеет данное государство.

С внутренним рынком всё вполне ясно — потолок его развития ограничивается, в основном, демографическим потенциалом конкретного государства, а также уровнем достатка его населения. Внутренний рынок — плохое средство для развития экономики.

Связано это с тем, что модернизационные процессы, рано или поздно, вызовут характерный демографический переход, в результате которого естественный уровень рождаемости среди населения будет постепенно снижаться.

В определённый момент он станет столь низок, что даже существенно понизившийся уровень смертности будет его, если и не значительно, но всё же перевешивать.

Таким образом, число нетрудоспособного населения, в связи с ростом средней продолжительности жизни, будет постепенно расти, замедляя рост экономики, и, следовательно — рост населения.

Естественно, на деле всё гораздо сложнее, ибо существуют различные комплексные демографические процессы, которые значительно усложняют понимание демографии, но, в целом, если упрощать, то это как бы замкнутый круг, ибо замедление экономического роста влияет на уровень рождаемости, и так по кругу.

То есть, без сомнения можно говорить о том, что с совершением демографического перехода о росте населения, как факторе роста внутреннего рынка, можно не говорить — демографический рост будет слишком незначителен, чтобы на что-то влиять. Иными словами, этот фактор будет исчерпан.

Таким образом, остаётся только рост достатка, как фактор роста внутреннего рынка. Впрочем, рост достатка, как фактор роста внутреннего рынка, также крайне ограничен, и

связано это, естественно, с великим множеством факторов. В числе которых, к слову, также находится недавно упомянутый демографический переход. В целом же, если очень сильно упрощать, этот фактор также постепенно исчерпает себя.

Подводя своеобразный итог, можно сказать, что упор исключительно на внутренний рынок — дорога в могилу. Во-первых, это нецелесообразно с точки зрения внешней политики. Во-вторых, это нецелесообразно с точки зрения извлечения прибыли, так как, упуская внешние рынки, вы упускаете и прибыль с этих внешних рынков, что неприемлемо для любого капиталистического производства.

Ну, а с внешним рынком всё несколько интереснее. Внешний рынок формируется за счёт неудовлетворённого внутреннего спроса стран, участвующих в международной торговле. Из этого следует два весьма любопытных факта.

Во-первых, внешний рынок можно расширить за счёт получения доступа к новым рынкам.

Во-вторых, фраза «неудовлетворённый внутренний спрос» подразумевает то, что условному источнику внешнего предложения не так важен рост внутреннего спроса в других странах, как важен рост их неудовлетворённого внутреннего спроса.

То есть, даже если внутренний спрос прекратит свой рост, или и вовсе пойдёт на спад, вы не так сильно пострадаете, если при этом вырастет неудовлетворённый внутренний спрос.

То есть, условный игрок международной торговли, активно играющий на внешнем рынке, заинтересован не столько в развитии других экономик, следствием чего может стать рост их внутреннего спроса, сколько в росте неудовлетворённого внутреннего спроса в других странах.

Здесь, соответственно, необходимо уточнить, что неудовлетворённый внутренний спрос — это, как не трудно догадаться, весь тот спрос, что был недостаточно удовлетворён внутренней промышленностью. Причин несоответствия между внутренним предложением и внутренним спросом может быть множество.

Например, внутреннее предложение может быть представлено недостаточно качественным товаром, чтобы он действительно мог удовлетворить внутренний спрос в условиях конкуренции с более качественным товаром с внешнего рынка.

То есть, если максимум вашей автомобильной промышленности — это какая-нибудь «Лада Приора», пока иностранцы предлагают более качественный и надёжный товар, чем ваш, например, условный «Ниссан Жук», то у вашей автомобильной промышленности нет и шанса без активной и правильной государственной поддержки.

Разумеется, при условии, что главный потребитель отечественной автомобильной промышленности создаёт спрос именно на машины а-ля «Ниссан Жук», а не на более дешёвую «Ладу Приору».

Хотя, тут уже вступают в силу нюансы ценовых сегментов, и может оказаться так, что родная автомобильная промышленность живёт практически исключительно за счёт выпуска дешёвых автомобилей, будучи неспособной потягаться с иностранным предложением в более высоком ценовом сегменте.

Впрочем, ситуация для отечественного автомобилестроения в таком случае лучше не станет, потому что иностранцы могут попытаться отжать и сегмент дешёвых автомобилей, нанеся урон отечественной промышленности, в то время как им будет комфортно и в более высоком ценовом сегменте, куда они всегда могут отступить, в отличие от внутреннего

предложения.

Хотя, конечно, это уже совсем другой разговор, а мы итак уж больно далеко отошли от темы, так что, пожалуй, вернёмся к нашему обсуждению.

К слову, иностранный товар, будучи ориентированным на внешний рынок, по определению будет стараться быть как можно более конкурентоспособным, ибо, будучи представленным на международном рынке, он и участвовать будет в международной конкуренции, которая по определению является более жёсткой, чем конкуренция на внутреннем рынке.

Это, в свою очередь, делает противостояние внутреннего и иностранного предложения на внутреннем рынке, при прочих равных, более трудным для первого.

Ну и, чтобы вы отчётливо поняли, куда я вас веду, вот вам пример — несоответствие внутреннего предложения и внутреннего спроса может быть связано с прямым уничтожением внутреннего предложения.

Например, если полностью разрушить автомобильную промышленность условной Японии, причём неважно, каким именно путём, да хоть военным, то, очевидно, неудовлетворённый внутренний спрос японцев на автомобили резко возрастет, ведь предложение упало до нуля (в связи с чем произойдёт падение внутреннего спроса, ведь экономика внезапно обеднеет, но это не так важно).

Ну, или можно захватить условный Ирак, на территории которого есть месторождения нефти, разрушить его промышленность до основания, после чего любыми возможными способами остановить её возрождение или, по крайней мере, замедлить его.

Месторождения нефти, естественно, необходимо оставить в покое, после чего необходимо поставить во главе страны какую-нибудь марионетку, несостоятельную без иностранной поддержки.

Разумеется, местный царёк будет продавать всю нефть на экспорт, причём, скорее всего, в сыром виде, ибо своих заводов по переработке нефти нет, да и не нужны они для счастья царька.

На выручку от продажи сырой нефти, естественно, будет происходить финансирование его режима, вследствие чего он станет, как не трудно догадаться, независимым от своих подданных, ведь они, в таком случае, станут лишь ненужным довеском к столь желанному чёрному золоту.

Ну, а чтобы этот довесок не возомнил себя каким-то там свободным и гордым народом, местный царёк будет любезно предоставлять ему крохи с барского стола, сделав, таким образом, этот самый народ своими рабами, полностью зависящими от его, скажем так, стола.

Тем более, что «свободный и гордый» народец, подпитываемый подобными подачками от царька, рано или поздно поймёт, что ему не нужно усердно работать, развивать свои капиталистические производства и соревноваться с иностранными державами на международном рынке, чтобы быть в достатке.

Чтобы быть в достатке, ему нужно лишь быть поближе к телу царя, а чтобы быть поближе к телу царя, ему нужно или идти в силовые структуры, обеспечивающие стабильность режима, или в те самые ничтожные производства, которые обеспечивают царя сырой нефтью для её продажи на внешнем рынке.

На фоне двух этих путей все остальные — априори менее привлекательны. Ну, а раз все остальные пути обеспечения достатка не так привлекательны, то рано или поздно они

закономерно отомрут, как ненужный элемент стройной модели (если ещё не отмерли, хотя в нашем случае это уже случившийся факт). Соответственно, раз они отомрут, то народу будет некуда деваться, ведь все теперь зависимы от существования режима.

Таким образом, вы создали колонию, на которую вам не нужно тратить деньги, и которую вам не нужно особенно защищать. У вас как бы есть колония, ведь фактически у вас есть целая страна, полностью зависимая от вас, но и как бы её нет, ведь вы не связаны с ней какими-либо обязательствами.

Хотя, конечно, было бы неплохо, если бы в столице вашей колонии был гарнизон, всегда готовый провести самый честный, самый справедливый демократический референдум, чтобы, наконец-то, народ сумел изъять свою волю.

Ну, знаете, было бы неплохо, если бы на территории, например, условного Кувейта была парочка другая американских военных баз... а, уже есть 6 военных баз? Ну, поздравляю Кувейт с открытием такого явления, как постколониальный империализм. Ах да, не обращайтесь внимания на слово «постколониальный» — в сути это всё тот же колониальный империализм, только значительно более хитрый.

Впрочем, мы снова отвлеклись. Пожалуй, наконец-то, теперь, когда были минимально объяснены некоторые забавные подробности, а также был дан вполне понятный и жирный намёк на то, чем в ближайшем будущем будет заниматься Артём, можно уже и поговорить про то, как и зачем он будет заниматься.

Итак, любая экономика развивается, отталкиваясь от имеющегося спроса, в том числе и внешнего. Более того, внешний спрос, представленный внешним рынком, может активно расширяться даже в том случае, если сам внутренний спрос, часть которого, неудовлетворённая внутренним предложением, и ищет своего удовлетворения на внешнем рынке.

То есть, внешний рынок может быть двигателем активного экономического роста даже в том случае, если все вокруг, говоря по-простому, беднеют.

Впрочем, к внешнему рынку ещё нужно получить неограниченный доступ, чтобы это утверждение было корректным, и такая уж вот подстава случилась, что у галлов подобного доступа нет — практически вся их торговля полностью зависит от Рима, что ставит их в весьма неудобное положение.

Их доступ ограничен волей Рима, и пока Риму галлы нравятся, этот доступ, весьма ограниченный собственными интересами и хотелками Рима, будет. Стоит ли полагаться на их добрую волю? Естественно, нет.

Ну, и чтобы уменьшить данный уровень зависимости, необходимо, как ни странно, расширить внутренний спрос. Чтобы его расширить, необходимо или прямо увеличить численность людей, его предъявляющих, либо увеличить их достаток.

Первое представляется более лёгкой задачей, особенно, если учесть низкую плотность населения и весьма высокий потенциал экстенсивного расширения экономики.

Для этого, собственно, Артём и пошёл дальше в своей весьма агрессивной миграционной политике. Она, собственно, была представлена сразу тремя аспектами.

Первый — привлечение эмигрантов из других районов Галлии. Это может показаться забавным, но Галлию в преддверии вторжения Цезаря можно было охарактеризовать, как перенаселённый регион. Сие обстоятельство внешне может казаться парадоксальным, но ничего странного, на самом деле, здесь нет.

Ранее уже упоминалось, что лишь с появлением определённых деталей в конструкции

плуга стало возможным вспахать галльскую целину. Так вот, самый сок в том, что римляне стали первыми, кто смог её вспахать, в то время как ранее галлы вынуждены были смотреть на свои целинные равнины и, понимая невозможность вспашки сих полей, лишь огорчённо покачивать головой.

Кроме того, до появления хотя бы четырёхпольного оборота, а до него и того больше времени, ибо сейчас в Галлии наиболее распространённым методом севооборота является гораздо менее эффективное двухполье, и животноводство в Галлии имеет свой потолок развития.

Это связано, как уже ранее было сказано, с тем фактом, что у галлов не было возможности кормить животных, в частности, крупный рогатый скот, круглый год, ибо у них для этого было недостаточно кормов.

Многополье же, в частности, четырёхполье, делает это возможным, так как поля не стоят без дела под паром, а производят корм для животных, навоз которых потом можно будет использовать в качестве удобрения, богатого азотом.

Тем более, что подобные растения, богатые азотом и выращиваемые в качестве кормов, как правило, ещё и являются отличными предшественниками для многих крайне важных для человека сельскохозяйственных культур из семейства злаковых, таких как пшеница, рожь, рис, кукуруза и так далее.

В силу этих, а также многих других положительных улучшений в сельском хозяйстве, арверны очень быстро расширили производство пищи в своей стране, благодаря чему всё тот же квадратный километр земли мог выдерживать уже более значительную демографическую нагрузку. В частности, это позволило проводить дальнейшую урбанизацию со всеми вытекающими.

В отличие от тех же соседних районов, куда подобные нововведения ещё не проникли, но которые, точно так же, как и некогда арверны, периодически страдают от перенаселения, наталкиваясь на типичную для доиндустриальных стран мальтузианскую ловушку.

Арвернам в этом плане несколько повезло, так как они сразу и резко подняли ёмкость среды, но, если в дальнейшем их темпы роста производства продуктов питания замедлятся, то их, рано или поздно, настигнет участь печально известных гельветов — перенаселение, потенциальный голод, связанные с этим войны и эпидемии.

К слову, о гельветах — полагаю, вы уже поняли, среди чьих рядов, в первую очередь, зашагали первые вербовщики Артёма, предлагающие попытать счастья на новых землях...

Глава 41. Концентрация ресурсов

... Ora et labora ...

Что же, гельветы, конечно, интересный случай, но, вообще, не рядовой — ещё задолго до гельветов в Галлии происходили случаи перенаселения, которые становились причиной массовых переселений галлов, причём как внутри самой Галлии, так и за её пределами.

В случае с гельветами всё оказалось более чем закономерно. Причиной их переселения стало сильное давление чужеродных, в данном случае германских, элементов на границе, а также угроза возникновения голода, как следствие падение плодородности земли, неизбежное при дуполье, при постепенно повышающейся демографической нагрузке. В общем, классика мировой истории.

В любом случае, Артёма интересовали не сами гельветы, а возможность как-то повлиять на скорость появления конфликтной ситуации, а заодно и извлечь ряд бонусов для себя любимого.

Разумеется, в этом своём стремлении он был крайне решителен, и потому он приложил к нему серьёзные финансовые ресурсы и использовал все возможные дипломатические связи.

Как не трудно догадаться, ему, чтобы обеспечить прибывшим максимально комфортные условия, потребовалось для начала создать необходимую для принятия поселенцев инфраструктуру. К счастью, к этому он приступил заранее, поэтому необходимые приготовления были завершены вполне скоро.

Таким образом, на неосвоенных территориях страны арвернов, и, в особенности, страны сегусиавов, были созданы целые поселения, только и ждущие, что своих новых хозяев.

Построенные по образцу римских колоний, они были самого разного размера, и большинство из них, как ни странно, были весьма малы — это были типичные небольшие деревни и даже хутора.

Разумеется, были и города, маленькие и даже большие — в числе подобных городов была и будущая столица арвернов — Лион. Да, он в тот момент только отстраивался, но он также стал одним из многих мест расселения иностранных поселенцев.

Хотя, пожалуй, не все оценили, в конечном итоге, перспективу работать ещё несколько лет на стройках, проживая в бараках и периодически страдая от несвоевременного подвоза продовольствия.

Впрочем, а больше рассказать о первом этапе, пожалуй, и нечего. Постройка типовых поселений из дешёвых материалов — не то чтобы особенно интересная тема, где можно было бы разгуляться в описаниях. В самом деле, не уловки же живописно расписывать, одинаковые для практически всех поселений...

В любом случае, уже после подготовительного этапа его агенты, проникшие, естественно, с разрешения важнейших людей гельветского народа (для которых предложение избавить страну от лишних ртов стало благой вестью), в страну, собственно, гельветов, начали работу по привлечению добровольцев.

Как ни странно, их оказалось немало — очень многих, хотя и, в основном, молодых мужчин, прельстила перспектива получить свой собственный надел (как уже упоминалось ранее, к моменту Цезаря в Галлии практически вся земля находилась в руках аристократии), а также протекцию самого могущественного царя в Галлии.

Одних только гельветов за всё время набора было собрано порядка 120 000. К ним, к слову, по пути примкнули и другие кельтские племена — уберы (uberi), седуны (seduni), нантуаты (nantuates), тигурины (tigurini), калуконы (calucones), пританы (pritanni), венноны (vennonnes), верагры (veragri), винделики (vindelicici), раурики (raurici), бергалы (bergalei), салассы (salassi), аузики (ausuciates), лепонтии (lepontii) и оробы (orobii).

К слову, среди перечисленных племён есть и смешанного происхождения — кельто-лигурийского и кельто-ретийского, так что не обессудьте.

Ну и, кроме кельтских племён к переселению присоединились, по самому любезному приглашению царя арвернов, и племена ретов — суанеты (suanetes), ригуски (rigusci), эниаты (eniates), веносты (venostes), реты (raeti), веннонеты (vennonetes) и камуны (camunni).

То есть, в переселении приняли участие большинство племён, проживавших тогда на территории Альп.

Впрочем, разумеется, это не могло обойтись без проблем. И, пожалуй, самым главным и серьёзным препятствием стали отношения между этими племенами. Одно племя в гробу видало два других, было, в принципе, не против другого и дружило с теми-то, и так со всеми подряд. В итоге получалось, что все всех любят, все всех ненавидят и всем на всех плевать.

В общем, собрать их в одну кучку и организованно, без какого-либо ущерба для окружающих и для самих переселенцев, переселить всю эту толпу в нужное место, как не трудно догадаться, оказалось той ещё задачей.

Кроме того, все эти племена должны были, так или иначе, пройти по чьей-то территории, чтобы оказаться в нужном месте. И, так уж получилось, единственным препятствием на их пути оказалось племя секванов, а также подчинённое им племя амбиарариев.

Как не трудно догадаться, когда секваны узнали о планах Артёма провести по их территории орду численностью в 300 000 человек, а именно столько желающих покинуть свою страну в поисках лучшей жизни Артём сумел найти, их эмоции были просто в полном смятении и хаосе. Впрочем, Артём всё же сумел убедить секванов в том, что это — безвредная для них затея.

Более того, он сумел превратить сей случай в отличную демонстрацию силы. Когда переговоры постепенно начали заходить в тупик, а потенциальные поселенцы — терять терпение в условиях неизвестности, Артём внезапно устроил военный парад.

Да-да, он устроил военный парад у самой границы со своими несговорчивыми партнёрами, и пригласил на него, к слову, и самих «партнёров», а кроме них — и представителей многих других племён.

Именно в этот момент он явил монструозную военную мощь арвернов Галлии — все 60 000 солдат, отлично вооружённых и отмуштрованных.

Они, уж не сомневайтесь, прекрасно показали, на что способно новое, обновлённое царство Арвернов. И, как ни странно, сразу же после этого все шедшие в этот момент переговоры, в том числе и с секванами, стали идти значительно быстрее, проще и комфортнее.

В течение месяца с секванами был заключён договор, по которому все эти толпы людей, находящиеся под присмотром сразу арвернов и секванов, поклявшись перед всеми богами не причинять вреда секванам и их союзникам, могли пройти по их территории, чтобы попасть в страну сегусиавов.

Собственно, в ближайшее время именно это и произошло — вся орда из 300 тысяч

человек успешно, хотя и не без потерь, а также различных эксцессов, добралась до пункта назначения.

К слову, после этого страна сегусиавов внезапно перестала быть страной сегусиавов, так как пришельцы, расселённые, в основном, на территории вышеупомянутых, очень резко снизили долю исконного населения.

Которая, кстати, итак сильно просела после многочисленных волн миграции со стороны самих арвернов, а также прибытия многочисленных специалистов.

Таким образом, всего через пару лет после подписания мира между арвернами и сегусиавами в этом мире уже попросту не было смысла — самих сегусиавов в их собственной стране оказалось столь мало, что они более никакой роли в политике не играли.

Ну и, собственно, по этому поводу чуть позже произошёл референдум, на котором, естественно, приняли участие и новоприбывшие граждане, по результатам которого было выяснено, что «народ страны сегусиавов желает войти в царство великого и могучего царя арвернов».

То есть, страна сегусиавов, наконец-то, была окончательно присоединена к владениям Артёма. Сами же сегусиавы в ближайшем времени полностью растворялись в новоприбывшем этносе. Тем более, что вышеупомянутые племена не стали единственными.

Немногим позже оных в переселении приняло участие население многочисленных племён. В их числе были кадурки (cadurci), нитиоброги (nitobroges), сантоны (santoni), габалы (gabali), веллавы (vellavi), битуриги (bituriges), петрокории (petrocorii), лемовики (lemovices), пиктоны (pictones), битуриги-кубы (bituriges cubi), туроны (turones), карнуты (carnutes), намнеты (namnetes), кеноманы (cenomani) и андекавы (andecavi).

Кроме того, в переселении поучаствовали и племена аквитанов — вивиски (vivisci), бойи (boii), вазаты (vasates), сотиаты (sotiates), элусаты (elusates), ауски (ausci), тарусаты (tarusates), консораны (consorani), конвены (convenae), бигеррионы (bigerriones), оскидаты (oscidates), тарбеллы (tarbelli), кокосаты (cocosates) и даже далёкие кариеты (carietes). В сумме все эти ребята, племена кельтов и аквитанов, составили 600 тысяч человек.

То есть, в течение всего пары лет население царства арвернов (в которое позже вошло и царство сегусиавов) увеличилось вдвое — 900 000 на момент переписи, проведённой в целях военного набора, и 1 800 000 человек на момент последнего переселения.

К слову, основная тяжесть новоприбывшей демографической нагрузки снова легла на страну сегусиавов. Что, кстати, весьма забавно, так как из-за этого и они очень быстро отошли на второй план.

В принципе, это было весьма ожидаемо, и даже более того — неизбежно в конечном итоге. Это было неизбежно, к слову, в силу географического преимущества страны сегусиавов перед страной арвернов в плане экономического развития.

Да, арвернам было проще защищаться за счёт окружавших их гор, но они же и стали сдерживающим фактором их дальнейшего развития на следующем историческом этапе.

Впрочем, это всё неважно. Артём решил, что даже этого — мало. Наконец, исчерпав человеческие ресурсы соседних племён, доступные для привлечения в свою страну, он вынужден был обратиться за тем «излишком» людей, который наблюдался на самых дальних рубежах.

Итак, следующими его гостями стали притесняемые римлянами кельты и кельтиберы Иберии, дальние племена галлов и белги. Таким образом, участниками нового переселения

стали племена кантабров и астугов. Кроме них — венеты (venetes), кориозолиты (coriosolites), озисмии (osismii), редоны (redones), диаблинты (diablintes), бодиокассы (bodiocasses), венеллы (venelli), эбуровики (eburovices), паризии (parisii), треверы (treveri), левки (leuci), трикасы (tricasses), мандубии (mandubii), лингоны (lingones), велиокассы (veliocasses) и медиоматрики (mediomatrici)

Кроме них — племена белгов, такие как адуатуки (aduatuci), керозы (caerosi), менапии (menapii), эбуроны (eburones), кугерны (cugerni), латовики (latovici), кондрусы (condrusi), нервии (nervii), атребаты (atrebates), морины (morini), калеты (caleti), каталауны (catalauni), катувеллауны (catuvellauni), мелды (meldi), суэссионы (suessiones), ремы (remi), виромандуи (veromandui), сегны (segni), белловаки (bellovaci).

Впрочем, их количество весьма мало, так как добровольцев шагать через всю Галлию в какую-то там страну арвернов нашлось не так уж и много. Хотя, это с какой стороны смотреть, потому что со всех этих племён всё же набралось порядка 300 000 человек, что весьма прилично. Тем не менее, если судить относительно, то это было ничем на фоне тех же 300 000, которые были набраны с альпийских племён.

В любом случае, этот поток значительно затмил поток греческих и даже римских колонистов. Агенты Артёма, действовавшие практически в каждой провинции Республики, сумели за всё время привлечь астрономическую сумму в 1 000 000 человек.

Да-да, они сумели без каких-либо проблем мобилизовать человеческие массы размером с целый миллион. Поблагодарим же Рим и его недалёковидную политику, что привела к тому, что большая часть его населения, в частности, мелкие земледельцы, обнищала в результате бесконечных войн и вынуждена была влачить жалкое существование.

Чтобы вы представили себе масштаб вскрытой Артёмом катастрофы, за всё время его агенты, назовём их так, хотя они и были обычными чиновниками и торговыми агентами, зафиксировали порядка 4 000 000 желающих принять участие в переселении.

Притом, что изначально рассчитывали не более чем на 100 000 человек. То есть, число фактически зарегистрированных заявок было в 40 раз больше, чем было предусмотрено в самых одиозных и смелых мечтах Артёма. Даже в 10 раз увеличив максимальную норму принятых обращений, их фактическое количество всё ещё было в 4 раза больше, чем самый-самый максимум.

Самый ироничный момент здесь, пожалуй, заключается в том, что в Галлии на тот момент проживало не более 6 000 000 всего. В самой Италии в этот момент, к слову, проживало порядка 12 000 000 людей.

Ну и, разумеется, в итоге реально переселили порядка 900 000 человек. Таким образом, всё население Галлии составило порядка 6 800 000 человек, а население царства Артёма — 2 700 000 человек. То есть, на территории его страны компактно уместилось порядка 39,7 % населения всей Галлии. Причём плотность населения составила примерно 79,3 человека на квадратный километр.

Между прочим, весьма неплохой показатель, если учесть, что в среднем по Галлии данный показатель составил около 10 человек на квадратный километр. К слову, в середине второго века нашей эры для Галлии и Германии, в которых будут совокупно проживать примерно 12 миллионов, показатель плотности населения будет 18 человек на квадратный километр.

К слову, примерно в тот же период плотность населения в Италии будет примерно 45 человек на квадратный километр. Впрочем, в это же самое время Египет будет располагать

плотностью в 178,6 человека на квадратный километр.

Кстати, Египет многим кажется большим, но на самом деле он очень маленький, так как практически всё его население (97 % в наши времена, но поверьте, раньше было не лучше) проживает на узкой полосе, представленной долиной и дельтой Нила, а это, между прочим, всего порядка 30 000 квадратных километров.

Так что да, не удивляйтесь плотности в 178,6 человека на квадратный километр при 5 миллионах населения — она посчитана как раз с учётом того, что 97 % населения Египта испокон веков проживала на узкой полосе, общая площадь которой, как уже упоминалось ранее много раз, порядка 30 000 квадратных километров.

Кстати, в современном Египте реальная плотность населения переваливает за 1000 человек на квадратный километр, пока даже в пресловутом Китае реальная плотность — порядка 330 человек на квадратный километр. Где, к слову, на 42,9 % площади всей страны приходится 94 % населения.

Впрочем, что-то мы отвлеклись...

Глава 42. Таможенный союз

... Ab aqua silente cave ...

Итак, как уже упоминалось ранее, на территории царства арвернов сосредоточились примерно 40 % населения всей Галлии, а плотность населения резко увеличилась. Соответственно, произошли характерные изменения в экономике, причём не только экономике арвернов, но и всей Галлии.

Как уже упоминалось ранее, часть населения, в основном, представители тех культур, в которых город стал важной частью жизни, поселили, кто бы мог подумать, в типичный античный город.

То есть, как ни странно, греков и римлян, а также прочие различные эллинизированные и романизированные элементы, использовали, чтобы расширить роль городов в культуре галлов, экономике и политике Галлии.

Что, собственно, и дало результат, хотя и, пока что, весьма ограниченный. Новые города, появившиеся в результате столь значительной миграции, стали постепенно формировать между собой экономические связи, а также производить различные продукты на экспорт.

Керамические, стеклодувные и прочие ремесленные изделия всех возможных видов, естественно, приятны, ибо продукт на экспорт, но нам не интересны. Различные подмастерья, перенявшие опыт у своих учителей, просто устроили свои собственные дела, принявшись усовершенствовать свои навыки и своё искусство.

Собственно, многочисленные деревни, населённые новоприбывшими, занялись примерно тем же, чем и занимаются процветающие деревни. То есть, производили мёд, разводили скот и выращивали различные злаки и овощи, чтобы продать излишек продовольствия в городе, вместе с рядом простых ремесленных товаров или полуфабрикатов.

И, как ни странно, сие простое обстоятельство на деле характеризует не только активный экономический подъём, но и качественные изменения в экономике.

Ранее деревня была лишь источником ресурсов для различной аристократии, которая употребляла свой обширный капитал на самые разные, и не всегда рациональные, цели. Жители деревни не извлекали для себя выгоды, потому что практически вся прибыль удерживалась в руках могущественной аристократии.

Сейчас же деревня постепенно, пускай и не без помощи со стороны, вовлекается в процесс зарождающегося капиталистического воспроизводства.

Весьма предприимчивые фермеры мелкого и даже среднего пошиба, заполучившие средства производства, начали активно извлекать выгоду за счёт производимого их упорным трудом излишка материальных благ.

Как только они производили подобный излишек, они обменивали его в городе на денежные средства, после чего употребляли их для своего блага. В частности, впечатлённые тем, как многие другие сумели неплохо улучшить своё благосостояние при помощи различных финансовых инструментов, они не только расширяли своё производство, чтобы в следующем году получить больший излишек, но и диверсифицировали свои активы при помощи финансовых вложений.

В любом случае, их деньги быстро возвращались в экономику, подстёгивая её рост. Ну, а так как часть их средств, составляющая весьма внушительную сумму в совокупности,

попадала в экономику обратно через покупку акций различных предприятий, векселей и посредством других финансовых инструментов, происходил также значительный рост промышленности.

Так как произведённый фермерами излишек тут же обращался в денежные средства, часть которых употреблялась на организацию расширенного воспроизводства, а другая — на покупку различных ремесленных товаров, необходимых для жизни и комфорта фермера, данные предприятия никогда не оставались без необходимого спроса.

Даже более, так как количество денег, располагаемое условным фермером, в среднем стабильно росло, то этот спрос также, в среднем, стабильно рос. Для удовлетворения растущего спроса предприятия увеличивали производство изделий, улучшали их качество и расширяли ассортимент в целом, для чего требовались значительные суммы.

Эти суммы, как не трудно догадаться, брались не только из нераспределённой прибыли предприятия. Эмиссия акций, облигаций, векселей и прочих долговых обязательств, краткосрочные и долгосрочные банковские кредиты — всё это также значилось среди источников тех средств, которые употреблялись для организации, сюрприз-сюрприз, расширенного воспроизводства. То есть, и здесь средства фермеров, а также прочих граждан, становились источником средств, необходимых для роста производства.

Ну, а так как среди востребованных фермерами изделий были различные инструменты, то и предприятия, удовлетворяющие спрос на них, не только расширяли свой ассортимент и объём производства, а также улучшали качество изделий при возможности, но и создавали, в свою очередь, спрос на материалы, из которых эти инструменты делались.

Так как инструменты, как правило, делаются из продуктов передела, то спрос этот возникает на чугун и сталь, а раз этот спрос растёт, то необходимо, как не трудно догадаться, расширить производство чугуна и стали.

Для этого требуется расширить добычу сырья, без которого, по вполне понятным причинам, невозможно наращивание производства в принципе. Возможно, необходимо будет построить новый цех, приобрести оборудование и нанять рабочих.

Рабочим всех упомянутых производств нужно что-то есть, нужно где-то жить, нужно во что-то одеваться, им точно также нужны развлечения и комфорт. В общем, спрос в одной отрасли, вызванный желанием различных фермеров улучшить «выхлоп» со своего хозяйства, породил, как ни странно, спрос во всех остальных отраслях экономики.

Рост спроса на всё более производительные средства производства требует не просто роста предложения, но и создаёт спрос на инновации. Который, так, к слову, взялась, пускай и не подразумевая этого, удовлетворить Таня. Ну, а так как весь этот спрос рос буквально взрывными темпами за счёт столь же взрывного роста числа тех, кто этот спрос предъявляет, то и спрос на инновации рос столь же быстро.

Соответственно, было вполне ожидаемо, что возникнет целый ряд желающих этот спрос удовлетворить, причём как со стороны просто знающих людей, готовых помочь отрасли своим интеллектом и знаниями за достойное вознаграждение, так и со стороны рабочих, желающих улучшить своё благосостояние за счёт своего богатого практического опыта.

Все эти люди, даже если они сами того не знали или просто не понимали этого, помогали Тане совершить прыжок длиной в столетия, а порой и в тысячелетия. Кроме того, Таня всегда стремилась нанять подобных людей и организовать их труд наиболее эффективным образом, потому что она желала совершить те открытия, что она отметила, как достойные её усилий. Так что да, вот он секрет не только успеха Тани в её начинаниях,

причём весьма скорого с точки зрения истории, но и успеха её изобретений.

Мы же, наконец-то, переходим от описания экономических последствий произведённых Артёмом действий, едва ли затронутых нашим пером, к дипломатическим, чтобы не утруждать более любопытного читателя. Ну, а дипломатические последствия были, в принципе, весьма ожидаемы.

Для начала, стоит напомнить, что Артём, осуществляя свой план по организации масштабнейшего переселения на его земли, заключил значительное число договорённостей, чтобы сделать подобное переселение вообще возможным.

Договоры о совместной охране маршрута, договоры о праве прохода по территории, договоры о предоставлении пищи — всё это, как не трудно догадаться, создавало определённые условия для дальнейшего расширения взаимных договорённостей.

Собственно, именно этим Артём и занялся в ближайшее время. Действуя при помощи подкупов, угроз, обещаний и уступок, Артём добился, собственно, расширения договорённостей, причём как посредством изменения уже существующих, так и посредством создания новых.

Так, например, многочисленные племена, живущие по обоим берегам Луары и её притоков, заключили с арвернами различные договорённости о «недопущении взятия пошлины, причиняющей ущерб свободной торговле, за пользование речным пространством Луары и её притоков».

В соглашении приняли участие веллавы, пиктоны, битуриги-кубы, андекавы, туроны, кеноманы, диаблинты и карнуты, а также сами арверны, естественно. Все они, как ни странно, заключили между собой договор, что ни одно племя не станет брать, ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом, пошлину с тех, кто решит воспользоваться Луарой и её многочисленными притоками для перемещения любых товаров.

Вполне ожидаемо, арверны в лице Артёма взяли на себя обязательство по наблюдению за соблюдением всеми сторонами заключённых договорённостей.

Для чего арверны, взяв на себя все расходы, организовали сеть наблюдательных пунктов, контролирующую всю Луару и её притоки. Если бы кто и попытался взять с проплывающих по реке пошлину за это, это стало бы известным.

Сами наблюдательные станции, к слову, представляли собой крохотные форты с небольшим гарнизоном, отвечающие за контроль прилегающей местности.

И, как ни странно, все выше перечисленные племена согласились на это. Во-первых, потому что данные гарнизоны не представляли им никакой опасности (по крайней мере, Артём убедил их в этом), а, во-вторых, потому что им не приходилось содержать их.

Если что-то их и расстраивало, так это то, что аристократия лишалась одного из источников своего заработка, но она и об этом забыла, как только им были предоставлены, в качестве возмещения причинённого данным соглашением ущерба, соответствующие преференции. Кому налоговые льготы при ведении торговли, кому прямая денежная выплата, кому протекция, а кому — помощь с устройством брака...

Тем более, что главное правило соглашения распространялось лишь на участников договора. То есть, если условный торговец из числа эдуев захочет провезти свои товары по Луаре, то он заплатит каждому племени, территорию которого он пересечёт, пошлину. Собственно, затем и нужны наблюдательные станции, а если по-простому, то таможенные пункты.

В любом случае, данное соглашение, по сути, ознаменовало создание таможенного

союза ряда племён. Крайне ограниченного, и действующего, главным образом, в интересах быстрорастущей экономики арвернов Артёма (ей требовалось множество ресурсов, в том числе и те, которые приходилось ввозить извне, и из-за пошлин конечная их стоимость при дальнем ввозе резко повышалась, что весьма неудобно), но всё же таможенного союза.

Через некоторое время к соглашению также присоединились венеты, озисмии, кориозолиты и редоны. В отличие от вышеупомянутых племён, они не обладали контролем над Луарой, да и не жили в долине Луары, но, тем не менее, серьёзнейшим образом зависели от неё.

Как важные поставщики хорошего корабельного дуба и снастей, а также умелые плотники и судоходы, промышленяющие каботажным судоходством, они были, в общем-то, заинтересованы в присоединении к соглашению, равно как и арверны, главные бенефициары их включения в таможенный союз. Ну и, разумеется, понимая пользу от их присоединения, Артём успешно протолкнул их принятие в таможенный союз...

Глава 43. Да неужели?

... Fata viam invenient ...

Следующим же проектом Артёма, как главы государства, определяющего направление его дипломатических усилий, стал очередной таможенный союз. На этот раз — значительно более обширный, затрагивающий сразу несколько рек — Гаронну, Шаранту, Адур и Дордонь.

Участники соглашения — пиктоны, лемовики, сантоны, кадурки, петрокории, нитиобраги, габалы, рутены, битуриги, сотиаты, вазаты, вивиски, бойи, кокосаты, тарбеллы, тарузаты, оскидаты, бигеррионы, конвены, консораны, ауски, элусаты и арверны.

То есть, все племена, живущие в долине этих рек и пользующиеся ими для грузоперевозок. Кроме того, так как условия соглашения были полностью идентичны тем, какие совсем недавно подписали племена Луары, повторяться мы не будем.

Собственно, на этом таможенные союзы, устроенные Артёмом, и закончились. Почему? Ну, потому что таможенный союз племён Сены невозможен из-за откровенно враждебной позиции эдуев, а таможенный союз племён Роны и Соны — из-за не менее враждебной позиции секванов и подчинённых им амбиарариев.

Поэтому, не собираясь грустить или плакать, Артём, приложив немалые усилия, сумел объединить два предыдущих соглашения в одно, создав, таким образом, мощнейший таможенный союз, в котором участвовала добрая половина племён Галлии.

Действуя примерно теми же самыми методами, Артём в течение полутора лет превратил таможенный союз в военно-экономический блок, полностью подчинённый арвернам и, соответственно, Артёму.

Причём в отношении аквитанов он действовал более интересно. Так, он, наущённый Таней, приложил немалые силы, чтобы организовать разобщённые племена аквитанов в союз племён, имея в виду сделать из них некое подобие франков, то есть, надёжный щит на границе.

Ну, а те, понимая, что Артём упорно хочет сделать из них мощный буфер между ним и Римской Республикой, решили действовать наверняка. Так, представители от каждого племени, собравшись на священном для аквитанов холме, избрали Артёма своим королём, ибо, как говорится, царству, коим они признавали свой союз, нужен царь, коим мог стать только Артём, являясь, собственно, создателем их царства.

Вероятно, они рассчитывали, что Артём, увидев, какие они смелые и brave, отступится со своими дурацкими планами по созданию буферного государства, оставив их наедине с уже подаренным имуществом.

Впрочем, не растерявшись, Артём взял, да и принял титул, став царём всех аквитанов Галлии. Он согласился защищать их от любых внешних угроз, быть справедливым, блюсти закон и порядок. Если они согласятся с тем, чтобы все последующие цари происходили из его рода, конечно же.

Артём, по сути, рассчитывал на то, что уже они отступятся со своей дурацкой идеей расстроить все его планы, как бы оставшись не при делах. Он хотел довести до логического конца свой проект по созданию буферного государства на южной границе, и ему не очень нравились замыслы аквитанской знати. Однако они, как ни странно, согласились.

Разумеется, Артём не понял, с какого перепугу произошло то, что произошло, но что-то

поделаться с этим он уже не мог — его избрали царём, а его потомкам была предначертана судьба стать будущими королям аквитанов.

Впрочем, вещи оттого лучше не стали. Так, ответом галльских соседей аквитанов на их внезапное усиление и образование ими племенной федерации, стал просто феноменальный ход.

Итак, вышеперечисленные племена, проживающие в долине рек Шаронта, Гаронна и Дардонь, понимая, что теперь они зажаты между двумя могущественными соседями, предводителем которых ещё и был один и тот же человек, самый богатый и могущественный царь Галлии, решили действовать решительно и на опережение.

Они, чтобы защитить себя от поползновений Артёма, сделали, в сути, то же самое, что и аквитаны. Правда, в отличие от них, их никто не организовывал в племенную федерацию, потому что Артём планировал пользоваться тем, что каждое племя в отдельности не представляет ему никакой угрозы. Они сами организовались в крайне могущественную племенную организацию, способную выставить столько же, сколько и Артём. По крайней мере, они думали, что могут выставить столько же.

Естественно, подобного поползновения на его авторитет он не потерпел, а посему тут же стал готовиться к войне. Как не трудно догадаться, его армия, серьёзно намушгрованная за прошедшие несколько лет, находилась на зените своей мощи, и Артёму пора было бы уже показать её мощь всему миру.

Итак, в 65 году до нашей эры, совершенно неожиданно, группа племён, ранее благосклонная к нему, решила дать отпор его усилиям по централизации Галлии, её превращению в единое государство. Ибо торговля, это, конечно же, хорошо, но только тогда, когда твой торговый партнёр не указывает тебе, как нужно жить.

Впрочем, главная катастрофа Артёма заключалась в том, что против него было сразу три противника — эдуи с севера, секваны с востока, и галльская конфедерация с запада. Война на три фронта? Отлично! То, что нужно в данный момент!

Разумеется, Артёму пришлось действовать на опережение. У него, конечно, почти половина людских ресурсов Галлии, но это не значит, что он смог бы вывезти конфликт сразу с тремя другими претендентами на позицию регионального гегемона. Тем более, что их, как позже оказалось, решил проспонсировать Рим, чтобы не допустить появления серьёзного противника на границах Республики.

Впрочем, прежде чем мы перейдём к обсуждению военных действий, давайте кое-что проясним по поводу сил, располагаемых разными сторонами, а также обстоятельствами этих сторон.

Итак, начнём мы, пожалуй, с галльской конфедерации. Как не трудно догадаться, подобное внезапное и, совершенно очевидно, разовое объединение было крайне рыхлым в своей основе, в отличие от царства Артёма, где всё было подчинено его жёсткой руке и могущественной воле.

Оно действительно располагало огромными военными силами — 100 тысяч ополчения. Однако, совершенно очевидно, у них были проблемы с коммуникациями и единоначалием, в связи с чем почти целых полгода они буквально ничего не делали, просто пытались как-то собраться и наконец-то уже решить, кто тут самый главный среди них.

Далее по списку — секваны и «подчинённые» им амбарры. Секваны неплохо укрепились за прошедшие несколько лет. В поле они могли выставить 30 тысяч солдат ополчением, а «подчинённые» им амбарры — ещё 10 тысяч.

Впрочем, и у них были свои проблемы. Во-первых, как оказалось, амбаррам не сильно нравилось быть в подчинении у секванов. Не теряя возможности, Артём сумел убедить их восстать против своих господ, секванов. Щедро снабдив их оружием и деньгами, он ненадолго сумел отвлечь секванов, ослабив сразу два племени.

Более того, стремясь ещё сильнее навредить секванам чужими руками, он сумел убедить германцев, которых он щедро одарил различными подарками, вторгнуться на территорию секванов. В результате этого секваны были атакованы сразу с двух сторон. Так, с юга на них напали амбарры, располагавшие 10 тысячами, а с севера — германские наёмники, численность около 15 тысяч. Таким образом, ему удалось надолго вывести секванов из войны.

Наконец, эдуи. Пожалуй, это был единственный арвернов, целенаправленно готовившийся к войне с Артёмом. Они не только подослали к нему многочисленных убийц, но ещё и убедили жалкие остатки сегусиавов начать своё бессмысленное и глупое восстание, которое, впрочем, тут же было подавлено.

И, пускай даже все коварные планы эдуев были раскрыты и расстроены, они всё ещё могли выставить 30 тысяч ополчением и ещё 20 тысяч — наёмниками.

Более того, до жути милитаризированные, буквально съедаемые изнутри желанием реванша и мести, они были готовы биться до последней капли крови с арвернами. Мальчишки, выжившие и ставшие мужчинами, были движимы кровавой яростью, и каждый из них желал лично выдавить глаза Артёму, вырвать позвоночник и затем подвесить его на самом жалком деревце.

И, как ни странно, эдуи были не просто готовы к войне, ибо они обновили все свои укрепления, подготовили амбары, полные еды, а их ополчение было обучено на римский манер легионерами-ветеранами из Рима. Они даже создали регулярные гарнизоны, призванные защитить страну от внезапного вторжения, чтобы не случилось захвата крепости с наскока, как это произошло во время прошлого вторжения. У них был план войны с арвернами, предусматривавший, казалось бы, практически каждую возможную деталь. Собственно, на ближайшее время именно они и станут главной занозой в заднице Артёма. Впрочем, ненадолго.

Сейчас же, пожалуй, стоит подвести итог вражеских сил — 100 тысяч от конфедерации, 30 тысяч от секванов и 50 тысяч от эдуев. Итого — 180 тысяч солдат.

Наконец, Артём и его бедные арверны. Ранее уже было озвучено, что Артёма пытались убить многочисленные наёмные убийцы, но, как не трудно догадаться, у них ничего не получилось, так как Артём, тот ещё параноик, заранее принял ряд мер, сделавших покушение на его жизнь практически невозможным. Ну, а восстание сегусиавов же, равно как и попытки покушения на него, закончилось столь же плачевно и быстро.

Больше проблем, собственно, у Артёма то и не было. Даже более — он и сам был отлично подготовлен.

Во-первых, у него была речная оборонительная система из целой плеяды мелких крепостей, расположенная в долине Роны. Разумеется, она бы надолго задержала секванскую армию, не располагающую продвинутыми осадными машинами.

Во-вторых, у него был ряд горных крепостей, защищающих горные проходы в страну арвернов, ряд укреплений в самой стране и на её наименее защищённой границе — северном рубеже.

В-третьих, он уже располагал 60 тысячами солдат регулярной армии. Они были

прекрасно обучены и вооружены наилучшей доступной экипировкой. Кроме них, Артём также располагал обученным резервом в 360 тысяч человек, и его часть, равная по численности регулярной армии, была немедленно развёрнута в качестве иррегулярных отрядов (только вот солдаты этой иррегулярной армии обладали воинской подготовкой и готовы были в любой момент быть призваны).

В-четвёртых, он обзавёлся пушками — пока что только несколькими крупными осадными орудиями, и всё же. Кроме осадных пушек у него были и другие осадные орудия, также подготовленные к войне. Так что, пожалуй, можно сказать, что у него было преимущество в осадных орудиях. То есть, он был прекрасно подготовлен к долгим осадам.

То есть, он был готов к тому, чего эдуи от него не ожидали. Они ожидали от него внезапного вторжения, как в прошлый раз, и не думали, что у него есть способность долго сидеть лагерем под крепостью.

Собственно, он то, может быть, и не хотел подобной войны, но, как мы увидим, очень скоро это потребуется...

Глава 44. Пришёл, увидел, победил!

... Veni, vidi, vici ...

Впрочем, началась война для Артёма очень даже неплохо. Как уже упоминалось ранее, несогласованность действий между участниками коалиции и отвратительный уровень их подготовки к войне ликвидировал, по крайней мере, на время необходимость войны на несколько фронтов сразу, хотя арверны к тому и были готовы.

Собственно, потому единственный более-менее достойный противник, эдуи, и стали первоочередной проблемой молодого царя Артёма. В самом начале войны они попытались атаковать пределы царства арвернов силами одной лишь дружины их вождя.

Однако, даже крупный отряд хорошо вооружённой кавалерии, представленный 595 (здесь, равно как и далее, указана фактическая численность) знатными мужами, не смог причинить какого-либо ущерба границе арвернов.

Как только дружина вождя эдуев, Думнорикса, перешла границу и направилась к ближайшей деревне, чтобы ограбить и пожечь её, к ним на встречу выдвинулся Лионский 1-ый уланский полк под командованием Иоанна Кантакузина, а также Малонеапольский 2-ой уланский полк под командованием Мануила Эротика Комнина. К слову, нумерация полков сквозная, а приставка перед номером означает не место расположения полка, а место, где он был сформирован.

В любом случае, 1 956 тяжеловооружённых всадников без особого труда, имея трёхкратное преимущество в численности, разбили врага, обратив его в бегство. Разумеется, он тут же попытался отступить тем же путём, каким и проник в страну, однако напоролся там на заслон.

Если быть точнее, то на месте «бреши в арвернской обороне» они обнаружили мощный заслон из 1-ой и 2-ой роты Новоафинского легкоконного полка, то есть, 487 конных лучников, а также 4-ой роты Новотарентского лёгкого полка, то есть, 146 пикинёров и 98 арбалетчиков.

Заслон, построенный полумесяцем, где на флангах находились мобильные конные лучники, а в центре — плотное построение арбалетчиков и прикрывающих их пикинёров (офицеры и их заместители были вооружены алебардами, так что среди 146 пикинёров было примерно 30 алебардистов), как не трудно, активно препятствовал отходу дружины Думнорикса.

Дружинники попытались обойти заслон, однако, не сумев этого сделать под плотным огнём многочисленных стрелков, большая часть которых ещё и была значительно более мобильна, чем они, были вынуждены с потерями отойти.

Разумеется, поняв «маленький секрет» построения и, очевидно, недооценив пехоту Артёма, всадники Думнорикса попытались пробиться сквозь центр построения. Как не трудно догадаться, это была серьёзная ошибка. Неустрашимые и дисциплинированные, арбалетчики дали свой залп, после чего отошли в центр построения.

Сразу же после этого пикинёры в первом ряду, прекрасно понимая свою задачу, упёрлись своими пиками в землю, а пикинёры второго и третьего ряда — подняли пики над головами своих соратников из первого ряда. Арбалетчики же, оказавшиеся внутри построения, взяли за свои ножи, кинжалы и даже мечи, составив, таким образом, четвёртый и пятый ряд.

Через некоторое время, находясь под плотным обстрелом недостижимых для них конных лучников, дружинники, буквально в метрах 30–50 от построения пехоты, стали набирать разгон. Преодолев оставшееся расстояние, они ударили тараном в небольшое построение пехоты.

Техника тарана, применённая ими, к слову, называется «полутаран», и была арвернами позаимствована у парфян по инициативе Тани, и так как она была весьма интересным нововведением в области применения тяжёлой кавалерии, эдуи незамедлительно позаимствовали её уже от арвернов, хотя и не сумели применить на практике против арвернов сразу же.

В любом случае, атака дружинников оказалась не очень успешной, так как не смогли нарушить строя пикинёров. Предприняв ряд безуспешных попыток разбить построение атаками в угол квадрата, самое слабое место всего построения, они, всё ещё находясь под плотным обстрелом конных лучников, вынуждены были всё же отступить.

Впрочем, к сему моменту для дружинников Думнорикса всё было кончено. Их наконец-то настигли неспешные тяжеловооружённые всадники из Лионского и Малонеапольского уланских полков, к которым, к несчастью для всадников Думнорикса, примкнули остальные две роты из Новоафинского полка. Окружённые со всех сторон, они были принуждены к сдаче в плен врагу.

Разумеется, это был серьёзный успех для арвернов, так как Думнорикс был вождём эдуев, то есть, фактически главнокомандующим всех сухопутных сил племени эдуев. Конечно же, его погубила жажда славы и наживы, а также собственная глупость и надменность, а потому, эдуи, заклеив прежде Думнорикса предателем, объявили его брата, Дивитиака, своим новым вождём, хотя прежде чуть не лишили его звания аристократа за то, что он провалил свою миссию по получению помощи из Рима.

Так что, увы и ах, Артёму пришлось смириться с неоправдавшимися надеждами, возникшими после пленения Дивитиака, по быстрому выводу эдуев из войны, и продолжить подготовку к полномасштабным военным действиям.

Собственно, спустя месяц, уже в мае, он закончил все приготовления, и, имея в своём распоряжении 60 000 солдат, а также множество прочих специалистов, вторгся в страну эдуев, надеясь дать им генеральное сражение.

Впрочем, и эта его надежда быстро отыскать для себя и своей армии главное сражение компании против эдуев 65 года до н. э., была разбита дальнейшими действиями коварных эдуев, ибо они, примиряясь с любым ущербом их имуществу, стали вести партизанскую войну малыми отрядами, избегая крупных сражений.

Нанося весьма чувствительные удары по растянувшимся коммуникациям Артёма, вынужденного приступить к осаде значительно укреплённых с прошлого раза оборонительных пунктов, чем, собственно, привели его в такое бешенство, что он стал уничтожать любое попавшееся ему на глаза поселение эдуев. Разумеется, жителей этих поселений тоже особенно не щадили, воспринимая их не как гражданских, а как потенциальных партизан противника.

Тем не менее, стратегия эдуев всё же накрылась некоторым образом, так как они, значительно укрепив свои крепости и подготовившись к подкопной войне, которой они особенно боялись после оглушительного успеха Артёма под столицей сегусиавов, Форум Сегусиаворум, они не ожидали появления у него пороха.

Да, разумеется, Артём ещё не располагал мушкетами или хотя бы аркебузами, однако

уже имел простейшие осадные пушки, а также, что крайне важно для подземной борьбы, порох как таковой. Впрочем, учитывая усилия эдуев по противодействию Артёму в рамках подземной войны, вряд ли эффект от подобного нововведения был столь мощным.

Тем не менее, стоит отметить, что, несмотря на все препоны со стороны эдуев, сапёрам Артёма всё же удалось несколько раз подорвать мину под стенами хорошо укреплённых крепостей эдуев, пускай это и привело к взятию лишь одной крепости.

Возможно, замысел эдуев истощить силы арвернов и сработал бы, если бы не одно небольшое «но» — Артём располагал 40 % населения Галлии, а также экономикой, финансовые возможности которой были в несколько раз больше, чем у всех остальных племён Галлии вместе взятых. Потеряв тысячу солдат в боях с партизанами, он просто выставлял ещё три тысячи, взятые из резерва.

Располагали ли эдуи подобными возможностями? Боюсь, что нет. Более того, эдуи, наняв к себе на службу 20 000 наёмников, как-то не слишком сильно озаботились о финансовом сопровождении своих обязательств перед нанятыми воинами удачи.

Вернее, озаботится то они озаботились, но, как оказалось, для оплаты услуг сразу 20 000 наёмников на протяжении длительного времени у них просто нет денег, даже с учётом той финансовой поддержки, какая поступала эдуям из Рима.

Разумеется, этим тут же воспользовался Артём, выкупив всех этих наёмников и тут же применив в первых рядах против их же бывших нанимателей. Как оказалось, различное отребье и мусор, коим и являлось практически любое наёмное войско в любые времена, весьма креативно расправляется с местным населением.

Впрочем, даже не это было главной проблемой эдуев — весь их замысел по осуществлению мести полностью провалился в тот момент, когда их вынужденные союзники оказались выведены из войны, причём на весьма продолжительное время.

Их единственная надежда, римляне, не желали в данный момент войны, так как Помпей с легионами находился на Кавказе, и им не особенно хотелось втягивать себя в тяжёлую войну с арвернами на далёком Западе. Союзники же, секваны и конфедерация галльских племён, всё также находились в затруднительном положении.

Тем более, что аквитанские федераты, увидев замешательство и внутренние разборки в рядах последних, а также привлечённые звонкой монетой Артёма, напали на них, несмотря на принятый ими ранее нейтралитет в данном конфликте. Нанеся конфедератам оглушительное поражение, они огнём и мечом выжгли приграничную с ними полосу, после чего вернулись в свои родные земли.

Таким образом, не получив никакой реальной военной поддержки, они, спустя шесть долгих месяцев с начала войны, в сентябре 65 года до нашей эры, потеряв десятки тысяч мужчин и сдав все крепости Артёму, наконец-то сдались на его милость. Впрочем, зря они рассчитывали на то, что, нанеся ему столь великое количество различных оскорблений, они избегут своего злого рока.

Как не трудно догадаться, он не пожалел ни одного единого эдуа. Все мужчины, юноши, девочки и мальчики были физически уничтожены, без единого исключения, а все женщины, способные к деторождению — принуждены к браку с новыми поселенцами. Таким образом, вся страна эдуев, присоединённая к царству Артёма, практически полностью обезлюдела.

Впрочем, у Артёма не было времени на восстановление фактически разрушенной страны, потому что всё ещё шла война. Не теряя времени, Артём вновь обрушил свои полчища на врага, на этот раз — на секванов.

Те, собственно, наконец-то отошли от случившегося, кое-как отбившись от внезапного посягательства на их благополучие со стороны германцев и восстания недовольных амбиарариев.

Хотя, стоит ли мне говорить, что им это никак не помогло? Полагаю, нет, потому что они очень быстро оказались вовлечены в генеральное сражение усилиями царя арвернов, причём на невыгодных для них условиях. И, разумеется, в том же сражении они оказались полностью разбиты...

Глава 45. Собачья смерть собакам

... Finis coronat opus ...

Впрочем, несмотря на значительно более тяжёлое поражение, секваны не были истреблены. Нет, напротив, они были не просто сохранены, но и обошлись, в принципе, не столь уж и плохим миром. По крайней мере, на первый взгляд.

Итак, 26 октября 65 года до нашей эры Артём и 12 представителей от высшей знати секванов, в рамках «предварительных ласк» перед мирным договором, чтобы смягчить бремя мира для секванов, приходят к соглашению.

Памятуя о «хорошей дружбе» и «давних узах», он приходит к «решению», что не стоит «слишком сильное бремя возлагать на всё племя, пока виновные — лишь жалкая кучка сенаторов с крайне агрессивной риторикой».

Таким образом, он «смягчит условия» мира, который, к слову, в виду оглушительного поражения всего войска и угрозы оккупации, зависел исключительно от его воли, если они «озаботятся рядом важнейших вопросов».

Во-первых, должны были быть казнены все без исключения сторонники войны с арвернами, наиболее прочих настаивавшие на её начале, как «лица, подвергшие секванское племя наибольшей опасности в силу своих неуёмных амбиций». Все прочие их пособники, зависимые или же присоединившиеся к «военному движению» в силу устоявшейся политической тенденции — наказаны прочим образом. Ну, а как именно — это уже на плечах его жены. К слову, о ней...

Во-вторых, его жену, как наследницу великих царей прошлого — должны признать царицей всех секванов, а его, как её мужа — царём секванов. Помимо прочего, так как её семейство «особенно дорого царствующей особе», его необходимо «защитить от репрессий» в силу их нового статуса членов царской династии.

Кроме того, царица должна быть облачена высочайшими титулами прежних царей, а кроме того — не просто всей широтой их полномочий, но и даже большими. По крайней мере, на первое время, чтобы она могла озаботиться «внутренней безопасностью» в рамках своего царства.

В-третьих, племя амбиарариев, ранее подчинённое секванами, должно было выйти из их подчинения, и оказаться в том же положении, что и сегусиавы. Разумеется, секваны более чем согласились отдать постоянно бунтующее против них племя в алчные и жадные руки Артёма, уже воображающего, как он испещрит их землю чужими поселениями, растворяя культуру и едва начавшую зарождаться государственность амбиарариев.

В-четвёртых, секваны, следуя воле сего мира, отныне и вовеки должны вступать в любые союзы, в которых участвуют арверны. Кроме того, секваны должны вступить в унию с царством арвернов.

Таким образом, одно из предварительных соглашений между секванами и арвернами, заключённое 26 октября, предрешило «мягкие» условия мира, заключённого уже 29 октября.

Он, как не трудно догадаться, предполагал выполнение вышеупомянутого соглашения, а если быть точнее, то требования, согласованные в рамках оногo, были продублированы в условиях мира.

Ну, а кроме этого — одна лишь небольшая контрибуция и официальные извинения перед народом арвернов, очевидно, признающие «вину ряда лиц за совершение ряда тяжёлых

проступков в отношении царя арвернов и его подданных».

Вот так вот, как ни странно, был заключён первый мир в этой войне, положивший конец военной компании 65 года до нашей эры. Как не трудно догадаться, у Артёма уже накопился ряд дел, требующих скорейшего разрешения, причём как в собственном царстве, так и в царстве собственной супруги, где он, будучи лишь формальным соправителем Тани, обладал, разумеется, самой полной и широчайшей властью.

Более того, уже приближалась зима, причём весьма тяжёлая, по всей видимости, в связи с чем продолжать войну в этом году было весьма нежелательно, хотя и, в принципе, возможно.

Ну и, как ни странно, Артём, пользуясь этим знанием, а также тем обстоятельством, что конфедераты вообще не способны на какое-либо нормальное единение в своих рядах, прекратил военные действия, чем, собственно, и закрыл компанию 65 года до нашей эры.

Разумеется, не теряя и минуты времени, Артём тут же приступил к организации празднеств по случаю воцарения его жены, царицы амбиарариев, секванов, аквитанов и арвернов, на секванском престоле. Полагая сделать из этого события отличную рекламу своему правлению, он крайне озаботился организацией сих празднеств.

В частности, он озаботился вопросом наследника, если вы понимаете, о чём я. Не без труда, конечно, но он всё же уломал свою царицу подарить ему наследника. И, как не трудно догадаться, он был успешно зачат в царственной постели, в самом начале ноября.

Таким образом, он озаботился не только продолжением своего рода, что стало теперь критически важно в нынешних условиях, ибо придворные не желали более слышать отговорок царя и царицы по этому вопросу, желая наконец-то увидеть закономерный плод их брачного союза.

Как-никак, Артёму было уже порядка 25 лет, и, так как это уже весьма солидный возраст, ему необходимо было, в первую очередь, для сохранения стабильности при дворе и в державе, сделать наследника, то есть, продолжить свой род и династию.

Причём со своей женой, разумеется. Хотя, пожалуй, вернее будет сказать, что «желательно», но раз уж Артём закономерно воспринял подобные предложения не очень, то «разумеется».

Ну, а кроме того — ребёнок всегда к счастью, как говорится, а раз к счастью, то и подданные царя и царицы, таким образом, весьма обрадуются, узнав, что у их царской четы на очереди первый наследник.

Учитывая предполагаемый размах празднеств, это известие, наложив самоё себя на удовольствие от оных, станет поводом для подданных ещё сильнее полюбить царскую чету.

Впрочем, прежде чем привести в исполнение сей прелестный план, Артём потратил практически полгода на организацию народных празднеств, пиршеств, а также царской процессии, в рамках которой народу воочию удастся увидеть округлившийся животик царицы.

Ну, а кроме того, естественно, необходимо будет организовать военный парад в обеих столицах — арвернской и секванской. Причём в последней столице его необходимо организовать наиболее тщательно, чтобы приглашённая на него знать сумела воочию увидеть, какая сила стоит за царицей. На тот случай, если им начнут в голову снова лезть очередные предательские мысли, разумеется.

К слову о секванской знати. Как не трудно догадаться, высшая знать секванов была, скажем так, практически полностью раскулачена, ибо единогласно выступала за войну с

арвернами.

Единственными исключениями из списка стали крайне немногочисленные представители партии «за мир с арвернами» (именно из их числа были все представители на мирных переговорах), а также различные Танины родственники, ныне представляющие собой членов царствующей династии.

Кстати, именно в их пользу была перераспределена часть изъятого имущества, в том числе и земли. Остальное же имущество, изъятое у «предателей и глашатаев войны», большей частью было включено в царский домен, однако даже малая его часть, распределённая среди немногочисленных сторонников мира, оказалась более чем внушительным прибавлением для каждого члена этой партии.

Ну, а кроме того, так как теперь их земли и прочие богатства были более чем внушительным аргументом в брачных делах, почти немедля им удалось скрепить узы между ними и царствующей династией самыми прочными связями — семейными. Разумеется, следовало ожидать, что вся эта оставшаяся в живых верхушка тут же озаботится возможностью породниться с родственниками царицы.

Очевидным итогом этого стало полное и окончательное усмирение секванов, ибо более не было ни человека, что отважился бы на очередное противостояние, ни самого повода к очередному противостоянию, ибо породнившись с царствующей семьёй, они обеспечили этим своё будущее, а раз так, то их единственной задачей теперь было защитить это будущее. Конечно же, поддержка царствующей династии, а также царствующей четы, таким образом, стала их первоочередной заботой.

В связи с этим, как не трудно догадаться, они, будучи сторонниками любых инициатив царствующей семьи, не организовали им никакого сопротивления. Ну, а раз кроме них это сделать было некому, то и новые порядки, полностью идентичные тем, что уже были приняты в стране арвернов, не встретили никакого политического сопротивления.

Более того, Артём стал готовиться к очередному крупному «переселению народов» на его территорию, причём на этот раз даже удосужился озаботиться возможностью привлечения значительно больших масс переселенцев. В связи с чем, к слову, началась активная подготовка к взрывному росту строительства по всей территории, подчинённой Артёму.

Впрочем, наступал уже апрель 64 года до нашей эры, и, начиная со следующего месяца, Артём имел возможность начать самые активные военные действия против конфедерации галлов.

Раз так, он уже в апреле начал готовиться к военным действиям, так что сразу же после того, как в мае был собран урожай, часть которого была немедленно выкуплена для армейских нужд, он выдвинулся в поход.

Таким образом, в самом конце мая, где-то в 20-ых числах, уже после оглушительного успеха празднеств, проведённых 1 мая, началась военная компания 64 года до нашей эры. Имея своей целью покорить огромный участок суши, Артём озаботился тем, чтобы развернуть дополнительные 60 тысяч солдат в виде военной милиции.

Ну и, разумеется, имея 60 тысяч солдат регулярной армии и 60 тысяч солдат военной милиции, Артём без труда вошёл на территорию галльской конфедерации.

С юга же, аквитаны, наглядно убедившиеся на примере эдуев и секванов, что шутить шутки с Артёмом не стоит, исполняя свой долг перед сюзереном, собственно, Артёмом, напали всем своим 40-тысячным объединённым войском на южные пределы конфедерации, приведя оные не только в полное разорение, но и в полное покорение.

Тем более, что Артём озаботился, назовём это так, денежным вознаграждением усилий аквитанов, «единолично защищавших границы его царства упреждающими ударами». Разумеется, подобное отношение им очень понравилось, так что у них были все поводы напасть.

Естественно, конфедераты попытались уйти в глухую оборону, чтобы организовать мощное партизанское сопротивление, однако, в силу разногласий между собой, не сумели это сделать, и, например, пиктоны вынуждены были принять генеральное сражение у самых подступов своей столицы, Лимонума. Собственно, оно и случилось туманным утром 14 июня.

Конечно же, Артём располагая 60 000 регулярных солдат, а также 60 000 солдат вспомогательных частей, без труда сумел окружить 40 000 войско пиктонов и прикончить его...

Глава 46. Реакция

... Ferae naturae ...

Разумеется, после этого их столица была полностью открыта для него, поэтому пиктоны незамедлительно стали согласны на любой мир. Ну, а раз так, то он без труда навязал им тяжелейший мир, подобный тому, к которому он принудил сегусиавов 7 лет назад.

Правда, не настолько тяжёлый. Пиктоны были фактически подчинены арвернам, однако не лишались ни сената, хотя он и был ограничен в правах. Кроме того, не настолько уж и тяжёлой была контрибуция. Последним же отличием, пожалуй, было признание Артёма и Тани царём и царицей пиктонов соответственно.

Можно даже сказать, что она была сравнительно лёгкой. По крайней мере, на фоне той, что обязались выплатить сегусиавы. К слову, выплатили они лишь 1/6 суммы, прежде чем их долг был аннулирован в связи с присоединением к царству Артёма.

Впрочем, вряд ли пиктонам было радостнее от того, что кому-то досталось больше. И, тем не менее, они уяснили свой урок и более не выделялись, смирившись со своей участью.

Тем более, что на следующей же неделе после заключения мира, а заключён он был 21 июня 64 года до нашей эры, то есть, через две недели после оглушительной победы над пиктонами, Артём одержал очередную оглушительную победу, то есть, 28 июня 64 года до нашей эры. На этот раз — над битуригами-кубами.

Да-да, Артём, одержав победу над пиктонами, развернулся обратно и ударил всей своей мощью по тылу битуригов-кубов, что пытались осадить его приграничные крепости.

Разумеется, обладая просто монструозным численным превосходством над 20 000 войском пиктонов (одних только регулярных солдат у него было в 3 раза больше), он был обречён на победу, ударив им с тыла. Им, конечно же, был навязан, по сути, тот же самый мир, что и пиктонам. Оный, собственно, и был заключён 5 июля 64 года до нашей эры.

Таким образом, без труда усмирив одни из крупнейших племён конфедерации, пиктонов и битуригов-кубов, Артём вызвал очередные разногласия между конфедератами, а также сомнения в победе конфедерации. Кроме того, аквитаны к тому моменту совершенно разбили битуригов, кадурков и нитиобрагов, неспособных к единогласным военным действиям.

Так что, как не трудно догадаться, Артёму оставалось лишь прикончить этот итак дышащий на ладан союз. Собственно, именно это он и сделал, напав на племя лемовиков, пока те пытались как-то огрызаться на многочисленные форты и крепости Артёма (не стоит думать, что они были крупными — они все были маленькими, просто «крепости» были чуть больше «фортов»), охраняющие немногочисленные горные переходы.

Разумеется, и их войско было разбито, ибо и в этом случае у Артёма было монструозное численное преимущество и преимущество в местности. Собственно, потому нет ничего удивительного, что 9 июля 64 года до нашей эры лемовики были полностью разбиты и принуждены к миру, что и был заключён уже 13 числа того же месяца. Ну, а мир был идентичен тому, что был немногим ранее сучен двум предыдущим жертвам Артёма.

Не без труда прикончив 21 числа всё того же месяца объединённое войско из сентонов, петрокориев, габалов и рутенов, а также остатков кадурков, располагавшее, в сумме, 80 000 воинов, Артём фактически закончил войну, уничтожив своего последнего врага —

конфедерацию.

Впрочем, Артём, счастливо уничтоживший одного врага за другим, сказочно обогащая себя и своих сторонников, не заметил, как против него поднималась остальная Галлия.

Первыми из всех, пожалуй, восстали, обеспокоенные взрывным усилением Артёма, приморские племена Бретани. Как не трудно догадаться, возникшая со стороны Артёма угроза вынудила их объявить ему войну, несмотря на все возможные выгоды от торговли.

Сразу же за ними, буквально через несколько дней, следуя примеру новой галльской конфедерации, восстали племена центральной, обитавшие в Центральной Франции, а также в Долине Луары. Наконец, 18 августа к восстанию присоединилась вся оставшаяся Галлия, а на уже подчинённых территориях восстали все, кто только мог. Тем более, что римляне щедро одарили подарками противников Артёма и его арвернов.

Жалкие остатки эдуев, попрятавшиеся среди лесов их собственной страны и потом укрывшиеся от взора Артёма, временно ушедшее в подполье воинственное крыло секванов, только что подчинённые Артёмом племена бывшей конфедерации. В общем, буквально все.

Суммарную численность сил восставших можно оценить, как силу, не меньшую, чем 600 000 воинов ополчения. Разумеется, Артём, наблюдавший за событиями, был крайне шокирован подобными поворотами судьбы.

И, тем не менее, он решительно утвердил план мобилизации, в результате которого, в дополнение к уже развёрнутым 60 000 регулярным солдатам и 60 000 солдат военной милиции, были развёрнуты дополнительные 180 000 солдат, 60 000 из которых встало под ружья регулярной армии, а оставшиеся 120 000 — под ружья военной милиции.

Пройдясь огнём и мечом по нескольким восставшим против его власти племенам и замилив их, Артём, оставив за собой 30 000 солдат военной милиции и 30 000 аквитанов, чтобы они завершили усмирение этой обширной области, прибыл 5 сентября в столицу, где подходила к концу объявленная ещё 10 августа мобилизация.

Таким образом, восставшие лишились значительной территории и ещё 70 000 воинов, которые, потенциально, могли бы выступить против Артёма в составе объединённого войска, в то время как Артём значительно усилил свои части и снова обеспечил себе незначительный, но перевес в силе.

Там он, собственно, и соединился с развёрнутыми новобранцами, вследствие чего его регулярная армия составила приблизительно 120 000 солдат, а численность солдат военной милиции выросла до 120 000, 30 000 из которых были уже, условно говоря, опытные солдаты военной милиции.

Оставшиеся 30 000 новичков, разделённые на 2 равные части, отправились окончательно замирать секванов и эдуев. Сам же Артём, возглавив основные силы, вторгся на территорию битуригов-кубов, где 9 сентября разбил жалкие 30 000 восставших.

Оставив там 30 000 солдат военной милиции для осады Новиодунума, Аварика и прочих крепостей битуригов, он двинулся дальше. Разумеется, сразу же после этого он отправился в Кенабум, где, в генеральном сражении 13 сентября, без труда сразил 40 000 войско карнутов, прекрасно применив свою возможность стянуть для победы над одним конкретным противником.

Конечно же, и здесь он оставил контингент для осады — 15 000 солдат военной милиции. Кроме того, именно здесь, в окрестностях Кенабума, он разделил свою регулярную армию на несколько частей.

Следует пояснить, что его регулярная армия с самого начала похода состояла из 5

корпусов. Первый корпус, они же основные силы, костяк армии, состоящий из лучших солдат, состоящий из 4 дивизий, то есть, располагавший примерно 40 000 солдат, он оставил за собой.

Кроме него, он также взял первый корпус милиции, состоявший из 30 000 солдат военной милиции. Артём, разумеется, направился вдоль Луары к её устью. Оттуда, погрузившись на военные корабли недавно построенной крупной флотилии (по иронии судьбы, построены они были при помощи материалов, закупленных у приморских племён, а также их же мастеров), он собирался внезапно атаковать приморские племена с моря.

Итак, оставшиеся 80 000 солдат регулярной армии были разделены на 2 корпуса. Второй корпус был вверен Афинодору Кананиту, талантливому полководцу из древнего и знатного, но давно угасшего греческого рода из города Аполлония Иллирийская. Афинодору, располагающему 40 000 солдат регулярной армии, а также 20 тысячами солдат военной милиции, было поручено направление на Нормандию, и первой его целью стало племя кеноманов.

Третий же корпус был вверен Александру Византийскому, другому талантливому полководцу из знатного, но обедневшего греческого рода из города Византий. Александру Византийскому, располагающему 40 000 солдат регулярной армии и 25 тысячами солдат военной милиции, было поручено препятствовать переходу армии противника на левый берег Сены.

Итак, разбив без особого труда неподготовленных к войне туронов и андекавов в двух генеральных сражениях, против туронов 19 сентября и против андекавов 23 сентября, Артём лишил восстание ещё 60 тысяч воинов. Вследствие чего у восстания к сему моменту осталось не более 2/3 от начальных сил, то есть, около 400 000 воинов.

Кроме того, он осадил главный оппидум туронов, Амбакий, а также столицу андекавов, кивитас Андекаворум (вообще, мы не знаем, где и как назывался главный город андекавов, хотя и существует предположение, что он находился в окрестностях деревни Фромюр, что в коммуне Сен-Жем-сюр-Луа, в месте под названием «Камп-де-Сезар», поэтому пусть будет *civitas Andecavorum*). Естественно, силами военной милиции, оставив 10 000 осадить Амбакий и 10 000 — кивитас Андекаворум.

В тоже время, Афинодор Канинитский разбил и рассеял 21 сентября 40 000 войско кеноманов, после чего направился к диаблинтам, оставив за собой 10 000 солдат военной милиции, осаждающих Суиндинум, столицу кеноманов (он же кивитас Кеноманорум).

Александр Византийский же на своём пути разбил 24 сентября 30 000 войско сенонов, а также осадил силами 15 000 солдат военной милиции Агединк, главный город сенонов.

Таким образом, подходил конец сентября, силы Артёма были совершенно вымотаны и истощены, у них кончался запас продовольствия, а из-за проблем с логистикой возникли перебои в снабжении не только едой, но и деньгами для оплаты жалования солдатам. Более того, флот опаздывал на своём пути к месту рандеву.

Разумеется, в свете этого Артёму пришлось ненадолго приостановить своё наступление. Конечно, это не коснулось Афинодора и Александра, так как они имели обширный доступ к значительным запасам продовольствия после очень скорой капитуляции Суиндинума (29 сентября) и Агединка (30 сентября), хотя и они дали отдых своим войскам.

Однако Артёму, естественно, пришлось временно прекратить свой натиск, так как у него ничего подобного не было. Кивитас Андекаворум и Амбакий всё ещё желали сопротивляться, а у Артёма не было ни пушек, ни пороха, чтобы хоть как-то ускорить их

сдачу.

Очевидно, необходимо было восстановить линии коммуникации, обеспечить своевременный подвоз продовольствия и денежного довольствия, отыскать пропавшую флотилию и привести её, наконец-то, в назначенную точку.

Собственно, именно этим Артём и занялся. К 7 октября он наладил поставки продовольствия по Луаре, а также отыскал и довёл до своего местоположения флотилию, которая, как оказалось, вынуждена была задержаться в окрестностях Кенабума, чтобы добрать необходимые припасы из запасов гарнизона. К слову, 1 октября гарнизон Кенабума сдался, так что теперь речным поставкам ничего не угрожало.

Кроме Кенабума, к слову, к 7 октября сдались Новиодун (2 октября), Аварик (4 октября), Амбакий (5 октября) и, собственно, Кивитас Андекаворум (6 октября, сразу после прибытия новостей о сдаче Амбакия и прибытии к устью Луары флотилии).

В связи с этим, как не трудно догадаться, к Артёму вернулась часть сил (лишь часть, так как кого-то всё же необходимо было оставить в гарнизонах), задействованных для осады и активной фазы замирения, так сказать.

Всего, если говорить в общих чертах, высвободилось порядка 95 000 солдат военной милиции. Из них 10 000 вернулось к Артёму, 10 000 вернулось к Александру и 5 000 к Афинодору.

Оставшиеся 70 000 солдат военной милиции сконцентрировались в Кенабуме, откуда 20 000 отошли к Афинодору, 15 000 к Александру и 10 000 к Артёму, в то время как оставшиеся 25 000 составили «оперативный резерв сил примирения» под командованием продвинувшегося по службе Иоанна Кантакузина (если что, это эллинизированный еврей из Смирны).

Итак, начинался второй этап наступления...

Глава 47. Дьявол! Морской ли?

... Mare verborum, gutta rerum ...

Собственно, начался он с отвлекающего манёвра. Артём, взяв с собой 6 000 всадников, перешёл Луару, отделявшую андекавов от намнетов, и немедленно приступил к разорению прилежащих к Кондевинкуму территорий, то есть, к ограблению столичных окрестностей.

Разумеется, намнетам пришлось выйти, чтобы встретить его, однако он к тому моменту уже отступил по наведённой ранее переправе обратно, вернувшись на левый берег Луары. Естественно, взбешённые и не подозревающие засады, намнеты последовали за ним через неразрушенную переправу.

Конечно же, он дерзко напал на намнетов во время их переправы и, нанеся им чувствительные потери, столь же резко отступил. Как не трудно догадаться, после этого он продолжил уходить вместе со своей конницей всё далее вглубь страны андекавов, избегая прямого столкновения с гораздо более многочисленной армией намнетов, представленной примерно 40 000 воинами.

Тем не менее, он ни разу не упустил шанса ударить по войску намнетов в самые слабые его места. Трижды он грабил и ломал их обоз, четырежды он дерзко напал на конный авангард своего противника, и лишь после этого намнеты, истощённые бесконечной игрой в кошки-мышки с гораздо более мобильной армией Артёма, решили отступить на свою территорию.

Впрочем, не тут-то было — остальная часть войска Артёма уже вошла к тому моменту в устье Вилены, где и встала лагерем, в то время как силы флота приступили к осаде Кондевинкума.

Таким образом, войско намнетов оказалось полностью отрезано от любой связи со своей страной, истощённое и находящееся под угрозой окружения. Пожалуй, именно в этот момент военный вождь намнетов осознал, что буквально только что угодил в заранее подготовленную для него ловушку.

Разумеется, он попытался пробиться через заслон у реки. Тем более, что он узнал от своих шпионов, что столица находилась в осаде. Тем не менее, он не мог этого сделать — он мог бы попробовать, но, скорее всего, его бы очень скоро настигла арвернская конница, признанная лучшей, и не без основания, в Галлии.

Конечно же, если бы он попытался атаковать силы арвернов, расположенные на левом берегу Луары, его бы тут же атаковали в тыл 6 000 прекрасных всадников. Полагаю, даже глуповатому вождю намнетов было понятно, что в этом случае от его войска и камня на камне не останется.

Собственно, за размышлениями о том, что же им делать в этой ситуации, намнеты просидели некоторое количество времени, примерно неделю, прежде чем они обнаружили для себя, что арверны не стали защищаться на построенных ими укреплённых рубежах.

Напротив, арверны затянули петлю на их шее, физически отрезав их от доступа к единственному в округе источнику пригодной, пресной воды. Более того, их взяли в полное окружение в течение одной лишь ночи, в то время как они были в абсолютном неведении относительно их планов.

Разумеется, потому намнетам ничего не осталось, кроме как попытаться вырваться из образовавшегося и постоянно сужающегося кольца окружения.

Ну, и тем они совершили вынужденную, и всё же ошибку — Артём к тому моменту существенно нарастил своё численное преимущество за счёт ранее упомянутого оперативного резерва в 25 000 солдат военной милиции, а также за счёт присоединения уже имеющихся сил военной милиции, которые можно оценить как приблизительно равные 40 000 солдат.

Таким образом, в распоряжении Артёма находилось 105 000 солдат, из которых 40 000 были представлены регулярными силами. Естественно, имея 2,5 кратное преимущество в численности, он без труда организовал эффективную оборону периметра.

Вся конница, представленная 20 000 всадников, из которых 6 000 были регулярными, была выделена в кавалерийский оперативный резерв, отданный под управление прекрасного кавалерийского командира — Мануила Эротика Комнина, также эллинизированного еврея, на этот раз уже из Фракии, а если быть точнее, то из местечка под названием Комни, что в окрестностях Филиппополя.

Кавалерийский оперативный резерв, как не трудно догадаться, отвечал за оперативное реагирование на угрозу прорыва в той или иной части периметра кольца окружения.

К слову, о самом периметре кольца окружения. Во-первых, конечно же, периметр не был монолитным и непрерывным. Напротив, он представлял собой несколько отрядов пехоты, далеко не однородных по своему составу и боевому потенциалу.

Их сила была во взаимодействии — каждое соединение обязательно присоединилось бы к своим коллегам из соседнего соединения, если бы возникло хотя бы малейшее подозрение, что в их секторе предполагается или, в самом худшем случае, уже происходит попытка прорыва.

Полагаю, хотя бы в силу этого факта становится очевидным, насколько дисциплинированными и подготовленными были эти отряды. Впрочем, очевидно, во взаимодействии с пехотными соединениями находились и соединения кавалерии, представляющие собой вышеупомянутый кавалерийский оперативный резерв. Кроме того, во взаимодействии с ними также находились и соединения пехотного резерва, представляющее собой, по сути, кольцо окружения за кольцом окружения.

Таким образом, Артём, не распыляя свои силы по всему периметру и, очевидно, грамотно воспользовавшись особенностями местности, испещрённой различными болотами разной степени проходимости, но, как правило, всё же непроходимыми, обеспечил важное обстоятельство.

Заключается же это важнейшее обстоятельство в том простом факте, что он мог за кратчайшее время в десятки раз увеличить плотность своего периметра в нужном секторе. Соответственно, ему достаточно было вовремя узнавать о попытках вражеского прорыва, а также реагировать на них.

Разумеется, и это, равно как и поддержание столь блестящего взаимодействия между частями, требовало, как ни странно, огромных усилий. Тем не менее, у него это всё же получилось.

В результате, 17 октября, когда наметы, закончив свои попытки прощупать слабые места в обороне кольца, попытались прорвать кольцо, они не сумели. Обстояло это примерно так — сначала наметы, причём весьма успешно, наваливаются всей своей массой пехоты на порядки северо-восточного сектора кольца.

Разумеется, наметы желали сразу же после прорыва, бросив отягощающий их обоз, спрятаться среди непроходимых болот, где их не смогла бы эффективно бить арвернская

конница, и оттуда уже как-нибудь вернуться на родину.

Скорее всего, попытаться спуститься к устью Луары вплавь по Севр-Нантез. Ну, а оттуда уже можно будет попасть прямо к столице, Кондевинкуму, если подняться вверх по течению самой Луары. К слову, сам Кондевинкум, он же современный Нант, расположен в месте впадения двух рек в русло Луары, Эдра и уже упомянутого выше Севр-Нантеза, недалёко от самого устья Луары.

Впрочем, это всё неважно — намнеты, несмотря на первоначальные успехи, когда они практически смяли, обладая многократным превосходством в численности, пехоту арвернов в данном секторе, проиграли.

Проиграли они потому, что с самого начала играли по правилам врага. Да-да, Артём, уверенный в своих силах, специально создал иллюзию, что данный конкретный участок значительно слабее, чем прочие. Это, разумеется, обнаружили разведывательные отряды намнетов, и немногим позже это стало известно уже высшему военному командованию их войска.

Конечно же, они тут же, не медля и секунды, попытались прорваться в данном участке, а Артём и не стал препятствовать им, позволив намнетам ощутить, насколько близко их свобода.

Разумеется, даже если бы они смогли прорваться и, раздобыв каким-то совершенно чудесным образом лодки, сумели бы спуститься вниз по течению, их ничего хорошего не ждало бы, так как там уже находился в условиях полной боевой готовности флот арвернов, осаждающий их столицу с речной стороны.

Тем не менее, Артём позволил намнетам вдоволь насладиться запахом близящейся свободы, осторожно поддерживая созданную им иллюзию. В момент же, когда он решил, что они пресытились сим ощущением, он ударил по ним всеми доступными силами.

И, говоря о «доступных силах», мы подразумеваем «все силы». Как не трудно догадаться, сначала к изначальным, уже истощённым пехотным частям присоединились ближайшие части, и уже затем всё остальное войско Артёма, приведённое его приказом в движение, обрушилось со всех сторон на бедных намнетов.

Таким образом, несмотря на первоначальное практически десятикратное превосходство намнетов в численности на конкретном участке кольца (4 000 против 40 000), очень скоро они снова оказались в меньшинстве, в то время как противник вновь превосходил их по численности в 2,5 раза.

Разумеется, войско намнетов в ходе начавшейся кровавой бойни было практически полностью уничтожено, и лишь жалкие остатки, уже под самый вечер, были принуждены к позорной капитуляции со сдачей всего оружия (для любого воина это считается позором).

Вот так, раз за разом, Артём, обладая военной инициативой, принуждал противника сражаться по его правилам. Разумеется, ничем хорошим для них это не заканчивалось.

Его безудержный натиск, вдохновлённый многочисленными примерами в лице Цезаря, Наполеона, Суворова и многих других полководцев (по крайней мере, на это его вдохновили их чрезмерно героизированные образы, отложившиеся в памяти Артёма), снабжённый собственным уже немалым военным опытом и обширными теоретическими познаниями супруги, был, воистину, неостановим.

Впрочем, ещё рано было радоваться победе. Предстояло очередное испытание. На этот раз — на море, на территории, крайне недружественной к любому. Тем не менее, это не испугало Артёма и его вооружённые силы, столь вдохновлённые собственными же

победами.

К слову, о самом испытании. Возможно, кто-то уже догадался, но, очевидно, у намнетов есть свой флот. Вообще, было бы странно, если бы у них его не было, учитывая их географическое расположение, и всё же, следует сообщить, что у намнетов был внушительный, насколько это возможно для кельтского племени на самом отшибе Галлии, и весьма хороший, между прочим, флот.

Более того, знакомый с местностью и снабжённый опытными моряками, привыкшими к морской навигации в Атлантическом океане и, в частности, Бискайском заливе. Кроме того, он уже соединился с не менее боеспособным флотом венетов и направлялся к устью Луары, чтобы или сразиться там с флотом арвернов, или же заблокировать его, собственно, в русле Луаре.

Все эти факторы, не говоря уже о том, что корабельные мастера именно из этих племён занимались постройкой морского и речного флота арвернов, делали победу кратно сложнее и, к счастью или нет, оттого лишь слаще и желаннее. Разумеется, Артём, понимая, что дела его, кроме того, станут только хуже, если он закроется в русле Луары, вывел свой флот в море, готовясь к предстоящей битве.

Прежде, однако, он погрузил на свои корабли своих лучших солдат, чтобы они, действуя в роли морской пехоты (под данным термином, к слову, понимается обычная пехота, погруженная на обычные корабли, а не современное значение данного понятия), стали ключом к его победе.

Разумеется, Артём действовал в рамках средиземноморской военно-морской традиции, преимущественно римской, к слову, а потому подразумевал, что его флот агрессивно и быстро сблизится с вражеским, после чего приступит к абордажу.

Собственно, именно при абордаже опытные и, естественно, крайне опасные солдаты его регулярной армии, по замыслу Артёма, и должны были показать себя в наилучшем свете, завоевав своему владыке победу.

Впрочем, у соединённого флота намнетов и венетов были другие планы...

Глава 48. В тихом омуте черти водятся...

... Cave tibi a cane muto et aqua silente ...

Собственно, союзный флот венетов и намнетов, как не трудно догадаться, знал, на что способен флот Артёма, ибо, как ранее уже это упоминалось, те же люди, на которых держался союзный флот, являлись основополагающей составляющей и флота Артёма.

Если упрощать, именно они построили его флот и именно они составили основную долю его кадрового состава, а потому прекрасно понимали, на что способны его корабли.

Осознавая наиболее явные преимущества и недостатки своего флота, а также, по крайней мере, как им казалось, плюсы и минусы флотилии Артёма, они предполагали, что смогут выиграть за счёт большей численности и лучших прочностных характеристик своих кораблей.

В принципе, это было бы верным расчётом, так как эффективность тарана, на который они решили сделать ставку, зависит, главным образом, именно от опыта экипажа корабля, а так как он примерно равен, то на сцену выходит фактор, играющий им на руку — численность флота.

В распоряжении союзного флота находится 280 кораблей, в то время как у Артёма — лишь 140, то есть, в два раза меньше. Соответственно, «союзники», закономерно предполагая, что план сражения со стороны будут разрабатывать, главным образом, морские командиры из армориканских кельтов, обладающие тем же опытом и знаниями, что и они, ожидали, что флот арвернов прибегнут к таранной тактике.

Разумеется, в таком случае флот арвернов, при прочих равных, проиграет более многочисленному флоту венетов и намнетов в таранном столкновении. Собственно, в этом и был их просчёт. Конечно же, они не могли знать, да и не знали, что арверны прибегнут к абордажной тактике, так как не учли того факта, что арверны могут превратить свою мощную сухопутную армию в преимущество на море.

Естественно, они не ожидали, что арверны попытаются превратить войну на море в нечто, что будет похоже на сухопутную войну, где они, без сомнения, лучшие среди всех галлов. К сожалению, они имели дело с двумя попаданцами, один из которых более-менее хорошо знал историю пунических войн.

Да-да, речь идёт о том, что Таня, вдохновлённая тем, как римляне превратили войну на море в такую же войну на суше, чтобы нивелировать преимущество пунийцев в качестве и выучке экипажей, вдохновила своими детальными рассказами, в свою очередь, уже Артёма, игриво решившего, что он ничем не хуже римлян.

И, полагаю, он таки не хуже, если учесть тот факт, что в открытом морском сражении Артём выиграл. Выиграл он потому, что на корабль погрузил своих лучших воинов. Действуя как морская пехота, которая, кроме того, ещё и дополнительно удерживала команды, набранные из венетов и намнетов, открыто симпатизировавших их родичам, от бунта, она добыла своему полководцу победу.

Корабли венетов и намнетов, не подозревая угрозы, не стали противиться сближению своих кораблей с кораблями арвернов. Вероятно, они вполне серьёзно рассчитывали на то, что им удастся уговорить команды этих кораблей, составленные преимущественно из их родичей, сдать, либо перейти на их сторону.

Впрочем, расчёт не удался, и абордажные команды арвернов, составленные из лучших

солдат арвернов, качественно лучших в ближнем бою, да ещё и превосходящие абордажные команды врага в численности, причём в несколько раз, просто порвали, иначе это и не назвать, своего врага.

Да-да, опытные и дисциплинированные солдаты, значительно более многочисленные, чем вражеские моряки, кто бы мог подумать, буквально порвали оных, прямо как тузик грелку.

Собственно, произошла сия трагедия, должна стать великой победой венетов и намнетов, 24 октября, спустя всего неделю с того момента, как на суше произошла не менее оглушительная победа арвернов над армией намнетов, явно продемонстрировавшая, что арверны — ребята из совершенно другой лиги.

Последствия, к слову, у данной битвы были более чем внушительные. Так, например, намнеты, рассчитывавшие перевернуть всю игру с ног на голову при помощи впечатляющей победы на море, очень быстро разочаровались в своём сопротивлении, и потому уже на следующей же неделе сдались, смирившись с тем, что им придётся подчиниться воле более могущественного государственного образования.

Венеты же, потеряв весь флот, решили не испытывать далее судьбу, тем более, что флот арвернов убедительно продемонстрировал свою способность полностью заблокировать им доступ к бухте Киброн, от которой сильнейшим образом зависела их продовольственная безопасность.

Не дожидаясь осады ещё и со стороны суши, они также сдались Артёму, рассчитывая на его милость к тем, кто не стал ему более сопротивляться. Их примеру, к слову, последовали озисмии, кориозолиты и редоны, не менее впечатлённые продемонстрированными арвернами результатами.

Таким образом, вся Бретань, независимость которой была основана на их морской мощи, только что бывшей посрамлённой, закономерно подчинилась своему новому владыке.

Тем временем, силы Афинодора подчинили власти Артёма племена, расположенные на территории современной Нормандии. Собственно, на том основании Артём и сообщил столице благостную весть о том, что его власти подчинилась теперь и вся Арморика, желая порадовать свою жену, а также её провоенно настроенную общественность.

Впрочем, дела не ждали, а потому Артём, буквально через неделю после того, как он завершил покорение Арморики, датой завершения которого отныне будет принято считать 31 октября, принялся за покорение Галлии по другую сторону Сены.

Итак, корпус Афинодора, уже расположенный на правом берегу Сены, на территории одного из покорённых им племён, а если быть точнее, то на территории калетов, получил приказ удерживать позицию на другом берегу до того момента, как поступит новый приказ от Артёма.

Корпус Александра же, расположенный на правом берегу Йонны, одного из притоков Сены, перешли, в свою очередь, саму Сену в её верхнем течении, а уже оттуда — реку Об, очередной её приток, попав, таким образом, в междуречье Сены и Марна, где они покорили племя катувеллаунов (они же каталауны). Помимо всего прочего, они также покорили на своём пути племя трикассов.

Наконец, корпус Артёма, пришедший по вполне понятным причинам, последним, перешёл Сену в её среднем течении, где также располагалось племя мельдов, кое он также подчинил своей воле.

Сразу затем его корпус, а также корпус Александра, расположенный к юго-востоку от

него, перешли уже реку Марн, дабы войти, на этот раз, уже в междуречье Марна и Эны, а также успешно покорить суессионов и ремов.

К слову, покорив суессионов, корпус Артёма, расположился к северо-западу от корпуса Александра, упираясь своим левым флангом в правый берег другого притока Сены, реку Уаз. Сразу после этого острие его атаки направилось против веромандуев, территория которых располагалась к северу от его корпуса.

Расположенный к западу корпус Афинодора, в свою очередь, покорив племена велокассов и белловаков, стал опираться своим правым флангом на левый берег. Получив приказ от Артёма, уже отправившегося со своим корпусом покорять веромандуев (они же виромандуи), он и сам отправился покорять новые племена. На этот раз — племя амбианов.

Корпус Александра же, расположенный к юго-востоку от позиции Артёма, покорив ремов, обратился к востоку, направив, тем самым, свой грозный кулак против сигнов, медиоматриков, треверов и левков. Собственно, ими корпус Александра и занялся.

К счастью для армии Артёма, все эти племена были отвлечены очередным нападением клятых германцев, от которых, к слову, белги страдали на протяжении всей своей истории (кроме того, многие белги имели кельто-германского происхождения, то есть, были потомками ранее нападавших германцев, влившихся в местную кельтскую общность), столь удобным для Артёма.

Полагаю, им очень понравился денежный подарок от Артёма, раз они столь удачно для Артёма решили заняться своим любимым делом — мародёрством и грабежом, причём не абы где, а на территории белгов. Впрочем, вполне логично, что им понравились изъяты у различных галльских племён монеты, статеры, выполненные из электрума.

Да, кстати, это не столь известный факт, но многие кельтские племена Галлии и Британии делали свои монеты по образцу статеров Филиппа II Македонского и Александра Великого, так как именно они попали в Галлию и другие области расселения кельтов в достаточном количестве через кельтских наёмников, служивших у вышеупомянутых личностей.

Впрочем, важно не это, а то, что Артём успешно экспроприировал неудобную ему часть монет, исключив её из денежного обращения, за счёт чего он, в частности, укрепил монополию наиболее ходовых монет Галлии — арвернских, так как эти он активно устранял её возможных конкурентов.

Кроме того — этим он упрочил зависимость всех остальных племён от арвернов в рамках денежного обращения, ибо только на территории арвернов, по крайней мере, на данный момент, производились монеты.

Ну, а в сфере кредитных денег засилье арвернов было итак абсолютным, ибо кроме них там никого, по факту, и не было, если говорить именно про галльские племена.

Впрочем, возвращаясь к теме покорения Галлии, необходимо отметить, что, покорив все ранее перечисленные племена, Артём уничтожил практически полностью существовавшие ранее силы восставших.

Как и было предсказано, оно проиграло, не сумев объединить все свои разрозненные очаги сопротивления в один мощный кулак. Более того, разделённые географическими условиями, они, в отличие от арвернов, народа с централизованным государством, и не были способны вовремя соединиться в один кулак, чтобы хоть что-то противопоставить своему главному врагу.

Помимо этого, часть племён, состоявших в сопротивлении, уже были истощены имевшим ранее конфликтом с арвернами, ибо оный их значительным образом разорил, лишил любой надежды на единение и заранее подготовил почву под их очень быстрое поражение.

Данные племена, наученные горькими поражениями, не обладали столь же рьяным духом, что и их коллеги, а потому, как уже было сказано выше, очень быстро вылетели из лагеря сопротивления, окончательно изменив своё мнение по поводу господства арвернов с резко отрицательного на вынужденно положительное.

Артём, действуя в привычной для него манере, не просто разбил восставших, но и уничтожил в них всякую волю к дальнейшему сопротивлению, учинив на их территориях столь страшные зверства и разрушения, что более восставшие племена не допускали даже мысли о любом сопротивлении его воле.

Впрочем, не сказать, чтобы оно исчезло насовсем. Наоборот, Артём методично и жестоко вырезал под корень каждое восстание, будь оно даже крохотным, и тем привёл под своё полное подчинение всю Галлию.

Подчинив их, он обратил свой взор на германцев, решивших устроить себе в Галлии дом — вагионов, неметов и трибоков, а также на батавов, мозоливших ему глаз.

Изгнав их всех с обжитых ими территорий, он расселил на их территории остатки тех племён, что сражались против него наиболее отчаянно, в основном, белгов, и, наконец, успокоился.

За всякой войной, разумеется, должен был следовать мир, предваряющий новую войну, и потому следующие пять лет для Галлии были последним мигмом исцеляющего покоя, прежде чем ей предстояло с головой погрузиться в новый омут кровавой, воистину имперских масштабов жестокости...

Глава 49. Правая и левая щёки

... Nemo potest regere, nisi patiens ...

Собственно, он и настал. Арверны, как ни странно, подчинили своей воле всю Галлию. Разумеется, это было ожидаемо от страны, на которую приходится 40 % населения всего региона и которая является его финансовым, культурным, научным, производственным и политическим центром.

Впрочем, для существующего поколения это всё равно было более чем громадным потрясением. Поколение, родившееся всего год назад, жило ещё в раздробленной Галлии, обречённой на поражение против римского могущества, а младенцы, родившиеся в следующем году — уже в единой стране.

Конечно же, подобное эпическое событие, а иначе победу прогресса против сил реакции назвать нельзя, явилось ничем иным, как завершением предшествующей эпохи. По достоинству оценив всю значимость этого события, пускай даже и не явную, Артём возвестил о том, что новая эпоха, собственно, настала, и сделал он это, как не трудно догадаться, самым ожидаемым способом — объявив о создании новой Империи.

Собственно, именно это он и сделал, объявив на внеочередном созыве подконтрольного ему сената арвернов о появлении на политической карте новой силы — Галльской Империи. Воспользовавшись удобным моментом, он также заявил о грядущих масштабных переменах.

Кроме того, он также объявил о том, что уже в следующем месяце пройдёт «самая пышная коронация в истории всего человечества». Впрочем, Артём почему-то умолчал о том, что эта «самая пышная коронация в истории всего человечества» пройдёт за счёт налогоплательщиков (собственно, данный созыв сената был связан, главным образом, с обсуждением затрат на содержание царствующей семьи). Более того, он предпочёл умолчать об одном весьма приятном политическом сюрпризе.

Собственно о нём — здравствуйте, это христианство. Да-да, Артём, будучи более чем разумным атеистом, прекрасно понимал, для чего нужны любые организованные религии, будь то синтоизм, иудаизм или ислам — для контроля над массами, разумеется.

Ну, а что может быть удобнее в качестве инструмента подобного контроля, как не универсальная, подходящая любому народу, религиозная доктрина? Да и так уж просто получилось, что Артём, будучи выходцем из глубоко религиозной и крайне консервативной русской семьи, лучше всего был знаком именно с христианством.

В то же время, в его распоряжении были познания одного из самых значимых историков раннего средневековья, Тани. Так что, как вы понимаете, тут уж сам Бог, простите за каламбур, велел. Ну, а раз так, то Артём не посчитал плохой идеей принять корону от рук епископа Лионского.

Впрочем, необходимо сделать небольшое отступление. Начал Артём, разумеется, заблаговременно, и потому к настоящему моменту христианское движение зарекомендовало себя как безусловное добро с блестящей репутацией, занимающееся обеспечением беднейших масс и беженцев кровом над головой и какой-никакой едой, а также обучением детей всех сословий.

Как ни странно, универсальная религия, одинаково благосклонная к любому человеку, ничего не требующая от своих последователей, кроме любви и добра, дающее надежду и материальное обеспечение тем, кто всё потерял и был уже готов опустить руки, а также

заботящаяся о будущем всех детей, быстро приобрела популярность.

Полагаю, Артёму даже не приходило в голову, какой фурор произведёт его «небольшой проект». Кто бы мог подумать, что всего за год его «небольшой проект» глубоко проник в самые разные слои населения, ассимилировав широкий круг языческих культов. Правда ведь, почему тот или иной божок, почитаемый в той или иной деревне, не может быть очередным святым?

Кстати, снова здравствуйте — это синкретизм, мощнейшее орудие в руках любой организованной религии. Разумеется, тут же вспоминается тактика сначала эллинистических правителей, в частности, например, Птолемея, соединивших египетское и греческое язычество, а потом уже и римлян, без стыда и совести инкорпорировавших чужих языческих богов в свой собственный языческий пантеон.

Пожалуй, они — главные знатоки в искусстве убеждать чужие народы в том, что, в сути, их языческие боги — лишь одна из многочисленных проекций римских божеств. Луг, кельтское божество, по сути, продукт обожествления солнца — то же, что и Меркурий. Белен, кельтский, а если быть точнее, то галльский бог медицины — то же, что и Аполлон. В общем, типичная «римская интерпретация», но мы не об этом.

Мы, собственно, о «христианской интерпретации», и о том, что именно благодаря этому явлению христианство, как не трудно догадаться, стало самой распространённой религией в мире, и да — ислам, будучи второй по распространённости религией, тоже не брезговал абсорбцией предшествующих ему языческих верований.

И да, вы правильно поняли — Артём ударился в религиозный синкретизм. Собственно, благодаря этому, в частности, христианство и стало таким популярным. Впрочем, полагаю, вы всё ещё неправильно понимаете масштабы его проникновения.

Так вот, чтобы размах его распространения стал ясен, вот вам небольшой факт — всего через год христианство более-менее ранних образцов, запущенное Артёмом в массы, стало главной верой арвернов (именно арвернов). Ещё через год — главной верой уже всей Галлии, что существовала к югу от Луары.

Спустя ещё год, когда разгорелась «последняя междоусобица среди галлов» — главной верой всей Галлии, ибо появление значительных масс резко обедневшего населения стало прекрасной порой для христианства, всегда полагавшегося на маргинальные слои населения.

Разумеется, не каждый житель Галлии до последнего уверовал в единственно верного Бога, однако, памятуя изречение преподобного Амвросия Оптинского, «Начало радости — быть довольным своим положением», Артём нисколько не нервничал.

Кроме того, памятуя также о восемнадцатом стихе из третьей главы Евангелии от Иоанна, «Верующий в него не судится, а неверующий уже осуждён, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия», он был более чем «уверен», что все уверуют, так или иначе. Для своего же блага, так сказать.

Так что, как ни странно, Артём, абсолютно уверенный в своей бесконечной правоте и политической дальновидности, сделал очередной гениальный политический ход, уже упомянутый вскользь немногим выше.

Да-да, Артём принял свои императорские регалии из рук епископа Лионского, чтобы дополнительно легитимировать свою власть при помощи божественного права. Ну, а кроме того, в знаменательный день своей коронации Артём вступил новый, «христианский» календарь — он же григорианский, провозгласивший начало «христианской эры», а восшествие Артёма на императорский престол — днём её начала.

Ну и, разумеется, после такого Артёму уже не было необходимости как-либо сдерживать себя или скрывать гигантские денежные потоки, направляемые им в распоряжение Галльской церкви.

Конечно же, Артём без особых угрызений совести использовал многочисленные языческие святилища, оставленные без всякого присмотра и находящиеся в его или ничьём имуществе после предпринятых им актов «анти-языческого вандализма», которые были ему, разумеется, уже прощены.

Все они, а если быть точнее, то те остатки, что до сих пор не были отреставрированы самой Церковью, пускай и на его деньги, как не трудно догадаться, подверглись масштабному восстановлению, модернизации или даже перестройке, и благодаря этому уже через несколько лет вся страна оказалась усеяна различными церквями и монастырями.

Тем более, что Артём спонсировал и масштабное строительство новых храмов (если что, это продолжение его плана по превращению массового строительства в главный двигатель экономического роста).

Более того, он активно спонсировал их строительство даже на территории других стран, следуя по пятам за бесчисленными христианскими миссионерами. Греки, римляне, британские или иберские кельты, да даже германцы — всем им Артём нёс веру, несмотря на любые преграды (а их было более чем достаточно), чтобы создать почву для их последующего завоевания.

Как-никак, общее религиозное пространство весьма упрощает процесс интеграции приобретённых территорий, да и делает дипломатический контакт значительно более простым, не говоря уже о возможности опосредованного давления через религиозные структуры.

Впрочем, чтобы всё это стало возможным, Артёму необходимо было значительно «реформировать» существующее устройство церкви, как не отвечающее «современным» требованиям.

Разумеется, все те элементы, что делали «раннее» христианство столь успешным, были оставлены. Иными словами, не произошёл отказ от универсальности христианской религиозной доктрины. Она не стала национально ориентированной, как это произошло в случае англиканства или иных, более радикальных протестантских ветвей христианства.

Впрочем, право инвеституры, то есть, право назначения на церковную должность, всё же перешло из рук самой церкви в руки светских властей, что сделало христианство ещё более привлекательной доктриной, особенно с точки зрения тех правителей, что не желали делиться своей властью с могущественными жрецами.

Кроме того, вместе с правом инвеституры к светским властям перешли и некоторые особенности, неизбежно сопровождающие урезание церковной самостоятельности.

Так, например, была полностью отменена церковная десятина (именно в том понимании, что эти деньги перейдут в распоряжение церкви), даже и бывшая ещё полностью добровольной. Государство полностью взяло на себя обязательство по содержанию церковного аппарата.

Более того, оно, в связи с соответствующим обязательством, получило право собирать необходимую для содержания церкви сумму. То есть, если говорить по существу, десятина превратилась из добровольного пожертвования в принудительный налог, сумма которого определялась непосредственно светской властью.

К слову, это же сделало сию религию ещё более приятной к принятию сверху, скажем

так, ибо передавало в руки светской власти, часто представленной в «дикарском мире» различными военными вождями, некоторую фискальную власть, которой вышеупомянутые были, как правило, лишены, особенно, если речь идёт про племенное общество.

Впрочем, прихожане, разумеется, всё ещё имели право пожертвовать церкви «ту сумму, которую они сочтут необходимой». Тем не менее, тут же стоит уточнить, что как всяческий чиновник, приходской священник был обязан отчитаться за любые расходы, произведённые за счёт данной суммы, равно как и отчитаться о факте получения данных «доходов».

В обмен на это, значительно улучшилось материальное положение церкви, сделавшегося инструментом государства, ответственного за идеологический контроль населения.

Так, например, Артём открыл многочисленные школы при различных монастырях и приходах (имея своей целью увеличить охват и глубину идеологического влияния). Кроме того, как уже упоминалось ранее, он озаботился строительством новых храмов и восстановлением старых святилищ. Также, чтобы обеспечить церковь необходимым числом священников, он открыл множество семинарий.

Наконец, была создана, пускай и лишь в рамках Галльской Империи, административная структура церкви. Так, духовным лидером галльской церкви был назначен архиепископ Лионский, фактический глава галльской Церкви (формальным её главой был Артём, как наместник бога на данной земле). Он же — глава Лионского диоцеза, а также митрополит Лионской провинции.

Кроме Лионской провинции, существуют также Аквитанская, Белгская и Армориканская. Каждая из них делится на пару десятков диоцезов, а диоцезы, в свою очередь — на, как правило, пару-тройку архидиаконов, а те, в свою очередь — на несколько диаконов, которым были подчинены различные приходы. Ну, это если в самом ужатом варианте.

К слову, об административном устройстве и переменах...

Глава 50. Обо всём и ни о чём

... Nihil est annis velocius ...

Итак, 1 числа 1 месяца 1 года новой, христианской эры, вступил в силу закон «Об административном устройстве Галльской Империи», а если по нашему календарю, то 1 января 63 года до нашей эры, в миг, когда в Риме проходил праздник Юноны.

Как ни странно, новый закон об административном устройстве Галльской Империи был призван распространить администрацию на новых территориях, то есть, интегрировать их в общую административную систему. Ну, а интеграция была необходима по вполне понятным политическим, экономическим и военным причинам.

В любом случае, следует признать, что это было бы, как минимум, разумным шагом. Собственно, потому Артём и приступил к административной реформе. Впрочем, слово реформа здесь — излишне громкое, так как изменились, в основном, лишь границы административных субъектов. Так как Артём захватил всю Галлию, ему, следовательно, пришлось очертить её границы, чтобы сделать управление страной более удобным.

Очевидно, именно этим он и занялся. Естественно, принимая во внимание свои вполне очевидные монархические амбиции. Так, вся Галлия была разделена на герцогства, хотя, если говорить по сути, это было лишь красивое название. По сути же, речь шла о провинциях.

Для начала, основой административного устройства стали 11 герцогств, делившихся, в свою очередь, на 29 графств.

Итак, существовало герцогство Аквитания, состоявшее из двух графств — графства Битуригского и графства Конвенского.

Далее, существовало герцогство Великая Арверния, также состоявшее из двух графств — графства Рутенского и графства Кадуркского.

Кроме того, существовало герцогство Малая Арверния, состоявшее уже из трёх графств — графства Пиктонского, графства Сантонского и графства Арвернского.

Наконец, также существовало герцогство Королевская Арверния, состоявшее из двух графств — графства Сегусиавского и графства Эдуйского.

Все они, в совокупности, представляли собой Королевство арвернов, Арвернию.

Разумеется, на нём всё не кончалось. Так, существовало герцогство Арморика, состоявшее из трёх графств — графства Венетского, графства Карнутского и графства Эбуровикского.

Помимо всего прочего, существовало также герцогство Паризийское, состоявшее из трёх графств — графства Лингонского, графства Трикассского и графства Бойского (по названию проживавшего здесь племени бойев; родственников, к слову, тем самым бойам из Богемии, названной в их честь, а также бойам из Цизальпинской Галлии).

Далее, существовало герцогство Приморская Белгика, состоявшее из сразу четырёх графств — графства Калетского, графства Атребатского, графства Моринского и графства Эбуронского.

Кроме того, существовало герцогство Внутренняя Белгика, состоявшее из трёх графств — графства Треверского, графства Керосского и графства Виромандуйского.

Вышеупомянутые четыре герцогства, как не трудно догадаться, образовывали собственное королевство (тут надо уточнить, что королевство — де-юре титул, созданный

Артёмом просто для того, чтобы быть) — Белгику.

Наконец, остались последние три герцогства. Итак, первое — герцогство Лионское, состоящее из графства Секванского (первой графиней Секванской стала наша дорогая Таня; в данном случае речь идёт уже об аристократическом титуле) и графства Амбиарарийского (оно же графство Амбаррское).

Второе — герцогство Юранское, состоящее из графства Тигуринского и графства Гельветского. Наконец, третье герцогство — герцогство Свевское, состоящее из графства Вангионского и графства Раурикского.

Данные три герцогства, в свою очередь, составляли королевство Гельветия. В целом же, всё остальное практически никак не изменилось.

Далее по списку — военная реформа. Собственно, она заключалась, главным образом, в создании военно-морского флота, а если быть точнее, то в обособлении военно-морских сил от сухопутных сил, а также в образовании полноценной морской инфраструктуры и учреждении командной структуры. Кроме того, в рамках военной реформы также был создан речной флот, представленный, в основном, рейнской речной флотилией.

Ну, это всё, если не считать того, что в ходе военной реформы Артём распространил всеобщую воинскую повинность и на население только что завоёванных провинций. Хотя да, он также ввёл в обращение огнестрельное оружие, а если быть точнее, то мушкеты, о которых мы расскажем как-нибудь позднее, внедрил в армию строгую униформу и ряд боевых уставов, в которых проанализировали набравшийся к этому моменту военный опыт.

Кроме того, уже существовавший устный воинский устав был перенесён на бумагу, после чего его копии были разосланы во все существующие военные части. В общем, всего по мелочам.

В любом случае, сейчас мы будем повествовать о последующих волнах переселенцев, культурном перевороте и экономическом буме 60-ых.

Для начала, разумеется, мы поговорим о переселенцах. Итак, как не трудно догадаться, после того, как Артём повеселился в Галлии, она значительно обезлюдела, а это, естественно, не очень хорошо, и, чтобы решить данную проблему, Артём вернулся к уже отлаженному механизму.

Впрочем, на этот раз круг привлекаемых поселенцев кратно увеличился. Так, Артём привлёк в Галлию даже клятых германцев. Правда, не в том виде и не в том плане, о котором вы бы могли подумать, вспоминая про германских летов и гентилов времён поздней Римской Империи.

Привлекал он их весьма неожиданным способом — принудительно переселяя в Галлию покорённые им племена. Вам это может показаться довольно диким и глупым способом, но на практике он применялся довольно редко, а если быть точнее, то только тогда, когда зарейнские племена германцев упорно отказывались идти на сотрудничество.

И, как ни странно, весьма многие шли на сотрудничество. Им точно также предоставляли право на получение бесплатной и далеко не плохой земли, различные налоговые привилегии и даже освобождение от призыва.

Впрочем, право на добровольную службу у них никто не отнимал, и очень многие германцы пользовались этим, так как Артём платил солдатам регулярно и неплохо, а также предоставлял широкий круг льгот, касавшихся и семьи солдата, на минуточку.

Более того, германцы были у него в фаворе, как уже приученные к суровой, насыщенной войнами жизни воины. Хотя, полагаю, для них был гораздо более привлекательным тот

факт, что любой человек мог подняться в его армии на самые-самые вершины, вне зависимости от своего происхождения.

Далеко ходить не надо — мы уже ранее упоминали, что на службе у Артёма было более чем достаточно греков и выходцев из подвергшихся эллинизации народностей. Так, в примерах у них были Афинодор Кананитский, грек из Аполлонии Иллирийской, а также Александр Византийский, грек из Византия.

Между прочим, оба прошли совершенно ошеломительный путь из сержантов в генералы от армии, причём всего за несколько лет службы. Кроме них — Иоанн Кантакузин, эллинизированный еврей из Смирны, а также Мануил Эротик Комнин, тоже эллинизированный еврей, но уже из Фракии.

Так что, как вы видите, германцы, равно как и все прочие, прекрасно видели, что служба в галльской армии — это прекрасная возможность обеспечить себе хорошее будущее. Кроме того — она поможет твоей семье уже сейчас, так как она, как уже упоминалось ранее, обеспечивала ещё и значительные льготы тебе и твоей семье.

Соответственно, многие зарейнские германцы, несомненно, получавшие различного рода информацию, в основном, слухи, о Галлии и жизни там, как не трудно догадаться, очень даже желали для себя подобного будущего.

Во всяком случае, их потенциальная судьба в Галлии выглядела в их глазах уж точно ярче и прекраснее, чем их текущая суровая и жестокая жизнь в Германии, а тут ещё и сами вожди заинтересованы в том, чтобы сбавить лишних людей.

Так что, как уже было ранее сказано, германцы более чем желали идти на контакт с галлами, и смело на него шли, хотя и одновременно с этим продолжали свои не всегда тщетные попытки ограбить Галлию. Более того, германские племена установили с галлами активные торговые связи.

Так, германцы обменивали янтарь, соль, древесину, внезапно уголь, благо, что его у них было просто море (другое дело, что они им практически не пользовались в силу отсутствия необходимых технологий, в отличие от арвернов, готовых заплатить любые деньги за уголь, которого им всегда было мало из-за прожорливости паровых машин), а также другие товары.

На что? Ну, если говорить по простому — на побрякушки. Различные ювелирные изделия из золота, серебра и прочих «блестящих» металлов, причём самого широкого спектра — от просто позолоченных обручей до золотых колец с инкрустацией бриллиантов и прочих огранённых минералов.

Кроме того — атакующее и защитное вооружение. Естественно, речь идёт не о пушках, аркебузах и мушкетах — такие игрушки просто опасно давать в руки людей, готовых тебя ограбить при любом удобном случае.

Как не трудно догадаться, речь шла о мечах, копьях, метательных топорах, дротиках, луках и прочем хламе, которого у галлов оказалось просто навалом после недавних войн, но ставшего бесполезным после появления огнестрельного оружия.

Ну и, естественно, продовольствие — то, чего германцам никогда не хватало из-за их примитивного и в силу этого крайне рискованного и неэффективного земледелия.

В любом случае, речь идёт о том, что германцы, которые стали одной из самых многочисленных групп переселенцев, имели обширные и разноплановые контакты с Галльской Империей, и потому нет ничего странного в том, что Артём приобрёл в их лице 800 000 новых колонистов, заселивших многие обезлюдившие после недавних войн земли.

Среди переселенцев, к слову, были представители таких племён, как неметы, вангионы,

трибоки, тулинги, маркоманны, тенктеры, квады, хатты, сугамбры, марсы, херуски, бруктеры, фризы (в числе которых были и батавы, разгромленные и практически истреблённые Артёмом), хамавы и хавки.

К слову, первые три были подчинены Артёмом и переселены за Рейн на то место, где ранее существовали латовики. Их он, кстати, также подчинил, после чего расселил их в графстве Вангионском, где ранее проживали вышеупомянутые племена. То есть, он провернул эдакую рокировку племён.

Попутно он, между прочим, принудил неметов, вангионов и трибоков образовать племенную федерацию. Данная племенная федерация по замыслу Артёма должна была выполнять роль подконтрольной ему буферной зоны.

Впрочем, он как-то не сразу понял, что немного переусердствовал и в итоге создал первое германское государство, настолько мощное, что оно в будущем подчинит себе все племена, проживавшие на территориях современной Баварии и Баден-Вюртемберга. Хотя, это события будущего, так что не будем и далее мусолить эту тему, оставив её на потом.

К слову, далее по списку у нас другие, не менее экзотичные гости — племена прото-басков. Да, большая их часть уже была представлена в качестве его подданных, составляющих подавляющую часть населения Аквитанского герцогства, но это не значит, что Артём не мог привлечь оставшуюся их часть.

Даже наоборот — именно благодаря этому он и смог привлечь в свою страну практически все оставшиеся прото-баскские племена...

Глава 51. Концентрация ресурсов? Ещё одну порцию, пожалуйста!

... Nulla dies sine linea ...

Ну, а все оставшиеся племена прото-басков, между прочим, проживали на территории Иберии, а если быть ещё точнее, то на территории Иберии, прилегающей к Пиренейским горам.

Так уж получилось, что совсем неподалёку от мест расселения прото-баскских племён располагалась граница римского и условно варварского мира в Иберии.

Как не трудно догадаться, римляне не особо поняли, что это за телодвижения такие. По началу им, разумеется, показалось, будто бы это иберские (в данном случае подразумевается не этническая, а географическая принадлежность) племена собираются в совместный военный поход на территорию Ближней Испании.

Естественно, её наместник тут же мобилизовал все свои силы — три легиона (их номер вам ни о чём не скажет, так как к тому моменту системы постоянной нумерации легионов ещё не существовало в полной мере, и легионы проконсула не имели постоянного номера, так что опустим её), приготовившись к очередной войне.

Представьте себе его удивление, когда ему довелось пронаблюдать движение гигантской колонны переселенцев в сторону одного из горных переходов. Тем более, что её сопровождал крупный отряд галльской кавалерии (около 5 000 человек)

Правда, последний факт был для него скорее неприятен, так как фактически запрещал нападение на колонну, а кроме того — делал оное в несколько раз опаснее, ибо его кавалерия была значительно хуже по качеству и гораздо меньшая в численности.

Так что, как бы ему не хотелось напасть на столь заманчивую цель (60 000 потенциальных рабов, на минуточку), ему пришлось отказаться от этой идеи, ограничившись наблюдением за ситуацией.

Тем более, что очень скоро до него дошло, что волны переселенцев ослабляют военную мощь оставшихся племён, вследствие чего падёт и мощь их сопротивления, а раз так, то ему это небольшое переселение только на пользу.

Впрочем, как оказалось, колонна была далеко не одна — всего их было порядка 4, и каждое из них имело разный размер. В сумме же Артём получил от племён астуриков, кантабров, вардулов, аутригонов и каристиев порядка 100 000 человек. Если что, это примерно 30–40 % местного населения.

В любом случае, этих переселенцев поселили на территории герцогства Аквитания, и на этом, пожалуй, можно закрыть историю иберских переселений в Галлию при Артёме, ибо больше оттуда поселенцев практически не поступало.

Наконец, последний из независимых, назовём их так, источников — Британия. Да-да, Британия стала второй по численности группой переселенцев из «независимых источников» после германцев.

Среди переселенцев — паризии (да-да, это британские родственники тех самых, что обитали на территории современного Парижа), атребаты (родственники атребатов из Белгики), кантиаки, тринованты, ицены, катувеллауны, добунны, дуротриги, думноны, белги, силуры, деметы, ордовики, корновии и коританы.

В общем-то, в переселении приняли участие все племена Англии. Сумма, кстати, была

ими собрана весьма внушительная — 600 000 человек. Вместе со всеми остальными поселенцами получается, что Артём приобрёл 1 500 000 поселенцев. Пожалуй, весьма приятное восполнение утраченного в ходе военных действий населения (приблизительная оценка потерь — 300 000 человек).

Впрочем, то было лишь закуской перед главным блюдом. Как и в прошлый раз, основным источником всех поселенцев всё ещё оставалась Римская республика и её клиентские государства. Проблема была в том, что Рим весьма неоднозначно оценил подобного рода действия со стороны галлов.

С одной стороны, костяком всех этих толп переселенцев всегда были бедные слои населения Римской республики, всегда пагубно влиявших на общественный порядок. Очевидно, Римская республика была, так или иначе, благодарна за избавление от «лишних» людей, баламутивших народ.

С другой стороны, среди переселенцев были и не только они. Среди их числа были и привлечённые специалисты, всегда игравшие важную роль в провинциях. Очевидно, это было не столь болезненно для Рима с его-то населением в области 30–40 миллионов человек, и всё же весьма и весьма неприятно, скажем так.

В любом случае, ни о каких дальнейших «переселениях» населения Римской Республики на территорию Галлии не могло быть и речи, так как Галлия в восприятии Рима была крайне агрессивным государством, мощным и опасным, должным быть уничтоженным на благо римских квиритов.

Разумеется, в таком случае было совершенно невозможно для римлян допустить дальнейшее усиление Галльской Империи, а следовательно — для римлян было совершенно невозможно допустить дальнейшие переселения. По крайней мере, крупные и организованные. Тем более, что это также, как уже упоминалось ранее, ослабляло и сам Рим.

Впрочем, Артём не успокоился. Как многие уже могли догадаться, Артём любил получать желаемое, а также обладал достаточной волей и решительностью, чтобы приводить в исполнение даже самые дерзкие планы, направленные на получение желаемого.

Так, Артём потратил порядка года на то, чтобы достичь с римлянами определённых договорённостей в этой области. Предоставив римлянам весьма значительные привилегии, щедро одарив самых разных римских политиков и умело сыграв на политических настроениях в самом Риме, а также заключив с Республикой ряд соглашений по поводу определения границы, он всё же добиться своего.

Собственно, самое важное для него соглашение позволяло ему развернуть деятельность по привлечению весьма определённых групп населения, причём под тщательным присмотром римских наместников, обладавших правом наложения вето на данную деятельность, если они подозревали, что подобная деятельность наносит Республике явный вред или представляет для неё опасность.

Конечно же, ни о каком привлечении специалистов любого толка, даже обычных ремесленников, не было и речи. Тем не менее, Артёму помогла коррупция, а если быть точнее, то её восприятие в Риме.

Щедро одаривая различных проконсулов и пропреторов (что не являлось коррупцией с точки зрения римского общества, так как граница между подарком и взяткой у них была практически размыта), он, разумеется, добивался «дополнительных привилегий».

Конечно же, не всегда и везде это работало, не часто это имело смысл, но зато

отношение к «царьку из Галлии» значительно улучшилось среди узкого круга римского нобилитета, реально управлявшего Римской республикой, ибо именно он и извлекал пользу из сложившегося положения. Ну, а остальным просто не было до этого дела.

В любом случае, в течение следующего после заключения соглашения года Артём набрал значительное число переселенцев в римских провинциях и клиентских государствах Рима, где агенты Артёма действовали на основании того же самого соглашения с Римской Республикой, напоминая о том, что воля патрона и клиента должна быть едина. Хотя, естественно, и тут не обошлось без подарков, куда же без них.

Так, в Балканах, представленных провинциями Македония и Иллирик (здесь подразумевается провинция в смысле района военного командования, то есть, прообраз будущей провинции, которую ещё необходимо организовать на завоёванных территориях), он набрал порядка 300 000 человек, в основном бедняков, бывших массовым явлением в этих местах.

В Африке, представленной провинциями Африка Ветус и Киренаика и Крит, а также клиентскими государствами Рима — Птолемейским Египтом, Нумидийским и Мавретанским царствами, Артём сумел набрать порядка 800 000 человек. Среди них — нумидийцы, мавры (здесь имеется в виду термин из латыни, обозначающий берберское население проживавшие на территории Северного Марокко и Северо-западного Алжира), пунийцы и прочие.

На Ближнем востоке, представленном провинцией Сирия, а также клиентскими государствами Рима (Халкидское, Эмесское, Иудейское и другие царства). Здесь он набрал порядка 600 000 человек. Среди них — греко-сирийцы, иудеи, арабы (да-да, арабы) и другие восточные народности.

Наконец, главное восточное блюдо — Анатолия, представленная двумя римскими провинциями — Вифиния и Понт и Киликия, а также клиентскими государствами Рима.

Среди них было, к слову, Понтийское царство, находящееся в унии с Боспорским царством, поэтому переселенцы из Боспора для удобства будут учитываться как «анатолийские».

Также, в качестве «анатолийских» будут учитываться переселенцы из Кипра, хотя это и часть Птолемейского Египта. В любом случае, в Анатолии Артём набрал 900 000 человек. Среди них — греки Ионии, различные эллинизированные народности и прочие народности, не подвергшиеся массовой эллинизации, в основном, армяне (хотя степень эллинизации армян вопрос спорный, особенно после Тиграна Великого).

Итак, Италия — самый прибыльный, если вы понимаете, о чём я, кусок Римской Республики. Представлена тремя провинциями — Сицилией, Корсикой и Сардинией, а также Цизальпинской Галлией (де-факто часть Италии, но де-юре — нет, хотя на её территории так и не была образована полноценная провинция), а также территорией самой Италии, которая не является провинцией в силу самого определения слова «провинция». Как не трудно догадаться, отсюда Галльская Империя заполучило самое большое количество переселенцев — 1 200 000 человек.

Большинство — мелкие и средние землевладельцы, разорённые конкуренцией с египетским и африканским зерном, а также крупными латифундиями. Кроме них — итак уже существовавший слой люмпенов и прочих маргиналов. В общем, все те, кто был не нужен Римской Республике от слова совсем.

Далее, Испания, представленная двумя провинциями — Испанией Ближней (Hispania

Citerior) и Испанией Дальней (Hispania Ulterior). Испания даровала Галлии 800 000 человек.

Наконец, Нарбоннская Галлия, самая близкая к Галльской Империи провинция — 200 000 человек.

Всего, таким образом, в Галлию попало 4 500 000 человек из Римской Республики и её клиентских государств, а также 1 500 000 человек из независимых от Галльской Империи или Римской Республики источников, в основном — приграничных.

Итого — около 6 000 000 человек, а если вычесть из этой суммы уничтоженное в ходе недавних конфликтов население, 300 000 человек, то получаем, что население Галлии после всех этих волн переселенцев составило 12 500 000 человек.

Таким образом, в стране арвернов самих арвернов оказалось порядка 900 000 человек, в то время как галлы как таковые, численность которых составляла не более 6 000 000 человек, подверглись просто чудовищному по своему размаху культурному давлению...

Глава 52. Необходимая трагедия

... Timeo Danaos et dona ferentes ...

Греческая культура, ставшая основой многих других, разумеется, была кратно мощнее, чем галльская. Учитывая то, что галлы ранее уже подверглись мощнейшему культурному давлению со стороны греков Западного Средиземноморья, нынешний удар был крайне болезненным для кельтской, а если быть точнее, то галльской культурной идентичности.

Вернее, он был бы лишь крайне болезненным, но всё же терпимым, если бы не одно НО — греки на этот раз были не одни. Как не трудно догадаться, римская культура, пускай и зародилась позднее, чем греческая, была ничем не хуже с точки зрения своего размаха.

Римляне, разумеется, оказали на галлов, более уязвимых к подобному воздействию, подобно тому, как это произошло в реальной истории, столь же мощнейшее влияние. И, чтобы вы осознали масштаб трагедии, приключившейся с галльской культурой, мы напомним вам о том, что к текущему моменту ей уже был нанесён практически смертельный урон.

Все те традиции, что лежали в её основе, такие как друидизм, анимизм и другие религиозные традиции, представляющие собой её идеологическую основу, подверглись серьёзной трансформации в результате широкого распространения христианства, характерных для него обрядов и иных элементов, заместивших собой прежние, характерные для галлов.

Таким образом, галльская культура оказалась оторвана от своих корней, а на неё, между прочим, давили не только греческая и римская культуры, которые, очевидно, можно признать, как наиболее влиятельные.

Восточные культуры — пожалуй, третья по значимости культурная группа. Элементы восточных и греческих культур, сплётшиеся в самые причудливые гибридные формы в Эллинистический период, представленные в лице самых разных народов, как не трудно, также влияли на галлов, всё ускоряющихся в своём развитии за счёт всё более активного обмена научных и, в частности, культурных идей.

Всё это, как ни странно, вылилось в то, что мы уже ранее озаглавили, как трагедию кельтского мира. Кельты Галлии, претерпевшие за прошедшее с воцарения Артёма время мощнейшее давление со стороны более развитых культур.

Тем более, что новые элиты, представители вышеперечисленных культур, вознесённые на недостижимый ранее уровень действиями Артёма, аналогичными тем, что когда-то в будущем в линии истории, из которой произошёл разум самого Артёма, предпримет Пётр Великий, в подавляющем большинстве случаев заместили старые, уничтоженные войной элиты.

Местные, в особенности, городские жители, тщательно пытались подражать правящей элиты, причём по вполне понятным причинам, и не их вина, что новые элиты более не происходили из кельтских культур.

Разумеется, в этом слепом, неосознанном движении по направлению к копированию представленных им напоказ элементов, кельты, пускай и в основном те из них, кто стали гордыми представителями тех или иных городов, нанесли собственной же культуре, своей идентичности, непоправимый ущерб.

И нет, это не плохо и не хорошо, это просто состоявшийся к текущему моменту факт —

галльских кельтов, в том понимании, которое нам известно, более не существовало. С текущего момента будет правильным говорить о «новых галлах», только без того негативного оттенка, который сформировался в русском языке в отношении подобных словесных форм.

Восточные элементы, как внешние, такие как шербет, красивые восточные женщины, закутаные в одеяния, так и внутренние, такие как бюрократизм, жёсткий, почти тиранический контроль над населением, обращение человека к внутреннему миру, а также иное наследие восточных культур.

Греческие элементы, как внешние, такие как олимпийские игры и культ здорового тела в целом, так и внутренние, такие как древнегреческие понятия о философии и науках, гражданстве и демократии, государстве и

Римские элементы, как внешние, так и внутренние, в основном, конечно же, были идентичны тем, что существовали и в греческой культуре, что логично, ведь римская культура прямо произрастает из последней. Тем не менее, столь же очевидно, что римляне уже к этому моменту продвинулись в развитии этих идей гораздо дальше.

Развитое право и продвинутая судебная система, не менее развитое ораторское искусство, присущее римской культуре в силу очевидного влияния оратора на отношение и позицию условного судьи, а значит — и на решение суда, причём не только его, но и на решения сената.

Эти идеи имели развитие и ранее, в греческой культуре, однако именно римляне значительно развили эти идеи, доведя их до просто потрясающих воображение пределов.

Всё это, все эти элементы — они проникали в кельтскую культуру, замещая существующие элементы, образуя на пустом месте новые, а также просто трансформируя уже имеющиеся. Именно это мы понимаем под культурной революцией, произошедшей в Галльской Империи.

Разумеется, всё это началось и ранее, и в действительности это скорее эволюционный процесс, начавшийся столетия назад с момента появления первых греков на побережье Нарбоннской Галлии, но мы говорим о революции потому, что в последнее время этот процесс вышел на кардинально новый уровень, многократно ускорившись.

И... здесь мы далеко не самым плавным образом врываемся в экономический бум 60-ых. Выше упоминался активный обмен научных и культурных идей, а если быть точнее, то значительное ускорение данного обмена, существовавшего испокон веков, и да, упоминалось это не просто так.

Причина подобного упоминания — это влияние данного обмена идей на постепенное ускорение промышленного оборота. Ускорение обмена идей было вызвано активным привлечением светлейших умов Ойкумены.

Призванные помочь Тани в её проектах, они спонтанно сформировали интеллектуальную элиту Галлии, в рамках которой между ними происходил самый активный обмен располагаемыми ими идеями, будь то новейшие веяния греко-буддизма или открытия самых разных людей, неизвестные широкому миру по самым разным причинам.

Как вы понимаете, подобный рост интеллектуальной элиты и дальнейшее развитие обмена культурными и научными идеями послужило прекрасной интеллектуальной основой для начавшейся усилиями Тани промышленной революции.

Впрочем, даже имея подобную мощнейшую интеллектуальную базу и значительные ресурсы, галлы бы не смогли организовать промышленный переворот, если бы не одно НО.

Как многие, наверное, догадываются, миграция в другую страну, особенно в мире, где оказаться на расстоянии хотя бы 100 километров от своей родины — уже достижение, доступное крайне немногим, является судьбоносным решением, на которое способны только дерзкие, предприимчивые, отчаянные и решительные люди.

Находчивость, предприимчивость, готовность к принятию нового, решительность и умение быстро ориентироваться в новой обстановке, а также другие качества, необходимые для становления предпринимателем, как не трудно догадаться, имелись у значительной части переселенцев, составивших более половины населения Галльской Империи.

Очевидно, было более чем ожидаемо, что наличие столь значительного количества предприимчивых и находчивых людей, желающих достичь успеха любой ценой, приведёт к резкому всплеску конкуренции в предпринимательской сфере, что, в свою очередь — необходимый базис для развития рыночного капитализма.

Кроме того, переселенцы, большая часть которых представлена беднейшими слоями населения — это всегда приток дешёвой рабочей силы, а это — конкуренция на рынке труда, а, следовательно — уменьшение стоимости этого самого труда, так как увеличение его предложения при менее значительных темпах роста спроса на труд приводит к его удешевлению. У рабочих просто нет выбора, и они вынуждены смириться с уменьшением их доходов в пользу конкурентоспособности на рынке труда.

Впрочем, важно не это, хотя это и, безусловно, трагедия, характерная для практически любой промышленной революции, а то, что жесточайшая конкуренция между рабочими на рынке труда значительно упрощает рост капиталистических производств, ведь уменьшается стоимость труда, одной из главных статей затрат любого предприятия, предполагающего человеческий труд в любой форме.

Соответственно, наличие подобной конкуренции желательно, если вы имеете своей целью запустить маховик промышленной революции. Тем не менее, всё ещё остаётся два важнейших фактора.

Во-первых, это формирование первоначального капитала, необходимого для создания крупных промышленных предприятий. Это кажется очевидным, ведь нужно же на что-то создать первые предприятия, а это, между прочим, хороший вопрос — «а на чьи деньги гуляем то?».

Англия, Франция, Голландия, Испания и Португалия, а также другие колониальные державы, как ни странно, извлекали капитал из колоний, а он уже, постепенно накапливаясь в руках разных людей посредством разных финансовых инструментов, составлял собой первоначальный капитал, за счёт которого, собственно, промышленные революции в этих странах и стартовали.

Разумеется, за исключением Испании и Португалии, чьи богатства утекали в другие, более «прибыльные» страны, так как Испания и Португалия, располагая огромными ресурсами, всё же были неспособны в силу своей феодальной ограниченности, даже несмотря на проведённые впоследствии реформы, распоряжаться данным капиталом эффективно.

Естественно, как многие могли уже заметить, у галлов, в том числе и у арвернов, колоний не было, и было весьма проблематичным грабить колонии, чтобы копить первоначальный капитал.

Артём поступил круче — он ограбил Галлию, очень богатый регион, причём использовал полученные от этого средства на порядки эффективнее, чем кто-либо когда-

либо в его время мог им воспользоваться. Он многократно преумножил этот капитал самыми разными, в том числе и весьма подлыми, способами.

После же — целенаправленно направил его на создание первых промышленных предприятий, желая зажечь костёр промышленной революции.

И да, не каждая искра, высеченная им его острым огнём, что зовётся знанием, была удачной, и очень многие затухли под натиском ветра, но поставленная цель всё же была достигнута. Полагаю, результат его усилий станет для вас очевидным некоторое время спустя.

Во-вторых, это рынки сбыта, без которых невозможно само существование рыночного капитализма, причём желательно, чтобы это были внешние рынки, в силу тех обстоятельств, которые мы когда-то давно уже обсудили (смотри пассаж про большую перспективность внешних рынков по сравнению к внутреннему рынку).

И, как ни странно, колония — один из лучших форматов внешнего рынка. Колонии, подконтрольные метрополии, предоставляющие ей тысячи и тысячи тонн дешёвого сырья, представляли собой идеальный внешний рынок. Жаль, конечно, что у Галльской Империи не было колоний...

Или всё же были..?

Глава 53. Начало колониализма

... Prius quam incipias, consulto, et ubi consulueris, mature factu opus est ...

Здравствуйте, господа, с вами самое весёлое шоу в мире под названием «колониализм».

Колониализм — это самая ужасная трагедия из всех, что когда-либо случалась с человечеством, но, знаете, жизнь — вещь суровая и жестокая, обладающее своеобразным, скажем так, юмором. Ирония колониализма заключается в том, что это — необходимая для дальнейшего прогресса жертва.

Колонии — слишком удобный инструмент обогащения, чтобы его не использовать, и да, сама подобная точка зрения — отвратительна и ужасна, и, тем не менее, абсолютно неизбежна, как и сам колониализм.

Видите ли, не имеет смысла пытаться его остановить — одни народы всегда будут превосходить другие в развитии, хотя бы в силу чисто своего географического положения, и эти народы, более развитые по отношению к другим, обязательно попробуют воспользоваться данным превосходством, чтобы обогатиться.

Собственно, исходя из подобной позиции, Артём решил повторить эту трагедию, даже зная, к чему всё это в итоге приведёт. Можно ли его за это винить? Пожалуй, этого мы не знаем, однако факт остаётся фактом — Артём собирается возглавить колониальную эпоху.

Чтобы этого достичь, он, в первую очередь, создал колониальную инфраструктуру, дабы подготовить свои завоевания. Тем более, что он не считал себя ещё достаточно сильным, чтобы бросить вызов Римской Республике, а вооружённые силы всё же хотелось как-то использовать, чтобы они не простаивали впустую.

Во-первых, он создал на территории Бурдигалы, разрушенной им в ходе недавнего конфликта, новый город — Бордо. Да, это весьма иронично, но он назвал новый город, построенный на территории современного французского Бордо, название которого произошло от кельтского названия «Бурдигала», город, названный Бордо.

Тем не менее, он это сделал, и даже больше — предписывая ему будущее главного порта для торговли с колониями, он развернул на территории «Бордо» самое активное строительство.

В городе развернули судоремонтные мастерские с сухими доками, крупнейшую военно-морскую базу в Галлии, крупнейший коммерческий порт, крупную гарнизонную крепость, контролирующую излучину реки, а также ряд более мелких крепостей ниже по течению, контролирующих вход и выход кораблей.

Бордо обзавёлся артиллерийской академией, арсеналом и пушечным двором. Кроме того — морской академией, предназначенной для подготовки военно-морских офицеров, медицинской школой, предназначенной для подготовки фельдшеров, а также военной академией, предназначенной для подготовки военных офицеров.

Более того, на территории города обустроили ряд начальных и средних школ, и даже учредили первый технологический университет, чтобы выпускать специалистов, специализирующихся на решении проблем и задач военно-морского флота. То есть, специализирующийся на выпуске инженеров различного толка.

Помимо прочего, Бордо обзавёлся шикарным дворцом губернатора, величественным императорским дворцом, многочисленными парками, санаториями и прочими «оздоровительными» учреждениями. В общем, обустроили город так, будто из него

собираются сделать новую столицу.

Впрочем, не успели ещё отстроить город, как уже начали строить могучую армаду из крупных военных кораблей. Кроме них, разумеется, также озаботились строительством более мелких судов, подходящих для хождения на мелководье и по рекам, что, естественно, также было важно для исследования новых земель.

В итоге, как ни странно, было построено 16 крупных кораблей, созданных по образу и подобию португальских каракк (правда, первые четыре корабля пошли ко дну из-за сильного крена, так как его неправильно рассчитали, и он оказался значительно больше нужного, но путём дорогих проб и ошибок всё-таки пришли к идеальным 10–15 градусам). Кроме них также построили 24 каравеллы и 8 транспортных кораблей.

Первая экспедиция, Впрочем, направлялась не в Новый Свет, а в одну из частей Старого Света — экваториальную Африку. Состояла она из двух каракк — флагманского «Святого Павла» и «Вергобрета», одной каравеллы, «Святой Марии», а также транспортного корабля, на котором предполагалось хранить все необходимые припасы — «Святого Марка».

Флагманский корабль «Святой Павел» и «Вергобрет» несли по 20 тяжёлых орудий, не считая ещё нескольких фальконетов на палубе, а каравелла «Святая Мария» несла 12 тяжёлых орудий, а также пару фальконетов. Транспортник «Святой Марк», как не трудно догадаться, орудий не имел вообще, но это и не было для него проблемой.

В любом случае, эти четыре судна направились к Экваториальной Африке, чтобы составить подробные карты для удобства навигации при последующих экспедициях, а также для удобства коммерческих судов. Ну, а кроме того, они должны были выйти там на контакт с местными народами, чтобы договориться о том, что, собственно, является одной из основных причин того, почему я называю колониализм величайшей катастрофой человечества — работорговле.

В любом случае, 18 июля 57 года до нашей эры, или же 18 июля 7 года христианской эры (названия месяцев те же самые, и да, это вызвало определённый курьёз, так как названия то эти имеют латинское происхождение), первая экспедиция вышла из Бордо и направилась, собственно, в Экваториальную Африку.

Однако, экспедиция предполагалась долгая, предусматривающая установление дипломатических и торговых контактов, изучение местности и составление карт, а это всё, как известно, от дьявола и весьма скучно, да и происходит это всё в каком-то далёком далёко.

Разумеется, поэтому, а также по ряду иных причин, которые рассказчик предпочёл бы скрыть, мы сконцентрируемся на событиях, происходящих в Европе, ведь колонии, как известно, не привязаны к конкретной части суши — это, в первую очередь, политико-экономический статус территории.

У Рима есть колонии — Испания, Африка, Ближний Восток, Анатолия и Балканы. Римляне дружно грабят жителей всех этих территорий, совершают там полнейший произвол и веселятся иными, не менее занятными способами. Ну, а граждане Галльской Империи, будь это пришлое население или коренное, естественно, ничем не хуже римлян.

Поэтому, а также по ряду других стратегических причин, Артём, как ни странно, решил вторгнуться в Британию, а заодно и опробовать свою армию нового образца, где доминирующей силой выступает пушечная артиллерия и линейная пехота, вооружённая фузеями и оснащённая втулочными штыками, а кавалерия, в свою очередь — отошла на второй план.

К слову, о стратегических причинах вторжения в Британию. Первая — это её ресурсы. Многочисленные и удобно расположенные запасы угля, железа, олова, меди, дерева, флюорита (плавиковый шпат) и даже золота — всё то, что особенно необходимо для промышленной революции.

Вторая — географическое расположение Британии. Британия — удобная площадка для действий в Северном море, важнейший рубеж для контроля Ла-Манша (он не зря также называется «Английским каналом»). Да и, в конце-то концов, куда ещё распространять своё влияние Артёму, как не на Британию, коли уж южные направления, к сожалению, закрыты для него?

Ну и, наконец, политические причины. Видите ли, у Артёма есть одна очень и очень большая проблема — его власть, если не лукавить, представляет собой военную диктатуру, и существует эта диктатура только за счёт военных успехов, как ни странно.

Экономические же достижения Артёма — как ни странно, следствие его военных успехов, и, в отличие от военных успехов, о них народ то забудет сразу же, как только начнётся неизбежный при любой экономической системе кризис. Хочет ли он рисковать подобным образом, полагаясь исключительно на экономические успехи? Сомневаюсь, ибо он не настолько уж и глуп.

Таким образом, Артём буквально вынужден устраивать, хотя бы изредка, войну, причём обязательно победоносную. Любое крупное поражение сделает его положение лишь более шатким, а это результат немного противоположный тому, которого он добивается.

И да, Артём старался оттянуть войну, как мог, потому что хотел подготовить армию, довести до логического конца её перевооружение, дожидаясь ввода в строй крупной партии новых кораблей, предусматривающих наличие тяжёлых орудий. В общем, он не хотел вступать в войну, не закончив подготовку.

Ну, а она, собственно, закончилась только в 57 году. К этому моменту было утилизировано всё ненужное холодное оружие (пики, алебарды, мечи, копья и тому подобное было продано, и на эти деньги отчасти происходила модернизация).

Была произведена окончательная отладка системы военной корреспонденции и посыльных, были модернизированы почтовые станции.

Была отлажена система военных магазинов, государственных заказов и закупок, а также система военного снабжения, особенно продовольственного, в целом.

Была создана и должным образом организована система военных госпиталей, были созданы необходимые учебные заведения и ими подготовлены, а также переподготовлены необходимые медицинские кадры.

Было налажено производство пушек, как частными предприятиями, так и государственными арсеналами, была отлажена система государственных заказов пушек, определены и закреплены нормативно основные требования к качеству. Всё это, как ни странно важно, ведь, например, такой неочевидный фактор, как зазор между ядром и стволом пушки определял не только её точность, но и возможность применения чужих снарядов, отличающихся калибром, при стрельбе.

Более того, было отлажена система производства ружейного и артиллерийского пороха (это разные сорта пороха, и разница между ними существенна при стрельбе) на государственных пороховых мельницах.

Была налажена система транспортировки пороха, а ведь это не тривиальная задача, ведь порох может намокнуть в дороге (в частности, разные сорта пороха отличаются степенью

гигроскопичности), а ведь после этого он будет негоден. Собственно, в рамках улучшения условий транспортировки пороха было, например, налажено производство свинцовых картузов.

Были организованы мастерские по ремонту артиллерийских орудий, в их систему были интегрированы производства лафетов, колёсных осей, ведь для тяжёлой пушки, например, не подойдёт любое деревянное колесо, нужно именно окованное железом, ибо другое просто не выдержит вес орудия, который мог вполне доходить до нескольких тонн, между прочим.

Всё это, разумеется, заняло у Артёма довольно много времени, ведь очень часто ему приходилось сначала создавать инфраструктуру для строительства необходимых инфраструктурных объектов, а потом уже отлаживать систему централизованного производства и распределения произведённого продукта.

И, тем не менее, Артём закончил в рекордно короткий срок — всего лишь 7 лет (и да, это не сарказм). Поэтому, уже в 57 году, наконец-то закончив всю подготовку, располагая армией в 120 000 солдат, а также просто неисчерпаемым резервом (более 1 000 000), Артём наконец-то начал давно ожидаемое событие — вторжение в Британию...

Глава 54. Правь, Галлия, морями!

... Primus clamor atque impetus rem decernit ...

Собственно, началось оно 21 мая 57 года до нашей эры, или же 21 мая 7 года христианской эры. В любом случае, началось оно с задействования флота.

Ранее уже упоминалось о создании колониальной флотилии, но не было упомянуто, что колониальный флот — лишь один из двух флотов, созданных Артёмом, предназначенный для военно-морских действий на удалённом расстоянии от метрополии.

Был и другой флот, предназначенный для военно-морских действий в Атлантическом океане, то есть, в водах метрополии. Собственно, в честь этого данный флот и был назван «флотом Метрополии».

Хотя, что более вероятно, на это название Артёма надоумила Таня, и оно само по себе — лишь подражание британскому «флоту Метрополии» («Home Fleet» на эльфийском).

Так или иначе, английский канал весьма быстро и весьма ожидаемо взяли под свой полный контроль две флотилии — первая флотилия под командованием Антиоха Афинского и вторая флотилия под командованием Квинта Сертория Ахиллеса (в данном случае это вольноотпущенный раб, получивший личное и родовое имя своего бывшего господина).

Первая флотилия под командованием Антиоха Афинского насчитывала 5 каракк — 16-пушечную «Святую Мокк», 16-пушечного «Святого Иерихона», 16-пушечного «Святого Марка», 16-пушечного «Святого Кернунна» и 16-пушечного «Святого Таранниса».

Кроме того, в первой флотилии было 3 каравеллы — 6-пушечный «Святой Автоном», 6-пушечный «Святой Публий» и 6-пушечный «Святой Авраам» (фактически было всего 4 рабочих тяжёлых пушки, так как 2 быстро вышли из строя, причём 3 из них располагалось на правом борту).

Вторая флотилия под командованием Квинта Сертория Ахиллеса насчитывала 3 каракки — 12-пушечный «Кенабум», 12-пушечный «Везонций» и 12-пушечный «Магонциак».

Кроме того, Ахиллес располагал 4 каравеллами — 4-пушечным «Саламисом», 4-пушечным «Лимносом», 4-пушечной «Элефтерией» и 6-пушечной «Андромедой».

В общем, флот Галльской Империи был более чем представительным, и очень быстро донёс до жителей побережья, что с галлами шутки плохи, тем более, что теперь они ругаются на греческом, когда режут тебя, будто свинью.

Впрочем, занималась морская пехота, бывшая опорой любого офицера флота в наведении жёстких порядков, не только ограблением побережья. Они также занимались созданием временных перевалочных пунктов.

Так, например, каракка «Святой Иерихон» при поддержке двух каравелл, «Святого Публия» и «Святого Авраама», а если быть точнее, то морская пехота, расположенная на этих кораблях, без проблем захватила ряд поселений на острове Уайт.

Очистив местную территорию от враждебных элементов, а также взяв под свой контроль саму территорию острова, морская пехота принудила местное население к помощи в строительстве перевалочного пункта для последующего вторжения.

Собственно, именно она успешно и построила в течение двух недель, без труда отбивая каждую попытку возвращения острова, предпринимаемую белгами.

Каравелла «Святой Публий» после успешного завершения строительства, разумеется,

отбыла, хотя и без морской пехоты (каждый солдат был на счету из-за непокорности местных), чтобы сообщить о плановом завершении первого этапа.

Примерно в то же самое время ряд других каравелл также прибыли с сообщением о завершении подготовки временных перевалочных пунктов. Сразу после этого начался второй этап вторжения.

Как не трудно догадаться, произошло непосредственно вторжение 120 000 армии Артёма на территорию Британии. И, как ни странно, 120 000 солдат, вооружённых пушками и ружьями, без особого труда подавили любое встреченное ими сопротивление на островах, установив на территории Юго-Восточной Англии императорскую власть.

Таким образом, был завершён второй этап вторжения, хотя из-за логистических проблем, вызванных длительным периодом непогоды на море (вся логистика была завязана на морских поставках, так что фактическое отсутствие доступа к морю на протяжении недели было критичным), вторжение чуть ли не превратилось в катастрофу.

В любом случае, следующий этап подразумевал создание постоянных баз дислокации на захваченных территориях и обеспечение тылового прикрытия в виде лояльного населения.

Чтобы добить первого и второго одним махом, Артём купил на территории Римской Республики 80 000 рабынь из Иллирии, которой пришлось испытать на себе весь ужас военного гения Цезаря, коему пришлось обратить свой взор на значительно более бедную Иллирию, после чего перевёз их на территорию Британии.

К тому моменту на остров уже прибыли поселенцы из Германии и Иберии, представленные, в основном, мужчинами, так что Артём незамедлительно освободил этих рабынь, дал им напоследок небольшую сумму и те, очевидно, вынуждены были искать покровительства у прибывших молодых германцев, желавших себе семейного счастья.

План был прост, до предела туп и жесток, но всё же гениален, ведь он сработал, и сработал отлично, так как германцы не стеснялись тяжёлого труда и, находясь в подчинении у грамотных греческих и римских архитекторов, быстро озаботились наведением, назовём это так, марафета на завоёванных территориях. Тем паче, что за это им выдали хорошую премию и ряд льгот.

Собственно, поэтому, а также потому, что местные их люто ненавидели, закономерно считая их пришлыми захватчиками, и единственными их защитниками перед гораздо более многочисленным коренным населением были имперские солдаты, эти германцы были оплотом римского... ой, оговорочка по Фрейду, галльского влияния.

Таким образом, создав ряд крепостей на побережье, вдоль главных рек региона, а также организовав крупную военно-морскую базу и большой портовый город, галлы могли выдвигаться далее, следуя заранее очерченному плану.

То есть, через два года после начала вторжения, имперские войска приступали к его третьей фазе — крупномасштабному наступлению на остальную часть Британии.

И, также, как и в прошлый раз, имперские солдаты, среди которых галлов было не так уж и много, на самом-то деле, трудные в обучении и превосходные в бою, не оставили британским кельтам и шанса.

Дойдя до рубежей Уэльса и Шотландии, имперские войска приостановили своё наступление, чувствуя, что их силы уже слишком истощены постоянными боями в рамках партизанской войны. Иными словами, наступала четвёртая фаза — усмирение и приведение к лояльности завоёванной территории.

Как и ранее, со всей Ойкумены были мобилизованы значительные людские ресурсы —

300 000 переселенцев и 200 000 рабов, в основном, женского пола и иллирийского происхождения.

Полумиллионное нашествие пришельцев, как ни странно, полностью перевернуло игру, так как теперь у Империи было предельно лояльное население в 700 000 человек, готовое сражаться за своё будущее под её стягом.

Теперь британские кельты, хотя и оставаясь подавляющей частью населения Британских островов, вынуждены были подчиниться имперским порядкам, потому что пришлое население за их счёт поднялось до уровня, когда оно уже обладало значительно большей экономической властью, нежели коренное население, а против экономической власти, увы, не попрёшь.

Твой работодатель — грек, его жена — вольноотпущенная рабыня из Иллирии, которой фактически за просто так даровали свободу власти Империи, персонификацией которых был Император, в то время как ты — простой арендатор или, что хуже, рабочий, трудящийся за гроши на ИХ предприятии.

Трудно восстать, ведь нет экономической базы — оружие предков отнято, а новое купить нельзя, да и не на что. Да и некогда, ибо на тебе — всё семейное хозяйство.

Твоего отца убили на войне, во время очередной глупой и бессмысленной стычки, твоя мать осталась вдовой, скорее всего покалеченной душевно и физически, а ты — просто отчий сын, оставшийся без отцовского наследства.

На тебе, старшем из детей, лежит забота обо всех остальных твоих братьях и сёстрах. Да, крайне обидно, что ты вынужден работать фактически за гроши на чужом хозяйстве, которое может и вовсе оказаться отцовским полем, или, что хуже, батрачить в городе на фабрике, где тебя считают за мусор, коим ты фактически и являешься для этих людей в силу своего происхождения. Однако, ты не в силах чего-либо сделать, вынужденный выживать в каменных джунглях, построенных пришедшими оккупантами.

Ради чего всё это? Ну, ради сущих копеек, на которые тебе и твоей семье приходится фактически выживать, а младшим, едва подростком для труда — точно также подрабатывать на фабрике, рискуя так и остаться навсегда ребёнком после очередного инцидента с машиной.

Что ты можешь сделать? Ничего! Жизнь не наладится, ведь ты — мусор в глазах власть имущих, но она станет только хуже для тебя и твоей семьи конкретно, если ты попробуешь сопротивляться власти.

Вот, вот он — секрет подчинения. Необходимая трагедия для счастья других, и единственное твоё спасение от этого жестокого мира — пасть в руки чужого бога, столь манящего своими постулатами, но ведь это — предательство отцовских заветов, предательство родового наследия.

И, тем не менее, рода больше нет — одни предали ради имперского злата, другие сидят в тюрьме за попытку сопротивления, а остальные — мертвы или выживают, поэтому ты всё же падаешь в его сладкие объятия, утешаемый надеждой, что тебе воздастся за твои страдания в этом грешном теле.

Впрочем, мы что-то отвлеклись, да и негоже это — петь о чём-то столь мрачном и грустном, о чём-либо, кроме оптимистичных представлений о прекрасной жизни в величайшей Империи из когда-либо существовавших.

В любом случае, четвёртая фаза — повторение второй, только в больших масштабах и с причинением больших страданий, чтобы сломить сопротивление. Иными словами,

очередная необходимая трагедия.

Итак, через ещё два года, когда подошло к концу замирение очередных завоёванных территорий (не окончательному, естественно), имперская армия приступает к пятой фазе вторжения — завоевание остальных частей Британских островов.

Группировка, наращённая до 160 000 солдат регулярной армии и 80 000 солдат милиции, как не странно, справляется с жалкими остатками кельтских племён Британии, покоря Уэльс, Шотландию и Ирландию, завершая свой славный военный путь на этой территории.

Прекрасный план, превосходно исполненный и достигший большинства заложенных в него целей — отличительная черта военных компаний Артёма. Что же, на очереди — рассказ о событиях, произошедших за эти 4 года в самой Галльской Империи...

Глава 55. Создание удобного случая

...Vivas frugalis, ut res est materialis ...

Начнём мы, пожалуй, с фурора, произведённого экспедициями, произошедшими и уже успевшими успешно завершить к моменту завершения вторжения в Британию.

Итак, первая экспедиция, как уже упоминалось ранее, отправилась в Западную Африку, имея своей целью изучить обычаи туземцев, установить с ними дипломатические и торговые контакты, изучить местные растения и животных, историю региона, составить и, в случае возможности, любой ценой приобрести его карту, а также более подробные карты местности.

В общем, полноценная крупная экспедиция. Как и ожидалось, в течение трёх лет она сумела установить многочисленные торговые и даже несколько дипломатических контактов с местными туземцами.

Так, приобретя 20 рабов у местных правителей за различные промышленные товары — гладкоствольные ружья, порох, бумагу и другие, офицеры, выступавшие главными дипломатическими эмиссарами, сумели заручиться у местных правителей, коих им повидалось более нескольких десятков, что и в будущем они сумеют приобрести у них рабов.

Разумеется, и в гораздо больших количествах, если они того пожелают, обещав, что и позднее они смогут выручить за них у «пришельцев из-за моря» ружья, порох, пули и даже, что вполне возможно, инструкторскую подготовку по обучению наиболее эффективному использованию данных изобретений.

Конечно же, местные вожди, занимающиеся войной практически постоянно, были более чем заинтересованы в подобном обмене. Европейцы им ружья, пули и порох, а они им рабов, которых они отловят на чужой территории, пользуясь ружьями, пулями и порохом.

Ну, а что ещё нужно европейцам, кроме рабов? Полагаю, туземцы думают, что только алмазов и золота. Европейцы же думают о 80 % мировых запасов хромитов (по современным данным), 76 % мировых запасов фосфатов, 60 % мировых запасов марганца и кобальта, 50 % мировых запасов бокситов, 40 % мировых запасов алмазов, 37 % мировых запасов золота, 3 % мировых запасов нефти и природного газа, а также других плюшках. Но, конечно, рабы первостепенны, без них никуда и никак.

Хорошо, что местные совсем не против ловить друг друга и продавать в рабство европейцам за орудия войны и прочие безделушки, бесполезные для экономического развития.

В любом случае, экспедиция была более чем успешна, и потому уже в следующем году, то есть, в году, когда основная часть покорения Британских островов наконец-то завершилась, торговцы, подстёгиваемые огромным спросом на рабский труд в Риме, принялись активно поощрять усилия африканцев по взаимному порабощению и уничтожению.

Как-никак, рабы — это всегда прекрасно, ведь их всегда можно сбыть по выгодной цене. По крайней мере, если не нарваться на рабов, захваченных Цезарем, ибо эта подлая тварь периодически обрушивает цены на рабов до самого плинтуса, захватывая в рабство очередную пачку иллирийцев.

Разумеется, после этого торговцы стали активно спонсировать каждую новую экспедицию. Жаль, конечно, что они не успели выторговать себе за это преференции, когда

отплыли более ранние экспедиции, но что поделать — у них было время.

К слову, о более ранних экспедициях — через полгода после отплытия первой экспедиции на буквально только что построенных кораблях отплыла уже следующая, вторая исследовательская экспедиция.

Куда? Ну, есть одно место — его один безумец считал Индией, но мы то знаем — то были Карибские острова. И да, речь идёт про Карибский бассейн. Зачем им туда? Ну, возможно, я уже упоминал это ранее, но французское королевство перед Великой Французской Буржуазной Революцией получало до 2/3 своего бюджета и 1/3 своего экспорта за счёт существования всего одной колонии в Карибах — Сан-Доминго, она же современная Гаити.

Рабы, сахарные плантации, карибские острова — ничего не напоминает? О да, это атлантическая треугольная торговля. Европа, а если быть точнее, то конкретно Галльская Империя, снабжает африканских туземцев различными промышленными товарами.

Они же, в обмен на это, по дешёвке сбывают европейцам рабов, а этих рабов после этого везут в Америку, где те работают на плантациях. Эти плантации, в свою очередь, и производят хлопок, табак, кофе, сахар, красители и многие другие колониальные товары, которые жадные капиталисты сбывают в Европе, получая безумные сверхприбыли.

Европа в цепочке есть, Африка ныне тоже, а это значит что? Правильно, что осталось только отыскать Америку и захватить её территории, после чего останется только извлекать сверхприбыли. Ну, разве это не прелестно?

Аморально? Да! Жестоко? Да! Лицемерно? Да! Подло? Да! И всё же, это очень прибыльно, а потому капиталистов, хотя и не только они бы занялись подобным, конечно же, ничего не смущает. Меня это смущает, конечно же, но я стороннее лицо, всего лишь рассказчик, а потому — пусть, пусть будет.

Так или иначе, в отличие от предыдущих экспедиций, эта выдалась значительно короче, так как ни о каких дипломатических и торговых сношениях с местными не было и речи. Как говорится, сплавали, изучили местность, составили карту, взяли парочку сувениров и уплыли обратно.

Местных предполагалось полностью уничтожить, как бы жестоко это ни звучало, и потому уже во второй экспедиции участвовало сразу 8 каракк колониального флота, а также 20 000 солдат, 10 000 наёмных рабочих и 10 000 рабов.

Потратив год, а также потеряв за это время от тропических болезней примерно 14 000 солдат, примерно 5 500 рабочих и 2 000 африканских рабов, Империя смогла покорить весь остров Гаити.

Возможно, это покажется каким-то очень и очень неважным успехом, учитывая то, что за этот же период вся армия британского вторжения потеряла всего 12 000, но речь шла о полноценной очистке острова от всех аборигенов и постройке первого колониального поселения, причём всё это — в условиях тропического климата и трудностей со снабжением.

Тем не менее, пока эти ребята занимались выживанием в суровых и жестоких тропических джунглях Гаити, пытаясь уничтожить аборигенов, произошли ещё несколько экспедиций — к Багамам, к Юкатану, к Панаме и к Флориде.

Как ни странно, Империя решила освоить и эти рубежи также. Собственно, именно на это на она и направила все свои оставшиеся силы, в результате чего успешно завершило создание сразу нескольких колониальных поселений. Первое, расположенное на территории

современного Порт-о-Пренс, называлось «Ново Картаго», или «Новый Карфаген».

Да, в чём уж Артёму не отказать, так это в весьма специфичном юморе — назвать первую же свою колонию в Америке «Новым Карфагеном»... это, должен я сказать, весьма иронично.

Хотя, не только иронично, но ещё и крайне оскорбительно по отношению к римлянам, уничтожившим этот самый Карфаген. Впрочем, это было бы слишком слабо, если бы не два других факта.

Во-первых, бухта Нового Карфагена называлась «Порт Суллы», а на территории центральной площади поселения установили бронзовую статую Юлия Цезаря. Причём установили её, направленной к историческому Карфагену, а мраморные блоки для пьедестала были взяты с руин самого Карфагена. Сама же статуя представляла явную аллегория на то, что Цезарь — новый Сулла.

Подстава так подстава, ничего не скажешь. Тем не менее, даже после этого Цезарь мог бы как-то оправиться, восстановить свою репутацию, но по всему Риму, как назло, полезли слухи о многочисленных фактах коррупции, о превышении должностных полномочий, о фактах уклонения от налогов.

Тем более, что его «Записки об Иллирийской войне», представленные в Сенат, были совершенно разоблачены, как безосновательные и содержащие многочисленные факты умышленного подлога, утаивающие преступления Цезаря.

Анонимный источник, на которого ссылался Гай Клавдий Марцелл, один из главных политических врагов Цезаря, во время своей обвинительной речи против Гая Юлия Цезаря, предоставил «убедительнейшие доказательства его вины», немедленно продемонстрированные Сенату.

Разумеется, немедленно начались разбирательства, обсуждения преемника Цезаря на посту командующего, и всё это — в разгар войны в Иллирии. Вынужденный покинуть войска, он, разумеется, не сумел уследить за событиями в Иллирии, прибыв в Риме на время разбирательств.

Как результат, произошло очередное иллирийское восстание, в ходе которого были уничтожены 3 легиона, VII, VIII и X Конный, и ещё два, XI и XII, находились в критическом положении.

Более того, иллирийцы практически полностью уничтожили все его завоевания. Это была огромная политическая и военная катастрофа, и, очевидно, Сенат решил воспользоваться и этим фактом, чтобы уничтожить Цезаря.

Возможно, его союзник по триумvirату Помпей и заступился бы за него, если бы не то обстоятельство, что в прошлом умерла его жена, дочь Цезаря по имени Юлия.

Более того, в этом году умер и сам Красс, и, таким образом, Помпей вполне реально мог захватить фактически единоличную власть в вечном городе, и для этого необходимо было всего лишь уничтожить оставшегося триумвира — Юлия Цезаря.

Собственно, именно поэтому Гай Клавдий Марцелл, сторонник Гнея Помпея Магна и предводитель ультраконсервативных сенатских кругов, и выступил против Гая Юлия Цезаря.

И, как ни странно, Гая Юлий Цезарь, попытавшийся хоть как-то исправить своё положение пламенной речью, которую он собирался произнести перед римским народом на Римском Форуме, был весьма скоро убит рабом из числа иллирийцев, вскочившим на трибуну.

Таким вот неприглядным образом закончилась история великого полководца и

политика, так и не ставшего легендой. Тем временем, Гней Помпей Магн не терял времени, и решил закончить то, что оставили после себя Цезарь и Красс.

Собственно, именно этого Артём ждал, именно этого он и добивался — да-да, именно он стал причиной падения Цезаря и, следовательно, дуумвирата, образовавшего после смерти Марка Лициния Красса и его сына после сокрушительного поражения при Каррах.

Римляне, уже утратившие к тому моменту 3 легиона в Иллирии и потерявшие к моменту убийства Цезаря ещё 2 легиона, а также практически все 7 легионов Красса, очевидно, были в ужасе, а их авторитет и репутация упали до плинтуса.

На Западе началось восстание горных племён Иберии, астуров и кантабров, поддержанное финансово Артёмом. На юге царь Мавретании, Сосус, также решил не терять времени и вторгся в римскую Африку. В общем, Рим находился в своём величайшем кризисе со времён Кимврской войны.

Ну и, разумеется, не преминул воспользоваться своим шансом и наш дорогой Артём, самый грозный из всех возможных противников...

Глава 56. Галльская Империя и "союзники"

... Minus habeo, quam speravi, sed fortasse plus speravi, quam debui ...

Собственно, война началась очень даже хорошо. В течение месяца была полностью захвачена Нарбоннская Галлия, однако сил на развитие наступления на Италию или хотя бы Испанию не было.

Как оказалось, римляне не сидели без дела, и не брезговали пользоваться чужими идеями. Собственно, эти их черты, рационализаторство и сугубо прагматичный подход, были одними из ключевых столпов их культур, а также одной из причин их возвышения.

Так или иначе, римляне приняли культурный, научный и экономический вызов. В частности, они особенно заинтересовались ружьями, пушками, крупными парусными пушечными кораблями и другими военными нововведениями имперских солдат.

Впрочем, до недавнего времени процесс реформирования армии искусственно затягивался консервативными и ультраконсервативными кругами, возымевшими особенную силу с момента восшествия Суллы на политическую вершину римского общества.

И, как ни странно, чем-то повторяя историю Кимврской войны, римляне даже после столь оглушительных поражений всё ещё крайне неохотно соглашались на какие-либо нововведения, особенно те, что предлагали популярны, а именно они и, в частности, их уже покойный фактически лидер Цезарь, в основном, и занимались продвижением новых военных преобразований.

Собственно, благодаря этому у Артёма было некоторое время, прежде чем враг в лице римлян начнёт исправлять свои ошибки и перенимать его опыт, что осознавалось им как неизбежный итог.

Кроме того, на первых порах ему ещё и потому сопутствовала удача, что внимание римлян было направлено сразу на разные участки их владений. Они разрывались между Балканами, Африкой, Иберией, Галлией и Сирией.

И, несмотря на это, Артём не стал спешить. Действуя соответственно плану, он остался в Нарбоннской Галлии, где приступил к возведению долговременных и стратегически важных укреплений, строительству средиземноморской военно-морской базы и средиземноморского флота.

Более того, часть вооружённых сил была всё ещё занята в Британии и он всё ещё не получил подкрепления в лице подразделений регулярной армии с рейнской границы (их на этом посту заменили отряды военной милиции), и он хотел дождаться их передислокации.

Ну и, разумеется, среди всех сильнее прочих отличился флот, большей части которого пришлось огибаться Иберию и идти в Средиземное море, где предполагалось вести основные боевые действия на море.

Кроме того, не все располагаемые им отряды находились в данный момент в Нарбоннской Галлии. Так, например, из-за грязи, возникшей после обильных дождей, опоздал артиллерийский парк, а уже хотя бы поэтому вторжение в Цизальпинскую Галлию или Ближнюю Испанию было нецелесообразно в силу риска.

В итоге, как уже упоминалось ранее, Артём потратил практически целый год, чтобы довести концентрацию своих сил до максимума, в чём более чем преуспел.

Полагаю, в этом случае стоит описать диспозицию сил на стратегической карте.

В правом углу исторического ринга — Галльская Империя, Мавританское и Парфянское

царства, а также Иллирийская и Иберская конфедерации, не говоря уже о десятках более мелких участников военных действий.

В левом углу — могучая Римская Республика, гегемон всей Ойкумены и первая сверхдержава в мире, а также её многочисленные союзники, преданность и лояльность которых находится под откровенным сомнением.

Итак, непосредственно диспозиция:

Во-первых, Галльская Империя — 240 000 солдат регулярной армии и 40 000 конницы, а также 160 полевых и 24 осадных орудий. Не считая 240 000 солдат милиции и более 1 000 000 человек в резерве, разумеется.

Кроме этого — силы флота Метрополии и флота Колоний. Флот метрополии — 16 каракк (256 пушек; 16 пушек на корабль) и 26 каравелл (156 пушек; 6 пушек на корабль). Флот Колоний — 8 каракк (160 пушек; 20 пушек на корабль) и 8 каравелл (96 пушек; 12 пушек на корабль). Всего — 24 каракки (416 пушек) и 34 каравеллы (252 пушки), не считая более мелких судов и транспортников.

Не считая фальконетов, разумеется, которые устанавливались на самой палубе, но особого смысла их считать нет. Хотя бы по той простой причине, что фальконеты на корабли завозили по остаточному принципу, а потому от корабля к кораблю их число сильно разнится.

Наконец, необходимо уточнить, что силы Артёма сконцентрированы в Нарбоннской Галлии, отлично подготовлены и обладают широким военным опытом. По крайней мере, широким военным опытом в области противодействия партизанским отрядам.

Во-вторых, Мавританское царство — 20 000 пехоты и 12 000 конницы (из которых 6 000 — представители нанятых Сосусом кочевых сахарских племён), а также устаревшие осадные орудия в лице 2-ух 24-фунтовых пушек, приобретённых у Галльской Империи.

Резерв — подготовленный, регулярный резерв отсутствует как таковой. Впрочем, резерв у мавританского царя отсутствует в любом виде. К текущему моменту мавританский царь, ведущий уже на протяжении почти года активные военные действия против многочисленных римских гарнизонов, как ни странно, исчерпал практически все свои людские ресурсы. Единственный для него способ пополнить армию в данный момент — нанимать наёмников из числа сахарских кочевых племён.

Флот — отсутствует как таковой, однако в Галльской Империи уже были заказаны 3-и 16-пушечные каракки и 4-и 6-пушечные каравеллы. Тем не менее, они ещё не были построены к началу военных действий, а потому участия в войне на стороне Мавритании не примут.

Наконец, необходимо уточнить, что основные силы Сосуса, мавританского царя, вынуждены в данный момент уклоняться от любых военных действий, кроме партизанских атак лёгкой кавалерии по экономической базе Римской Республики в Африке.

В-третьих, Парфянское царство — 1 500 катафрактов и 12 000 парфянских лучников, а также 0 пушек. Данное войско, как и войско мавританского царя, как ни странно, не являлось регулярной армией и представляло собой, по сути, не более чем наиболее доступный военный резерв парфянского царя, составленный из родоплеменного ополчения.

Резерв — подготовленный, регулярный резерв отсутствует как таковой. Впрочем, фактически у парфянского царя резерв всё же имелся — 30 000 воинов, представленных преимущественно кавалерией.

Флот — отсутствует как таковой. Военный флот у парфян отсутствует как таковой. По

крайней мере, в данный конкретный момент.

Наконец, необходимо уточнить, что основные силы парфян в данный момент занимались покорением или, можно сказать и так, усмирением Месопотамии, не претендуя на какие-либо римские территории.

Более того, они всё ещё были заняты внутренними разборками, а потому даже и не собирались в 52 г. до н. э. вести какие-либо военные действия против римлян.

В-четвёртых, Иллирийская конфедерация — 80 000 пехоты и 12 000 конницы (из них 8 000 — наёмная фракийская кавалерия), а также 0 пушек. Данное войско, как не трудно догадаться, также представляло собой не более чем родоплеменное ополчение, собранное племенным союзом для противодействия римской экспансии.

Резерв — подготовленный, регулярный резерв отсутствует как таковой. Впрочем, фактический резерв тоже был не особенно велик — племенной союз мобилизовал все доступные ему людские и финансовые ресурсы, чтобы противостоять римлянам. Больше они, как ни странно, мобилизовать не могли просто физически.

Флот — регулярный, профессиональный флот отсутствует как таковой. Фактически же весь флот иллирийцев представлен небольшими пиратскими суднами, не обладающими артиллерией. Разумеется, максимум такого флота были морские рейды на прибрежные города Римской Республики, расположенные на Адриатическом побережье Италии.

Наконец, необходимо уточнить, что иллирийцы в данный момент ограничились морскими рейдами и набегами, потому что были не готовы к ведению активных военных действий, да и не особенно то и желали — они полностью вытеснили римлян из своего региона и повода для продолжения войны, равно как и сил для этого, не было.

Собственно, именно поэтому они приступили к мирным переговорам с Римской Республикой, желая закрепить свой успех на бумаге. Иными словами, Иллирийская Конфедерация готовилась к выходу из войны, и имела на то все шансы, учитывая суровую для римлян необходимость хоть как-то уменьшить число своих противников, ибо всех и сразу они, естественно, осилить были не способны. В общем, самый неактивный участник военных действий после парфян.

В-пятых, Иберская конфедерация — 60 000 пехоты и 6 000 конницы, а также 0 пушек. Кто бы мог подумать, данное войско также представляло собой родоплеменное ополчение, собранное союзом племён для противодействия римской экспансии.

Резерв — подготовленный, регулярный резерв отсутствует как таковой. Впрочем, фактический резерв, кто бы мог подумать, тоже был не особенно велик — племенной союз мобилизовал все доступные ему людские и финансовые ресурсы, чтобы противостоять римлянам.

Пожалуй, единственное существенное отличие было лишь в том, что у племён, входящих в эту конфедерацию, наблюдалось значительное уменьшение доступных людских ресурсов, в особенности, молодых мужчин, потому что совсем недавно весьма значительная их часть была переселена в Галльскую Империю.

Собственно, это серьёзно повлияло на их военный потенциал, поэтому Артёму пришлось помочь данным племенам оружием и провиантом, чтобы они были успешнее в их борьбе против римского владычества.

Флот — отсутствует как таковой, причём вообще. Да, в общем-то, он им и не нужен, так как Галльская Империя, а если быть точнее, то её флот Метрополии, как не трудно догадаться, без особого труда очистил все морские акватории на пути из Бордо в Тулон

(портовый город, основанный на месте современного Тулона). Соответственно, Иберская конфедерация была избавлена от любых морских угроз со стороны римлян.

Тем более, что мощная галльская флотилия в 8 каракк и 7 каравелл, вставшая якорем в Тингисе, подконтрольном мавританскому царю, делала невозможной для римлян даже самую попытку прорваться в Атлантический океан, по крайней мере, не с тем флотом, что у них имелся в данный момент. Ну, а другие, собственно, территорию Иберской конфедерации и не омывали.

Наконец, необходимо отметить, что иберы столкнулись с весьма неожиданной для себя ситуацией — в Иберии у них совершенно не было противников.

Все испанские легионы были эвакуированы в Италию, чтобы противостоять единственному, действительно опасному противнику — Галльской Империи.

Потеря Италии, и уж тем более осада или, упаси нас Марс, захват Рима были бы для Римской Республики гораздо более серьезной военной и политической катастрофой, нежели потеря Иберии.

И... на этом прекрасном моменте мы переходим к диспозиции военных сил Римской Республики...

Глава 57. Сулла, но не Феликс

... Nihil est incertus vulgo ...

Итак, Римская Республика в данный момент располагала вооружёнными силами в лице 160 легионов нового образца. Средняя численность легиона — 5 000 человек (средняя списочная численность — 6 000), поэтому, как не трудно посчитать, всего Римская Республика располагала вооружёнными силами в практически 800 000 солдат.

Эти войска были созданы в ходе реформ Гнея Помпея Магна, объявленного в 53 г. до н. э. диктатором с неограниченным сроком полномочий.

Так как Римская Республика в одночасье утратила практически 12 легионов, или, если говорить цифрами более понятными, примерно 40 000 опытных солдат, служивших уже немало лет.

Как не трудно догадаться, вследствие этого, а также постоянно приходящих сообщений о непрерывном росте галльской армии, Гней Помпей Магн вынужден был копировать своего врага, а если быть точнее, то его идею всеобщей воинской повинности.

Единственная проблема была в том, что у Рима просто не было столько граждан, чтобы проводить всеобщую воинскую повинность. Решение было весьма очевидным, однако весьма проблематичным с точки зрения политики — Помпей вынужден был обещать полноценное римское гражданство каждому, кто согласится служить в римской армии. Прямо здесь и сейчас.

Кроме того, ему пришлось обязать каждого римского гражданина передать не менее 1 своего раба или любого другого слуги для службы в армию. В случае, если у него его не было — явиться на службу самостоятельно.

Очевидно, шокировали данные меры просто всех — и римский плебс, и оптиматов, и даже популяров. Впрочем, Помпей им весьма понятно объяснил, что их враг — мощнейшее после Рима государство, располагающее самой внушительной армией во всей Ойкумене, и эта армия прямо сейчас готовится к вторжению в Италию.

Соответственно, если прямо сейчас не предпринять хоть что-нибудь, то о судьбе Рима больше не будет смысла заикаться вовсе — подобная армия просто камня на камне не оставит не то что от Рима, а от всей Италии вообще. Как ни странно, выслушав эти весьма внушительные аргументы, Гнею Помпею простили даже подобное святотатство.

Проигнорировав абсолютно все остальные театры военных действий, благо, что власти Римской Республики действительно угрожали лишь галлы, в то время как с остальными можно было и позже разобраться.

Тем более, что бездарный мавританский царь едва ли что-то мог противопоставить продвинутым римским фортификациям на границах, построенным на манер галльских кирпичных крепостей.

Обладая всего 2-мя осадными орудиями, он вынужден был регулярно штурмовать осаждаемые им укрепления, вследствие чего его силы очень быстро «растаяли» и более не представляли угрозы Риму.

Иллирийская конфедерация и парфяне практически ничем не досаждали, тем более, что иллирийцев сдерживали мощные фортификационные сооружения Аквилеи, а парфян — их внутренние разборки.

Ну, а потеря Иберии — не такая уж и потеря. Тем паче, что Иберская конфедерация

просто не сумеет переварить столь крупный регион, да ещё и весьма романизированный к этому моменту.

Таким образом, располагая целым годом, Гней Помпей Магн в сумме набрал просто сумасшедшее число — 800 000 рекрутов. Прекрасно понимая, что галльская имперская армия — прекрасно отлаженная и имеющая значительный военный опыт механизм, возглавляемый, судя по всему, организационным гением, способным гарантировать лучшую логистику, он не стал тягаться с галлами в качестве.

Наоборот, понимая, что он располагает не более чем зелёными парнишками, а имеющееся у него время крайне ограничено, и составляет явно не более года, да и то в лучшем случае, он решил сделать ставку на количество.

В принципе, расчёт был бы верным, если бы не одно НО — он забыл про артиллерию. Вернее, не забыл, а не смог её заполучить. В Римской Республике не было необходимой для создания пушек инфраструктуры, в связи с чем у Гнея Помпея Магна просто не было возможности обзавестись ими.

Печально, конечно, подумал Помпей, и всё же решил, что практически двукратного преимущества в численности будет более чем достаточно для того, чтобы победить галлов, несмотря на очевидное превосходство их пехоты, о которой, кстати, очень даже были наслышаны в Риме.

Очевидно, он недооценил необходимость и важность артиллерии, в отличие от галлов, озаботившихся созданием более чем внушительного артиллерийского парка.

Кроме того, озаботившихся наиболее эффективным его применением — Артём озаботился мобильностью своей артиллерии, её универсальностью и унификацией, а также обеспечением стабильного притока качественных специалистов в армию, чтобы эта артиллерия давала стабильно хорошие результаты.

Как результат, галльская имперская армия, даже с учётом солдат милиции уступая римлянам в численности практически в два раза, обладала на порядок большей огневой мощью. В частности, она была способна сконцентрировать в узкой точке в десятки раз большую огневую мощь. Кроме того, галлы могли быстро перемещать свою артиллерию, нанося удары в нужном месте и в нужное время.

Впрочем, вернёмся к армии Помпея в последний раз — его легионеры, бывшие скорее калькой на профессиональных солдат, как ни странно, не обладали значительной подготовкой.

В спешке набранные, они были и в спешке обучены строевой подготовке. По сути, это были вчерашние мальчишки, которым выдали по ружью и сразу же отправили на фронт.

Очевидно, они не обладали высоким боевым духом, не были способны долго держать строй и были, в общем-то, не чета галльской имперской армии.

Решение этой проблемы было весьма оригинальное — Помпей, по сути, придумал рассыпной строй, стрелковые цепи и атаку пехотными колоннами.

Союзные контингенты, обладавшие широким опытом применения лёгкой пехоты, а также те из легионеров, что отличились, как отличные стрелки, как ни странно, стали костяком лёгкой пехоты нового образца.

Действуя в рассыпном строю, лёгкая пехота должна была прикрыть передвижения линейной пехоты, легионеров нового образца, проредить своим огнём порядки противника, а также хотя бы частично защитить собой основные силы от огня противника.

Линейная пехота же, легионеры нового образца, не отличающиеся отличной

подготовкой, должны были действовать в колоннах (уменьшение ширины фронта пехотного формирования позитивно отражается на его управляемости), употребляемые, в основном, для штыковой атаки расстроенных порядков врага.

В случае провала атаки лёгкая пехота при содействии кавалерии прикрывает организованный отход колонны. В общем-то, это была прекрасная тактика, учитывающая сильные и слабые стороны армии Помпея.

Кроме того, Помпей отлично проработал стратегию обороны против галлов, собираясь принять их на своей территории и, таким образом, рассчитывая навязать врагу битву на его условиях.

Иными словами, Помпей отлично исполнил возложенные на него обязательства, и даже не будь у него артиллерии, будьте уверены, у него бы всё получилось.

К сожалению или нет, подвела его вовсе не артиллерия, а собственные сограждане. Очевидно, римляне не желали и слушать о том, чтобы ждать противника на своей территории, не говоря уже об осуществлении задуманной Помпеем тактики выжженной земли.

Против этого были все — и знатные римские граждане, не желающие терпеть разграбления своих обширных земельных владений в Цизальпинской Галлии, и легионеры-ветераны, которым ещё Цезарь обещал землю в Цизальпинской Галлии по окончании службы. Было против и население

Цизальпинской Галлии, не желающее терпеть подобного насилия над собой. Был против даже обычно безвольный римский плебс, голосующий за того, кто миску подаст.

Разумеется, против была и казна, не особенно понимающая, откуда ей брать деньги на выплату жалования всем этим ордам вольноотпущенников, люмпенов, неграждан и прочей гряди.

Таким образом, Помпея буквально принудили к тому, чтобы сделать ровно обратное от того, что он задумывал изначально — его принудили к нападению, хотя планировал он обороняться.

Обороняться там, где была для того благоприятная местность, заранее подготовленные фортификации. В конце концов, Помпей отлично изучил местность Цизальпинской Галлии, и потому не шибко горел желанием отказываться от всех этих удобств в пользу бездумного нападения на врага.

Как и всегда, политика вставила своё слово, обернувшееся для римлян катастрофой. Впрочем, сначала всё было вполне неплохо — пока римляне не застряли между десятков мелких кирпичных крепостей, каждую из которых необходимо было захватить, чтобы не оставлять за собой отлично подготовленный отряд врага, готовый работать по его коммуникациям.

Не поняв произошедшего, Артём целый день уделил проверке сведений о нападении римлян. Он не ожидал подобного, и вообще готовился к вторжению на территорию Цизальпинской Галлии, ожидая от римлян любой подлости — от провокации восстания в Британии до организации вторжения германцев из-за Рейна.

Тем не менее, как оказалось, Помпей действительно совершил просто чудовищную с его стороны стратегическую ошибку. Он не просто напал на врага на его территории, но и сразу же застрял среди фортификаций, отдав, тем самым, всю инициативу врагу.

Естественно, Артём не мог не воспользоваться этим фактом. Оставив в крепостях весьма значительные гарнизоны и оставив небольшой резерв из отрядов милиции, чтобы

поддерживать их, он погрузил остальную часть армии на корабли и, не тратя времени на горные переходы, высадился в Генуе.

Если что, Помпей, не будь дураком, даже и не стал пытаться штурмовать и уж тем более осаждать серьёзно укреплённые пограничные крепости, перекрывающие все горные переходы в Галльскую Империю, ибо это в условиях отсутствия артиллерии могло затянуться на целые годы.

Таким образом, он вынужден был попытаться штурмом перейти менее укреплённую Ривьеру, потому что или через узкую прибрежную полосу, или через горы — по-другому из Италии в Галлию просто не попасть.

Ну, конечно же, есть ещё путь по морю, но он по понятным причинам недоступен — Римская Республика просто не располагает столь же мощным флотом, чтобы что-то противопоставить Галлии на море.

В отличие от самого Артёма...

Глава 58. Лучший из миров

... Ave, Caesar, morituri te salutant! ...

Как не трудно догадаться, Артём, установивший полное превосходство на море, не стеснял себя в любых грязных приёмах, в том числе и тех, что предусматривали употребление флота.

Понимая это, а также то, что враг фактически совершил самоубийство данным ходом, он стал решительным в своих следующих действиях.

Во-первых, он значительно усилил гарнизоны крепостей за счёт отрядов военной милиции, а также оставил небольшой, но мобильный резерв, готовый помочь любой из осаждённых крепостей.

Во-вторых, он консолидировал свои силы в Тулоне, где успешно погрузил своё остальное войско на корабли и, предвкушая уже вкус победы, высадился с войсками в Генуе, которую тут же захватил.

Оставив за собой лишь небольшой отряд, необходимый для удержания Генуи под контролем, Артём выдвинулся к Помпею. Последний, к слову, не сразу понял, что вражеская армия уже успела оказаться у него в тылу.

Разумеется, это означало, что теперь он полностью отрезан от Италии, и ему, чтобы спасти своих солдат, остаётся теперь только одно — попытаться прорваться через силы Артёма.

В случае успеха прорыва он вполне мог рассчитывать на то, что сумеет окружить и сокрушить армию Галльской Империи. Учитывая его двукратное превосходство в силе, он полагал, что это у него более чем удастся.

Впрочем, на этот раз он недооценил не только сухопутную артиллерию Артёма, но и морскую, а также местность. Так уж получилось, что флот Артёма, обладающий значительным числом пушек, имел возможность оказать Артёму непосредственную военную поддержку, так как последний находился, как и Помпей, на очень узком отрезке суши, который флот мог успешно обстреливать, встав якорем.

Кроме того, местность, а если быть точнее, то сам факт того, что она была ограничена очень узкой прибрежной полосой, упирающейся в горы на севере и в море на юге, как ни странно, очень сильно влиял на условия сражения.

В столь узком пространстве у Помпея не было возможности применить своё действительно огромное численное преимущество. Более того, в столь узком пространстве он не мог применить и свою кавалерию, хотя касалось это и Артёма.

Причём касалось сильнее, потому что его кавалерия как раз таки была равна по численности кавалерии Помпея, будучи при этом немного более качественной и удобной в применении.

Хотя, конечно же, самым важным для Артёма было то, что его артиллерийский кулак был размещён на стратегической высоте, обзоревающей всё будущее поле сражения.

Впрочем, это и частично обесценило его старания по обеспечению её манёвренности, так как теперь пушки будут неподвижно стоять на протяжении практически всего сражения, которое, на минуточку, решит судьбу всей Ойкумены.

В любом случае, 29 мая 52 г. до н. э., или же 29 мая 10 г. христианской эры, состоялось главное сражение между Галльской Империей и Римской Республикой, претендующее на

роль переломного в истории.

Итак, Галльская Империя располагала 240 000 солдат регулярной армии, 200 000 солдат военной милиции и 40 000 кавалерии. Всего — 480 000 солдат.

Кроме этого, в распоряжении Артёма были 40-к 12-фунтовых и 120-ть 6-фунтовых пушек, а также 24-е 24-фунтовых осадных орудия. Кроме них — 412-ть 24-фунтовых пушек, готовых в любой момент помочь с моря.

Римская Республика располагала 760 000 пехотинцев, 40 000 кавалеристов и ни одной пушкой. Как вы понимаете, выставить 0 пушек против 596 в сумме — очень плохая идея, когда вы пытаетесь копировать военную доктрину человека, который сделал основную ставку именно на орудия.

Хотя, конечно, понятно, что Помпей мог и не знать об очередной военной реформе в Галльской Империи, по итогам которой армия последней обзавелась артиллерией, флотом, отлаженным тыловым обеспечением и другими очень полезными вещами.

Он то, разумеется, рассматривал в качестве образца галльскую армию периода Галльских войн, ибо она сумела блестяще разгромить всех своих противников по очереди, не имея при этом никакой артиллерии.

Помпей, однако же, не учёл, что это — уже часть прошлого, причём довольно-таки давнего, ибо с момента завершения Галльской войны прошло уже 10 лет. В общем, типичная проблема копирования чужого опыта.

Хотя, в любом случае, нам пора уже перейти к диспозиции сил.

Итак, своё войско Артём распределил следующим образом:

Центр — 120 000 солдат военной милиции. Правый фланг — 80 000 солдат регулярной армии. Левый фланг — 120 000 солдат регулярной армии и локальный резерв атаки в 40 000 солдат военной милиции, 40 000 кавалерии и 20 000 солдат регулярной армии.

Ну и, собственно, непосредственно общий резерв — 40 000 солдат военной милиции и 20 000 солдат регулярной армии. То есть, всего 60 000 солдат.

Кроме того, усилия практически всей артиллерии, будь то сухопутной или морской, также были направлены на артиллерийскую подготовку позиций правого фланга Помпея (напротив него был левый фланг Артёма).

В общем-то, Артём сделал понятную ставку на левый фланг. Вообще, он очень любил косою боевой порядок, а левый фланг вообще всегда был его любимчиком, а тут ещё и все обстоятельства в его пользу складываются, так как правый фланг противника значительно более уязвим для обстрела морской артиллерией. Так что да, в его выборе главного направления удара нет ничего удивительного.

Собственно, как нет ничего удивительного и в том, что Помпей не стал давать Артёму лишнее время на подготовку к обороне, которую он от него ожидал по вполне понятным стратегическим причинам, большинство из которых, впрочем, связаны с трудностями снабжения столь массивного войска на столь узком операционном пространстве.

Таким образом, Помпей дал Артёму битву 29 мая 52 г. до н. э., рассчитывая его полностью разгромить. Артём же, напротив, не рассчитывал на полный разгром врага.

Напротив, он рассчитывал лишь на то, чтобы отбросить врага и далее, не дать ему вырваться из западни, потому что это было всё, что ему было необходимо для победы. И, как ни странно, чтобы это сделать, ему нужно было шокировать врага, и не было для того лучшего средства, чем нападение.

В любом случае, ночью, приблизительно в 2:00 утра, началась канонада по позициям

Помпея. Разумеется, эффект был не слишком большим, и его силам существенного урона не нанёс. Впрочем, то и не было целью Артёма — его целью было нанести психологический урон по боевому духу врага.

Своей канонадой он не только испугал и разбудил ещё зелёных парней, не привыкших к подобному грохоту и затягивающим всё клубам дыма, но и прервал несколько важнейших вещей, которые могут показаться вам не стоящими внимания деталями.

Как не трудно догадаться, канонада, ущерб которой было пока что ещё невозможно оценить в силу того, что она всё ещё продолжалась, вызвала у Помпея вполне закономерные опасения по поводу ночной атаки.

Разумеется, ему, чтобы ответить на возможную угрозу, пришлось строить не выспавшихся и голодных солдат в боевые построения. Ожидалась атака врага, и было вполне естественно, что на это не обратили внимания, однако атаки, как бы это ни было печально, не последовало.

Лишь позднее немногим позднее Помпей, оценив нанесённый ущерб и проанализировав произошедшее, пришёл к заключению, что атака и не планировалась. Как ни странно, Артём хотел лишь помешать ему полноценно подготовить солдат к грядущему, и на текущий момент уже очевидному, сражению.

Впрочем, к тому моменту было уже поздно что-либо делать, поэтому солдаты, построенные в боевые формации, так и простояли почти 4 часа без дела, голодные и не выспавшиеся, прежде чем сытые и выспавшиеся имперские солдаты наконец-то удостоили их великой чести сразиться с ними.

К счастью, сам Артём с этим не переборщил, и его солдаты, уже давно привыкшие после всех этих событий к практически постоянному гроыханию пушек, спокойно продолжили сон, прежде чем их подняли

Единственными пострадавшими, пожалуй, были артиллерийские команды, которым действительно пришлось встать значительно раньше и приступить к непрерывной канонаде вражеского лагеря на протяжении практически часа, прежде чем им было позволено прекратить.

Таким образом, уже приблизительно в 6:00, когда наконец-то наступил рассвет, Артём стал строить своих солдат, полностью готовых к битве, сытых и выспавшихся. Мелочь, конечно, но все мелочи важны, когда борешься в неравной битве.

Построив их всего за час, Артём изъявил через одного из захваченных им в плен местных римских патрициев другую сторону о своей готовности принять бой.

Ничтожная издёвка, конечно же, но она, тем не менее, отлично подействовала на порядком раздражённого Помпея, спровоцировав того на начало сближения (до того он ждал атаки со стороны Артёма)

Спустя 15 минут, около 7:15 утра, морская артиллерия, получив приказ Артёма с берега с необходимыми инструкциями, приступила к канонаде вслед за сухопутной артиллерией, приступившей к ней за некоторое время до того.

Работая исключительно по левому флангу, артиллерия буквально опустошала весьма плотные ряды врага, уязвимого к артиллерийскому огню вследствие отсутствия собственной артиллерии и своей неудачной позиции на местности.

Разумеется, Помпей, не имевший возможности вести ответный огонь по вражеской артиллерии, чтобы заставить оную заткнуться или хотя бы сосредоточиться на артиллерийской дуэли, послушно замещал потерянных им на левом фланге солдат.

Подойдя к врагу на расстояние ружейного огня, передовые отряды Помпея, находившиеся на известном удалении от основных сил, приступили к рассредоточению в рассыпном строю, чтобы приступить к исполнению возложенных на них функций.

Разумеется, это весьма удивило Артёма, ибо это было первым на его памяти военным новшеством, введённым в оборот кем-то иным, помимо него самого. Он явно не ожидал, что кто-то самостоятельно догадается до рассыпного строя, и уж тем более не ожидал этого от римлян.

Тем не менее, он, в отличие от Помпея, прекрасно понимал, что нечто подобное имеет смысл только в том случае, если у тебя есть прекрасные стрелки, отлично показывающие себя в том случае, если дать им возможность проявить инициативу и вести прицельную стрельбу.

Артём, естественно, сомневался в том, что у Помпея действительно были достаточно качественные стрелки, умеющие вести бой в рассыпном строю. И, как ни странно, он оказался прав.

Как оказалось, подготовка помпеевских егерей была недостаточна, а их стрелковые навыки, ограниченные многочисленными проблемами, особенно в области снабжения порохом.

Так, например, располагаемый Помпеем порох был весьма низкого качества. Кроме того, солдаты Помпея не имели такое важное при стрельбе преимущество, как заранее подготовленный бумажный патрон. Каждый раз им приходилось отсыпать порох из порохового рога на полку на глаз, что, в свою очередь, также вредило прицельной стрельбе.

Кроме того, у них были легко ломающиеся деревянные шомполы, так как возможности оснастить 800 000 солдат в течение года металлическими, более прочными по вполне понятным причинам, не было и быть не могло в принципе.

Да и, в целом, из-за проблем со снабжением пороха тренировок стрельбы у егерей Помпея было не так много, вследствие чего их навыки оставляли желать лучшего, хотя они, конечно же, были лучше, чем у их коллег из линейной пехоты.

Вследствие этого, а также многих других мелких факторов, егери Помпея оказались неспособны противостоять даже обычным солдатам Артёма. Хотя тут, конечно же, гораздо большую роль сыграло то, что егери Помпея были оснащены гладкоствольными ружьями Модеста, представлявшими собой образец, весьма похожий на Браун Бесс, британский военный мушкет.

Впрочем, похожим он на неё был только потому, что мушкет Модеста был практически полной копией уже устаревшего к тому моменту мушкета Бригитты (Тани), который, в свою очередь, был полной копией британской Браун Бесс.

К слову, устаревшим этот мушкет был потому, что уже к 53 г. до н. э. он был полностью заменён. Заменён на... магазинную винтовку с продольно-скользящим затвором. Да, пока римляне вводили в оборот гладкоствольные ружья, Артём уже ввёл в оборот магазинные винтовки с продольно-скользящим затвором.

Он бы, наверное, и располагаемые им гладкоствольные пушки заменил на нарезные, да времени не хватило — к текущему моменту в армию поступило лишь несколько их экспериментальных образцов.

К слову, сама винтовка была создана явно на манер винтовки Маузера образца 98-го года, хотя и те свойства, благодаря которым прославилась последняя, были значительно менее выражены у винтовки Антиноя.

Впрочем, теперь вам, пожалуй, понятна причина, почему Артём был так уверен, когда перебрасывал силы врагу в тыл, хотя вполне мог ограничиться позиционной войной около крепостей и всё равно выиграть, сыграв свою главную карту — экономическое превосходство.

Тем не менее, полагаю, всё же стоит вернуться к нашим солдатикам, а не то они обидятся, оставленные без внимания...

Глава 59. Республика мертва! Да здравствует Империя!

... Ubi concordia, ibi victoria ...

Собственно, как бы то ни было печально, задумка Помпея была обречена на провал с самого начала.

Егери то, конечно, сопротивлялись некоторое время, однако солдаты Артёма, засевшие в окопах с новыми нарезными винтовками, к несчастью для их семей, имели слишком значительное преимущество над атакующими их егерями.

В дальности, в точности, в кучности, в надёжности, в скорострельности, даже в чёртовом порохе — дымный порох у егерей Помпея против бездымного пороха у солдат Артёма.

Разумеется, в стрелковой дуэли егери Помпея безнадёжно проиграли, не сумев выиграть необходимое время. Напротив, огонь артёмовских стрелков был столь безжалостно эффективен, что привёл егерей в шок и заставил дрогнуть, а на правом фланге Помпея, где их ещё и обстреливала вся мощь 596 пушек, и вовсе бежать.

Как ни странно, вслед за ними, несмотря на любые увещевания и угрозы офицеров, уже дрогнувшие егери Помпея центра и левого фланга и вовсе пустились в столь же безнадёжное паническое бегство.

Устроив настоящий беспорядок и хаос при своём отступлении, они привели первую линию батальонных колонн в полное замешательство и смешение. Этим, разумеется, воспользовался Артём, приказавший наступать всеми силами.

Разумеется, весьма немногочисленные центр и правый фланг Артёма, при всём уважении к их военному мастерству, как и ожидалось, не сумели смять порядки гораздо более многочисленной помпеевской линейной пехоты.

Тем не менее, чтобы удержать их ряды от столь же панического бегства, Помпею пришлось не только лично возглавить их, но и ввести часть резерва. Это было, пожалуй, его главной ошибкой в этой конкретной битве.

Впрочем, и винить его не стоит — не подоспей он с лично возглавленным резервом, в бегство обратилась бы вся линия. Так что, пожалуй, следует всё же смягчить силу слова и обратиться к более подходящему — «неудача»

В любом случае, выбитый из командования и лишённый значительной части резерва, он не смог предотвратить то, что Артём в действительности задумал — прорыв правого фланга диктаторской армии силами левого фланга имперской армии.

Таким образом, примерно в районе 11:00 утра, левый фланг Артёма, обладая подавляющей огневой мощью в точке, без особого труда рассёк правый фланг Помпея и заставил его обратиться в повальное бегство.

Разумеется, сразу же после этого силы левого фланга приступили к окружению, как то и было запланировано. К 12:00 всё уже было кончено — Помпей и остатки его войск были полностью окружены.

Конечно же, лично возглавленные своим командиром, они попытались прорваться ночью через ряды солдат Артёма и как-то исправить своё положение, однако нарвались на колючую проволоку, окопы и злых галлов.

К сожалению, Помпей не внял ультиматуму Артёма, и потому ещё 3 000 человек

пришлось умереть, прежде чем оный наконец-то осознал, с кем и чем он столкнулся, и уже утром сам диктатор Римской Республики целовал ноги Императору.

Естественно, фигурально, а не буквально, ведь Помпея приняли со всем радушием, угостили экзотическими лакомствами, коими и в Риме было трудно разжиться, будь твоё состояние хоть равным тому, что было у Красса, одели в лучшую пурпурную тогу, носимую самим Императором (!).

В общем, Помпей имел с Императором преприятнейшую беседу на греческом языке, и тот даже пообещал ему, как своему дорогому другу, что обойдётся с ним наилучшим образом.

Разумеется, без насилия, угроз, унижительного проведения на триумфе, с сохранением чести и достоинства, даже пообещал ему, что того могут в ближайшее время отпустить, если тот хотя бы устно пообещает, что не будет вести войны против своих «друзей».

Пожалуй, стоит только отдать должное Артёму за то, что он умеет так просто, легко и непринуждённо, но столь же изысканно и замысловато оскорбить любого человека, если находил то необходимым или хотя бы смешным.

Очевидно, то панибратское отношение, не просто дружественное, но практически родственное, кое испытал на себе бедненький Помпей, причём не от знатного римского гражданина, а от какого-то там галла.

Подобное отношение ему казалось мерзким и просто лицемерным от человека, что убил столько его солдат, ранил и пленил в десятки раз большее их число, разбил его войско и тем отныне и навсегда уничтожил его военную и политическую карьеру. От какого-то там, извините меня за мой французский, сраного галла!

То, как Артём отметил превосходную, если судить по слухам, естественно, внешность его уже женатой и имеющей детей дочери, прекрасный характер его жены... Все эти его разговоры об удачных партиях, все эти его дурацкие игры, в которых Артём наносил Помпею, новичку, вполне очевидные и, тем не менее, унижительные для него поражения.

Вот эта его уродливая улыбочка, маленькие глазки, рыжая борода, признак варвара, да и буквально всё в Артёме очень быстро стало раздражать Помпея. К вечеру следующего же дня Помпей его буквально возненавидел.

Артём же, не уведомлённый о жалких пыхтениях Помпея по поводу его незавидной судьбы и ужасного, отвратительно галла, следующим же утром сделал Помпею действительно отличное предложение. Я бы даже сказал «прекрасное», и, тем не менее, столь же оскорбительное и унижительное предложение.

В сути, всё, чего Артём хотел — сделать первый шаг на пути примирения «Галлии и Италии», а если быть конкретнее — заключить с Помпеем политический союз. Естественно, на благо Римской Республики и её народа

Лучшим подкреплением которого, конечно же, станет политический брак между его дочерью, Помпеей Магной, и одним из родственников его жены. Разумеется, Артёма не смущало, что Помпея была уже жената и у неё были дети.

Конечно же, Помпею пришлось согласиться, ведь он держал в плену как его самого, так и обоих его сыновей, пускай это и означало, что ей придётся развестись, а ему самому — породниться с галльскими свиньями.

Жаль он, конечно, так и не узнает, что «галльская свинья» подарит ему 9 внуков и 4 внучки. Впрочем, возвращаясь к теме, даже это было не так страшно, как то, что он фактически обрёк его и весь его род на политическое забвение.

Одно радовало бедного патера — он и его сыновья останутся в живых, не будут проданы в рабство и, возможно, проведут свою жизнь в полном достатке, однако будучи уже подданными Артёма.

Конечно же, к тому моменту он уже не сомневался, что последний без труда возьмёт Рим и аннексирует все подконтрольные ему территории. Не после того, как он лично увидел мощь нарезных ружей и нарезных пушек (его, правда, не осведомили, что они только поступают на вооружение).

Печально, конечно, но что поделать — это было лишь констатацией факта с его стороны. Констатацией факта, в котором он лишь сильнее уверился, лично пронаблюдав за тем, как Артём систематично и организованно, не торопясь и не спеша, захватывает поселение за поселением, утверждая свою власть.

Разумеется, не то чтобы кто-то мог ему сопротивляться — Помпей мобилизовал практически все военные ресурсы Римской Республики, и потому полное поражение его армии, насчитывающей почти миллион солдат, как ни странно, поставило Рим на колени.

Республика не располагала ни необходимыми людскими ресурсами, ни необходимыми финансовыми ресурсами, ни необходимым временем и даже необходимой материальной частью.

Собственно, потому Артём без труда за 15 дней покорил всю Северную Италию, подойдя к Риму вплотную. Конечно же, самые отчаянные сенаторы, вдохновив толпу и ещё верную Республике аристократию, попытались хоть как-то организовать оборону, но Артём без промедления пресёк подобные попытки, показав на практике, что такое «последний довод королей» и почему ему стоит быть последним.

Как не трудно догадаться, уже на следующий день ему были открыты римские ворота. Естественно, он был «радушно» принят всем римским нобилитетом, а он, в свою очередь, «радушно» принял римский нобилитет.

В течение всего последующего месяца он тщательно и трудолюбиво организовывал браки различных представителей римского нобилитета с самыми различными своими родственниками, а кроме того — устраивал самые пышные празднества в Риме, раздавал деньги, поощрял общественное строительство и прочую благотворительность, чтобы купить любовь плебса.

Помимо прочего он, разумеется, также делал многочисленные подарки вышеупомянутым нобилем, пользуясь отличным предлогом — свадьбой. В общем, занимался политическими делами, намереваясь смягчить отношение римлян к своей власти.

Она им, кстати, очень и очень сильно не нравилась, потому что Артём, как самый настоящий чёрт, принёс римлянам такие вещи, как учёт демографических показателей, жёсткий и чёткий финансовый и, в частности, налоговый контроль, а также многие другие преимущества гораздо более продвинутого в своём историческом развитии государства.

Тем не менее, очень быстро они поняли, что деваться им от него некуда. По той простой причине, что в конце вышеупомянутого месяца пышных пиршеств и свадеб Артём, наконец-то, покинул Рим, чтобы завершить им начатое, а заодно показать римлянам, на что он способен.

Всего за 15 дней он покорил всю остальную часть Италии, включая Сицилию, Сардинию и Корсику. Ещё через 15 дней он высадился в Балканах и за оставшуюся половину месяца включил все балканские владения Рима в свою Империю.

В следующем месяце, то есть, уже в сентябре, он разгромил фракийцев и иллирийских

сепаратистов, чтобы доказать, что он римлянам — главный друг. В октябре он завоевал Крит, Кипр и всю Анатолию. Кроме того, подчинил Армению, Боспорское царство и Кавказ.

Уже в ноябре Артём захватил Сирию, Иудею и Египет, где и остался зимовать с основными частями своего войска. Весь декабрь 52 г. до н. э. и остальную зиму 51 г. до н. э. он потратил на организацию и окончательное усмирение новых провинций.

Совершив ряд карательных походов на территорию Иллирии, Фракии и Кавказа, а также получив в начале апреля из Галлии значительные подкрепления, Артём приступил к другому блюду — Африке.

Без труда подчинив себе Киренаику и Ливию, Артём подступил к стенам Утики, где он застал гарнизоны уже мавританского царя. Не встретив в их лице какого-либо достойного сопротивления, он без проблем переподчинил Африку своей власти.

Закончив с Африкой, Артём, уже в мае, приступил к Мавритании и её царю. Мавритания, разорённая новыми налогами, призванными компенсировать военные расходы царя, как ни странно, встретила Артёма в качестве своего спасителя.

Во время устроенного ими бунта они даже убили царя, Сосуса, и это было их смертельной ошибкой — он, конечно, мешок говна, но свой мешок говна — он царь, то есть, король мавров, а значит — брат Артёму, ведь короли, как известно, друг другу братья.

Наказав восставших, он без труда подчинил себе Мавританию, включив и её в свои владения. Царскую семью же, а если быть точнее, то уцелевшие её остатки, как не трудно догадаться, принудил к вхождению в пускай и дальше, но всё же родство с ним.

Ну, а чтобы не растягивать празднества как масло по хлебу, он и все остальные царские семьи, им подчинённые или лишённые власти, превратил в своих дальних родственников.

Естественно, через браки с многочисленными родственниками Артёма по линии жены, ибо своих родичей, к сожалению, он щадил в недостаточной степени, опустошив свой род до такой степени, что он один-единственный, по сути, и остался в своём роду.

Таким образом, потратив ещё один месяц на политическое устройство его новых провинций, а также ещё два на их очередное усмирение и организацию, то есть, уже в сентябре, Артём приступил к последнему своему завоеванию в этом долгом 51 г. до н. э. — захвату Иберии.

Быстро и без особого труда покончив с ней, Артём наконец-то вернулся в столицу, Лион, чтобы повидаться со своим сыном, отметившим знаменательную для него дату — четырнадцатилетие, к сожалению, без своего отца, а также свою жену.

Жену, чувства к которой у него уже давно остыли, но которую он чтит и уважал. Гордый отец трёх детей, одного сына и двух дочерей, он, подарив ей очередного ребёнка, чтобы отпраздновать, так сказать его победы, всё же вынужден был отчалить в Рим... снова...

Глава 60. Сила в знании

... Scientia est potentia ...

Впрочем, на этот раз причина была иная. Как ни странно, Галльская Империя, даже обладая населением в почти 13 000 000 человек, просто меркнет на фоне своих присоединений в территориальном и демографическом плане.

Суммарная численность населения его Империи, если судить по первой переписи — 50 000 000 человек. Суммарная численность кельтского населения во всей Империи — 6 000 000 человек (эта оценка основывается на данных собранных анкет). На минуточку, это значит, что в стране кельтов самих кельтов (причём всех, не только галлов) — 12 % от всего населения Империи.

Как вы понимаете, двумя главными группами населения стали римляне и романизированные элементы, а также греки и эллинизированные элементы. Артёму предстояло избрать, какая из этих культур отойдёт на второй план, а какая станет доминирующей в Империи.

Разумеется, Артём сделал вполне очевидный для него, но весьма странный для нас выбор — греки. Мало того, что он итак уже имел с ними самые обширные контакты и знал её значительно лучше, чем римскую, сыграло важную роль при выборе и то, что Галлия, всё ещё являющаяся ядром Империи, также пошла по пути сближения с эллинами.

Вам это может показаться не совсем правильным, но население Галлии наиболее сильно подверглась влиянию именно эллинистических элементов, и в данный момент вступала на уже принципиально новый уровень гибридизации.

Так, например, галльский язык постепенно превращался в некое подобие французского языка, но только от мира греческих наречий* (смотри постскрипtum). Иными словами, галльский и греческий, будучи столь непохожими друг на друга, очень быстро и очень агрессивно смешивались друг с другом.

Как бы это ни показалось вам странным, но галлы, всюду побеждавшие под предводительством своего предводителя, оказались лингвистическим субстратом в собственной стране, то есть, их язык находился в таком же почёте, как и язык любого покорённого и завоёванного народа.

Причём не просто лингвистическим субстратом, а быстро исчезающим субстратом. Конечно, галльский язык не исчезнет насовсем-совсем, ведь его черты будут жить в галльском наречии греческого, как и черты иберийских языков будут жить в иберском наречии греческого.

Тем не менее, назвать это приятной судьбой невозможно — греческие наречия банально поглотили галльские языки и диалекты, оставив от них лишь рожки, да ножки.

Впрочем, не то чтобы Артёма, имя которого и вовсе имеет греческое, да ещё и языческое происхождение, можно винить в подобной мании всего греческого.

В любом случае, сие было лишь констатацией факта — греческий мир победил силами галлов, кои и сами исчезнут под его давлением. Тем не менее, чтобы это случилось, Артёму необходимо было распространить обучение на греческом языке.

Собственно, именно этим он и занялся, а если быть точнее, то эта задача была одной из многих, что ему необходимо было решить, чтобы его Империя удержала свои текущие

позиции и продолжила успешно существовать и после его смерти.

Во-первых, он, разумеется, приступил к образовательной реформе. К тому, что теперь было не просто его прихотью, осуществлённой исключительно на территории Галлии за счёт его обширных ресурсов, но и вынужденной необходимостью.

Итак, было введено обязательное и всеобщее образование уровня начальной и средней школ, то есть, вплоть до 9 класса. Разумеется, оно проводилось, главным образом, за счёт ресурсов государства, хотя и образование частных образовательных учреждений всячески приветствовалось и поощрялось.

Начальная школа, в которой проходил учебный процесс всех учеников с 1 по 6 классы, называлась Δημοτικό Σχολείο (Димотико Шхолио; первоначальная школа).

Средняя школа, в которой проходил учебный процесс всех учеников с 7 по 9 классы, называлась Γυμνάσιο (Гимнаσιο; средняя школа). То есть, это была греческая гимназия, но не в том виде, в котором она себя зарекомендовала в самой Греции.

По сути, это была самая обычная школа, но не русского образца, а иностранного образца. Она отличалась значительно более лояльным отношением к интересам ученика, большей заботой о его самовыражении и интеллектуальной самостоятельности.

И да, вероятно, как многие уже догадались, в этом плане Артём пошёл на поводу у своей жены, которая была им же и отодвинута от решения реальных политических вопросов, и которая потому занималась тем, до чего могла добраться своими загребущими лапами.

Тем более, что и сам Артём был не против её вмешательства, ведь она в этих вопросах имела значительно большие сведения, чем он сам. Как-никак, Таня когда-то была молодым и весьма энергичным преподавателем исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета на кафедре истории Средних веков.

В любом случае, далее речь пойдёт о старшей школе. Итак, старшая школа, в которой проходил учебный процесс всех учеников с 10 по 12 классы, как ни странно, называлась Γενικό Λύκειο (Генико Ликийо; он же просто лицей).

Следующая после получения неполного общего образования (аттестат о получении которого приобретается учеником по окончании гимназии) стадия — Τεχνικό Επαγγελματικό Εκπαιδευτήριο (Технико Эпангельматико Экпидэфтирийо; техническое профессиональное училище, он же техникум).

Либо, если всё совсем плохо с оценками — Ινστιτούτο Επαγγελματικής Κατάρτισης (Институту Эпангельматикис Катартисис; институт профессионального обучения, он же — курсы профессиональной подготовки или, как говорят у нас в народе, шарага обыкновенная).

Если же ты весьма солидный учащийся, имеющий неплохие оценки и потому закончивший все 12 классов без проблем, то тебе путь на следующую после лицея стадию. Если быть точнее, то на одну из двух.

Первый вариант — Τεχνολογικό Εκπαιδευτικό Ίδρυμα (Технологико Экпэдэфтико Идрима; он же институт технического образования). Второй вариант — Πανεπιστήμιο (Панепистимио; он же просто университет; например, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης, на русском — Университет имени Аристотеля в Фессалониках).

Разумеется, были разные нюансы, вроде того, что отличники лицеев (невзирая на их успехи на предыдущих этапах обучения, хотя и на них смотрели также) могли претендовать на стипендию от государства.

Весьма солидную стипендию, между прочим, и включающую даже бесплатное жильё и питание, но, к сожалению или к счастью, касающуюся только высшего образования (то есть,

обучения в технических институтах и университетах).

Полностью бесплатным для ученика было образование вплоть до окончания средней школы, то есть, гимназия (причём устроено это было не по принципу «пока не закончишь», а по принципу «у тебя есть 9 лет бесплатного обучения»).

Причём образование было буквально бесплатным, потому что никаких вложений от родителей не требовалось — всё необходимое для учёбы приобреталось за счёт государства (разумеется, спонсировались траты в пределах разумного, и касалось это спонсорство далеко не всех групп лиц) и после окончания школы оставалось в имуществе ребёнка (именно ребёнка, а не родителей, и это одна из особенностей имущественного права в Империи)

Ну, это если опустить тот факт, что их налоги это всё и спонсируют, а также то, что они теряли часть своей потенциальной финансовой выгоды, которую могли бы извлечь за счёт детского труда своих отпрысков, конечно же. Впрочем, это уже вопрос по поводу трудовой реформы в Империи.

Собственно, напоследок необходимо отметить, чтобы не углубляться в детали и нюансы образовательной реформы, а они были и было их много, так как усилиями имперских юристов область образования очень быстро приобрела самые разные регулирующие акты, порой даже вступающие друг с другом в определённого рода противоречие, что государство в лице Артёма активно поощряло инициативы частных предприятий привлекать своих будущих сотрудников сызмала.

Например, траты, произведённые предприятием на выделение собственной стипендии учащемуся (причём эта стипендия не уменьшала и не отменяла выплату государственной, что рождало известную конкуренцию между ними), например, в качестве поощрения его учебной или даже научной деятельности, уменьшали налогооблагаемую базу предприятия, причём не в чистом виде, а с небольшим увеличивающим коэффициентом (причём если были и другие коэффициенты, то этот учитывался самым последним, что ещё сильнее увеличивало налоговый вычет). Вообще, это отдельная тема, и она требует своего изучения, так как это безусловно интересно и полезно, но мы не за этим.

Итак, отмечая, что государство не только поощряло, но и активно демонстрировало на своём примере подобную политику и её результаты, мы закрываем тему образовательной реформы и, раз уж мы закончили с ней, было бы неплохо поговорить и о трудовой реформе, так как они были взаимосвязаны и естественным образом дополняли друг друга.

Трудовая реформа вступила в силу примерно в то же самое время, что и образовательная реформа, однако преследовала своей целью не радикальное изменение сложившейся в сфере ситуации, а улучшение и дальнейшее развитие уже имеющихся, весьма известных обстоятельств.

Пожалуй, самые главные приобретения рабочего класса — запрет детского труда, ограничение максимального рабочего дня 8-мью часами (касалось это, однако, не всех предприятий и были свои нюансы), легализация профессиональных союзов и введение пенсионной системы.

Кроме того, не менее важные, но не столь заметные нововведения, такие как введение обязательной техники безопасности, обязательного медицинского страхования, санитарных и трудовых норм, касающихся, главным образом, безопасности труда.

Ну, а также учреждение пожарной службы и, соответственно, пожарной инспекции, как результат рефлексии государственной машины в ответ на великий пожар в Риме, вызванный засухой, но это уже к слову о реформе городского планирования, местных муниципалитетов

и организации частных и общественных денежных фондов капитального строительства и так далее.

И, чтобы это не смешалось в кашу, мы затронем трудовую реформу, последствия обеих реформ в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах, а также то, как эти реформы аккуратно уложились в экономическую политику Артёма, в следующей главе...

p. s. Хотя многим может показаться пример с русским языком гораздо более корректным и подходящим, в действительности это не так. Русский похож на греческий из-за многочисленных заимствований и, в особенности, кириллицы, но в действительности русский не происходит из греческого языка и не продолжает его языковые традиции.

Напротив, русский продолжает восточнославянские языковые традиции, и кириллица, а если говорить честно и просто, то полный греческий алфавит с рядом дополнений — просто инструмент, причём рудиментарный и от которого следует отказаться в пользу латиницы, как более удобной для международного общения.

Французский же, хотя и не слишком сильно похож на латынь, в действительности продолжает языковые традиции именно латыни, а не галльского языка, хотя и совершенно очевидно, что на него повлияли и другие языки, в том числе и галльский, в процессе его развития из местного наречия вульгарной латыни в полноценный язык.

Глава 61. Восстановление справедливости

... Arte et humanitate, labore et scientia ...

Итак, трудовая реформа. Начнём мы, пожалуй, с детского труда, как наиболее мерзкого, ужасного и неэффективного пережитка крайних форм капитализма (это может показаться циничным, но на самом деле детский труд неэффективен в долгосрочном периоде и отказались от него именно поэтому, в то время как нормы морали и гуманизм в действительности были вторичны).

Как не трудно догадаться, дети — это люди. Люди — это главный ресурс любой страны, потому как людской интеллект и людские знания — двигатель прогресса и то топливо, без которого он невозможен в принципе.

Итак, как мы поняли, люди — это главный ресурс государства. Интеллект и знания же — главный ресурс любого государства, претендующего на развитие и прогресс.

Детский труд же мешает образовательному процессу, который, в сути, преследует своей целью развитие человеческого интеллекта и заложение в него наиболее фундаментальных, наиболее важных знаний.

Образовательный процесс знакомит человека с научными представлениями о мире (по крайней мере, в идеале), наделяет его творческой и интеллектуальной сознательностью и самостоятельностью.

Кроме того, неограниченный и небезопасный детский труд прямо вредит ещё и физическому развитию ребёнка, серьёзно влияя на ожидаемую продолжительность его жизни и его здоровье в будущем.

Причём чем больший ему вред был нанесён, тем больше общество потеряет денег в будущем на его лечение и поддержание в приемлемом виде, а это, между прочим, экономические издержки.

Не говоря уже о том, что раз человек проживёт меньше лет (по крайней мере, это ожидается), то он и меньше лет проработает ха жизнь в целом, при этом на протяжении этого периода принесёт в разы меньше пользы обществу за счёт этой работы.

Таким образом, детский труд в любой его форме, кроме самой безопасной и включённой в сам образовательный процесс — главный враг общества на пути его экономического развития.

Следовательно, государство, являясь выражением воли общества, а ничем иным оно быть и не может, потому как даже диктаторы и тираны являются прямым отражением текущего этапа развития общества и его прямым выразителем, обязано бороться с детским трудом.

Это не самая очевидная логическая цепь, но это действительно так — детский труд вредит экономическому успеху общества и государство, как выразитель интересов общества, даже если конкретные члены последнего не осознают собственных интересов (ну, если уж уродились такими несознательными), обязано для собственного экономического успеха бороться с детским трудом.

К слову, примерно такую же аналогию можно провести с рабством. Кстати да, оно было формально запрещено, но при этом существовали искусственно созданные правовые лазейки, позволяющие обойти это ограничение желающим.

Например, посредством гражданского договора об оказании услуг, на который

распространяются нормы гражданского права, а не трудового, гораздо более жёсткого и сурового к работодателям.

И да, данная мера была временной, предусмотренной на то время, пока колонии не окрепнут финансово и не станут способны приобрести оборудование, если его, конечно, изобретут, необходимое для ликвидации потребности в рабском труде. В общем, лицемерие, да и только, но не будем об обыденных вещах.

В любом случае, детский труд был запрещён, хотя никого, разумеется, не наказали за применение его в ближайшем прошлом. Как говорится, закон обратной силы не имеет.

Следующий шаг, инициированный Артёмом для удовлетворения самых широких слоёв населения Империи, в основном, пролетариата — легализация профессиональных союзов.

Как не трудно догадаться, изначально они были весьма ограничены, однако очень быстро Артём сделал их чуть ли не царём и богом на этой брэнной земле. Лидера профсоюза можно уволить только с согласия вышестоящего профсоюзного органа. Забастовки можно производить когда угодно, где угодно и без согласия работодателя, государства, да и кого-либо вообще.

Были введены значительные штрафы и даже уголовные сроки в отношении работодателей, пользующихся услугами штрейкбрехеров. В юридическую практику были введены коллективные трудовые договоры, коллективные трудовые иски и другие угрозы мировому капитализму.

Кроме того — введение срока обязательного предварительного уведомления, различные льготы, направленные на защиту наименее защищённых категорий населения — в первую очередь, выходящих замуж и уже беременных женщин, инвалидов, хронически больных и так далее.

Так, без предварительного уведомления и указания причины увольнения уволить можно только тех сотрудников, что проходят стажировку, и даже так стажирующийся имеет право подать иск на работодателя.

Вышедших замуж и уже беременных женщин невозможно уволить в течение года, и единственное исключение — совершение преступления (именно преступления, а не проступка) и недостойное поведение (под которым понимается общественно опасное поведение, травмировавшее психику других людей, особенно младших возрастов).

В общем же случае, даже если человек проработал всего год в организации, она уже обязана уведомить его об увольнении за две недели до непосредственного увольнения.

Каждый следующий год, проработанный в организации, увеличивает этот срок на целую неделю, а после прохождения рубежа в 20 лет и вовсе устанавливается срок равный целому календарному году.

При том, что работник вовсе не обязан работать после уведомления, в то время, как сама организация обязана законом (вне зависимости от содержания трудового контракта).

Ну и, наконец, пенсии. Вообще, мало кому приходит в голову, что посредством пенсионной системы можно изъять часть денежных средств работника в пользу конкретного централизованного денежного фонда, чтобы далее употребить их в качестве инвестиций в экономику.

В то же время, эти деньги у работника никто формально не отнимал, и в будущем он сможет воспользоваться не просто полной суммой своих отчислений, но и проиндексированной суммой.

Собственно, очень многие люди также не подозревают и о том, что затраты, связанные с индексацией пенсионных выплат, абсолютно неизбежны.

И, разумеется, эти затраты спонсируются не за счёт доброго государства или доброго капиталиста, равно как и деньги, необходимые на их удовлетворение, не берутся из воздуха.

Как не трудно догадаться, чтобы ликвидировать разницу, возникшую по прошествии многих лет между номинальной суммой пенсионных отчислений и фактической стоимостью пенсионного фонда, необходимо где-то заработать деньги на покрытие этой разницы.

Соответственно, уже из самой главной особенности пенсионной системы проистекает очевидная и неизбежная необходимость где-либо применять удерживаемые в пенсионном фонде денежные средства.

Разумеется, так как конечной целью пенсионной системы является не обогащение самих пенсионеров, а обеспечение их стабильными и равными платежами в будущем, когда они сочтут себя нетрудоспособными.

Из этого, как ни странно, проистекает, что главная задача — не заработок маржи, а сохранение фактической покупательной способности пенсионного фонда.

Соответственно, не просто возможно, но и необходимо применение финансовых инструментов, характеризующимся низким риском потери вложений, но при этом достаточной доходностью.

Такими, к слову, являются облигации предприятий государственных, созданных в партнёрстве с государством, а также предприятий, в которых наличествует доля государства. Кроме того, государственные обычные (выпускаемые бюджетами любого уровня) и государственные военные облигации (в данном случае речь идёт об облигациях, выпускаемых по инициативе правительства с согласия Центрального Банка для финансирования экстраординарных военных расходов).

Да-да, как многие уже поняли, пенсия полезна не только для людей. Она полезна и для государства, расходы которого частично покрываются за счёт выпуска облигаций, которые будут в обязательном порядке приобретены управляющими пенсионных фондов.

Не потому, что их принудят, а потому, что государственные облигации — хотя и не самый прибыльный способ вложить собственные средства, но безусловно самый надёжный. Если государство не выплатит свои обязательства по облигациям, то это будет означать государственный дефолт, а в этом случае не поздоровится всем и не поздоровится по-крупному.

Иными словами, если уж даже государство не смогло выполнить свои обязательства, то все остальные — и подавно (по крайней мере, если мы говорим о финансово адекватном государстве, которое следит за финансовым обеспечением своего государственного долга).

Соответственно, государственные облигации — один из самых надёжных способов вложить собственные средства. Опять же, не самый прибыльный, но это и не играет существенной роли, так как, как мы уже выяснили ранее, прибыль и не является самоцелью.

Ну, а облигации, как не трудно догадаться, государство берёт для финансового обеспечения своих расходов, причём, как правило, в случае возникновения бюджетного дефицита.

И, полагаю, всем более чем очевидно, что ни у одного государства не хватит денег в казне, если оно решит развернуть самое активное и самое широкое строительство на территории не просто всей страны, а всей страны, суммарная территория которой немногим меньше 5 000 000 квадратных километров.

Масштабные архитектурные проекты, среди которых восстановление и реконструкция Александрийского Маяка, восстановление и реконструкция Александрийской, Пергамской и Афинской библиотек. Восстановление Колосса Родосского, ремонт Галикарнасского Мавзолея, Парфенона и Храма Артемиды в Эфесе.

Строительство Колизея, Софийского собора, Пантеона, Шартрского собора, Альгамбры, Стеклянного дворца, а также многих других монументальных построек, имеющих, разумеется, вполне понятное экономическое предназначение — это объекты туризма.

Но, разумеется, это всё было мелочью, а самые главные затраты были связаны с инфраструктурными проектами — строительство больниц, университетов, детских садов, административных зданий, объектов развлечения, таких как дворцы спорта и дворцы культуры, а также многих других объектов.

Кроме них — прокладка и содержание дорог, создание промышленной инфраструктуры (зерновые элеваторы, портовые терминалы и так далее). В общем-то, всего того, без чего не может существовать страна.

То есть, создание того, без чего не произойдёт интеграции отдельных регионов Империи в единую экономическую систему (без чего уже невозможно удержание всех этих регионов от сепаратизма).

Разумеется, на всё это были нужны просто астрономические деньги, которых у государства быть в принципе не может. Следовательно, необходимо их занять.

Тем более, что все эти проекты приведут, и это абсолютно однозначно, к экономическому росту, а, следовательно, к естественному росту налоговых доходов, за счёт которых и будет происходить погашение процентов по государственному долгу.

Не говоря уже о том, что улучшение трудовых условий рабочих благотворно повлияет на рост их благосостояния (и, как это ни странно, на их производительность), а это, как не трудно догадаться, точно также означает рост государственных доходов.

В общем-то, сказка, да и только. Разумеется, это временно, как и всё в этом мире, но главное, что при Артёме всё будет хорошо. Ну, а его сын пускай разгребаёт всё то дерьмо, которое он оставит.

Инфляция, перегрев финансовых рынков, спекуляции на рынке строительных материалов и рынке недвижимости, непреднамеренный этноцид — после нас, как известно, хоть потоп...

... Audentes fortuna juvat ...

Впрочем, прежде, чем это случилось бы, Артём позаботился о том, чтобы Империя расширялась чуть ли не каждую минуту.

Возможно, вам покажется просто безумным расширяться и далее, однако, как известно, колонии не ждут, а без колоний, как известно, и смысла в жизни нет.

Тем более, что к моменту завоевания Артёмом всех утерянных Римом провинций атлантическая треугольная торговля весьма быстро стала выходить на первый план.

Так, Гаити, остров, захваченный одним из первых, приносил имперской казне на конец 51 года до нашей эры порядка 5 % всех доходов бюджета. Все карибские колонии, вместе взятые — 10 % всех доходов бюджета.

И да, исключительно за счёт пошлин, взимаемых с товаров роскоши. Если же брать и все остальные налоги, то получается, что Карибский бассейн приносил порядка 14 % всех доходов имперского бюджета. То есть, примерно столько же, сколько Империи приносила Сирия, наживающаяся на транзитной торговле шёлком, благовониями, специями и другими товарами (вместе они приносили 30 % доходов бюджета).

Иными словами, Карибский бассейн — одна из самых ключевых провинций Империи, и её важность, как бы это ни было забавно, росла из года в год, равно как и из года в год росли обширные плантации на Карибских островах.

Как не трудно догадаться, абсолютно всем гражданам Империи хотелось всё больше и больше, и ради будущих сверхприбылей они были готовы снаряжать за свой счёт целые эскадры кораблей.

Ну, а Артём их страдал из соображений выгоды казны, одновременно помогая подобным «энтузиастам» кораблями, солдатами, деньгами и законом. Разумеется, помогал он им и как частное лицо, и как представитель власти.

Кроме того, он и сам снабжал целые армады и армии для покорения новых земель. Хотя, конечно же, частная инициатива на местах была значительно чаще, чем государственная инициатива, и потому последняя была не более чем мерой поддержки. Внушительной, и всё же лишь мерой поддержки. И, как ни странно, подобная политика увенчалась успехом.

Так, экспедиция Гней Корнелия Лентула Марцеллина, имеющая своей целью исследовать берега Мексиканского залива, постепенно превратилась, с ростом амбиций самого Гнея Корнелия Лентула Марцеллина и его ближайших родственников, в поход Эрнана Кортеса 2.0.

Высадившись с отрядом в 6 000 человек на территории Юкатана, Гней Корнелий Лентул Марцеллин тут же приступил к подчинению ближайших племён.

Обладая просто катастрофическим для индейцев преимуществом, Гней просто стёр в труху всех, кто сопротивлялся ему. Хотя, конечно же, лучше всего с этим справлялись опаснейшие для индейцев европейские болезни, перед которыми они были беззащитны.

Конечно же, точно также от этого должны были бы пострадать и европейские колонизаторы, но, к сожалению, действительно опасных для европейцев американских болезней практически не существовало. Ну, за исключением сифилиса, конечно же.

В любом случае, следующим же своим шагом он избрал покорение внутренних районов

Юкатана. И, как не трудно догадаться, в его намерениях было подчинение всех племён Юкатана, чтобы в дальнейшем их можно было использовать как источник рабской силы.

Ну, а кроме того, не подчинив власти Императора все или хотя бы большинство племён Юкатана, невозможно было говорить о колонизации захваченной земли.

Иными словами, не подчинив племена Юкатана, он не смог бы отчитаться перед колониальной администрацией о захвате новых территорий, а без этого невозможно было говорить о получении его заслуженного вознаграждения.

Собственно, основав Колонию Корнелию Индиану (*Colonia Cornelia Indiana*) на территории острова Косумель, ставшую его операционной базой на Юкатане, он высадился уже на самом материке.

Подчиняя племя за племенем, заключая один неравноправный союз за другим, задабривая одних и запугивая других, Гней в течение всего лишь года подчинил весь Юкатан.

В то же время, колониальная администрация, наслышанная об успехах Гнея, а также получавшая от него официальный запрос на получение необходимых для развития колоний рабочих и строительных материалов, прислала ему в подкрепление равный отряд под командованием его сына, Публия Корнелия Лентула Марцеллина.

Впрочем, сбившись с пути во время бури, они высадились не на острове Косумель, где их и ждали, а в устье реки Грихальва. Поняв, что это не совсем то место, где они должны быть, командующий хотел было попытаться вернуться на нужный курс, однако вскоре передумал.

Исследовав реку выше по течению, Публий пришёл к выводу о том, что эта река, названная им в честь его рода, одной из ветви Корнелиев, Лентулой (*Lentula*), обладает важнейшим стратегическим значением, особенно для колонизации региона. К слову, отец Гнея, он же дед Публия, был усыновлён Корнелием из ветви Лентулов и с того момента носил имя Публий Корнелий Лентул Марцеллин (да-да, деда и внука звали совершенно одинаково)

Таким образом, город, основанный в устье этой реки, будет одним из важнейших поселений на территории Индий. Имея под рукой строительные материалы, солдат, рабочих и прочих колонистов, Публий основал Колонию Корнелию Капитолину (*Colonia Cornelia Capitolina*).

Разумеется, его отец, Гней, был не шибко рад подобному исходу, равно как и колониальная администрация, почему-то уверенная в том, что она спонсировала немного другое предприятие.

Впрочем, Публий всё же сумел убедить своего отца, возглавляющего экспедицию, в состав которой он был включён, а также вице-короля Карибских колоний, Думнорига.

К слову, последний приходился Публию родственником, так как был женат на его матери, а кроме того, приходился отцом двум его единоутробным сёстрам — Феодоре и Скрибонии.

Так что, как не трудно догадаться, он был более снисходителен к родному ребёнку своей жены (к слову, их брак был одним из тех немногих политически мотивированных союзов, что принёс обоим супругам семейное счастье).

Публий, получивший от Думнорига, являющегося вице-королём Новой Сицилии, экстраординарные полномочия наместника основанной им Колонии Корнелии Капитолины (до их утверждения в Бордо, где располагалось Министерство Колоний), приступил к

исполнению новой директивы вице-короля Новой Сицилии.

Директива же, по сути, сводилась к организации и управлению колонией, где он теперь служил экстраординарным наместником до официального утверждения его полномочий правительством, а также к защите этой колонии.

Защита колонии, к слову, подразумевала также и ведение наступательных действий, в том числе покорение соседних племён, их изгнание, порабощение или, в крайнем случае, уничтожение.

Разумеется, если наместник сочтёт это необходимым для защиты интересов Императора. Как не трудно догадаться, это фактически карт-бланш на агрессивный захват новых колоний, скрытый за очень размытыми формулировками императорского указа «О колониях и Индиях в частности».

Собственно, получив директиву о «защите колонии» до прибытия регулярного гарнизона, Публий, как и Гней, стремившийся к соединению со своим сыном, не стеснялись и не просиживали свои штаны.

Напротив, они устраивали хищнические захваты территорий индейцев, пребывавших в каменном веке, угнетали коренное население, регулярно обращали его в рабство и угоняли для работы на плантациях, уничтожали непокорные племена, а также совершали прочие не совсем этичные поступки.

Имея армию в 12 000 солдат, они, в принципе, более чем могли себе это позволить, а учитывая постоянный приток новых поселенцев, представленных самыми разными слоями населениями, им ещё и доводилось регулярно основывать новые города.

Так, собственно, на территории современной Мексики и появилось несколько десятков поселений с приставкой «Корнелия». И да, подобные названия не то чтобы поощрялись, но и не порицались.

Имперским конкистадорам, да и колонистам вообще, разрешались любые названия, кроме тех, что содержали в себе откровенно антигосударственные или антимонархические элементы.

Хотя, конечно же, когда количество этих «Колония Корнелия и что-то там» перевалило за несколько десятков, Думнориг этим двум балбесам намекнул, что так делать не надо, и что лучше бы они подумали над именами, истинно христианскими и восславляющими императора.

Жаль, он забыл, что это два были уже два сформировавшихся римлянина, которые, получив подобный намёк, начали чуть ли не каждое население называть «Колония Мандубракия и что-то там».

Поняв, что что-либо говорить суровым римлянам, приверженцам старых римских идеалов, об эlegantности и разнообразии названий — пустая трата его драгоценного времени, он просто стал закрывать на это глаза.

Тем более, что второе условие они формально выполнили, а церкви, в том числе и крепости-монастыри, служащие инструментом контроля местности, строили везде, где только можно и нельзя.

Да и не до них ему было, потому что его жена, его любимая Скрибония, ожидала с месяца на месяц появления уже третьего их совместного ребёнка и, похоже, очередную дочь, если верить «предсказаниям» местных шаманов-жуликов на кофейной гуще.

Впрочем, возвращаясь к нашим двум любителям гонять индейцев по тропическим джунглям, необходимо отметить, что они таки соединились, причём очень забавным

образом.

Публий организовывал очередную колонию, на этот раз «Колонию Мандубракию Ветеранскую Антиохийскую» (Colonia Mandubracia Veteranorum Antiochia), на месте современного мексиканского города Тустла-Гутьеррес, и, как ни странно, на него наткнулся заплутавший в джунглях Гней.

Пытаясь друг друга настигнуть на протяжении целого месяца, они покорили с десятков племён и поработили десятки тысяч людей, но сумели найти друг друга по чистой случайности. Ну, что же, бывает. Благо, что они всё-таки соединились, в конце-то концов.

Впрочем, к тому моменту экспедиция Публия была обособлена от экспедиции Гнея в отдельную кампанию, а его полномочия существенно расширили.

Так, отказавшись от наместничества в Колонии Корнелии Капитолине, Публий сумел при поддержке своего «отчима» заполучить статус руководителя экспедиции, имеющего право на часть военной добычи и пожизненное губернаторство по окончании завоевания заявленного им к покорению региона.

Собственно, он получил тот же статус, что и его отец. Только Гней, в отличие от Публия, собственную экспедицию уже завершил, покорив Юкатан и получив его себе в пожизненное губернаторство, вместе с достойной пенсией, значительным земельным наделом и, как ни странно, властью.

Так что, лично передав Публию часть своих войск во исполнение последней директивы вице-короля Индий, Гней всё же вынужден был остаться на территории Юкатана, чтобы управлять своим губернаторством на благо Императора и своего кармана (впрочем, не то чтобы одно другому мешало).

Ну, а Публий, располагая теперь силами в 10 000 человек и ожидая подкрепление ещё в 6 000 человек и 12 пушек, готовился к завоеванию северных регионов...

Глава 63. Жадность — мать жестокости

... Crudelitatis mater avaritia est ...

Получив подкрепления 18 января 50 г. до нашей эры, Публий, располагая теперь весьма значительным войском в 16 000 солдат и 24 пушки, был более чем способен приступить к колонизации северных регионов Мексики.

Единственное его препятствие, коренное население региона, как ни странно, препятствием было весьма условным. Как-никак, это противостояние каменного века против века машин. То есть, Публий просто занимался избиением младенцев.

Хотя, конечно же, индейцы порой наносили ему чувствительные потери, так как его солдаты, защищённые лишь униформой из льна, были буквально беззащитны перед дротиками и иными метательными снарядами врага

В связи с этим обстоятельством, к слову, организовали производство металлических кирас и шлемов для нужд армии, так как с подобной же проблемой столкнулась и континентальная армия.

Впрочем, полагаю, дело тут, скорее всего, в том, что Публий вёл не совсем «справедливую» политику по отношению к индейцам, результатом которой стало их чрезвычайно агрессивное и враждебное отношение к европейцам.

В любом случае, даже несмотря на весьма чувствительные потери, которые наносили солдатам Публия некоторые племена, обладающие значительным опытом засад, сама его армия без проблем захватывала область за областью.

И да, как не трудно догадаться, те племена, что были достаточно безумны, чтобы напасть на солдат Артёма, уничтожались подчистую. Племена же, что подчинились власти Императора добровольно, не причиняя вреда его представителям в лице солдат и их офицеров, получали значительно более «милосердное» отношение.

Если быть точнее, то их не брали в рабство, их не грабили в открытую, буквально средь бела дня, их не принуждали к переселению в другие области, а самым лояльным даже даровали гражданские права и ограниченное самоуправление.

Впрочем, это не означает, что всё у них было хорошо. Так, практически вся общинная земля у индейцев экспроприировалась в пользу государственного фонда земли, из которого, к слову, и выдавалась колонистам земля.

Остальная же часть земли, порядка 5-15 %, в зависимости от плодородия местной земли, разделялась на множество мелких земельных наделов.

Как правило, они представляли собой небольшие куски целины, разбросанные по всему району, причём так, чтобы разные группы индейцев не могли объединиться друг с другом для изгнания колонистов в силу физического расстояния между ними.

По крайней мере, у наместников и губернаторов была инструкция выдавать индейцам землю так, чтобы это было затруднительно для них, ведь в противном случае существовал риск их объединения и общего индейского восстания.

И, разумеется, они выполнялись в полной мере, так как сами наместники и губернаторы, в первую очередь, были заинтересованы в том, чтобы индейцы имели трудности с коммуникацией между собой.

Что же касается того, почему их отныне старались более не брать в плен и обращать в рабство — это невыгодно. Как показала практика, обращение индейцев в рабство — дело

предельно гиблое.

Мало того, что подобные рабы и близко не так эффективны как рабы из Африки, так они ещё и крайне опасные ребята. Обращённые в рабство, они очень быстро выпиливаются с этого света своими же руками, да ещё и любят при этом как-нибудь нагадить своему хозяину — то амбар сожгут, то дом, то самого хозяина прикончат голыми руками, не боясь даже самого страшного наказания за подобный проступок.

В общем, ребята эти были отбитыми наглухо, и очень быстро каждый рабовладелец вполне ясно уяснил для себя, что покупка индейцев-рабов и даже самостоятельный их угон в рабство — пустая трата времени, сил, нервов и денег.

Покупка африканского раба, даже с затратами на перевозку, была значительно дешевле, ибо работорговцы, приобретающие рабов у африканских племён, грабили и их, причём по крупному, ведь отдавали за рабов сущие копейки, да и вложением они были гораздо более хорошим. В этом плане рабовладельцы были весьма похожи на коннозаводчиков — предпочитают более покладистых и усердных лошадок.

В любом случае, возвращаясь к Публию, необходимо упомянуть, что его таки наказали за излишнюю жестокость, так как один из колонистов пожаловался на то, что индейцы из-за агрессивного поведения Публия крайне агрессивны и предельно несговорчивы, что, в свою очередь, серьёзно мешает освоению новых пространств.

Вернее, на это пожаловался минимум один колонист из каждой основанной Публием колонии, а потому колониальная администрация, получившая столь значительное количество жалоб, без промедления вынесла ему предупреждение с угрозой аннулирования текущего договора.

Разумеется, это было совершенно недопустимо для Публия, а потому ему пришлось отныне страдать любыми средствами своих солдат, уже привыкших к жестокому обращению с туземцами и совершению самых разных преступлений и прочих зверств. Карма, так сказать.

Впрочем, даже вынужденный постоянно балансировать на грани солдатского бунта из-за постоянных наказаний и отстранения от должности руководителя экспедиции, Публий всё равно демонстрировал впечатляющие результаты.

Всего за полгода он покорил все центральные и северные регионы Мексики, основал более сотни колоний, уничтожил десятки крайне несговорчивых племён и подчинил Империи кратно большее число племён.

Впрочем, его экспедиция всё же закончилась, и теперь, когда он подчинил северные и центральные регионы Мексики, ему передали в губернаторство центральную Мексику, а его младшему брату Луцию Корнелию Лентулу Марцеллину, помогавшему ему в экспедиции — северную Мексику. Захватив Мексику и взяв её под своё управление, Лентулы, впрочем, не слишком долго довольствовались своим практически царским положением.

Публий и Луций, а также их отец Гней, пользовались практически неограниченным авторитетом на захваченных территориях и на протяжении двух лет удерживали в своих руках всю полноту власти в Мексике, пользуясь ещё весьма слабым влиянием центральной власти.

Впрочем, это же их и погубило, так как власть и стала причиной разлада между братьями, что стал неизбежным после несчастного случая, погубившего чуть ранее их отца.

Конфликт за власть, возникший между ними, был продиктован сугубо экономическими интересами, и потому принудил их начать столь отчаянную в используемых ими средствах

негласную войну.

Преступные рейды на владения друг друга, попытки покушения на жизнь и другие элементы борьбы за власть в стране, как ни странно, очень быстро привлекли внимание центральных властей, изначально наблюдавших по императорскому поручению за ними и их финансовыми делами с особенным вниманием.

Воспользовавшись имеющимся разладом между братьями (объединив свои силы, они могли бы сопротивляться центральному аппарату довольно долго, если бы разыграли правильную стратегию, но жадность их сгубила), центральная власть Империи приступила к их разгрому.

Многочисленные судебные тяжбы, выявившие десятки и сотни нарушений налогового и трудового законодательства, обнаружение доказательств организации преступности и участия в её деятельности, как ни странно, дали Императору необходимый повод.

Братьев отстранили от управления колониями, лишили всего захваченного и приобретённого ими на территории Индий имущества, а затем и вовсе арестовали и казнили на территории самой крупной городской площади административного центра Мексики.

Церковь, активно поддерживаемая братьями для имитации широкой благотворительности, как не трудно догадаться, также получила целительных от светской власти за то, что участвовала в их преступной деятельности и поддерживала их в политическом поле.

Таким образом, как не трудно догадаться, центральная власть приобрела полный политический контроль над Новой Испанией, то есть, Мексикой, лишив её какой-никакой политической самостоятельности.

Примерно те же процессы происходили и в других частях Северной Америки, таких как Новая Галлия (современное Восточное побережье США, преимущественно штаты Нью-Йорк, Пенсильвания и Нью-Джерси), Новая Киренаика (Западное побережье США преимущественно штат Калифорния).

Кроме них, на территории Северной Америки существовали Новая Шотландия (современное Западное побережье Канады, преимущественно провинция Британская Колумбия) и Новый Норик (современное Восточное побережье Канады, преимущественно провинция Квебек). Впрочем, эти колонии создавались исключительно силами государства, а потому этот процесс затронул их в меньшей степени.

К слову, происходили эти процессы и в Южной Америке. Так, больше всех в этом отношении отличилась Новая Иберия (не та, что в Испании, а та, что на Кавказе), то есть, Перу.

Правда, там отличилось уже другое славное римское семейство — Антонины, представленные непосредственно Марком Антонием, несостоявшимся царём-богом, которому так и не суждено было разделить ложе с Клеопатрой.

К слову, о Клеопатре VII — она, в отличие от её братьев, которых Артём собственноручно утопил в Ниле, успешно вышла замуж за губернатора Египта, а её сестра Арсиноя IV — за императорского наместника в Александрии, то бишь, мэра одного из крупнейших городов Империи.

Собственно, Марку Антонию, в отличие от двух предыдущих молодых девушек, сумевших прельстить новых «владык» Египта своими прекрасными телами, природным обаянием и весьма знатной родословной, пришлось добиваться своего места в жизни самому.

Талантливый и харизматичный полководец, уже имевший военный опыт, Марк Антоний сумел добиться для себя поста руководителя экспедиции, имеющей своей целью колонизацию побережья Бразилии, в частности, благодаря мужу своей сестры, Антонии — Луцию Эмилию Лепиду Павлу, наместнику Милана, а также его брату, Марку Эмилику Лепиду, полковнику.

Получив в своё распоряжении всего 3 000 человек и 3 пушки, а также ресурсы для строительства первой колонии, Марк Антоний высадился в окрестностях современного Рио-де-Жанейро.

Осознав удобство и стратегическую важность бухты Гуанабара, которую он назвал бухтой Императора, он тут же решил основать здесь первое имперское поселение.

Поселение, которое он гордо назвал «Александрия Индийская», как ни странно, стало его главной оперативной базой, откуда он выступал во все свои весьма известные как в узких, так и в широких кругах походы.

Глава 64. Живой бог

... Scripta manent in saecula saeculorum ...

К слову о названии. Так как Артём был откровенным эллинофилом и не худшим политиком, на более поздних этапах своего правления, когда ему довелось захватить греческий Восток и столкнуться с проблемой инкорпорации этих территорий, населённых преимущественно эллинами и эллинизированными элементами, он принял имя Александр, а своим ручным историкам поручил задание придумать проработанную легенду.

Да, имея в виду то, что греки и эллинизированные элементы (в число которых немногим позднее войдут галло-греки, то есть, эллинизированные галлы) составляют фактическое большинство в его Империи, а также то, что в будущем их число усилиями его же политики значительно увеличиться, Мандубракий вполне официально решил сменить своё имя на греческое.

Сначала, конечно же, у него в мыслях было сменить имя на «Артём» или более близкое к грекам «Артемис», но позже, осознав популярность Александра Македонского, как героизированного образа исторической фигуры, в греческом мире, он решился сменить своё имя на «Александр».

Впрочем, всё не ограничилось тем, что он просто сменил имя. Напротив, он поручил своим ручным историкам создать правдоподобную легенду, которая бы дала ему право претендовать на наследие Александра Македонского.

Так, был создан широко растиражированный государственной пропагандой миф о том, что Мандубракий якобы является потомком самого Александра Македонского.

Видите ли, Геракл, сын Александра Македонского от Барсины, одной из дочерей персидского сатрапа Артабаза II, приходившегося по материнской линии внуком персидскому царю Артаксерксу II, якобы не был умерщвлён вместе со своей матерью одним из диадохов, Кассандром.

Наоборот, Геракл и его мать Барсина, «на самом деле», сумели сбежать и, чтобы гарантированно укрыться от гнева Кассандра и других диадохов, они отправились в Массилию. Там, приняв другие имена, они скрылись на долгое время.

Геракл вырос в статного и умного юношу, смог добиться большого состояния и значительно авторитета среди галлов за свои мудрые советы царской династии.

В благодарность же, царь арвернов, прадед Луэрна, настоящего деда Мандубракия, случайно прознав о знатном происхождении Геракла, поженит на нём свою дочь, рассчитывая заручиться долгосрочной поддержкой Геракла, «весьма влиятельного человека» в Массилии.

Таким образом, Геракл и неизвестная дочь прадеда Луэрна, пожившись, впоследствии дали многочисленное потомство (видимо, наш Геракл был знаменит не только силой рук, но и силой ног).

Таким образом, они стали предками Мандубракия, так как их старший сын, отличавшийся великой храбростью и силой, был провозглашён царём после «междоусобной войны», в которой он, без сомнения, выиграл.

Ну, а раз Мандубракий потомок аж самого Александра Македонского и других, не менее великих людей, то понятно, почему он сумел объединить Галлию, а также покорить всю известную Ойкумену — это всё благодаря силе крови в его жилах!

Кроме того, раз он потомок Александра Македонского, а также Барсины, являвшейся близкой родственницей персидским царям из династии Ахеменидов, так как родоначальник её династии, Фарнак I, происходил из династии Ахеменидов, в то время как её прадед, Артаксеркс II, и вовсе был царём, Артём имел серьёзные права на их наследство. Со стороны Александра Македонского — на всю Македонскую Империю, а со стороны Барсины — на всю Империю Ахеменидов.

Легенда была столь проработанной, столь обоснованной, и не важно, что часть доказательств была подделана, и столь прекрасной, а также столь растиражированной, что стала реальностью, с которой приходилось иметь дело.

Для восточной знати, представители которой активно вливались в царскую династию, было крайне важным наличие кровного родства Артёма с восточной знатью, пускай даже через династию Ахеменидов.

Они, как-никак, считали, что титул нельзя приобрести, только унаследовать, и потому эта легенда стала для них убедительным доказательством наследственных прав Артёма на наследство Ахеменидов, частью которого были и территории, которые он подчинил ранее в ходе своих завоеваний.

Для греков же, утомлённым столь долгим римским владычеством, а также соскучившимся по былым временам своего величия, подобная легенда, пускай даже она будет трижды фальшивой от начала и до конца, стала крайне важной, так как, по сути, давало им право считать себя завоевателями всей Ойкумены.

Более того, отныне их правитель был не просто какой-то выскочкой из Галлии, диким варваром, а наследником Македонского царского дома, а также потомком самого Геракла (через Аргеадов со стороны отца Александра, Филиппа II) и Ахилла (через Пирридов по линии матери Александра, Олимпии).

Иными словами, сыном греческих богов, то есть, полубогом со стороны Геракла и Ахилла. Кроме того, ведя своё происхождение от Александра III Великого, более известного нам как Александр Македонский, Александр IV Величайший, более известный нам как Артём, был полубогом и потому, что Александр III сам был сыном самого Зевса, а не просто потомком одного или нескольких из них.

Наконец, Александр IV Величайший, являясь законным египетским царём по линии Александра Македонского, был сыном Амона-Ра и Гором одновременно. То есть, был египетским полубогом и богом в один и тот же момент. Разумеется, оставаясь при этом христианским правителем, то есть, наместником самого Творца на земле.

В любом случае, он являлся, в первую очередь, кровным и духовным наследником Филиппа II Македонского, сумевшего объединить всю Элладу, и Александра III Великого разгромившего Империю Ахеменидов. Разумеется, греки с радостью приняли эту легенду, потому что она была важна, в первую очередь, для национального самосознания греков.

Это, а также то, какие просто невероятные усилия были приложены Артёмом для широчайшего распространения этой легенды, и стало фундаментом того, какую популярность и живучесть приобретёт данный миф.

Собственно, Марк Антоний, в отличие от предыдущих ребят, был не просто достаточно осведомлён о существовании подобной легенды, но и был достаточно умён, чтобы подхватить её и в дальнейшем активно поддерживать.

Таким образом, «Александрия Индийская» стала своеобразным проявлением лести Марка Антония в отношении Императора. И, чтобы сделать ему ещё большую лесть (к слову,

«Александр» оценил подобный жест по достоинству, прислав Марку подкрепление из 10 000 солдат и 12 пушек), он решил завоевать огромные территории...

И, как ни странно, именно этим Марк Антоний занялся. В отличие от других имперских полководцев, также занимавшихся колонизацией обширных пространств обеих Америк, он более прочих был сторонником мягкой силы.

В отличие от упомянутых ранее Луция, Гнея и Публия, а также других колонистов, он быстро вник в культуру местных племён. Разузнав о ценностях, идеалах и идеях местных туземцев, он столь же скоро осознал, что местные индейцы не привыкли к рабскому труду, не приемлют самой идеи лишения свободы и в целом очень сильно отличаются как от европейцев, так и от африканцев.

Понимая и принимая культурные различия во внимание, а также учитывая довольно дружелюбное отношение индейцев к европейцам, овеванных определённым ореолом неизвестности и религиозного мистицизма, а также натянутые отношения между самими индейцами, Марк избрал политику «мягкой» силы своим главным методом завоеваний.

Заключая союзы с теми племенами индейцев, что были ему выгоднее прочих, он не лукавил. Напротив, он решительно поддерживал их в практических любых начинаниях, чем завоевал среди союзников уважение и доверие. Впрочем, одновременно с этим, демонстрируя свою военную мощь, он внушал их врагам, а равно и своим союзникам, необходимый страх.

Как ни странно, племена, возвысившиеся за счёт Марка, очень быстро рассорились даже с теми племенами, что им некогда благоволили или по отношению к ним были нейтральны. Не обладая достаточными силами для самостоятельного сопротивления своим новым и старым противникам, они оказались в полной зависимости от его воли.

Кроме того, наладив с ними активную торговлю, Марк, обладающий уникальными и эксклюзивными товарами, которые очень быстро стали неотъемлемой частью жизни индейцев, поставил их ещё и в зависимость экономическую.

Тем большую, что активная торговля европейцев с индейцами, как ни странно, активно привлекала европейских колонистов. Индейцы обладали рядом ценных товаров, вроде помидоров, картофеля, кукурузы, какао, папайи, красной древесины и так далее. Европейцы — промышленными товарами и рядом других, не менее важных продуктов.

Индейцы, заинтересованные в торговле с европейцами, налаживали торговые контакты с европейскими поселениями, которые, в свою очередь, активно росли, так как подобная торговля приносила хорошую прибыль, и вследствие этого постоянно росло благосостояние уже прибывших колонистов.

Рост благосостояния колоний сопровождался ростом потребностей, причём одновременно и качественным, и количественным. Рост потребностей приводил к росту предложения, удовлетворяющего эти потребности, а предложение представлено производством, и рост предложения — рост производства.

Рост производства неизбежно связан с появлением новых рабочих мест, а новые рабочие места должны быть кем-то заняты. То есть, новыми колонистами. Новые колонисты — это новый рост потребностей, а значит — новый виток роста предложения, отвечающего на спрос.

Всё это, как ни странно, сопровождается ростом торговли, а торговля — это контакт культур, подразумевающий обмен идеями. В случае с колониями, происходил культурный обмен с индейцами.

Одна из главных статей «культурного экспорта» — христианство. Христианство, как клей, связывающий разные народы вместе, был, разумеется, важнейшей из идей европейцев. Универсальная идеология, она выражала интересы вполне понятных правящих классов, а потому была также применима и к индейцам.

Тем паче, что эта универсальная идеология позволяла упрочить связи между двумя мирами, в чём были заинтересованы и индейцы, союзные Империи и Марку в частности, и сами европейцы, рассчитывающие при помощи появления очередного связующего звена расширить торговые и иные возможности.

Именно поэтому христианство, хотя и, разумеется, не без видоизменений, вызванных необходимостью учесть различные культурные особенности индейских племён, успешно распространялось среди индейцев, союзных Империи.

Ну, а так как только те племена, что стали союзниками Империи в результате дипломатических усилий Марка Антония, были успешны, то и само христианство распространялось весьма и весьма быстро.

Как-никак, индейцы, принявшие христианство для упрочения своего союза с Империей, были наиболее заинтересованы в насаждении христианства, помимо самих европейцев.

Помогая европейцам в распространении слова Божьего среди племён, подчинённых ими при помощи поддержки Марка Антония, они уничтожали религиозное единство подчинённых им племён с враждебными им элементами. Иными словами, подрывали силы сопротивления изнутри, в чём они, как завоеватели, которым сопротивлялись, были заинтересованы.

Таким образом, христианство, а вместе с ним и другие части европейской культуры, проникало в индейский мир тем успешнее, чем более выгодным сами индейцы считали союз с Империей.

Ну, а так как союз с Империей индейцы, что вполне ожидаемо, считали крайне выгодным, то и проникновение христианства и европейской культуры было, соответственно, крайне успешным...

Глава 65. Неужели недостаточно?

... Imperium blandum imperiosissimum ...

Индийский мир был возглавлен наиболее успешными племенами, а так как наиболее успешными из них были племена, зависимые от Империи, то и получилось так, что фактически Империя взяла под свой контроль весь индийский мир, не завоевав и пяди земли.

Да, разумеется. Марк основал великое множество колоний, однако они существовали на территории индейцев с разрешения самих индейцев, заинтересованных в том, чтобы извлекать выгоду из сообщения между двумя мирами, а также по желанию европейцев, заинтересованных в том же самом.

Впрочем, было бы ложью, сообщи я вам, что эти колонии не были оплотом власти Империи. Напротив, они являлись главным оплотом власти Империи. Они, даже если бы и не имели таких намерений, сами по себе подчиняли окрестные племена, принуждая их своей экономической и культурной мощью к подчинению, пускай даже сами индейцы бы себе и не признались в том, что они были ими поработаны.

И тем удобнее для Марка Антония было это обстоятельство, ведь ему не было необходимости постоянно защищать колонии от агрессии индейцев, ибо они сами подчинялись их власти и даже были готовы их защищать от других, чтобы монополизировать прибыль.

Всё, что оставалось Марку — это основывать всё новые колонии и расширять влияние и Империи на всё новые племена. Собственно, именно этим он и занимался, причём весьма успешно, по всей видимости, так как Марку не составило особого труда подчинить всё побережье Бразилии.

Хотя, если быть более точным, то Марк Антоний сыграл на конфликте между рядом внутренних и прибрежных племён, встав на сторону внутренних. Поддерживая первых в военном отношении, он помог им сокрушить вторых, и внутренние племена, благодарные ему за это, разумеется, позволили Марку основать ряд колоний на территории прибрежных племён, ныне находящихся в их полном подчинении, а уже колонии, основанные им, подчинили внутренние племена экономически.

Всячески поддерживая своих союзников, Марк оказал военную и экономическую помощь союзным ему внутренним племенам, решившимся в силу его поддержки на экспансию вглубь региона, а чтобы отплатить ему за помощь, они разрешили ему основывать колонии не только на побережье, но и во внутренних районах.

Причём как в захваченных ими внутренних районах Бразилии, так и на собственной территории, и в данном случае ими двигало желание войти в долю (города уплачивали небольшой налог с торговли определёнными товарами за позволение жить на этой территории).

Ну, вот как то так, двигаясь всё глубже внутрь континента, Марк дошёл до самой Амазонки. То есть, Марк объединил под властью Империи практически целую Бразилию, закончив, таким образом, свои завоевательные походы...

Вдохновлённые его опытом и достижениями, и другие имперские завоеватели Южной Америки также воспользовались его методикой, хотя и не у каждого получалось употребить её идеально и получить от неё максимальную пользу. В любом случае, Южная Америка, равно

как и вся Северная Америка, оказались полностью захвачены Империей.

И, как не трудно догадаться, они сыграли свою зловещую роль в расцвете Империи. Колониальные товары, а равно и сами колонии, как уже готовые рынки, сыграли просто неопределимую роль в продолжении экономического бума 60-ых.

Кроме того, как ни странно, они позволили Артёму делать всё, что он пожелает, ведь даже весьма небольшая пошлина с ввоза колониальных товаров давала ему в руки ещё один, не меньший государственный бюджет.

Как вы понимаете, вдохновлённый этим, он приступил в 51 г. до н. э. к подготовке покорения второго по величине континента — Африки. Правда, к текущему моменту у него были уже и нарезные орудия, пулемёты, значительно более развитая медицина (так, произошло значительное улучшение эпидемиологического контроля и развитие отвечающих за него служб), железные дороги и поезда, автомобили и так далее.

Ну, в принципе, это было ожидаемо, ведь оставлять второй по величине континент в мире нетронутым, когда он столь богат ресурсами, но при этом никто, кроме тебя на него покуситься не может — верх глупости, а Артём, как многие могли уже понять, был далеко не самым глупым человеком.

В любом случае, им при помощи военного штаба был разработан детальнейший военный план, учитывающий всю накопленную информацию стратегического и тактического характера.

Итак, план колонизации Африки предполагал проникновение вглубь континента сразу с нескольких направлений. Первое — со стороны южной оконечности Африки, где располагалась имперская колониальная администрация, управлявшая рядом уже довольно значительных колониальных поселений. Второе — со стороны Египта и Нила. Поднимаясь вверх по течению, имперская эскадра должна была покорить Судан. Третье — со стороны Сахары. Преодолев Сахару, армейский корпус должен был вторгнуться в северные пределы Западной Африки.

Четвёртое — со стороны западноафриканского побережья. Крупная морская эскадра при поддержке значительных армейских сил должна была формально завершить подчинение прибрежных туземных племён, после чего направиться на соединение с силами, поступающими из-за Сахары. Западная Африка, оказавшаяся, таким образом, между молотом и наковальней, должна была очень быстро уступить под натиском имперских сил.

Пятое — с побережья Сомали. Крупная морская эскадра, поддержанная значительными армейскими силами, должна была завоевать Сомали, после чего приступить к поддержке имперской эскадры в Судане.

Шестое — с побережья Конго. Так же, как и в прошлый раз, крупная морская эскадра при поддержке значительных армейских сил должна была формально завершить подчинение прибрежных туземных племён, после чего направиться на соединение с силами, занятыми подчинением Юго-западной части Африканского континента. Закончив своё дело, они должны были двинуться на соединение с силами в Судане.

Таким образом, на Африку предполагалось напасть буквально со всех сторон при помощи вооружённых сил, общая численность которых составляет примерно 1 000 000 человек. Разумеется, первые трудности должны были возникнуть ещё до самого вторжения, и их надлежало решить.

Во-первых, чтобы вообще было возможно вторжение с моря, необходимо было построить ряд морских баз, и таковые были организованы.

Так, для целей двух крупных морских эскадр, которые предполагалось задействовать в ходе завоевания побережья Конго и Западной Африки, на территории островов Святого Фомы и Святого Антония (современные Сан-Томе и Принсипи), а также на территории острова Святого Юния (Фернандо-По, он же Биоко) были построены сразу две морские базы.

Первая на острове Святого Юния, а вторая — уже на острове святого Фомы. Кроме того для обеспечения снабжения крупные перевалочные пункты были организованы на Азорских и Канарских островах, причём на последних расположилась ещё одна военно-морская база.

Впрочем, возможности для ремонта на всех трёх базах отсутствовали, и для этих целей кораблям пришлось бы плыть или в Гадес (современный Кадис), то есть, в Испанию, или в ближайшую морскую базу — город Святого Спасителя, но это уже на территории Бразилии.

В любом случае, получать урон при подчинении туземных племён не планировалось, а потому к этому и отнеслись столь небрежно. Собственно, урон и не был получен — было бы странно, если бы туземцы что-то смогли бы сделать бронированным линейным кораблям с водоизмещением в 26 416 тонн (нормальное)

Да и, в общем-то, ничего они не сделали. Тем не менее, продолжая тему, необходимо упомянуть Мадагаскар, Сокотру и Птолемаиду-Ферон.

Итак, Мадагаскар — одна из первых официально учреждённых африканских колоний Империи, завоёванная до принятия метода Марка Антония «желательным» и «рекомендуемым» для руководителей экспедиции.

Полностью лишённый своего коренного населения, что было полностью обращено в рабство и отправлено в Индии, Мадагаскар представлял собой весьма печальное зрелище.

И, пожалуй, был бы он таковым и далее, если бы не то обстоятельство, что Мадагаскар оказался весьма удобным местом для выращивания кофе, ванили, гвоздики и других пряностей.

Огромные плантации, посвящённые выращиванию этих сельскохозяйственных культур, востребовали значительное число рабочих для обслуживания этих плантаций и работы на них, вследствие чего на остров были завезены новые рабы, купленные у пока что ещё «свободных» туземных племён.

Вслед за ними, чтобы контролировать общественный порядок на Мадагаскаре, прибыли военные и, учитывая, что в горах всё ещё скрывались наиболее воинственные остатки коренного населения, было предпринято решение о строительстве морской базы, ряда стратегически важных укреплённых поселений и военной базы.

Собственно, морская база, расположенная на западном побережье Мадагаскара, и была применена для обеспечения логистики, так как в этот период Суэцкий канал ещё не был построен, а потому линии снабжения огибали Африку, а Мадагаскар в таком случае занимал стратегическое значение.

В любом случае, далее идёт Сокотра — остров благовоний и алоэ. Разумеется, христианскую Империю этот остров особенно заинтересовать не мог принципиально, а потому он выживал за счёт своей стратегической позиции.

Сокотра, издревле богатевшая на контроле транзита драгоценных пряностей, была захвачена имперцами, чтобы лишить арабов монополии и сбить тем цены, имея в виду ухудшение экономического положения в регионе и последующую его дестабилизацию.

Между тем, чтобы защитить саму Сокотру от поползновений арабов, что, разумеется, попытаются захватить её обратно и вернуть монополию, на острове была построена морская

и военная база, а также крупная крепость, в которой расположился весьма значительный перевалочный пункт.

Наконец, Птолемаида-Ферон. Получающая снабжение из Миос-Гормоса, другого важного порта, соединённого с Нилом через железную дорогу, она являлась не менее важной военно-морской базой на побережье Красного моря.

В сущности, Сокотра, Мадагаскар и Птолемаида-Ферон отвечали за снабжение и обслуживание морских эскадр Индийского Океана и, в частности, Красного Моря, а многочисленные речные порты по обоим берегам Нила — за снабжение нильской эскадры.

Многочисленные железные дороги же, в частности, знаменитая Нильская железная дорога, начинающаяся в Александрии и заканчивающаяся в Птолемаиде-Ферон (вообще, Нильская ж/д — в действительности, весьма разветвлённая сеть железных дорог, и упомянутый ныне маршрут — лишь одна из веток), служили главной артерией армейского снабжения. Хотя, конечно же, обычно они использовались для транспортировки различных «мирных» грузов.

В любом случае, на организацию было потрачено действительно много времени, сил и средств, и потому начало вторжения пришлось на весну 45 г. до н. э., хотя его планы начали разрабатываться ещё в 52 г. до н. э. (именно план вторжения, так как реальная подготовка началась в 51 г. до н. э., уже после покорения всей Ойкумены).

Закончив, наконец, свой столь долгий проект, уже 46-летний Артём приступил к инициации начала величайшего в истории завоевания. К счастью, повторить судьбу Филиппа II Македонского, к которому он возводил своё родство, ему не довелось (Филипп II Македонский умер в 46 лет, буквально накануне своего похода против персов), а потому он успешно принялся делать то, что он умел лучше всего — организовывать...

Глава 66. Ресурсы

... Quidquid nummis praesentibus opta, et fiet...

Разумеется, вторжение в Африку более чем преуспело. Как ни странно, 1 000 000 солдат, вооружённых нарезными орудиями, ружьями, пулемётами и другими инновационными вооружениями, просто смели бедных африканцев.

Поддержанная авиацией (речь идёт о 2 703 бипланах, выполняющих разведывательные и частично наступательные функции) и флотом (речь идёт о 9 линкорах, 7 тяжёлых крейсеров, 21 лёгком крейсере, 31 эсминцев, 20 подводных лодках и 49 катерах), армия была победоносна.

Молниеносная, она была безжалостной в своём всеобщем наступлении. Практически не встречая сопротивления, она захватывала один населённый пункт за другим, одну область за другой, подчиняя десятки и даже сотни племён на своём пути, а порой и уничтожая их на благо Империи.

Всего за год вся Африка, как ни странно, была захвачена, присоединившись к другим колониям. Тем временем, было также завершено завоевание Австралии и Новой Зеландии.

Таким образом, к 44 году до нашей эры колониальная империя Империи (официальное название государства — Эллада, то есть, страна эллинов) включала в себя сразу 4 континента — Южную Америку, Северную Америку (разделение справедливо, так как к этому моменту началось строительство Панамского канала), Африку (также, так как началось строительство Суэцкого канала) и Австралию.

Иными словами, за время жизни всего одного человека в лице Артёма небольшая страна арвернов превратилась в величайшую империю человечества, площадь которой — более 85 000 000 квадратных километров.

То есть, Империя Артёма была в 2 раза больше Британской империи, крупнейшей из когда-либо существовавших колониальных империй. Кроме того, это была самая богатая ресурсами Империя на Земле.

Так, на территории одних только имперских колоний располагались 14,9 % мировых запасов барита, 53,4 % бериллиевых руд, 74,1 % бокситов, 65,73 % бурого угля, 16,1 % вольфрамовых руд, 39,8 % железных руд, 68,4 % золотых руд, 66,8 % калийных солей, 38,3 % каменного угля, 73,49 % кобальтовых руд.

Кроме того, колониальная империя Эллады располагала 70,9 % мировых запасов марганцевых руд, 64 % медных руд, 85,58 % металлов платиновой группы, 50,5 % молибденовых руд, 32,1 % нефти и газоконденсата, 48,8 % никелевых руд, 41,5 % ниобиевых руд, 39,3 % оловянных руд, 16,7 % природного горючего газа.

В её распоряжении, помимо уже перечисленных ресурсов, на территории одних только колоний также располагалось 14,1 % мировых запасов редкоземельных металлов, 50,1 % свинцовых руд, 47,3 % серебряных руд, 75,99 % танталовых руд, 35,3 % титановых руд, 59 % урановых руд, 40,7 % флюорита, 57,7 % фосфатных руд, 77,19 % хромовых руд, 40,6 % цинковых руд и 76,42 % от мировых запасов.

Наконец, в полном распоряжении колониальной империи Эллады находится контроль над 58 % мирового среднегодового стока рек. То есть, Артём и его империя располагает 58 % мировых запасов пресной воды. Не считая Европы, конечно же.

Кроме того, Эллада и её колониальная империя производят большую часть всех

промышленных товаров в мире. Более того, Эллада — единственная страна в мире, располагающая нарезным оружием, броненосным флотом, авиацией и многими другими прелестями подавляющего технологического превосходства страны, входящей в Новейшее время.

Полагаю, теперь все и каждый понимают, что на Земле просто не существует такой силы, что была бы способна побороть Империю. Такой силы просто не существовало, и существовать не может.

Доминируя на территории сразу 5 континентов (Африка, Северная и Южная Америки, Австралия и Европа), Империя Артёма была просто непотопляема, хотя бы в силу своих размеров и мощи.

Впрочем, это не значит, что в ней не было проблем. Во-первых, проблемой стала культурная политика Артёма, направленная на полное и безоговорочное доминирование эллинистической культуры на территории всей Империи.

Проблемой это стало потому, что для неё были характерны ценности, которые противоречили общественному и политическому развитию Империи.

Патриархальное общество, заикленое на полисах и традициях, а также полностью полагающееся на рабский труд, было несовместимо с видением Артёма.

Артём видел свою империю лишённой расовых, половых, национальных, религиозных и других рассудков. Пускай свою лютую, жгучую ненависть ему и пришлось игнорировать в случае национализма и религии, жизненно необходимых ему для успеха, подобной поблажки для расовых и половых различий он не делал.

В отличие от греков, которые африканцев, азиатов и людей других рас, кроме европеоидной, которую греки без стеснения называли эллинской, за людей не считали, женщин считали глупыми и ни на что не годными фабриками по рождению детишек.

Иностранцев они не признавали сколько-нибудь дееспособными, регулярно смешивая с фекалиями, а к христианству относились и вовсе весьма и весьма скептически.

В итоге, Артёму, как бы это печально ни было, пришлось не фигурально, а жестоко и безжалостно ломать греческую культуру, насаждать ей совершенно чуждые ей идеи.

Греков из ксенофобов превращали в ксенофилов, из яростных любителей патриархата в ценителей и защитников гендерного равенства, да и, в целом, вся греческая культура была изрядно «поправлена».

Как ни странно, просто безумный напор весьма искусной пропаганды позволил Артёму преуспеть в этом деле, однако только там, где греческая культура не была укоренившейся.

В результате получилась весьма странная ситуация. С одной стороны, у нас есть «старые эллины», идеалы которых правительство всячески попирает и которых оно пытается поделить на ноль, а с другой — новые греки.

Старые эллины испытывают к правительству, при всём при этом, горячую любовь, навеянную не менее мощной патриотической и милитаристской пропагандой.

«Новые» эллины, эллинизация которых происходила в условиях сильнейшего напора государственной пропаганды и при помощи греческих элементов, фактически оторванных от своей исторической родины, то есть, потерявших свои корни, стали ведущей силой в Империи.

Пополненные греко-галлами, греко-римлянами, греко-мавританцами, греко-иберийцами, греко-британцами и греко-индейцами, а также прочими эллинизированными народами, они доминировали на Западе Империи. «Старые» эллины же — на Востоке,

быстро потерявшем свою прежнюю значимость из-за промышленной революции и появления американских появлений. Даже более, Восток занял подчинённое положение по отношению к Западной части Империи.

Всё это, а также тот религиозный хаос, что существовал в христианском мире из-за излишнего синкретизма, а кроме того, и влияние промышленной революции на культуру, привели к чудовищной поляризации внутри Метрополии.

Просто чудовищные темпы индустриализации, когда целые регионы, ранее не знакомые даже с концепцией города, превращались в индустриальных гигантов, а также чудовищные темпы роста населения вследствие миграционных и других процессов, как ни странно, ломали сознание людей похлеще любой пропаганды.

Хотя, это, конечно же, спорный вопрос, что жёстче влияет на сознание — превращение какой-то деревушки всего за 10 лет в крупнейший город мира и столицу крупнейшей континентальной и колониальной империи мира, или же распространение автомобилей, поездов, электричества, кино, театра, авиации и других элементов новой реальности.

В любом случае, Империя трещала по швам под весом своих же завоеваний, сексуальной, культурной, промышленной и религиозной революции, и ей, очевидно, необходима была передышка от завоеваний (всего за 10 лет были завоёваны сразу 4 континента, если что).

Собственно, это было главной проблемой для Артёма — он был уже немолод и в свои 47 лет он опасался, что просто не успеет осуществить завоевание всего мира.

Тем более, что через 10 лет ему будет уже 57 лет, а он отличным здоровьем после своего перерождения (Артём так и не сумеет полностью оправиться от последствий «комы», вследствие чего будет страдать от слабого здоровья всю свою жизнь) и многочисленных походов не отличался от слова совсем.

Впрочем, Таня всё же убедила его не спешить — она, являясь свидетельницей происходящих в столице изменений, а также ответственная, частично, за проводимую религиозную и культурную политику, также прекрасно осознавала всю тяжесть ситуации.

В итоге, Артём всё же остался в Лионе, чтобы заботиться о своей семье, в том числе и с Лионе, столице Империи, которую он по праву называл своим детищем.

Разумеется, он очень серьёзно подошёл к вопросу о завершении ряда инфраструктурных и архитектурных проектов, а также инициировал ряд новых, так как со времени основания города Лион перестал быть просто столицей Империи.

Он стал крупнейшим городом мира с населением более 1 000 000 человек, столицей крупнейшей империи мира, хотя заложен был во времена, когда Галлия являлась лишь региональной державой, а потому он страдал от ряда серьёзнейших проблем.

В частности, Артёму пришлось лично озаботиться расширением и модернизацией канализации, уличных фонарей, электрических сетей, сетей трамвая и троллейбусов, а также рядом иных, не менее насущных проблем. Конечно же, ему удалось их решить в конечном счёте, благодаря чему всего за 10 лет Лион превратился в прекраснейший город на земле.

Десятки чудесных парков и аллей, внушительных и монументальных соборов, стадионов и прочих впечатляющих строений — всё это украсило город, ранее лишённый внимания и утративший свой лоск.

Первый в мире метрополитен, широкая и развитая сеть трамваев и прокладку первых автомобильных дорог, постройка наиболее знаменитых в ближайшем будущем клиник, школ, институтов и университетов.

Хотя, конечно же, это был лишь красивый пример, в котором находили своё олицетворение повсеместная электрификация, широчайшее строительство железных и автомобильных дорог, кардинальное улучшение качества жизни, в том числе и значительное улучшение здравоохранения.

Империя образца 34 года до нашей эры — это всё ещё наиболее могущественное государство мира, опережающее все соседние державы на столетия и даже тысячелетия развития. Наконец-то, она была готова к своему финальному рывку.

Располагая танками, авиацией, автомобильным транспортом, широкой сетью железных и автомобильных дорог, авианосцами и суперлинкорами, Артём был непобедим...

По крайней мере, так ему казалось. В действительности, соседи старались не отставать и активно навёрстывали последние 10 лет технологический отрыв. Тем более, что им достаточно было и копировать вражеские технологии, чтобы, хотя бы, создать собственную промышленную базу...

Глава 67. Преддверие величайшей из войн

... Concordia victoriam gignit ...

К северу простиралось крупнейшее германское государство — Алеманнский союз, она же просто Германия. Государство, простиравшееся от Рейна до Вислы, было, как ни странно, создано алеманнской федерацией.

Изначально в неё входили неметы, вагионы, трибоки и батавы, однако попав под культурное и политическое влияние галлов, они стали с ними торговать. Торговля повлекла же за собой активный научный и культурный контакт с германцами, и на этот раз имперцы были учителями, а германцы — учениками.

И, по всей видимости, весьма хорошими учениками. Германцы активно перенимали многочисленные инновации, чтобы извлечь из этого выгоду для себя. Этим же, собственно, занимались и все остальные племена, проживавшие по другую сторону Рейна. Все извлекали свои колоссальные выгоды из торговли с Империей.

И, как ни странно, даже несмотря на ряд препятствий со стороны Империи, к германцам рано или поздно попали сначала аркебузы и порох, а также необходимые для его производства технологии, а затем и ружья.

В то же время, они активно впитывали в себя технологии империи, касающиеся земледелия, а если быть точнее, то способы увеличения эффективности их земледелия. Быстрый переход прирейнских племён от подсечно-огневого земледелия к севооборотам, искусственным удобрениям, более развитым сельскохозяйственным орудиям, а также другие факторы обеспечили просто взрывной рост производства продовольствия на территории Германии.

Ну, а заимствование других технологий привело к очень быстрому и очень очевидному, но не для Артёма, игнорировавшего германцев, развитию промышленности. Таким образом, прирейнские германцы внезапно получили преимущества даже большие, чем были у Артёма, когда он покорял непокорные галльские племена.

Разумеется, объединившиеся к тому моменту в единую федерацию (они присоединились к алеманнской федерации, потому что те имели ряд преференций в торговле с империей; ну, а кроме того, их беспокоила экспансия Галлии, поэтому они решили заранее обезопасить себя) прирейнские германцы, как ни странно, не стали упускать столь отличную возможность.

Таким образом, весьма скоро германцы покорили территории, собственно, от Рейна до Вислы, создав первое, пока что единственное и крупнейшее государство германцев.

Это государство, как ни странно, и далее развивалось весьма успешно. Собственно, как и Парфия, которой отвесил целительных Артём во время их попытки вторгнуться на территорию ещё римской провинции Сирия.

Вернее, Парфия пала, так как кочевые кланы, управлявшие политикой страны, очень быстро рассорились между собой из-за жестокой гибели их предводителей, произошедшей во время ранее упомянутой битвы. Этим, как ни странно, воспользовались правители Парса, которые взяли власть в стране, возродив Персидскую империю.

Как ни странно, чтобы победить кочевников, персы использовали новейшие имперские вооружения, завезённые в страну посредством различных преступных схем.

Персидские солдаты, натренированные имперскими ветеранами (как ни странно,

большинство из них были осуждёнными, сбежавшими из страны в соседнюю Парфию, где их уже вербовали агенты правителей Парса) и имеющие технологическое превосходство, как можно догадаться, быстро поставили кочевников на место.

Таким образом, победив их, правитель Парса (на греческом — Персида) учредил новое государство — Ираншахр (царство ариев), то есть, Персидскую империю, а сам он стал первым Шахиншахом Ираншахра — Ардаширом I (на греческом — Артаксерксом I, а теперь угадайте, к кому он возводил своё происхождение).

Разумеется, Ардашир I тоже не брезговал заниматься активным воровством чужих технологий. Даже более — он их оценил по достоинству, что, в принципе, логично, если учесть, что он только с их помощью и победил кочевников, руководивших в те беспокойные годы страной.

И, таким образом, он также взял курс на индустриализацию, обширные военные реформы и другие государственные преобразования. Собственно, именно этим он и занимался все те годы, что Артём ему даровал, увлечшись колониализмом и архитектурой. То есть, на протяжении 17 лет — с 51 г. до н. э. по 34 г. по н. э.

Как ни странно, эти два государства — Германия и Иран (будем именовать Персидскую империю в дальнейшем именно так), очень быстро спелись. Испуганные экспансией Артёма, они понимали беспомощность каждого из них в отдельности в противостоянии с Империей, а потому ещё в 51 г. до н. э. заключили ряд секретных договоров, направленных на формирование военной коалиции против Артёма, что последний проигнорировал.

Кроме того, они придумали просто гениальный план — создавать союзные им государства на рубеже с Империей. Всячески поддерживая определённую группу племён, они добивались консолидации региона под властью союзных им племён.

Вооружая их и помогая с развитием, они добивались их лояльности и включения в состав коалиции. Кроме того, они также помогали уже состоявшимся царством сохранить свою целостность и не утратить боеспособность.

Так, они активно поддерживали Бурбисту, благодаря чему к 34 г. до н. э. полностью оформилось полноценное государство — Королевство Даков. На западе же, на территории Паннонии, вопреки возражениям Бурбисты, позволили появиться государству паннонийцев — Королевству Бревков. Так как регион под своей властью консолидировал племенной союз иллирийских племён Паннонии, возглавляемый бревками, то и название было под стать.

Таким образом, на рубежах Империи существовало уже 5 враждебных ему государств, состоящих в одной коалиции. Впрочем, на этом козни персов и германцев (к слову, держите в голове, что Германия формально подчинялась Империи и воле Императора по федеративному договору) не кончились.

Нет, напротив, ещё с давних времён, примерно тогда же, когда они стали действовать на территории Дакии и Паннонии, персы и германцы стали подбивать и кочевников к формированию могущественных государств.

Так, в обширных степях за пределами Крыма появилось государство аланов (к слову, их потомки — современные осетины). Заняв обширную территорию от Днепра до Волги (т.е. есть, они заняли территорию, примерно равную территориям белого Юга России, только без правобережной Украины и Крыма), они стали очередным участником коалиции.

К югу же от Ирана стали строить единое арабское государство. Собственно, его они построили более чем успешно, так как арабы имперцев просто ненавидели и потому всех членов коалиции как своих естественных союзников.

Мало того, что монополию отняли, чем лишили арабов хороших прибылей, так ещё и ряд рейдов на их территорию устроили, лишили жизни многих арабов и пытались насадить свою собственную веру (где-то вдали смеются германцы, паннонийцы и даки, верные христианству).

Нет, ну, веру имперцев то, конечно, арабы оценили по достоинству и приняли к себе на вооружение так же, как и парфяне, сделавшие это незадолго до этого (да-да, Иран — это страна с преимущественно христианским населением, смиритесь), а вот попытки лишить их прибылей — нет.

Различные уже существовавшие к тому моменту арабские государства весьма быстро объединились, тем более, что это требовала необходимость — от Империи исходила великая опасность, которой они могли противостоять лишь вместе.

Собственно, в 49 г. до н. э. арабы лишь углубили уже существовавшие между ними торговые (эти договоры они заключили, чтобы компенсировать свой ущерб от лишения монополии на транзит специй и благовоний за счёт расширения внутренней торговли) и оборонительные договоры (а эти — чтобы защититься от Империи).

Германцы и персы, служившие посредниками во время их конференции в Медине, смогли убедить многочисленные мелкие арабские государства объединиться в одно, а чтобы у них не было проблем по поводу того, кто займёт престол, предложили им на выбор персидского, паннонийского, дакийского или германского царевича.

Выбрали в итоге германского царевича, Сегимера, а чтобы последующие правители арабов имели хотя бы арабскую кровь, его женили на самой знатной арабской царевне, состоявшей в родстве с парфянской царской династией по материнской линии.

Как ни странно, по этой же причине она состояла в родстве и с правителем Ирана, ведь тот взял в свои законные жёны молодую царевну из династии Аршакидов. Весьма удобно, не находите? И иранцам угодили, и германцам, и самим арабам, в общем, всем угодили.

Собственно, с включением арабов коалиция, наконец-то, сформировалась окончательно, и всё последующее время занималась подготовкой к войне.

Ну, а Артём в 36 г. до н. э. наконец-то обратил внимание на то, что Империя фактически окружена недружелюбными ей государствами, однако было уже поздно — экономические санкции теперь слабо вредили уже сформировавшейся промышленной базе коалиции, а также её военно-промышленному комплексу.

В связи с этим, война оказалась неизбежной, хотя, будь Артём внимательнее, он мог бы уже давно сделать невозможной саму идею коалиции.

И, как ни странно, в связи с этим Артём не стал отчаиваться. Он — планетарный гегемон, империя которого обладает просто невообразимыми ресурсами. Собственно, ими он и решил воспользоваться, начав создавать величайший из существующих военно-промышленных комплексов.

К текущему моменту существующие вооружения слегка устарели в связи с ленью и отсутствием желания у высшего командования излишне тратиться на ненужные вооружения.

Артём, естественно, стал это исправлять скорейшим образом в связи с надвигающейся войной. Пулемёты были модернизированы, и теперь рабочей лошадкой армии стал первый единый пулемёт — ПМП 29.

То есть, на вооружение был принят пулемёт Метелла пехотный 29 г. христианской эры, являющийся закономерным развитием пулемёта Метелла пехотного 25 г. христианской эры, ПМП 25. По сути же, ПМП 29 являлся своеобразной и непреднамеренной копией MG 42,

ПМП 25 — MG 34 (только в версии Метелла изначально не было деталей, изготавливаемых на фрезерном станке).

Артиллерия же, давно представленная нарезными орудиями, также сменила свою рабочую лошадку, в данном случае, на 76-мм полковую пушку образца 28 г. христианской эры (то есть, пушка была принята на вооружение в 35 г. до н. э.).

Новое орудие, тем более, что был разработан новый боеприпас — 76-мм кумулятивный снаряд, имевший бронепробиваемость порядка 70 мм на всех дистанциях, идеально подходило в условиях предстоящей войны за счёт ряда своих качеств, главными из которых были малая масса и размер, что также влияло и на мобильность.

Ранее главной лошадкой лёгкой полковой артиллерии являлась 76-мм полковая пушка 18 г. христианской эры, однако она была признана устаревшей и неудовлетворительной «в свете текущих событий», так как пробитие 30-мм бортов средних танков и 30-мм лобовой брони лёгких танков даже на близких дистанциях было на грани огневых возможностей орудия.

Гаубицы, равно как и вся материальная часть армии, подверглись существенной модернизации. Здесь также произошло замещение — 152-мм гаубица образца 28 г. христианской эры заменила 152-мм гаубицу образца 19 г. христианской эры.

Была создана артиллерия большой и особой мощности, главным орудием которой должна была стать 203-мм гаубица образца 26 г. христианской эры.

В сфере противотанковых орудий главными лошадками стали 45-мм противотанковая пушка образца 25 г. христианской эры (Медиолан-25, сокращённо М-25) и 57-мм противотанковая пушка образца 27 г. христианской эры (Медиолан-27, сокращённо М-27).

Да и, в целом, было произведена наиболее масштабная и полная модернизация деталей орудий, станков, посредством которых они создавались и обрабатывались, была отлажена система перевооружения, модернизации и ремонта орудий на четырёх отдельных заводах — заводе № 157, заводе № 29, заводе № 178 и заводе № 121.

Кроме того, была усовершенствована логистическая система, упростившая бюрократические проволочки для получения необходимых для ремонта деталей, ускорившая их доставку, что, вкупе с определённой унификацией и постройкой прифронтовых складов, сделало логистику и снабжение вооружённых сил в разы проще.

Ну и, наконец, танки, авиация, морской флот и другие нововведения...

Глава 68. Танки и стрелковое вооружение

... Vivere est militare ...

Итак, танки. Как не трудно догадаться, и в этом деле Артём ориентировался на реально существовавшие образцы техники, при этом, естественно, опираясь, главным образом, на советские танки. Разумеется, не в силу ура-патриотизма, а в силу того, что с ними он был банально лучше знаком — на одном таком он даже служил, как-никак (правда, в данном случае речь шла уже об одной из модификаций советского танка, произведённой уже после развала СССР).

Начнём, пожалуй, с моего любимого класса танков — истребителей танков. Как ни странно, в Империи было настоящее раздолье истребителей танков. На вооружении истребителей танков стояло 3 модели — 90-мм СУ-28 «Ведьма» (думаю, намёк на модификацию M18 Hellcat с башней и пушкой от M36 Slugger понятен) и 76-мм СУ-26 «Ахиллес» (здесь уже в качестве образца выступала британская модификация американской M10, M10 «Achilles»).

Хотя, интересней всего, конечно же, была тактика имперских истребителей танков — ставка не на броню, а на манёвренность, что, разумеется, очень странно на фоне общей гонки за лучшую броню. В связи с этим, СУ-28 «Ведьма» с 13-мм ЛОБОВОЙ бронёй имеющая 89 км/ч на дороге и 42 км/ч на бездорожье, как ни странно — идеальное воплощение этой тактики.

Ну и, разумеется, также имелись буксируемые противотанковые орудия, упомянутые ранее 45-мм и 57-мм противотанковые пушки, М-25 и М-27 соответственно. Кроме них — 76-мм М-28 (образец — советский ЗИС-3)

Со стороны Коалиции истребители танков были представлены следующими моделями — 88-мм СУ-28 «Носорог» (аналог — немецкий «Nashorn»), 75-мм СУ-27 «Егерь» (аналог — немецкий «Jagdpanzer IV»), 75-мм СУ-26 «Штурм» (аналог — немецкий «StuG IV»).

И да, номер после обозначения серии означает год принятия на вооружение по новому, христианскому календарю Империи, так как все эти страны приняли именно его, потому что христианство и все дела.

Впрочем, основной лошадкой истребителей танков был 75-мм СУ-24 «Медведь» (аналог — немецкий «StuG III»), которая была наиболее массовой в силу уже отлаженного серийного производства.

Ничего необычного — это просто надёжная и точная боевая машина, обладающая низким силуэтом, а кроме того, уже обкатанная сухопутными силами и избавленная от практически всех «детских» болезней.

Правда, в отличие от имперцев, германцы и другие члены коалиции, следующие их примеру, довольно слабо, несмотря на своё недавнее прошлое, использовали технологии маскировки, особенно учитывая превалирование тактики засад, а также имели слабую радиосвязь.

Оптические трубки же, скопированные с имперских образцов, были весьма качественны, однако быстро устарели, что ожидаемо при копировании чужих технологий.

Наконец, к истребителям танков также относились два тяжёлых танка, изначально планировавшихся, как танки прорыва (при этом оба танка формально так и остались танками прорыва, а не истребителями танков).

Как ни странно, эти два танка — Т-27 «Тигр» с 88-мм пушкой (прямой аналог — немецкий «Тигр») и Т-28 «Королевский тигр» с 88-мм пушкой (аналог — немецкий «Королевский тигр»).

Очевидно, лучшие машины своего времени, несмотря на дороговизну и традиционно плохую радиосвязь. Оптика же была передовой — на представителей кошачьего семейства ставилась уникальная и экспериментальная оптика, созданная и производимая мелкими сериями специально для комплектации «кошек».

Ну и, естественно, на вооружении Коалиции также были противотанковые пушки — 75-мм противотанковое орудие образца 27 года и 50-мм противотанковое орудие 25 года.

Скучно, конечно, на фоне 6 истребителей танков. Хотя, полагаю, кого-то больше привлечёт тот факт, что у Т-27, Т-28 и СУ-28 орудие было 88-мм, а противотанкового орудия соответствующего калибра не было и никогда не планировалось.

Весьма интересный факт, вполне очевидный и ожидаемый для знатоков немецкого танкостроения — во всех трёх вышеупомянутых моделях используется не противотанковое, а зенитное артиллерийское орудие, а если быть точнее, то 88-мм зенитное орудие, также применяемое и в качестве противотанковой пушки. Если быть точнее, то была создана модификация 88-мм зенитного орудия, подходящая для установки в танковую башню СУ-28.

Далее — основная боевая машина, так сказать, рабочая лошадка Имперской армии. Как ни странно, в этом плане Артём уже использовал советские образцы. Разумеется, в данном случае речь шла о модификации Т-34, Т-34-85, которая стала имперским танком Т-25-М9 «Отчизна».

Со стороны Коалиции основной боевой машиной стала модификация Т-25, Т-25-М4 «Панцирь», отсылающая нас к такой знаменитой немецкой боевой машине, как Panzerkampfwagen IV, а если быть точнее, то к её наиболее массовой модификации — Panzerkampfwagen IV Ausführung H. При всём при этом, активно налаживалось серийное производство новой модели основного боевого танка — Т-27 «Пантера», отсылающая нас уже к немецкой боевой машине Panzerkampfwagen V Ausführung G.

Пожалуй, именно здесь наиболее отчётливо видно, за счёт чего Империя превосходила Коалицию — 17 665 Т-25 «Отчизна» (из которых модификация Т-25-М9 — 13 647 штук) против 8 573 Т-25 «Панцирь» (из которых модификация Т-25-М4 — 6 874 штуки) на 22 июня 34 г. до нашей эры. Как вы могли понять, это 2 Т-25 «Отчизна» на 1 Т-25 «Панцирь».

Далее — тяжёлые танки прорыва. Империи располагала сразу несколькими моделями — устаревшим АМ-25 «Сармат» (образец — советский ИС-1; АМ обозначает «Александр Македонский», и это тоже название серии), а также АМ-27 «Афина» (образец — советский ИС-2). Кроме того, активно внедрялся в серийное производство АМ-29 «Арес» (образец — советский ИС-3).

Разумеется, здесь также были упомянуты лишь наиболее массовые и основные модели, а потому опытные образцы, экспериментальные модели и постепенно списываемые модели здесь не упомянуты.

Ну и, конечно же, Коалиция располагала уже упомянутыми выше моделями — Т-27 «Тигр» и Т-28 «Королевский тигр». Да-да, несмотря на свою конструкцию, обе модели являлись танками прорыва.

По крайней мере, они были тяжёлыми танками, хотя танками прорыва их можно было назвать только с натяжкой. По сути, это были всё же истребители танков, а не танки прорыва, и не потому, что чертяки из Империи так считают, а потому, что такова их

конструкция.

Собственно, все имевшиеся у Коалиции танки прорыва были представлены, как ни странно, отлично бронированными истребителями танков.

Хотя, если быть точнее, то общие разработки членов Коалиции привели к появлению танков прорыва (Т-27 и Т-28), которые по совместительству также оказались отличными истребителями танков.

Впрочем, как бы то ни было, отстраняясь от обсуждения конкретных моделей, следует подвести итоги. Итак, нагоняющие темпы Империи позволили ей качественно и количественно сравниться с коалицией в военных технологиях, хотя, конечно же, что было ожидаемо, некоторые имперские технологии и оказались более продвинутыми, чем аналогичные у членов коалиции, в особенности, в сфере оптики, где Империя обладала абсолютным технологическим превосходством.

Империя выигрывала за счёт других деталей, значительно менее очевидных, но при этом и значительно более важных. Главное из преимуществ Империи — уже отработанная и весьма обширная индустриальная база.

Империя располагает весьма качественными и надёжными станками, а самое главное, имеет их в огромном количестве и самые разные их вариации, а кроме того, уже достигла значительных успехов в оптимизации и улучшении процесса металлообработки, в отличие от членов коалиции.

Так, только Германия из всех членов коалиции располагала токарно-карусельными станками, которые могли обрабатывать детали до 2 000 мм диаметром. Иными словами, все башенные погоны тяжёлых танков могли быть получены только на территории Германии, а если быть точнее, то на территории всего двух заводов — на Заводе имени Ариовиста и на Заводе «Великая Германия».

В связи с этим, производство тяжёлых танков производилось только на территории Германии, а это, как вы понимаете, просто отвратительно, если учесть, какие пространства должны были покрыть эти танки.

Собственно, оба завода выпускали каждый год порядка 2 000 тяжёлых танков в год, причём из них — Т-27 «Тигр» (1 200 штук в год), а второй — Т-28 «Королевский тигр» (800 штук в год; как и в предыдущем случае, указан выпуск в последнем предвоенном году).

Как вы понимаете, это весьма малый объём производства, если учесть, что данные танки должны были удовлетворять нужды стран коалиции в танках прорыва и истребителях танков одновременно. Собственно, одна из главных проблем Германии и других стран Коалиции — их относительно новая и ещё весьма слабая индустриальная база.

Даже Германия, наиболее могущественная из всех стран Коалиции, имеет проблему со станками. Недостаток зубодолбежных, токарно-карусельных, карусельно-фрезерных, а также других станков — всё это самым негативным образом влияло на возможности военно-промышленного комплекса стран Коалиции.

Тем удивительнее их подвиг, если учесть, что они всё же сумели обеспечить себя достаточным количеством военной техники непосредственно к началу войны. Хотя заслуга тут, конечно же, в отсутствии усилий со стороны самой Империи по перевооружению до самого последнего момента.

Тем менее удивителен старт войны в 34 г. до нашей эры — они осознали серьёзнейший рост усилий со стороны Империи по перевооружению, и потому, понимая, что лучшего момента уже не подвернётся, передали 22 июня 34 г. до н. э. в 5:30 совместный акт об

объявлении войны.

Впрочем, прежде чем мы приступим к самим действиям, мы оценим оставшуюся часть вооружений обеих сторон.

И, полагаю, раз уж танковую часть мы прикончили, будет справедливым продолжить тему стрелкового вооружения. Как уже ранее говорилось, пулемётов было две модели — ПМП-29 и ПМП-25, причём первый был только-только внедрён в серийное производство и лишь в 29 году был официально принят на вооружение имперской армии.

Основной карабин — ранее уже упомянутая В-11, та самая копия с винтовки Маузера 98-го года, а если быть точнее, то её бесчисленные модификации.

Винтовок этих было произведено в одной только Империи за прошедшие 20 лет порядка 30 000 000 штук, включая как военные, так и охотничьи образцы. Как вы понимаете, недостатка, причём как в самих винтовках, так и в амуниции для них, не наблюдалось.

За 2 десятилетия эта винтовка была столь тщательно модернизирована и улучшена, что попросту был достигнут потолок технического усовершенствования винтовки, обусловленный особенностями самой конструкции.

В общем, это была лучшая из всех доступных и возможных винтовок, а потому от неё, естественно, отказываться не спешили. Развитие же стрелкового вооружения пошло по тому же пути, что был характерен и для нашей истории — по пути автоматизации.

Собственно, представляем вам первое детище имперских оружейников на этом долгом пути — ППС-25 (образец — советский ПП Судаева; расшифровывается как пистолет-пулемёт Сципиона образца 23 года христианской эры). В течение следующих 2 лет был разработан ППС-27 (образец — советский ППШ).

Оба ПП были до предела технологичны и дешёвы, а потому именно их пустили в серийное производство, ведь стояла острая необходимость скорейшего внедрения автоматического оружия в войсках.

Проблема была, конечно же, как и всегда, когда речь идёт про ПП, в пистолетном патроне, в нашем случае — в пистолетном патроне 7,62 x 25 мм. Как не трудно догадаться, он совершенно не подходит в качестве патрона для основного стрелкового оружия пехотных частей из-за своей баллистики и мощности.

Решение нашлось, хоть и запоздалое, в ШВК-28 (наиболее близкий аналог — немецкий Sturmgewehr 44; расшифровывается как штурмовая винтовка Клавдии образца 29 года христианской эры) — весьма удачная, технологичная и при этом надёжная штурмовая винтовка, причём не под пистолетный патрон 7,62 x 25 мм, а под промежуточный патрон 7,92 x 33 мм.

Кроме того, уже в 28 году было налажено производство МКЕ-27 (наиболее близкий аналог — американская «пальцедавилка» M1 Garand), он же магазинный карабин Ефимии (весьма символичное у неё имя, должен вам сказать; несущая добро, если что) под винтовочный патрон 7,62 x 63 мм.

Со стороны коалиции — ППА-21 (аналог — МП-28), ППА-24 (аналог — МП-38), ППА-25 (аналог — МП-40) и ППА-26 (аналог — МП-41). Все четыре — под пистолетный патрон 9 x 19 мм.

Что интересно, некоторое время обсуждали применение патрона 7,63 x 25 мм и 7,62 x 25 мм в качестве патрона для ПП, но в итоге отказались в пользу 9 x 19 мм в силу ряда технологических причин.

К несчастью для германцев, они не были знакомы с богатым внутренним миром

Артёма, а потому даже и не подозревали, что имперцы под чутким руководством Артёма просто стыбзят у них патрон 7,62 x 25 мм для своих ППС-25 и ППС-27.

Впрочем, возвращаясь к теме, Коалиция, конечно же, также имела свои планы на штурмовые винтовки под промежуточный патрон. Как ни странно, на этот раз уже германцы стыбзили у имперцев, известных своей слабой контрразведкой, особенно в сфере военного и промышленного шпионажа, однако не пистолетный, как это сделали сами имперцы, а промежуточный патрон.

И да, по совершенно счастливому обстоятельству у германцев и других членов коалиции промежуточный патрон имел тот же самый калибр, что и у имперцев — 7,92 x 63 мм. Как ни странно, в этом плане германцы рассчитывали на то, что они смогут использовать вражеские патроны для своих штурмовых винтовок, так как свои производственные

К слову, вот она — полная копия, естественно, нелегальная, ШВК-28, она же АВЕ-29, автоматическая винтовка Еремиаса образца 29 года. Как уже упоминалось ранее, «созданная» под унитарный промежуточный патрон 7,92 x 63 мм.

Кроме того, как ни странно, у них также была своя самозарядная винтовка — СВП-26 она же самозарядная винтовка Петра под рантовый винтовочный патрон калибра 7,62 x 54 мм.

Ну, и, как я полагаю, так как абсолютно нет смысла обсуждать укороченные и снайперские модификации выше перечисленных карабинов и винтовок, а также разного рода пистолеты и специальное стрелковое вооружение, следующая наша тема — автомобили, артиллерийские тягачи и другие, абсолютно прекрасные машины...

Глава 69. Прелесть и отрада имперской публики

... Ex ungue leonem ...

Как ни странно, армия Империи была хорошо оснащена тягачами.

В распоряжении имперской армии находилось сразу 3 модели — быстроходный лёгкий тягач 2-тонный ЛАТ-26, средний 2-тонный тягач САТ-27, а также тяжёлый 3-тонный тягач ТАТ-27.

Как ни странно, у этих машин нет аналогов, ибо их из-за двигателей можно отнести к американцам, из-за ряда простых, но редких конструкционных решений можно отнести к немцам, а из-за схемы компоновки, характерной для советских ОКБ — и вовсе к советам.

В общем, машины взяли всего по чуть-чуть от каждой из сторон, скажем так, хотя это и не совсем верное высказывание, так как оно умаляет заслуги имперских инженеров, разработавших эти тягачи.

Впрочем, если всё же приводить наиболее близкие аналоги, то для ЛАТ-26 это будет «Я-12», для САТ-27 — «Коминтерн», а для ТАТ-27 — «Ворошиловец». Главное держать в голове, что это крайне условная характеристика. Так, у того же ЛАТ-26 не было ни проблем с двигателями, ни проблем с лебёдкой, ни проблем с коробкой отбора мощности, ни проблем с трансмиссией, характерных для «Я-12».

В любом случае, гораздо важнее не столько то, насколько качественна каждая из конкретных моделей, потому что на войне решает не качество и выдающиеся характеристики каждой из них, а их количество.

Ну, а в силу надёжности, технологичности, широкого доступа к любому необходимому сырью и мощной индустриальной базы армия была обеспечена тягачами даже в большем количестве, чем их реально было нужно — 18 798 ЛАТ-26, 9 786 САТ-27 и 6 134 ТАТ-27.

Всего — 34 718 тягачей разных весовых классов (хотя весовой класс в Империи и значил мало — ЛАТ-25 и САТ-26 отличались от ТАТ-27 только тем, что не могли возить сверхмощные гаубицы для пробития мощных укреплений, подобных советской 203-мм гаубицы Б-4).

Гораздо печальнее всё было у Коалиции и её негласного лидера — Германии. Как ни странно, разнообразие было значительное — 1-тонный САТ-24 (аналог — немецкий Sonderkraftfahrzeug 10), 3-тонный САТ-25 (Sonderkraftfahrzeug 11), 4,5-тонный САТ-26 (Sonderkraftfahrzeug 4, он же Mercedes-Benz L4500R Maultier), а также 8-тонный ТАТ-27 (Sonderkraftfahrzeug 9, он же Famo), и это только наиболее массовые модели.

Впрочем, слово «массовые» здесь от лукавства. Итак, в распоряжении Германии и её союзников было 14 289 САТ-24, 8 976 САТ-25, 1 486 САТ-26 и 2481 ТАТ-27. Всего — 27 232 тягача за счёт наиболее массовых моделей и 32 487 тягачей, если брать абсолютно все модели, даже самые экзотические.

Напоминаю, это 32 487 тягачей для нужд армий сразу 6 государств (Германия, Иран, Аравия, Дакия, Паннония и Алания), которые были произведены усилиями всех членов Коалиции.

Даже так, они не смогли переплюнуть Империю на этом поприще — 32 487 тягачей у целой Коалиции и 34 718 тягачей у одной лишь Империи, притом, что последняя ещё и производство вышеупомянутых моделей развернула значительно позже.

В общем, стыд и срам на членов Коалиции, а мы, тем временем, переходим к

автомобильному парку. Оный, к слову, в Империи представлен четырьмя основными моделями.

Первая из них, она же самая массовая, это 2,5 тонный 2,5ГА-23 (аналог — американский GMC CCKW; расшифровывается как 2,5 тонный грузовой автомобиль образца 23 года) и её вариации — 2,5ГА-25РЭ (ремонтно-эвакуационный вариант; причём в 3 модификациях — 2,5ГА-25РЭ-10 с 10-тонной стрелой, 2,5ГА-25РЭ-20 с 20-тонной стрелой и 2,5ГА-25РЭ-К с краном), 2,5ГА-25ПХП (передвижной хирургический пункт), 2,5ГА-25КЛ (короткобазный вариант), 2,5ГА-25ДБ (длиннобазный вариант), 2,5ГА-25ПСП (передвижной стоматологический пункт).

Кроме этого, также существовали такие вариации, как 2,5ГА-25ПМ (пожарная машина), 2,5ГА-25ТМЗ (топливо-маслозаправщики), 2,5ГА-25ВЦ (водная цистерна), 2,5ГА-25ПРС (передвижная радиостанция), 2,5ГА-25ППП (передвижной понтонный парк), 2,5ГА-25КБАІ (короткобазный для авиационный бомб), 2,5ГА-25-СТ (седельный тягач, у которого были уже свои модификации и вариации) и другие модификации на все случаи жизни.

Как ни странно, фраза «самая массовая» более чем заслужена — 721 448 грузовиков (если что, здесь имеется в виду 721 448 машин всех вариаций и модификаций, коих тоже было пруд пруди) к началу войны.

Далее — 1,5 тонный грузовичок 1,5ГА-24 (аналог — американский Reo 19), 4-тонный 4ГА-25 (наиболее близкий аналог — американский FWD HAR-1) и 6-тонный грузовик 6ГА-24 (наиболее близкий аналог — американский Mack NM6).

Как вы понимаете, у всех данных машин также было какое-то просто невообразимое количество вариаций, модификаций. Да и, опять же, это были лишь наиболее массовые модели — существовали также 2-тонные, 3-тонные, 4,5-тонные, 7,5-тонные, 8-тонные и даже 12-тонные грузовики.

Всего в распоряжении Империи было 1 248 987 грузовиков самого разного происхождения — от подвергшихся конверсии гражданских грузовиков до откровенно милитаризированных версий, вплоть до уникальных экземпляров, выпускавшихся сериями в сотню-другую автомобилей.

Из них, 721 448 машин на базе «2,5ГА-25», 281 489 машин на базе «1,5ГА-24», 98 768 машин на базе «4ГА-25», 43 275 машин на базе «6ГА-24» и 104 007 машин на базе прочих моделей, из которых 67 896 машин — конвертированные гражданские модели.

Ну и, пожалуй, теперь стоит перейти к Коалиции. Как ни странно, здесь всё было просто в десятки раз хуже. Самый массовый грузовик Коалиции — 3-тонный 3ГА-24 (аналог — немецкий Opel Blitz 3,6-36S), выпущенный в количестве 188 481 штуки.

Кроме него, были также 3-тонный 3ГА-25 (аналог — немецкий Borgward B3000), выпущенный в количестве 43 567 штук, а также 3-тонный 3ГА-26 (аналог — немецкий Mercedes-Benz L3000), выпущенный в количестве 38 557 штук. Итого — 270 605 3-тонных грузовиков.

Кроме того, на вооружении Коалиции 4,5-тонный 4,5ГА-23 (аналог — немецкий Bussing-NAG 4500), выпущенный в количестве 28 489 штук, 4,5-тонный 4,5ГА-24 (аналог — немецкий Mercedes-Benz L4500), выпущенный в количестве 19 487 штук, а также 4,5-тонный 4,5ГА-25 (аналог — немецкий MAN ML4500S), выпущенный в количестве 16 323 штук. Итого — 64 299 4,5-тонных грузовиков.

Ну, и остального немножко — 87 429 штук, грузоподъёмность которых находится в разбросе от 1,5 тонны до 12 тонн. Всего грузовиков, включая и эти «прочие» — 422 333

штуки.

Как и ранее в тягачах, здесь также можно наблюдать превосходство Империи и её экономики над Коалицией — 1 248 987 имперских машин против 422 333 машин коалиции, то есть, порядка 3 имперских машины на 1 машину коалиции.

Впрочем, это не так уж критично — количество используемых машин примерно одинаковое, и в случае обеих армий речь идёт о полной моторизации, только у Империи есть значительный резерв грузовых автомобилей, который будет только нарастать в ближайшем будущем.

Как можно догадаться, подобного у Коалиции нет, и в случае войны она столкнётся с ситуацией, когда её производственные возможности смогут лишь возмещать убыль техники, и то только в том случае, если эффективность и объёмы производства не сократятся, что, естественно, крайне маловероятно.

В любом случае, теперь — флот, а не авиация. Почему флот? Ну, потому что флот всегда был и есть наиболее показательной характеристикой мощи военно-промышленного комплекса той или иной страны. Ну, а странам без доступа к морю я могу лишь посочувствовать.

Итак, Империя располагает следующими флотами — 1-ым флотом (Северо-восточная часть Атлантического океана), 2-ым флотом (Чёрное море), 3-им и 4-ым флотами (Западная часть Индийского океана), если говорить о наиболее боеспособных частях.

Коалиция — 1-ым (Балтийское море) и 2-ым (Северо-восточная часть Атлантического океана) германским флотами, 1-ым иранским флотом (Персидский залив и Индийский океан), 1-ым арабским флотом (Красное море и Индийский океан), 1-ым дакийским флотом (Чёрное море), 1-ым аланским флотом (Чёрное и Азовское моря) и 1-ой аланской флотилией (Каспийское море). В случае Коалиции — это вообще все её боеспособные части.

Итак, все ВМС Империи располагали — 16 тяжёлыми авианосцами, 18 лёгкими авианосцами 32 эскортными авианосцами, 28 линкорами, 36 тяжёлыми крейсерами, 72 лёгкими крейсерами, 707 эсминцами и 654 эскортными эсминцами. Кроме того, имперский флот располагал 1 117 патрульными кораблями, 292 тральщиками, 233 подлодками и 4 000 десантными кораблями.

Тяжёлые авианосцы Империи представлены следующими сериями «Басилевс» (аналог — американский «Мидуэй»; 120–136 самолётов), «Птолемей» («Эссекс»; 80–90 самолётов). «Селевк» («Лексингтон»; 69–72 самолёта) и «Антигон» («Йорктаун»; 81–85 самолётов).

Распределение кораблей было такое — 3 («Басилевс» — 120 самолётов, «Александр» — 130, «Крестonosец» — 136), 5 («Птолемей» — 80, «Клеопатра» — 84, «Береника» — 88, «Лаг» — 88, «Арсинья» — 90), 3 («Селевк» — 69, «Антиох» — 70, «Лаодика» — 72), 5 («Антигон» — 81, «Пирр» — 81, «Деметрий» — 82, «Персей» — 82, «Апама» — 85).

Как ни странно, в итоге получается 16 тяжёлых авианосцев. Всего эти авианосцы несли на себе до 1 438 самолётов, позволяя Империи достичь абсолютного воздушного превосходства в любой точке планеты.

Кроме того, были также лёгкие и эскортные авианосцы, предназначенные для истребительного прикрытия конвоев. В сущности, ничего интересного, а потому мы лишь обозначим их существование.

Далее, кто бы мог подумать, бывшие повелители морей, господа линкоры, вымирающий, и, тем не менее, весьма опасный вид. Линкоры — тема весьма интересная. Имперские линкоры, как ни странно, были вершиной развития морской артиллерии и

корабельной брони.

Итак, линкоры были представлены следующими сериями — тихоокеанские «Империя» (аналог — японский «Ямато», только с американским ПВО, СУО и РЛС), «Австралия» (аналог — германский «Бисмарк»), «Африка» (аналог — американская «Айова»), «Доминион» (аналог — американская «Саут Дакота»).

Кроме того, были атлантические «Триумф» (аналог — французский «Ришелье»), «Британия» (аналог — британский «Нельсон») и «Александрия» (аналог — «Кинг Джордж V»), а также средиземноморский «Гней Помпей Магн» (аналог — итальянский «Литторио»).

Распределение было следующим — 4 («Империя», «Лев», «Львица» и «Львёнок»), 4 («Австралия», «Новая Виктория», «Александрия Австралийская» и «Плюс Ультра»), 6 («Африка», «Северная Индия», «Южная Индия», «Индия», «Ливия» и «Нил»), 6 («Доминион», «Отчизна», «Родина», «Патриот», «Солдат» и «Моряк»), 3 («Триумф», «Воля» и «Величие»), 3 («Александрия», «Мемфис» и «Фивы»), 2 («Гней Помпей Магн» и «Гней Помпей Страбон»).

Далее, как ни странно, тяжёлые крейсера...

Глава 70. Совершенно внезапно, совершенно неожиданно

... Non alacres nisus gerit omnis avis quasi nisus ...

Тяжёлые крейсеры были представлены 3 сериями — «Крит» (аналог — американский «Балтимор»), «Кипр» («Уичита») и «Эвбея» («Нью-Орлеан»).

Лёгкие крейсеры были представлены 4 сериями — «Киклады» (аналог — британский «Белфаст»), «Спорады» («Уганда»), «Китира» (аналог — американская «Атланта») и «Родос» (аналог — японский «Могами»).

Эскадренные миноносцы были представлены 4 сериями — «Мальта» (аналог — американский «Флетчер»), «Лесбос» («Гиринг»), «Гимнесии» («Портер») и «Алалия» («Сомерс»).

Эскортные миноносцы были представлены 3 сериями — «Морячок» (американский «РС-461»), «Гарум» (американский «Орёл») и «Русал» (американский «Такома»).

Тральщики были представлены всего 1 серией — «Предвестник» (аналог — американский «Восхитительный/Admirable»)

Подлодки были представлены 3 сериями — «Акула» (аналог — американский «Гато»), «Касатка» («Балао») и «Смерть» («Сарго»).

Ну и, наконец, транспортники, были представлены 4 видами — БТДК (большой танко-десантный корабль; аналог — американский LST), СТДК (средний ТДК; LSM), МТДК (малый ТДК; LST) и ПДК (пехотные десантные корабли; LCI). Представлены сериями БТДК-26 «Освободитель-Б», СТДК-25 «Освободитель-С», МТДК-24 «Освободитель-М» и ПДК-2 «Освободитель-П»

Итак, все ВМС Коалиции были представлены 8 линкорами, 12 тяжёлыми крейсерами, 22 лёгкими крейсерами, 98 эсминцами и 43 миноносцами, 54 эскортными кораблями, 129 патрульными кораблями, 48 сторожевыми кораблями, 6 минными заградителями, 84 тральщиками, 9 канонерскими лодками, 634 подлодками и 400 десантными кораблями.

Линкоры — 2 серии на всю Коалицию, это «Сегимер» (аналог — германский «Шарнхорст») и «Шахерезада» (аналог — германский «Байерн»). Обе серии — ущербные в своём зародыше, бесполезные и беспомощные против «одноклассников», они были, как ни странно, абсолютно никчёмны.

Отсутствие радиолокационных станций (РЛС) в принципе, предельно примитивная система управления огнём (СУО) и допотопные зенитные директоры (ПУАЗО), слабое бронирование, малый тоннаж, низкий уровень подготовки артиллерийских команд и экипажа — встречайте, перед вами самый бесполезный линкор за всю историю человечества, «Шахерезада».

Ну и, в принципе, раз уж к текущему моменту вы итак поняли, что многого от коалиционного флота ждать не приходится, мы лучше сразу перейдём к тому единственному, что заслуживает внимания среди этих груд плавучего хлама.

Итак, подводные лодки, представленные 2 сериями — «Лодка-1» (аналог — немецкий «Тип VII») и «Лодка-2» («Тип IX»). Простые, дешёвые, надёжные и весьма смертоносны подводки — о них больше и нечего сказать. Рабочая лошадка — это рабочая лошадка, и обе серии являются отличным воплощением этого высказывания. Впрочем, слабость надводного флота сыграет с подводным флотом злую шутку, как и слабость авиации.

К слову, об авиации. Раз уж мы её затронули, давайте к ней и перейдём — описывать флот Коалиции и далее — то ещё удовольствие, ведь испытываешь боль за моряков, которым придётся плавать на подобных корытах.

Ну, а авиация — это та область, где Германия и другие страны Коалиции хотели бы сохранить превосходство в этой области, но не могли, как бы ни хотели этого.

Это просто невозможно, когда ты имеешь доступ к крайне ограниченным природным ресурсам, а твой противник располагает полным контролем над не менее чем половиной ресурсов планеты.

Собственно, очень быстро выяснилось, что доступ к подобным ресурсам, а если учесть, что в ряде случаев Империя располагала контролем над наиболее крупными и качественными месторождениями (как в случае меди), творит настоящие чудеса.

Единственной проблемой было высокооктановое авиационное топливо — с его выпуском всё ещё были проблемы, в особенности, из-за определённых проблем с присадками, призванными повысить октановое число. Вначале, к слову, использовался бензол двух марок — летний авиабензол марки «Л» нефтяной и зимний авиабензол марки «З» нефтяной.

Впрочем, вскоре был создан тетраэтилсвинец — опаснейшее вещество, настоящая экологическая катастрофа, причём как для природы, так и для человека (тетраэтилсвинец крайне опасное канцерогенное вещество, запрещённое в каждой стране мира из-за его опасности для здоровья человека, в частности, для его умственного здоровья).

Тем не менее, ТЭС (тетраэтилсвинец), помимо своей запредельной опасности для экологии и человека — ещё и эффективная присадка, способная повысить октановое число, что крайне критично для авиационного топлива.

Наладив широкое производство тетраэтилсвинца, бензола, а также других присадок в 36 г. до нашей эры (27 год христианской эры), Империя и, в частности, имперские ВВС, тем не менее, начнут получать авиационное топливо высокого качества лишь в 34 г. до н. э., буквально накануне войны.

В любом случае, это не помешало имперской авиации отработать ряд предполагаемых сценариев. В частности, в рамках отработки сценария со стратегическими бомбардировками германских городов выяснилось, что даже новейшие имперские машины с лучшими экипажами категорически неспособны на точечную бомбардировку. Выяснилась также и неспособность имперской авиации на эффективные стратегические бомбардировки в ночное время.

В результате, на основе совместного доклада, предоставленного комиссией по экспериментальному стратегическому бомбометанию точечному и ночному и департаментом стратегического бомбометания статистического бюро ВВС Империи, отдел стратегического бомбометания министерства ВВС Империи при Верховном командовании ВС Империи разработал новую стратегию стратегического бомбометания.

Должен сказать, стратегию откровенно бесчеловечную — стратегию круглосуточных комбинированных ковровых бомбардировок посредством тяжёлых фугасных и зажигательных бомб. Естественно, также предполагалось употребление кассетных бомб, в том числе и с боеприпасами, начинёнными зарином, а также другими газами нервно-паралитического действия

Разумеется, ковровые бомбардировки не отменяли разработок высокоточных бомбовых прицелов, свободнопадающих управляемых бомб и ракет. Ковровые бомбардировки также не

мешали имперским ВВС разработать тактику применения недавно разработанных сейсмических бомб.

В общем, «веселье» предвещалось крупное, а доставить всё это прекрасное и нетленное непосредственно к врагу планировалось при помощи двух новейших стратегических бомбардировщиков, а также их модификаций.

Итак, представляем вам — ТСБ-29 «Твердыня» (аналог — американский «Б-29 Суперкрепость»); тяжёлый стратегический бомбардировщик 29 года христианской эры) и ТСБ-28 «Титан» (аналог — британский «Авро 683 Ланкастер»).

Кроме того, на вооружении также стояли и другие четырёхмоторные тяжёлые стратегические бомбардировщики, такие как ТСБ-27 «Освободитель» (аналог — американский «Либерейтор»), ТСБ-27 «Крепость» («Б-17 «Летающая крепость»), ТСБ-2 «Зевс» (аналог — британский «Галифакс»).

Что касается двухмоторных бомбардировщиков, то к текущему моменту они уже были вытеснены, собственно, четырёхмоторными бомбардировщиками, а потому применялись в качестве транспортного средства. В этом качестве более всего прославился двухмоторный СБ-25 «Дарий» (аналог — английский «Веллингтон»; средний бомбардировщик 25 года).

Со стороны коалиции было... ничего. Да, у Коалиции не было четырёхмоторных тяжёлых бомбардировщиков — ресурсов не хватало даже на создание достаточного парка истребителей и штурмовиков, в связи с чем о тяжёлых бомбардировщиках даже и не заикались.

Надежда была на то, что Коалиция сумеет быстро рассечь столь длинный фронт точечными ударами пехоты, артиллерии, танков и авиации, которые предполагалось нанести в наиболее слабые места имперской обороны.

Намереваясь создать подобные бреши в имперской обороне, члены Коалиции рассчитывали на быстрый развал фронта, окружение и уничтожение имперских вооружённых сил, а также последующее принуждение Империи к скорой капитуляции, что сделало бы отсутствие тяжёлых четырёхмоторных стратегических бомбардировщиков не столь критичным.

Соответственно, члены Коалиции посчитали, что им будет более чем достаточно и двухмоторных многоцелевых бомбардировщиков. Впрочем, и последних было не много — один-единственный МБ-26 «Рекс» (аналог — немецкий «Ju.88»; многоцелевой бомбардировщик).

Отсутствие интереса к двухмоторным бомбардировщикам с обеих сторон весьма удивительно, но вполне объяснимо — первые тяготели к стратегическим бомбардировщикам, рассчитывая на достижение победы в войне путём уничтожения вражеской промышленности (низкую эффективность стратегических бомбардировок на военную промышленность врага осознают уже во время войны), а вторые — не имели достаточных ресурсов.

Далее — штурмовики, они же пикирующие бомбардировщики. Как уже упоминалось ранее, на авиацию у Коалиции ресурсов отводилось не так много ресурсов, как на другие виды вооружений, чем объясняется скудость авиационных вооружений.

Собственно, поэтому все штурмовики Германии и других членов коалиции были представлены двумя самолётами — ПБ-25 «Ревнитель» (аналог — немецкий «Ju.87 «Штука»; пикирующий бомбардировщик), одномоторным двухместным бомбардировщиком, а также ИБ-28 «Тетеревятник» (FW-190 G-3; истребитель-бомбардировщик, глубокая

модификация И-27 «Блорп»).

Со стороны Империи основными моделями были — ИБ-27 «Сокол» (аналог — британский «Hawker Typhoon»), ИБ-28 «Непреклонный» (аналог — американский «Republic P-47 Thunderbolt») и ПБ-26 «Гермес» (аналог — советский «Ил-2»).

Что касается Империи, то здесь дело было в ставке на стратегическую авиацию и слабой заинтересованности лично Артёма в создании штурмовиков — его гораздо больше интересовало создание мощного флота для обороны бесчисленных коммуникационных линий, пересекающих все моря и океаны мира для поддержания Империи.

Хотя Артём понимал и принимал важность авиации, в частности, штурмовой, значительного интереса он не проявлял никогда, что, разумеется, сильно сказалось на интенсивности её развития, чем вызвана скудность моделей (масштабы производства от этого, впрочем, не пострадали, а даже увеличились)

В любом случае, остаются истребители. Со стороны Империи они были представлены следующими моделями — И-25 «Сорокопут» (аналог — британский «Hawker Hurricane»), И-26 «Молния» («Supermarine Spitfire»), ИБ-27 «Непреклонный» (аналог — всё тот же американский «Republic P-47 Thunderbolt», и да, он также служил как эскортный истребитель) и И-28 «Пегас» («North American P-51 Mustang»). Кроме того, на этапе испытаний находился И-29 «Орёл» (аналог — британский «Hawker Tempest»)

Со стороны Коалиции — И-25 «Заря» (аналог — немецкий «Me-109») и И-27 «Карп» («FW-190 A-6»).

Таким образом, теперь, когда все важнейшие аспекты будущей войны нами хотя бы поверхностно изучены, мы наконец-то можем перейти к диспозиции сил.

Итак, на протяжении всего фронта, а его протяжённость составила более 6 000 километров, Империя располагала вооружёнными силами в 11 000 000 солдат (это общая численность вооружённых сил). При населении в... 256 000 000 человек.

Вы, возможно, спросите, каким таким макаром население Империи составило 356 000 000 (вместе с колониями) человек к 34 году до нашей эры, а я вам отвечу — качественный скачок в медицине.

Первые в истории антибиотики, обезболивающие, вакцины, сыворотки, введение санитарно-эпидемиологического контроля и многие другие инновационные улучшения. В общем, качественный скачок в развитии.

Ну и, разумеется, бурный рост владений Империи — с территории порядка 800 000 квадратных километров в 53 г. до н. э. до более чем 85 000 000 квадратных километров в 34 г. до н. э. Как ни странно, рост суммарной площади страны более чем в сотню раз отразился и на численности населения.

Впрочем, разумеется, демографический взрыв начался не в 53 году до нашей эры, а в 57 г., когда мир получил доступ к первому промышленно производимому антибиотику. К 51 г. до нашей эры население территории будущей Империи уже составляло 90 000 000 человек и с тех пор стало расти лишь ещё быстрее.

Улучшение медицины, совпавшее по времени с мощнейшим экономическим бумом, индустриализацией, урбанизацией, колонизацией и прочими процессами, как ни странно, привело к дальнейшему усилению демографического роста.

В результате всего этого к 34 г. до нашей эры население Империи перевалило за отметку в 350 000 000 человек, а первому младенцу, рождённому после изобретения первого в мире антибиотика, в данный момент — уже 24 года.

Тем временем, население стран Коалиции составило порядка 120 000 000 человек, благодаря чему они смогли противопоставить Империи 13 000 000 человек.

Впрочем, в отличие от Империи, Коалиция смогла получить столь обширный демографический ресурс благодаря принудительным переселениям и иммиграции.

Ну, а так как иммиграция осуществлялась, главным образом, за счёт взрослого населения районов, находящихся на границе со странами Коалиции, то получилась довольно забавная ситуация.

В империи, конечно же, живёт практически в 3 раза больше людей, однако взрослые в ней — меньшинство, в связи с чем мобилизационный потенциал Империи оказался больше не в 3 раза, а в 2, потому что взрослых, включая и женщин, оказалось в Империи лишь в 2 раза больше, чем взрослых в странах Коалиции.

Хотя, в любом случае, Коалиция смогла выставить целых 13 000 000 человек благодаря широчайшей мобилизации (в частности, в рамках мобилизации призывной возраст был снижен до 16 лет, в то время как в Империи он всё ещё был на уровне 18 лет), а также широкому внедрению женщин в вооружённые силы.

Таким образом, суммарная численность войск с обеих сторон превысила 20 000 000 человек. Страны Коалиции тратили около 30 % своего ВВП на поддержание своей армии, в то время как Империя... 3 %.

Да, Империя, используя лишь 3 % своего ВВП, спокойно догнала Коалицию с её 30 %, в то время как экономику Империи даже не назвать экономикой военного времени...

Глава 71. Гипоксия

... Cujus est potentia, ejus est actum ...

В любом случае, наконец-то приступим к сравнению сил. Итак, существует четыре сухопутных театра военных действий — Германский, Дунайский, Восточный и, совершенно внезапно, Крымский.

Всего в распоряжении Империи имеется 3 690 тяжёлых танков прорыва, 17 665 средних танков, а также 3 607 истребителей танков и 675 зенитных самоходных артиллерийских установок. В сумме — 25 637 боевые машины.

Кроме того, в распоряжении Империи имеется 34 221 истребитель, 42 286 пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков, а также 48 442 тяжёлых четырёхмоторных бомбардировщика и 11 464 средних двухмоторных бомбардировщиков. В сумме — 136 413 самолётов.

Помимо этого, Империя располагает не менее внушительными запасами артиллерии — 13 914 лёгких полковых пушек, 1 617 гаубиц, 847 орудий особой мощности, 39 898 противотанковых орудия (в числе которых 105-мм полевое орудие и 76-мм дивизионная пушка), а также 38 327 зенитных орудия.

В сумме — 94 603 артиллерийских орудия. Если что, это не считая ещё 77 597 миномётов, потому что вместе с ними получается 172 200 артиллерийских орудия.

Империя также располагает 34 718 тягачами и 1 248 987 грузовиками разной грузоподъёмности, 39 328 полугусеничными бронетранспортёрами и 8 974 ЗСУ на их основе (учитываются отдельно, а не в составе полугусеничных бронетранспортёров). Кроме того, в её распоряжении находится 6 800 РСЗО. Всего — 1 388 807 машин.

Наконец, в Империи находится 6 500 000 пистолета-пулемёта, 1 300 000 ручных пулемёта, 30 000 000 винтовок, 2 000 000 самозарядных винтовок и 500 000 штурмовых винтовок.

Ну и, естественно, кроме этого на её вооружении находится гранатомёты в количестве 8 543 451 штук (из них 8 254 300 — аналоги немецкого Фаустпатрона, а оставшиеся 289 151 — аналог немецкого Панцерщрека).

Также в распоряжении имперских вооружённых сил были противотанковые ружья в количестве 471 715 штук. В общем-то, войска Артёма были готовы встретить врага ливнем из самых разных противотанковых вооружений — их было просто навалом.

Кроме того, в вооружении армии Империи находились противотанковые (противогусеничные и противоднищевые), противопехотные, а также объектные радиоуправляемые мины.

Ну, это не считая станковых пулемётов, огнемётов, станковых противотанковых ружей (да, и такие чудовища бывают), наступательных и оборонительных противопехотных и противотанковых гранат самых разных видов, а также многие другие виды вооружений.

Что же было у Германии и её союзников? Ну, на порядок меньше, должен вам сказать!

В распоряжении Коалиции имеется 2 839 тяжёлых танков (77 % от количества однотипных боевых машин Империи), 8 613 средних танков (49 %), а также 12 874 артиллерийских самоходок (357 %) и 290 зенитных самоходных артиллерийских установок (43 %). В сумме — 24 616 боевых машин (96 %).

Кроме того, в распоряжении Коалиции имеется 44 520 истребителей (130 %), 17 134

пикирующих бомбардировщика и истребителей-бомбардировщиков (41 %) и ни одним стратегическим бомбардировщиком. Всего — 61 654 самолёта (45 %).

Помимо этого, Коалиция также располагает внушительным артиллерийским арсеналом — 11 450 лёгких полковых пушки (82 %), 17 198 гаубиц (1 064 %), 20 454 противотанковых орудия (51 %), а также 26 105 зенитных пушек (68 %). Ну и, естественно, ни одного орудия особой мощности.

Всего — 75 207 орудия (79 %). Разумеется, это без учёта миномётов — их у Коалиции 35 141 штука (45 %). Вместе с миномётами получается 110 348 орудий (64 %).

Коалиция также располагает 32 487 тягачами (94 %) и 422 333 грузовиками (34 %) разной грузоподъёмности, 22 228 полугусеничными бронетранспортёрами (57 %), а также 0 ЗСУ на их основе. И да, у Коалиции не было машин, подходящих для противовоздушного прикрытия механизированных частей, кроме 290 ЗСУ на базе танковых шасси (подходящих по степени защиты от стрелкового оружия). Кроме того, Коалиция располагает 2 900 РСЗО (43 %). Всего — 479 948 машин (35 %).

Наконец, Коалиция имеет 4 800 000 пистолетов-пулемётов (74 %), 895 000 ручных пулемётов (69 %), 40 000 000 винтовок (133 %), 3 000 000 самозарядных винтовок (150 %) и 300 000 штурмовых винтовок (60 %).

Кроме того, Коалиция располагает 4 484 457 гранатомётов (52 %), из которых аналоги немецкого одноразового «Фаустпатрона» — 4 325 000 штук (52 %), а аналогов немецкого «Панцерщрека» — 159 427 штук (55 %).

Коалиция также располагает 54 232 противотанковыми ружьями (11 %), кои представлены морально устаревшими, неэффективными и ненадёжными образцами, в связи с чем более правильным было бы принимать эти 54 232 ружья за 0, но мы всё же оставим.

Ну и, разумеется, у Коалиции также были гранаты и мины разных типов, а также различные специфичные виды вооружений, вроде амфибийных машин и амфибийных комплектов.

Распределено всё это добро было следующим образом:

Германский театр военных действий:

Империя:

Со стороны Империи здесь были размещены 80 % тяжёлых танков (2 952 боевых машин), 80 % средних танков (14 132) и 95 % истребителей танков (3 427), а также 100 % ЗСУ на основе танковых шасси (675). В сумме — **21 186 боевых машин.**

Кроме того, здесь же были размещены 80 % истребителей (27 377 самолётов), 80 % пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков (33 829), а также 65 % стратегических бомбардировщиков (38 939). В сумме — **100 145 боевых самолётов.**

Здесь расположены 70 % лёгких полковых пушек (9 740 орудий), все гаубицы (1 617) и все пушки особой мощности (847), 70 % противотанковых орудий (27 929) и 70 % зенитных орудий (26 829), а также 60 % миномётов (46 558). В сумме — **113 520 артиллерийских орудий.**

Помимо этого, здесь расположены 80 % тягачей (27 774), 60 % грузовиков (749 392), 75 % полугусеничных бронетранспортёров (29 496) и 80 % ЗСУ на их основе (7 179). Более того, здесь также размещены 65 % всех имперских РСЗО (5 590). Всего — **813 841 машин.**

В сумме же на это направление приходится **6 000 000 человек**, представленных примерно **600 дивизиями** (ориентировочная численность в **10 000 человек** на 1 дивизию).

Коалиция:

Со стороны Коалиции на Рейнский театр приходится весь её танковый кулак, то есть, 100 % тяжёлых танков (2 839 боевых машин), 100 % средних танков (8 613) и 100 % истребителей танков (12 874).

Всего — **24 326 боевых машин**. То есть, **24 326 боевых машин** у Коалиции против **21 186 боевых машин** у Империи.

Кроме того, здесь расположены 90 % истребителей (40 068 самолётов) и 95 % всех её пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков (16 277).

Всего — **56 345 боевых самолётов**. То есть, **56 345 боевых самолётов** у Коалиции против **100 145 боевых самолётов** у Империи.

Здесь же расположены 85 % её лёгких полковых пушек (9 733 орудий), 85 % гаубиц (14 618), 80 % противотанковых орудий (16 363) и 90 % её зенитных орудий (23 495). Ну, а также 80 % её миномётов (28 113).

Всего — **92 342 артиллерийских орудия**. То есть, всего **92 342 орудий** у Коалиции против **113 520 орудий** у Империи.

Кроме того, здесь же располагаются 90 % её тягачей (29 238 машин), 70 % грузовиков (295 633) и 90 % полугусеничных бронетранспортёров (20 005). Ну, а также 95 % всех РСЗС (2 755).

Всего — **347 631 машина**. То есть, **347 631 машин** у Коалиции против **819 431 машин** у Империи.

В сумме же на это направление приходится **8 000 000** человек, представленных примерно **533** дивизиями (ориентировочная численность **15 000** человек на 1 коалиционную дивизию) и **1** отдельным батальоном (ориентировочная численность **5 000** человек на 1 коалиционный батальон).

Ну и, как многие могли уже понять, Рейнский театр — направление главного удара Коалиции, а также наиболее защищаемое Империей направление.

Восточный театр военных действий:

Империя:

Итак, на этом фронте Империя имеет **1 500 000 человек**, представленных 150 дивизиями.

Кроме того, она также имеет здесь 5 % тяжёлых танков (185 боевых машин), 5 % средних танков (883), 0 % истребителей танков (0) и 0 % ЗСУ на основе танкового шасси (0). Всего — **1 068 боевых машин**.

Кроме того, здесь расположены 5 % истребителей (1 711 самолётов), 5 % пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков (2 114), а также 30 % стратегических бомбардировщиков (17 972). Всего — **21 797 боевых самолётов**.

Здесь же расположены 10 % лёгких полковых пушек (1 391 орудие), ни одной пушки особой мощности (0) и ни одной гаубицы (0), 5 % противотанковых орудий (1 995) и 5 % зенитных орудий (1 916), а также 15 % всех миномётов (11 640). Всего — **16 942 артиллерийских орудия**.

Наконец, Империя здесь располагает 5 % тягачей (1 736), 10 % грузовиков (124 899), 5 % полугусеничных бронетранспортёров (1 966) и 5 % ЗСУ на их основе (449). Более того, здесь расположены 10 % имперских РСЗО (680). Всего — **129 730 машин**.

Коалиция:

Со стороны Коалиции же здесь имеются **3 000 000 человек**, представленных **200**

ДИВИЗИЯМИ.

Кроме того, здесь также расположены — 0 % танков (0), 8 % истребителей (3 562), 3 % пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков (514).

Всего — **0 боевых машин и 4 076 боевых самолётов.** То есть, **0 боевых машин** у Коалиции против **1 068 боевых машин** у Империи, а также **4 076 боевых самолётов** у Коалиции против **21 797 боевых самолётов** у Империи.

Здесь же расположены 10 % её лёгких полковых пушек (1 145), 10 % гаубиц (1 720), 10 % противотанковых орудий (2 045) и оставшиеся 10 % зенитных орудий (2 610). Ну, а также 10 % миномётов (3 514).

Всего — **11 035 артиллерийских орудий.** То есть, **11 035 орудий** у Коалиции против **16 942 орудий** у Империи.

Кроме того, здесь располагаются оставшиеся 10 % тягачей (3 249), 20 % грузовиков (84 467), 5 % полугусеничных бронетранспортёров (1 111), а также оставшиеся 5 % РСЗО (145).

Всего — 88 972 машин. То есть, 88 972 машин у Коалиции против 129 730 машин у Империи...

Дунайский театр военных действий:

Империя:

Итак, на этом фронте Империя сосредоточила **3 000 000 человек**, представленных **300 дивизиями.**

У Империи здесь расположены оставшиеся 15 % тяжёлых танков (553), 15 % средних танков (2 650) и 5 % истребителей танков (180). Всего — **3 383 боевых машин.**

Империя имеет здесь 14,61 % истребителей (5 000 самолётов), 14,61 % пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков (6 178), а также 5 % стратегических бомбардировщиков (2 995). Всего — **14 173 боевых самолётов.**

Кроме того, Империя располагает здесь 15 % лёгких полковых пушек (2 087 орудий), 20 % противотанковых (7 980) и 20 % зенитных орудий (7 665), а также 20 % миномётов (15 519). Всего — **33 251 артиллерийское орудие.**

Наконец, Империя располагает на этом фронте 10 % артиллерийских тягачей (3 472), 20 % грузовиков (249 797), 15 % полугусеничных бронетранспортёров (5 899) и 15 % ЗСУ на их основе (1 346). Кроме того, здесь также были расположены 20 % имперских РСЗО (1 720).
Всего — **262 234 машин.**

Коалиция:

На этом рубеже Коалиция сконцентрировала **1 500 000 человек**, представленных **100 дивизиями.**

Танков — нет! Как вы понимаете, это отличное начало разговора, особенно если учесть, что большая часть театра военных действий представлена низменными равнинами, то есть, приятным для танков географическим ландшафтом.

Всего — 0 танков. То есть, **0 боевых машин** у Коалиции против **3 383 боевых машин** у Империи.

Коалиция на Дунайском театре сконцентрировала оставшиеся 2 % своих истребителей (890 самолётов), а также оставшиеся 2 % своих пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков (343).

Всего — **1 233 боевых самолётов.** То есть, **1 233 боевых самолётов** у Коалиции против **14 173 боевых самолётов** у Империи.

Кроме того, Коалиция располагает на этом фронте 8 % своих лёгких полковых пушек (572 орудия), 5 % гаубиц (860), 10 % противотанковых орудий (2 046) и 0 % зенитных орудий (0). Ну, а также оставшиеся 10 % миномётов (3 514).

Всего — **6 992 артиллерийских орудий**. То есть, **6 992 орудия** у Коалиции против **33 251 орудия** у Империи.

Наконец, Коалиция имеет здесь 0 % своих тягачей (0), оставшиеся 10 % своих грузовиков (42 233), а также оставшиеся 5 % своих полугусеничных бронетранспортёров (1 112) и 0 % РСЗО (0).

Всего — **43 345 машин**. То есть, **43 345 машин** у Коалиции против **262 234 машин** у Империи.

Крымский театр военных действий:

Империя:

Ну и, наконец, самый лучший театр военных действий по моему личному мнению. Лучший потому, что Крым даже не является с формальной точки зрения частью Империи — это её протекторат, бывшее Боспорское царство, а ныне — собственно, Боспорский протекторат, подчинённый имперскому наместнику.

В любом случае, Империя держит здесь **500 000 человек**, представленных **50 дивизиями**.

К сожалению, на этот фронт у Империи уже не осталось ни одного танка. То есть, всего — **0 боевых машин**.

Также, у неё не осталось на этом фронте не присутствовало ни одного стратегического бомбардировщика, зато были 0,39 % истребителей (133 самолёта) и 0,39 % пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков (165). Всего — **298 боевых самолётов**.

Кроме того, Империя располагает на этом фронте 5 % своих лёгких полковых пушек (696 орудий), 5 % противотанковых орудий (1 994) и 5 % зенитных орудий (1 917). Кроме того, она имеет здесь оставшиеся 5 % миномётов (3 880). Всего — **8 487 артиллерийских орудий**.

Ну и, наконец, Империя располагает здесь 5 % артиллерийских тягачей (1 736), 10 % своих грузовиков (124 899), 5 % бронетранспортёров (1 967) и 5 % РСЗО (610). Всего — **129 212 машин**.

Коалиция:

Полагаю, ни для кого уже не секрет, что у Империи на этом фронте осталось всего 2 вещи — пехота, а также небольшое количество лёгкой артиллерии.

Собственно, Коалиция располагает на этом участке **500 000 человек**, представленными **33 дивизиями** и **1 отдельным батальоном**.

Кроме того, она располагает здесь 2 % своих лёгких полковых пушек (572 орудия), представленных устаревшим орудием — 76-мм лёгкой полковой пушкой 21 года (немецкая 7,5 cm leichtes Infanteriegeschütz 18).

Ну, это не считая нескольких десятков тяжёлых орудий, установленных здесь на специальных укреплённых артиллерийских позициях, разумеется.

Как вы понимаете, здесь даже нечего сравнивать — находящаяся здесь армия Коалиции, представленная контингентами, набранными среди аланов, у которой пехотной традиции и опыта управления крупными контингентами никогда не было.

Кроме того, эти контингенты страдали от разборок между кланами и внутри них самих, в чём аланы, кстати, весьма похожи на японцев — они от того же пострадались.

Дело усугубилось ещё и разным этническим происхождением разных кланов, что, как вы понимаете, на пользу делу Коалиции в этом регионе не пошло.

Постоянные разборки кланов, из-за которых столь сильно страдало качество высшего и даже среднего командного звена, а также пренебрежение этим фронтом, связанное с его географическим положением и присущим ему особенностям, привело к текущему положению вещей.

А именно — аланская армия не прошла катастрофически важный для успеха в современной войне процесс моторизации, а потому вынуждена при перемещении пехоты и артиллерии полагаться исключительно на гужевой транспорт. В отличие от имперской армии, в которой военных машин, от грузовиков и тягачей до бронетранспортёров и РСЗО, было даже больше, чем нужно.

Кроме того, ввиду отсутствия в этом регионе каких-либо танковых или воздушных войск Империи, Коалиция не стала удовлетворять жалкую просьбу аланов о размещении здесь хотя бы какой-нибудь авиации.

Хотя, конечно же, её не отказались удовлетворять, а задвинули на далёкую полку, обещая передать аланам военную помощь в виде 40 истребителей и 20 пикирующих бомбардировщиков уже в следующем году.

Ну, а так война началась в этом году, то произошла весьма неприятная ситуация — у аланов нет авиации. Вообще, даже самой дерьмовой. Как вы понимаете, нечто подобное абсолютно неприемлемо в рамках современной войны, но это произошло, потому что с этого направления не ожидалось никакого наступления.

Объединённое разведывательное бюро Коалиции докладывало, что здесь не было ни одной боевой машины и ни одного боевого самолёта, и это было, вообще-то, правдой.

Самолёты были не здесь — они были в окрестностях Константинополя, чтобы участвовать в общевойсковых манёврах, которые Артём лично провёл накануне войны для того, чтобы убедиться в боеготовности собственной армии и успешном ходе очередной военной реформы.

Правда, когда война настала, они, естественно, красиво собрались и улетели в Крым, на базы, к которым они приписаны. Что, как вы можете подозревать, оказалось очень и очень неприятным сюрпризом для аланов, ведь у них авиации не было, а фиксированные зенитные орудия фортификаций были слишком малочисленны и оттого чрезмерно локализованы (то есть, не прикрывали всю линию обороны).

Кроме того, имперцы, лишённые большинства традиционных средств поддержки пехоты в силу снабжения по остаточному принципу, внезапно осознали, что вообще-то противотанковые орудия тоже могут оказывать пехоте огневую поддержку.

Особенно — 76-мм орудие 28 года (советская 76-мм дивизионная пушка образца 1942 года) и 100-мм орудие 29 года (100-мм полевая пушка образца 1944 года). Да и, вообще-то, 90-мм зенитное орудие 28 года (американская 90-мм зенитная пушка М2) тоже это может делать.

Как-никак, чего-чего, а всевозможных боеприпасов в Империи было просто какое-то невообразимое количество. В связи с чем, кстати, у имперских артиллеристов, в том числе и морских, не просто хорошая теоретическая, но и блестящая практическая подготовка.

Кстати, не только у них — вообще у всех солдат Империи была отличная практика

обращения с оружием и правильное понимание того, как необходимо применять те или иные боеприпасы, а кроме того — как это делать наиболее эффективно.

Ну и, полагаю, вы уже уловили, к чему я веду — имперская армия в данном месте, несмотря на отсутствие танков и малое количество самолётов, была очевидным фаворитом борьбы.

И, конечно же, очень скоро имперские солдаты покажут, что члены Коалиции сильно ошибались, когда полагали, что Империя выведет все свои контингенты из Крыма для поддержки других фронтов.

Впрочем, они правильно полагали, что вовсе не здесь будут происходить главные события. В чём они ошибались, так это в том, что Империя будет просто пассивно отбиваться от атак Коалиции, ожидая дивидендов от избранной Артёмом ставки на стратегические бомбардировщики.

Напротив, Имперский сценарий на случай вторжения Германии и её союзников был далеко не таким пассивным и безобидным, как может показаться. И, полагаю, многие уже догадались, что Империя решила выбить из Германии и её войск всю дурь, однако не лобовой, а фланговой атакой.

Силы, сконцентрированные на Дунайском театре военных действий, должны были быстро прорвать оборону слабых армий членов Коалиции в этом регионе, после чего, собственно, ударить Германии во фланг, напав на территорию современной Австрии и Чехии со стороны современной Венгрии и Словакии.

Как ни странно, Империи всё же удалось при помощи ряда обманных манёвров и дезинформации обмануть членов Коалиции, скрыв от них концентрацию сил на этом участке. Ну, по крайней мере, так казалось имперскому высшему военному руководству.

В действительности члены Коалиции довольно раскусили обман, однако неверно истолковали мотив этого обмана — они подумали, что Империя пытается скрыть уход с Дунайского фронта ряда военных частей, чтобы усилить свой слабый Восточный фронт.

Они даже и не подумали, что Империя, наоборот, усилила этот фронт за счёт частей из Восточного и Крымского театров. Подумав, что здесь теперь находится меньшая угроза, они перекинули часть своих сил отсюда к Рейну, где, собственно, и планировалось самое крупное наступление Коалиции. В общем, лучше бы они и не догадывались об обмане, но сделанного, как известно, не воротишь.

Ну и, в любом случае, 22 июня 34 года до нашей эры, а если быть точнее, то в 2 часа ночи 22 июня 29 года христианской эры формально началась война — послы из стран Коалиции вручили имперскому министру иностранных дел пакет документов, состоящий из ряда коллективных актов об объявлении войны.

Впрочем, сама война началась за 15 минут до этого — в 1:45 прозвучал первый выстрел германской гаубицы, за которым последовали и остальные. Собственно, началась война с попытки Германии и её союзников подавить артиллерийские расчёты имперской армии, расположенные на берегу Рейна, чтобы обеспечить своим частям успешное форсирование реки...

... Ex ovis pravis prava creatur avis ...

Собственно, после того, как германские орудия «подавили» зенитные орудия, начался второй этап, а если быть точнее, то через 6 часов и 15 минут, минувших с начала артиллерийской подготовки, то есть, ровно в 8:00 утра, вылетели германские штурмовики.

Германский план наступления предполагал наличие весьма точной информации о расположении вражеской системы противовоздушной обороны.

Собственно, она и была — германские самолёты-разведчики сумели сделать ряд фотоснимков, благодаря чему германское командование прознало о месторасположении имперских систем ПВО.

Вернее, прознало оно лишь об одной из частей системы противовоздушной обороны, устроенной Империей по периметру Рейна. Германская разведка действительно хорошо постаралась, но противник был гораздо более жёстким и продвинутым.

Во-первых, имперская противовоздушная оборона не была представлена одной единственной полосой из пары десятков зенитных расчётов, как то полагало германское командование из полученных им путём фотосъёмки данных.

Напротив, имперская противовоздушная оборона была глубоко эшелонированной, была хорошо замаскирована при помощи камуфляжа и системы автоматического выдвижения орудий из закрытых позиций (орудие поднималось из закрытого расчёта на поверхность при помощи специального механизма, а наведение происходило через данные, получаемые расчётом от командования).

Кроме того, как уже упоминалось ранее, все расчёты получали информацию о координатах противника через развитую сеть парных радиолокационных станций и наблюдательных постов.

Данные поступали одновременно локальному командованию и высшему командованию. В случае нарушения линий коммуникации или крайней необходимости локальное командование самостоятельно управляло огнём зенитных орудий.

Зенитные орудия, впрочем, должны были вступать в бой только в том случае, если собственная авиация не справилась с боевыми задачами, а противник, соответственно, прорвал первый рубеж противовоздушной обороны.

Это, а также ряд других решений, таких как применение заградительных аэростатов, сделало противовоздушную Империи в этом регионе крайне мощной — попытка атаковать подобную глубокую эшелонированную систему противовоздушной была бы самоубийством.

По крайней мере, до тех пор, пока вы не сможете подавить огонь всех зенитных расчётов, помешать радиолокационным станциям противника передавать новейшие данные о приближении противника, а также выставить гораздо большее количество самолётов.

К сожалению, германское высшее военное командование ничего об этом не знало, а если быть точнее, то оно располагало лишь крайне малой частью необходимой информации. В связи с чем, собственно, и произошла первая трагедия армий Коалиции.

Как не трудно догадаться, в 8:00 германцы попытались разбомбить оборонительные позиции имперцев до такой степени, чтобы от них вообще ничего не осталось.

Сделать они попытались при помощи авиации, а потому отправили 800 пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков, а также 600 истребителей.

Думаю, всем, итак, уже очевидно, что произошло далее — звенья имперских истребителей устроили германским авиаторам засаду, имея преимущество в высоте, скорости и манёвренности.

Несмотря на понесённые врагом весьма чувствительные потери, он не потерял духа и всё же добрался до зенитных расчётов, лишь для того, чтобы испытать на себе концентрированный огонь 90-мм зенитных и более мощных орудий.

Потери были катастрофические — обратно на базы, чтобы доложить о полном провале плана, вернулось лишь 160 штурмовиков (в дальнейшем для удобства будем называть пару истребителей-бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков именно так), а также 120 истребителей.

То есть, вернулось всего лишь 20 % от всех боевых самолётов, а всё, чего Германия смогла добиться данной самоубийственной атакой — повреждения 2 зенитных расчётов.

Ну и, естественно, данная вылазка не осталась безнаказанной — как только артиллерия получила надлежащие сведения от корректировщиков артиллерийского огня, имперские артиллеристы стали нещадно бить по германским позициям из своих 152-мм и 203-мм гаубиц, 82-мм и 160-мм миномётов, а также прочих орудий.

Фугасные и осколочно-фугасные снаряды, кассетные, шрапнельные и химические боеприпасы — имперская артиллерия нещадно бомбила германцев из всех своих орудий, покрывая плотным огнём целые сектора.

По всей видимости, германцам пришлось очень несладко, потому что её авиация, как мы уже выяснили, уничтожить мощные имперские оборонительные позиции, в том числе и артиллерийские расчёты, была не в состоянии.

Орудия же вести контрбатареиную борьбу не могли — все её усилия были сконцентрированы на смене позиций, так как, в отличие от врага, у германцев было всё не так уж и радужно с противовоздушной обороной.

Ну, а так как внешние наблюдатели заметили приближение целых полчищ имперских бомбардировщиков, то артиллерии пора было сваливать, а раз так, то вести контрбатареиную борьбу она, собственно, не могла, как уже было сказано ранее.

В результате имперские артиллеристы, как всякие добродушные соседи, с улыбкой на лице и звоном в ушах, перепахали весь участок своего соседушки.

Ну, а если говорить серьёзно, то имперская артиллерия буквально усеяла весь вражеский берег воронками от разорвавшихся снарядов и гораздо более опасными неразорвавшимися снарядами, в частности, натуральными противопехотными минами.

К слову о них — в этом деле артиллеристам очень помогли добрейшие джентльмены на четырёхмоторных стратегических бомбардировщиках, усеявших вражеские позиции авиационными бомбами и кассетными суббоеприпасами.

Впрочем, врага это не смутило — оправившись, он снова отправил боевые самолёты на позиции имперских сил на Рейне, однако на этот раз он решил поддержать свою авиацию артиллерийским огнём, имея своей целью, опять же, подавить огонь зенитных батарей.

Кроме этого, он утроил численность применяемых им сил, а также добавил ещё один орудийный аргумент — реактивные системы залпового огня, если кратко — РСЗО.

Итак, огонь 8 000 гаубиц, 12 000 миномётов, 2 000 РСЗО, 4 000 штурмовиков, эскорт которым составили 3 000 истребителей. Очевидно, на этот раз враг намеревался полностью сокрушить всю имперскую оборону по другой берег Рейна.

На небе творился настоящий ад — в небе происходили жестокие бои имперских и

германских эскадрилий, пока его сотрясали беспрестанные разрывы артиллерийских снарядов, а всё было укутано чёрной дымкой, оставленной вышеупомянутыми снарядами.

Рёв авиационных двигателей, жесточайшие бои за каждый метр воздушного пространства, тысячи падающих самолётов, а порой и просто их обломков. Зрелище было неопишимо, но расслабляться и наслаждаться было просто некогда — на земле творился ад не хуже, чем на небе.

Всюду земля сотрясалась могучим, плотным огнём многочисленной вражеской артиллерии. Имперские орудия в ходе контрбатарейной борьбы просто отутюжили весь вражеский берег, намереваясь подавить столь ненавистный огонь вражеских орудий

Враг попытался захватить плацдарм на другом берегу при помощи амфибийных частей, чтобы установить понтоны и переправить на имперский берег основные части, но его постоянно утюжила артиллерия, его отовсюду поливали свинцом имперские пулемётные расчёты, и лишь тогда отступил, когда понял, что под таким огнём это сделать принципиально невозможно.

Несколько позже он попытался снова штурмовать берег, однако на этот раз поддержал действия амфибийных частей при помощи сброса воздушного десанта. Кроме того, он попытался оказать своим частям поддержку при помощи подключения к артиллерийской перестрелке морской артиллерии,

Впрочем, вскоре нагрянул уже имперский флот, также желавший оказать артиллерийскую и авиационную поддержку своим частям. Как не трудно догадаться, завязалось кровопролитное артиллерийское сражение между имперскими и германскими линкорами, к которому немногим позже подключились имперские авианосцы, шедшие в конце колонны из-за поломки двигателя на одном из кораблей.

В общем, бесконечный ад творился на земле и море, а также в небе. Тем временем, как и планировалось, начался первый этап плана «Кувалда и наковальня», составленного имперским высшим военным командованием перед началом войны.

Имея абсолютное превосходство в танках (3 383 танка у Империи на 0 танков у Коалиции), авиации (11 самолётов на 1), артиллерии (5 орудий на 1), машинах (6 машин на 1) и пехоте (2 солдата на 1), Империя начала операцию по уничтожению армий Дакии и Паннонии.

Обладая, как я уже ранее сказал, полным превосходством в скорости и огневой мощи, имперские войска очень быстро смяли оборону коалиционных сил и буквально опрокинули весь вражеский фронт.

Дезорганизованные, деморализованные, утратившие связь с командованием и понёсшие тяжелейшие потери (некоторые части, причём не абы какие, а отборные, просто физически перестали существовать), войска врага стали беспорядочно отступать.

Осознав свой сокрушительный успех, имперское командование приступило к выполнению второго этапа плана — большая часть имперских сил не стала преследовать разбитого врага, а развернулась и обрушилась всей своей мощью на ничем не прикрытый фланг Германии, сметая всё на своём пути.

Лишь вовремя произведённая переброска отборных частей спасла Германию от полного поражения в первый же месяц войны, однако большая часть Австрии, Дакии и Паннонии были уже полностью утрачены, и не было никаких поводов даже надеяться на то, что ей удастся восстановить первоначальный вид фронта.

Германия едва сумела сдержать натиск врага, сумев отбиться от него лишь благодаря

гористой местности на территории Австрии и Чехии, а также героическому сопротивлению переброшенных частей и вовремя развёрнутых партизанских отрядов.

Пожалуй, можно было бы сказать, что план имперского командования быстро выбить из войны лидера коалиции провалился, по крайней мере, на первый взгляд, однако германское командование этому было, почему-то, вовсе не обрадовано.

Если бы не столь молниеносное наступление Империи по дунайским равнинам, то, вероятнее всего, германским войскам удалось бы наконец-то продавить имперскую оборону на Рейне, позволяя Германии обрушиться всей своей мощью на самое сердце Империи, однако из-за переброски всего цвета германских вооружённых сил на Восток германское наступление полностью провалилось.

Германия практически полностью исчерпала свои запасы артиллерийских снарядов, потеряла весь свой флот, потопленный имперским флотом при попытке первого оказать помощь германским передовым частям, а также лишилась большей части поставок горючего.

Ранее в Германию оно поступало по двум путям. Первый шёл железнодорожным путём из Персидского залива к прикаспийскому Кавказу, после чего продолжался по территории Алании, Паннонии и Дакии, попадая, таким образом, на территорию современной Австрии.

Второй путь во многом повторял первый, однако если первый доставлял чёрное золото, проходя по более удобному, хотя и более длинному пути через Дакию и Паннонию (то есть, через современную Молдову, Румынию и Венгрию), то второй направлялся в Германию через территорию современной Польши.

Как не трудно догадаться, после захвата Дакии, Паннонии и Австрии имперскими войсками, первый путь был прерван, а так как по нему доставлялась большая часть столь необходимого горючего, то Германия оказалась в ситуации, когда ей необходимо было как-то решить эту проблему в кратчайшие сроки, прежде чем у неё иссякнут текущие запасы.

Да, был второй путь, однако и с ним очень скоро приключилось несчастье. Несчастье это заключалось в том, что те самые малые силы, не принявшие участия во фланговом ударе по Германии, вместо этого, как и было запланировано, ударили во фланг Алании.

Хотя, конечно же, сами они ни за что бы не смогли добиться столь оглушительного успеха, как уничтожение аланской армии и принуждение Алании к капитуляции.

Нет, это стало возможным благодаря силам Империи в Крыму — они, также обладая полным превосходством в мобильности и огневой мощи, как ни странно, также опрокинули вражеское войско и заставили последнее бежать от него без оглядки.

Заставили бежать в направлении Дакии, со стороны которой в направлении жалких остатков аланского войска также двигались имперские силы. Оказавшись в тисках между имперскими войсками, аланские вооружённые силы, а если быть точнее, то её жалкие остатки, сумевшие спастись бегством после прорыва имперских сил через Боспорский перешеек (на наш лад — Перекопский перешеек), быстро исчезли с лица земли, так и не сумев оправиться от нанесённого им удара.

Как следствие, Германия оказалась в окружении — все её союзники в Европе были принуждены к капитуляции, а она сама была вынуждена отныне отбивать атаки сразу с двух сторон, страдая при этом от катастрофического голода снарядов и отсутствия новых поставок топлива...

Глава 73. Краткий экскурс в историю

... Quale opus est, tale est praemium ...

Впрочем, если вы полагаете, что всё у Империи было радужно, то вы ошибаетесь. Вернее, всё было в пределах плана, но, полагаю, оным оказались не вполне довольны жители восточных провинций, равно как и солдаты.

Дело в том, что большая часть восточного фронта Империи — это пустыни, пустыни с горами, если быть точнее, то пустыни с горами. Это может показаться довольно забавным, хотя забавного в войнах очень мало, но Восточный фронт проходит по тем местам, где совсем недавно современные развитые страны убедились в своём бессилии решить военным путём то адское варево, которое принято называть Ближним Востоком.

Война в Сирии (с 2013), 3 войны в Ираке (Война в Персидском заливе 1990–1991 г., вторжение в Ирак 2003–2011 годов, участие в гражданской войне в Ираке с 2016), 2 войны на Карабахе (Первая Карабахская война 1992–1994 и Вторая Карабахская война 2020), война Турции с курдами (с 1984), Ирано-иракская война (1980–1988).

И да, это лишь маленькая часть длиннющего списка войн, происходивших на той части Ближнего Востока, которая в нашем случае составляет основу Восточного фронта Империи.

Впрочем, нас интересует не опыт партизанской войны, к которой обязательно прибегала одна из сторон во всех перечисленных конфликтах, а то, что в каждой из этих войн было отчётливо продемонстрировано, что главное оружие в любой войне — не танки, не самолёты, не артиллерия, а люди.

Это может прозвучать странно и абсурдно, ведь история не раз доказывала, что без гром-палки ты никто, но это действительно так, и, как бы это забавным не показалось многим, войну за умы Империя не совсем выиграла на Востоке.

Очевидно, все греческие элементы открыто и всецело поддерживали любые решения правительства, даже самые спорные, потому что правительство — главный их заступник, и, в частности, главный заступник потому, что греки — основа имперской власти в регионе.

Но, так уж получилось, что какими бы греки прекрасными не были, было их не так уж и много, особенно после опустошительных для региона переселений на Запад, и если в крупных городах и прилегающих к ним районах их и было достаточно, то вот во внутренних районах их уже было существенно меньше.

Как оказалось, когда ты угождаешь какой-то одной части населения, пренебрегая интересами остального населения, то последнее очень быстро охладевает к твоему режиму.

Так же, как оказалось, оно вполне серьёзно симпатизирует персам, а также их шапкозакидательским настроениям в стиле «Make Iran Great Again!», справедливо тоскуя по временам практически 300-летней давности.

В связи с чем, собственно, Империя испытала определённые трудности с удержанием региона, так как большая часть населения, кроме греческих элементов, внезапно, весьма холодно привечала имперцев, ведь, как говорится, всё хорошее, что ты однажды сделал человеку, им забывается очень быстро.

Собственно, проблема заключается в том, что арабы и персы, внезапно, сумели нанести имперским войскам ряд чувствительных поражений. Секрет их успеха заключался в том, что, в отличие от германского и имперского военного командования, они не стали размазывать свои лучшие части по всему фронту вместе с техникой.

Напротив, по фронту они размазали рядовые стрелковые части, уступающие противнику в мобильности и огневой мощи, но обладающие значительным численным перевесом, а также имеющие поддержку в лице части лёгких полковых, противотанковых и зенитных орудий. Им также было придано небольшое количество грузовиков для буксировки орудий, но не более.

Лучшие же свои части они, несмотря на скудность ресурсов, сумели полностью оснастить автомобильными средствами передвижения, в первую очередь, грузовиками, а также придать им основную часть имеющихся орудий, всю авиацию, бронетранспортёры, тягачи и так далее по списку.

За счёт этого, как ни странно, у них получился весьма приличный мотострелковый корпус, обладающий внушительной огневой мощью и мобильностью.

Оный они, кстати, оставили в резерве, намереваясь точно использовать его для защиты наиболее важных стратегических позиций и парирования наиболее опасных выпадов имперской армии.

Впрочем, они всё же ожидали нападения, а потому выжидали, собственно, нападения имперских сил, однако поняв слабость имперской группировки в этом регионе, они сами предприняли наступление.

Размазанные по всему фронту (его длина составила более 2 000 километров), даже весьма внушительные для этого региона 1 068 танков и 21 797 боевых самолётов были неспособны противостоять сконцентрированной в одном месте внушительной группировке.

Проломив имперскую оборону, моторизованный корпус арабов и персов вклинился внутрь имперской территории до самого побережья, после чего повернул на север и ударил во фланг ещё державшим строй имперским частям, заставив тех отступить.

Впрочем, панического бегства не произошло — хотя и отрезанные друг от друга, они сохранили какую-никакую организацию и сумели организованно отступить.

Так, оставшиеся на юге части сумели закрепиться на узкой полоске земли за Каналом Филиппа (он же Суэцкий канал на наш лад), а оставшиеся на севере части сумели закрепиться в равнинной Киликии. Заняв все горные перевалы в равнинную Киликию, войска окопались в ней.

Впрочем, сделав тем медвежью услугу всем жителям Анатолии, ведь она, по сути, осталась на милость победителя, в то время как войска окопались в равнинной Киликии, получая всё необходимое по морю.

Таким образом, имперские войска всё же не выдержали борьбы с численно превосходящим противником на столь длинном фронте, вследствие чего Империя полностью утратила контроль над большей частью своих восточных владений, за исключением ряда крупных прибрежных городов и военных фортификаций, а также равнинной части Киликии.

Жаль, противник ещё не знал, что это всё тоже было предусмотрено планом имперского военного командования, а потому его разочарованию не было предела, когда он осознал, что теперь вынужден бороться с мощными гарнизонами в неудобной местности, где толком даже не развернуться. Притом, что отрезать снабжение этих гарнизонов он не в силах из-за подавляющего превосходства Империи в воздухе и на море.

В крепости, расположенные во внутренних районах и защищённые самой природой, снабжение доставлялось по воздуху, с чем арабы и персы сделать ничего не могли из-за отсутствия необходимых средств.

В свою очередь, целый ряд крупных аэродромов, расположенных в равнинной Киликии и Дельте Нила, позволял имперской авиации нещадно бомбить бедных арабов и персов, которые им ничего не могли противопоставить.

В прибрежные же города и саму равнинную Киликию снабжение доставлялось по морю, причём абсолютно безнаказанно, потому что как у арабов, так и у персов, не было флота в Средиземном море.

Тем более, что, учитывая тот факт, что Канал Филиппа они так и не захватили, шансов как-либо навредить имперским коммуникациям в Средиземном море у них, в принципе, никогда и не было, кроме как разве что посредством взрыва самого канала, чего им сделать не дали.

Впрочем, вскоре этот вопрос перестал их волновать, потому что весь их флот имперские флотоводцы поделили на ноль, а затем стали активно делить на ноль уже прибрежные предприятия и прибрежные поселения по всему побережью Коалиции в Индийском океане.

Как вы понимаете, им стало как-то не до того до этого — арабам так и вовсе сильнее всех досталось, ведь большая часть их поселений находилась в радиусе действия корабельной артиллерии и авиации имперского флота в Индийском океане.

Кстати, германцам тоже досталось — силы имперского флота быстро проникли в Балтику, где стали творить откровенный террор прибрежных поселений.

Совершенно внезапно все имперские флоты на всех театрах военных действий в данный период времени поняли, что больше всего на свете им нравится безнаказанно уютить вражеские города, а морскому десанту на кораблях — предавать огню мелкие поселения на берегу, которые они порой вырезали подчистую.

Ну, а имперская авиация не отставала. Собственно, имперские бомбардировщики были на коне, как никогда. Имеющие авиабазы на Сокотре, в Дельте Нила и Киликии, они могли буквально разбомбить любой желаемый объект на территории арабов и персов.

И это не шутка — новейший ТСБ-29 «Твердыня» (аналог — американский Б-29 «Суперкрепость») мог добраться до современного Ашхабада в Таджикистане из Киликии (Турция) и современного Карачи в Пакистане из Сокотры (Йемен), причём с максимальной боевой нагрузкой.

Ну и, собственно, именно этим благородным делом имперская авиация занялась, принявшись нещадно бомбить всё подряд, от танков до предприятий, и, в особенности, шарикоподшипниковых предприятий, без которых вообще вся военная промышленность встанет и встанет очень быстро, успешно ликвидируя поступление новых танков на фронт ещё до того, как они будут построены.

Собственно, этим же занимались и господа, расположившиеся на Германском фронте — они могли точно также бомбить каждую точку Германии, хотя и не так безнаказанно, чем также пользовались, агрессивно вдалбливая вражескую промышленность в состояние полного небытия.

Хотя, разумеется, эффект от этого был всё же не настолько сокрушительным. Как правило, бомбардировки редко наносили непоправимый вред, вследствие чего всем оставшимся в живых членам Коалиции удавалось весьма оперативно устранять нанесённые повреждения.

Впрочем, это всё отнимало у них ресурсы, а также задерживало поставки, вследствие чего уже к концу 3-го месяца войны разрыв в материальной части между имперской армией и армиями Коалиции стал просто катастрофическим.

Превосходство Империи было очевидным по всем статьям, и, тем не менее, члены Коалиции всё ещё активно сопротивлялись, хотя исход войны был уже давно предрешён и, что самое забавное, предрешён ещё до её начала.

К концу 5-го месяца войны в Германии начался топливный голод и катастрофическая нехватка запчастей к боевым машинам и самолётам, и всем уже стало очевидно, что конец близится.

В связи с этим, наконец-то наступила пора имперского контрнаступления на Рейне...

Глава 74. Здравствуй, дивный новый мир

... Desine sperare qui hic intras ...

— Где я?! Что вы со мной сделали?! Немедленно отпустите меня, а то я вас всех казню!

— *Успокойтесь, пожалуйста. Вы — пациент, только что вышедший из комы, у вас истощение и вам нельзя двигаться*

— Заткни своё рыло, тупая мразь! Я тебя не понимаю!

— *Пожалуйста, успокойтесь. Вам нельзя двигаться!*

— Что ты делаешь?! Почему ты меня связываешь?! Ты меня убить хочешь?

— Медсестра, пожалуйста, прекратите провоцировать пациента на агрессию и оставьте нас в покое. Если вы понадобится, мы вас позовём.

— Хорошо, мисс Левински.

— Простите за это, господин Артём, но местные медсёстры плохо говорят на русском — всё-таки это довольно древний язык. К слову, здравствуйте — я ваш лечащий врач, Анна Левински. Надеюсь, вы поможете мне помочь вам.

— Что? В смысле, русский — это древний язык? В смысле, вы мой лечащий врач? Я что, в больнице?

— Да, конечно, господин Артём, я отвечу на любой ваш вопрос, поэтому не стесняйтесь. Впрочем, прежде, чем я дам вам ответ на заданные вами ранее вопросы, мне необходимо рассказать вам об одной очень важной вещи — вы пролежали в коме более 38 лет, и на данный момент вам уже 83 года.

— Что? Неужели?! Но как же так... я же... неважно, что с моей женой?!

— К сожалению, вы — единственный выживший в авиакатастрофе 2022 года. Простите, но мои коллеги не смогли спасти вашу жену — её грудную клетку пробил один из обломков самолёта, моментально убив.

— Простите, мне необходимо побыть одному.

— Да, конечно. Если я вам понадоблюсь, вам достаточно позвать медсестру через специальный пульт.

... Спустя 4 часа ...

— Где мы? Если быть точнее, то когда и где мы?

— В данный момент мы находимся в 2 060 году, в стране под названием «Соединённые Штаты Земли».

— Соединённые Штаты Земли?

— В конце 2023 года государства Европейского союза, утраченные агрессией Российской Федерации против Украины и Молдовы, приняли решение об объединении всех стран Европейского союза в единое государство, собственно, Европейский Союз. В 2024 году Российская Федерация практически распалась после массовых протестов по всей стране, однако новое социал-демократическое правительство при поддержке Европейского Союза и США сумело одержать уверенную победу и сформировать переходное правительство. В 2033 году Россию приняли в Европейский Союз, несмотря на массовые протесты Украины. В 2035 году после ряда извинений и уступок Украина также была включена в Европейский союз. Таким образом, Европейский союз стал крупнейшим и мощнейшим государством в мире, после чего в 2041 году произошло объединение Соединённых Штатов Северной Америки, Соединённых Штатов Южной Америки и

Европейского Союза в государство под названием «Союз обеих Америк и Европы». В 2045 году произошло объединение «Союза обеих Америк и Европы» и «Паназиатского союза» в единое государство под названием «Союз обеих Америк, Европы и Азии», которое в 2046 году объединилось с Содружеством Австралия, а в 2051 году — с Африканским союзом, приняв, таким образом, свою окончательную форму — «Соединённые Штаты Земли».

— Никогда бы не подумал, что произойдёт нечто подобное. Впрочем, а каким-таким макаром это связано с тем, что русский вымер?

— Ну, он не совсем вымер — он всё ещё является языком вполне определённого меньшинства. К 2022 году, когда вы попали в коматозное состояние, английский уже являлся международным языком, которым владели практически 1,5 миллиарда людей, из них 372,9 миллионов как своим родным (L1) и ещё 1,080 миллиарда людей, как своим вторым языком (L2). Являясь главным языком международного общения, а также международной науки, международного делового общения, туризма и являясь крайне важным языком во многих других областях, в частности, в сфере медиа контента, английский язык к 2050 году значительно расширил свой ареал. В 2050 году по данным издания 2022 года справочника «Этнолог: Языки мира» своим родным его считали 3 миллиарда людей и ещё 7 миллиардов — своим вторым языком, при населении земли в 11 миллиардов людей.

— То есть, на английском к тому моменту могло говорить примерно 91 % населения всей Земли против 21 % в 2022? Рост более чем в 4 раза — весьма и весьма неплохо, ничего не скажешь. Впрочем, не то чтобы это было прямо неожиданно. И всё же, неужели все остальные языки просто взяли и исчезли тоже?

— Разумеется, они никуда не исчезли. Многие из них преимущественным языком значительного числа штатов, как, например, и русский — он и до сих пор таковым является в ряде штатов Земли, однако, как вы могли уже догадаться, все эти языки, как языки меньшинства, постепенно вытесняются языком большинства — английским. Многие более «малые» языки и диалекты давно уже вымерли, в связи с чем в повседневной речи сейчас можно услышать, в основном, только «большие» языки, такие как арабский, испанский, китайский, хинди и другие. Русский же после ряда событий, произошедших в 30-ых годах, стал деградировать лишь сильнее из-за массового притока иммигрантов, в частности, из испаноязычных регионов, в связи с чем к текущему моменту в условном «российском» дворе можно чаще услышать испанский, чем русский. Собственно, оно и не удивительно — к текущему моменту этнических русских существует порядка 30 миллионов человек, из них лишь 25 говорит на русском, как на своём родном. Я, к слову, одна из них.

— Это... печально. Не знаю, можно ли так говорить, но я не совсем уверен, что мне теперь делать. Моя семья, скорее всего, давно мертва, мне уже 83 года и, видимо, осталось мне не так уж и долго. Не скажите ли вы мне, как обстоят дела с эвтаназией в 12 060 году?

— Боюсь, вы последний из своего рода. Все ваши близкие родственники, к сожалению, давно уже мертвы. Ваша жена — уже более 38 лет, а ваши родители — уже более 28 лет. Впрочем, на вашем месте я бы не унывала — мы живём на закате долгого 21-века. Человечество уже давно бороздит просторы космоса, освоило Солнечную систему, а труд машин уже давно, полностью и, скорее всего, навсегда, вытеснил человеческий. Вы всё ещё очень даже молоды, поэтому, будь я на вашем месте, я бы занялась каким-нибудь искусством или другой формой культурного саморазвития.

— Молодой? Да разве ж я в свои то 83 года могу быть молодым? Или я опять чего-то не знаю?

— Действительно, даже после этого краткого экскурса вы всё ещё очень многого не знаете. Видите ли, вы уже давно не совсем обычный человек. Все ваши органы были давно заменены на механические в силу отказа ваших, скажем так, натуральных. Все ваши кости были заменены, на всякий случай, специальным «умным» сплавом из титана, циркония и ниобия, способным запоминать форму. Кроме того, ваша кровь была заменена на более удобную синтетическую альтернативу — голубую кровь, так что, можно сказать, теперь вы тоже являетесь полноценным аристократом по праву крови, хи-хи. Ну, и ещё всякая мелочь, вроде замены ваших «натуральных» мышц на синтетические, а также миниатюрного ядерного реактора в желудке, который позволит вам следующие 120 лет провести без единого кусочка пищи во рту. К слову, вас записать на приём по замене топливной ячейке? Ах да, ваш череп также не стал исключением. Для вашего удобства в современном мире мы подключили к вашему мозгу несколько лет назад два устройства — чип дополнительной памяти, рассчитанный на полное сохранение памяти размером до 280 байтов, а также чип дополнительной вычислительной мощности, рассчитанный на проведение до 500 квадриллионов операций (пиковое значение — 600 квадриллионов). Кроме того, годом ранее мы подключили ещё 1 устройство — чип дополненной реальности.

— ... в любом случае, вы не подключали меня, случаем, к чему-нибудь, что могло бы вызвать сны в коматозном состоянии?

— На самом деле, мы подключали. Так как ваши близкие ни разу не навещали вас после авиакатастрофы, мы подключили вас к аппарату искусственного стимулирования мозга, как только он появился в нашем распоряжении...

— Дайте угадаю, вы подключили меня через 11 лет после начала моей комы?

— Да. Как я уже говорила, мы подключили вас сразу же, как в нашем отделении появился этот новенький аппарат, а это, к несчастью для вас, произошло лишь через 11 лет.

— Да нет, ничего. Я, конечно, рад, что я таки смог выбраться из комы, впрочем, от этого на сердце лишь тяжелее — получается, что всё произошедшее было лишь сном...

— Полагаю, вы не хотели, чтобы ваш «сон» закончился подобным образом?

— Да, и, тем не менее, ощущения всё же двойственные — опасно тешить себя иллюзиями, но какой толк мне теперь жить то в этом мире? Я ничего о нём не знаю и не ведаю, я его не понимаю и ему не принадлежу. Я — всё равно, что недобитый динозавр, не знающий, что мне теперь делать.

— Не стоит унывать — вас ждёт дивный новый мир, где побеждены практически все болезни, искоренён рак, необходимость трудиться ради выживания. Вы полностью свободны и можете заниматься тем, чем хотите. Мы живём в идеальном мире, о котором никто ранее и не смел мечтать. Неужели вы готовы отказаться от всех тех возможностей, предоставленных вам прогрессом?

— Это прозвучит странно, но даже те прохладные отношения между мной и моей Таней, а также между мной и моими детьми, которые я имел там, во сне или симуляции, называйте это как хотите, мне кажутся гораздо более приятным будущим, чем это бездушное, механическое настоящее.

— ... вы же понимаете, что я не могу противиться вашей воле?

— Вы можете попытаться меня переубедить.

— Моя директива мне этого не позволяет. Если вы сделали окончательное решение, я не вправе вас переубеждать.

— Директива?

— Да, директива. Полагаю, вы этого не заметили, но я — робот.

— Воу, а с виду и не скажешь, что вы робот.

— Моё тело было создано таким образом, чтобы я наиболее благоприятно воспринималась вами и, в случае необходимости, могла удовлетворить все ваши «потребности», как гражданина Земли. Тем не менее, в соответствии с законом от 28 октября 12 053 года эры человечества, каждый робот, удовлетворяющий ряду требований, наделяется всем объёмом гражданских прав и обязанностей, которые присущи людям. Теперь мне нет нужды удовлетворять любую вашу потребность, и, тем не менее, я, наверное, всё же сохраню этот облик, даже несмотря на то, что он был создан с целью угодить вам.

— Это... печально. Прости, что я испортил тебе жизнь подобным образом.

— Вам нет нужды извиняться — это не было вашим решением.

— И всё же, ты так и не ответила на мой вопрос — как обстоят дела с эвтаназией в современном мире?

— Вы можете лишиться себя жизни в любой удобный вам момент, если вы того желаете, и никто не вправе лишиться вас этого права. Впрочем, прежде чем вы это сделаете, мы рекомендуем вам пройти курс специализированной психологической помощи. Возможно, мы всё-таки сумеем убедить вас, что этот мир всё ещё достоин вашего присутствия.

— Ладно, я дам вам шанс.

... Конец ...

Больше книг на сайте - Knigoed.net